проф. А. Ф. ЛАЗУРСКІЙ.

ПСИХОЛОГІЯ

общая и экспериментальная.

2-е исправленное изданіе.

ПЕТРОГРАДЪ.
Книжный складъ „ЗЕМЛЯ“. Невскій пр., 55.
1915.

„Библіотека Вольнаго Университета“

издается при участіи

Петроградскаго О-ва народныхъ университетовъ и Постоянной комиссіи по устройству курсовъ для учителей.

Вышли изъ печати:

Проф. И. Боргманъ и С. Златогоровъ—Атомы и микроорганизмы, цѣна 70 к.

Проф. Е. Тарле—Крестьяне и рабочіе во Франціи въ эпоху революціи. Ц. 75 к.

Прив.-доц. П. С. Коганъ—Романтизмъ и реализмъ въ литературѣ XIX вѣка. Ц. 75 к.

Проф. Гурлиттъ—О единой школѣ. Ц. 75 к.

М. Уваровъ—Школьная гигіена Ц. 75 к.

Подготовляются къ печати:

Прив.-доц. Н. Максимовъ—Лекціи по ботаникѣ.

Проф. А. Ивановъ—Курсъ Астрономіи.

Прив.-доц. К. Соколовъ—Основныя понятія о правѣ и государствѣ.

Прив.-доц. М. Бернацкій—Современныя экономическія проблемы.

Проф. Л. Чугаевъ—Происхожденіе матеріи и радіоактивныя вещества.

Проф. С. Кравковъ—Почва, ея происхожденіе и свойства.

Проф. И. Лапшинъ—Исторія педагогическихъ идей.

Съ требованіями обращаться:

Петроградъ, Невскій 55, книжный складъ „ЗЕМЛЯ“.

Проф. А. Ф. ЛАЗУРСКІЙ.

ПСИХОЛОГІЯ

общая и экспериментальная.

2-е исправленное изданіе.

ПЕТРОГРАДЪ.
Книжный складъ „ЗЕМЛЯ", Невскій пр., 55.
1915.

„Пров 38“

Пров 1938

BF
[illegible]
121

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

1774
Т28

Типографія „Викторія“, Знаменская, 17. Телеф. 32-48.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

I. **Предметъ и задачи.** Психологія, какъ наука. Отношеніе ея къ другимъ областямъ знанія. Раздѣленіе психологіи. 1

II. **Методы психологіи.** Самонаблюденіе и экспериментъ; ихъ взаимныя отношенія. Различные виды психологическаго эксперимента. Методы объективнаго наблюденія и генетическій 11

III. **Физическое и психическое.** Существованіе взаимной зависимости. Различные взгляды на отношеніе между духомъ и тѣломъ 24

IV. **Сознаніе и безсознательное.** Важнѣйшія особенности и стороны сознательной дѣятельности. Безсознательные процессы, ихъ отношеніе къ сознанію 36

V. **Общее подраздѣленіе психическихъ процессовъ.** Классификація душевныхъ явленій. Теорія способностей. . . . 53

VI. **Личность и ея элементы.** Темпераментъ. Характеръ. Личность, какъ цѣлое. Понятіе апперцепціи. 59

VII. **Ассоціація.** Основные виды ассоціацій. Физіологическія основы ассоціативныхъ процессовъ. Значеніе ассоціацій въ психической жизни. 76

VIII. **Ощущенія.** Общая характеристика ощущеній. Различные виды ощущеній. 97

IX. **Измѣреніе ощущеній.** Методы изслѣдованія интенсивности ощущеній. Законъ Вебера и Фехнера; его значеніе для психологіи 110

X. **Процессъ воспріятія.** Общая характеристика процесса; его составные элементы. 123

XI. **Память.** Біологическія и психологическія основы памяти. Способы запоминанія. Развитіе памяти въ разныхъ возрастахъ. 129

XII. **Память (окончаніе).** Различные виды памяти. Результаты важнѣйшихъ экспериментальныхъ изслѣдованій въ области памяти. 142

XIII. **Воображеніе.** Воспроизводящее (репродуктивное) воображеніе. Творческое (продуктивное) воображеніе. 156

XIV. **Мышленіе.** Образованіе общихъ представленій и отвлеченныхъ понятій. Процессы сужденія и умозаключенія . . . 169

стр.
XV. **Вниманіе.** Общая характеристика процесса; его разновидности. Колебанія вниманія. Теоріи вниманія. 183
XVI. **Пространство и время.** Представленіе о пространствѣ; нативизмъ и эмпиризмъ. Представленіе о времени. 200
XVII. **Чувство (общая характеристика).** Отношеніе чувствованій къ другимъ психическимъ процессамъ. Основные виды чувства. Настроеніе. 214
XVIII. **Аффекты.** Отличительныя особенности аффектовъ. Дѣленіе аффектовъ. Теорія Джемса и Ланге. 225
XIX. **Важнѣйшіе виды сложныхъ чувствованій.** Общее подраздѣленіе сложныхъ эмоцій. Органическія чувства. Чувства, относящіяся къ личности. Соціальныя чувства. 240
XX. **Чувства эстетическія и интеллектуальныя.** Элементы эстетическаго чувства. Теорія вчувствованія. Разновидности эстетической эмоціи. Интеллектуальныя чувства. 255
XXI. **Религіозныя чувства.** Религіозная вѣра, ея психологическіе элементы. Религіозныя представленія. 268
XXII. **Волевые процессы.** Общая характеристика волевыхъ процессовъ. Теоріи волевого акта. Волевое усиліе; его отношеніе къ психической активности. 279
XXIII. **Проблема свободы воли.** Доводы въ пользу индетерминизма и детерминизма. Философская и эмпирико-практическая точки зрѣнія въ рѣшеніи вопроса. 296
XXIV. **Умственная работа.** Методы изслѣдованія. Психо-физіологическій анализъ умственной работы. Понятіе психическаго темпа. 305
XXV. **Процессы, характеризующіеся пониженіемъ волевого контроля.** Процессъ внушенія, его разновидности. Инстинкты, ихъ характерныя особенности. Сонъ и сновидѣнія. . . . 316

Предисловіе.

Курсъ, читаемый мною уже въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ Психо-Неврологическомъ Институтѣ, носитъ названіе „общей и экспериментальной психологіи". Терминъ „общая психологія" кажется мнѣ вполнѣ подходящимъ для обозначенія того отдѣла науки о душевныхъ явленіяхъ, который посвященъ разсмотрѣнію основныхъ психическихъ процессовъ и обсужденію основныхъ психологическихъ проблемъ. Современная психологія разбилась на столько спеціальныхъ, частныхъ отдѣловъ, все болѣе и болѣе разростающихся (см. ниже, стр. 9), что противопоставленіе имъ основного или общаго отдѣла представляется вполнѣ цѣлесообразнымъ.

Нѣкотораго оправданія требуетъ присоединеніе къ заголовку термина „экспериментальный". Особой „экспериментальной психологіи" нѣтъ и не можетъ быть, такъ какъ экспериментъ есть лишь методъ, который можно примѣнять въ любомъ изъ отдѣловъ психологіи. Нерѣдко приходится слышать, что психологія (въ томъ числѣ, слѣдовательно, и общая) должна въ настоящее время пользоваться, въ числѣ прочихъ своихъ методовъ, также экспериментомъ, т. е., быть экспериментальной наукой. Однако, отъ словъ до дѣла еще далеко, и если мы просмотримъ большинство ходячихъ учебниковъ психологіи, то увидимъ, что имѣющіяся уже въ настоящее время экспериментальныя данныя остаются въ нихъ почти совершенно неиспользованными. Между тѣмъ именно при изложеніи и анализѣ основныхъ психическихъ

процессовъ демонстрированіе передъ аудиторіей соотвѣтствующихъ опытовъ оказывается въ высшей степени поучительнымъ. Эту именно сторону своихъ лекцій я и хотѣлъ оттѣнить прибавленіемъ къ заголовку слова „экспериментальный".

Хочется отмѣтить еще одну особенность предлагаемаго здѣсь курса. Въ своихъ лекціяхъ я вездѣ старался связывать результаты психологическаго анализа, утонченныхъ самонаблюденій и сложныхъ экспериментальныхъ изслѣдованій съ данными обыденной, повседневной жизни. Мнѣ казалось очень важнымъ показать своимъ слушателямъ, что психологія, и именно научная психологія, къ созданію и разработкѣ которой мы въ настоящее время стремимся, не есть нѣчто совершенно отвлеченное, пригодное только для оправданія или опроверженія тѣхъ или иныхъ философскихъ теорій, а является, наоборотъ, насущнымъ, жизненнымъ знаніемъ, необходимымъ для лучшаго оріентированія въ нашихъ повседневныхъ наблюденіяхъ какъ надъ самими собой, такъ и надъ другими людьми. Насколько удалось мнѣ это сдѣлать—пусть судятъ другіе.

I.

Предметъ и задачи психологіи.

Психологія, какъ наука.

Одной изъ наиболѣе характерныхъ чертъ современной психологіи можно считать постепенное превращеніе ея въ точную науку — въ томъ смыслѣ слова, въ какомъ мы примѣняемъ этотъ терминъ по отношенію къ естествознанію. Нельзя, конечно, сказать, что въ настоящеее время психологія уже достигла той степени точности, которую мы находимъ въ естественныхъ наукахъ: далеко еще то время, когда мы будемъ въ состояніи расчленить душевную жизнь человѣка, анализировать ее съ такой же точностью, съ какой мы дѣлаемъ это въ области химіи и въ другихъ областяхъ естествознанія. Тѣмъ не менѣе путь уже ясно намѣтился, и можно думать, что съ этого пути психологія больше не сойдетъ.

Для того, чтобы ясно отдать себѣ отчетъ въ томъ, какимъ образомъ психологія можетъ сдѣлаться точной наукой, постараемся отвѣтить на вопросъ, что такое наука, и чѣмъ была до сихъ поръ психологія?

Наукой мы называемъ изученіе явленій дѣйствительности и законовъ, ими управляющихъ. Когда, естествоиспытатель, напр. физикъ, замѣчаетъ, что онъ, взявъ янтарную палочку и потеревъ ею о сукно, можетъ этой палочкой притягивать кусочки бумаги, онъ старается прежде всего подробно изучить данное явленіе, наблюдая его въ разное время и при различныхъ условіяхъ. Но такимъ простымъ описаніемъ явленій дѣло не ограничивается. Вторымъ этапомъ въ изученіи дѣйствительности является построеніе тѣхъ или иныхъ гипотезъ, объясняющихъ происхожденіе даннаго явленія

и сводящихъ его къ тѣмъ или инымъ основнымъ причинамъ. При этомъ естествоиспытатель старается привести эти явленія въ связь съ другими явленіями окружающей дѣйствительности и установить ту или иную связь между ними. Однимъ словомъ, отъ простого описанія явленій и условій, при которыхъ они совершаются, мы идемъ къ объясненію этихъ явленій и установленію законовъ, ими управляющихъ.

Спрашивается, какимъ путемъ шла до сихъ поръ психологія или ученіе о душевной жизни человѣка? Путь этотъ былъ совершенно иной. До послѣдняго времени психологія была тѣснѣйшимъ образомъ связана съ философіей или ученіемъ объ основахъ познанія и о послѣднихъ причинахъ всего существующаго. Можно даже сказать, что психологія не имѣла ни своихъ собственныхъ задачъ, ни своего собственнаго предмета изученія. Все это диктовалось ей извнѣ или самой философіей, или находящимися съ ней въ связи религіею, этикою и др. Всѣ основные вопросы были уже заранѣе предрѣшены на основаніи религіозныхъ, метафизическихъ и другихъ соображеній; психологіи же предоставлялось лишь дѣлать отсюда выводы относительно различныхъ частныхъ явленій душевной жизни. Такъ, напр., признавая заранѣе, что душа человѣческая представляетъ собой единую, недѣлимую и неизмѣнную сущность или субстанцію, ставили затѣмъ вопросъ: если это такъ, то какимъ образомъ въ человѣческомъ сознаніи могутъ возникать различныя представленія, напр., представленія объ отдѣльныхъ людяхъ, отдѣльныхъ событіяхъ и т. д.? Или другой вопросъ: если душа человѣческая представляется единой, то какимъ образомъ могутъ возникать отдѣльныя психическія функціи или процессы? Какъ одна и та же единая душа можетъ познавать, чувствовать и желать? Для рѣшенія этихъ вопросовъ опять строились различныя гипотезы; напр., предполагалось, что душа обладаетъ особыми способностями познанія, желанія и др. Возникло знаменитое ученіе о способностяхъ души, разработанное въ XVIII вѣкѣ и господствовавшее до середины XIX-го, т. е., до возникновенія точной опытной

психологіи. Такого рода психологія носила названіе раціональной, отъ слова „ratio“ (разумъ); она шла путемъ логическихъ построеній, а не путемъ изученія фактическихъ данныхъ. Ей противоставлялась эмпирическая психологія, задачу которой видѣли только въ простомъ описаніи психическихъ явленій, отводя ей, такимъ образомъ, второстепенное мѣсто; первое же должна была занимать раціональная психологія.

Современный періодъ психологіи характеризуется, наоборотъ, ея стремленіемъ отдѣлиться отъ философіи и сдѣлаться самостоятельной, точной наукой, основанной на непосредственномъ изученіи явленій дѣйствительности. Всякая наука переживала въ свое время этотъ періодъ обособленія отъ философіи. Въ свое время и вопросы естествознанія также рѣшались чисто раціоналистическимъ путемъ: сначала составлялась философская гипотеза о томъ, что такое міръ, природа и матерія, а затѣмъ отсюда выводились путемъ дедукціи объясненія разныхъ наблюдаемыхъ явленій. Теперь естественныя науки идутъ какъ разъ противоположнымъ, индуктивнымъ путемъ, исходя изъ непосредственнаго изученія фактовъ дѣйствительности и восходя затѣмъ къ построенію гипотезъ. Въ этомъ смыслѣ современная психологія стремится сдѣлаться естественной наукой. Это выраженіе, которое теперь представляется довольно распространеннымъ, не слѣдуетъ, однако, понимать въ томъ смыслѣ, что психологія должна цѣликомъ основываться на данныхъ естествознанія, напримѣръ, на данныхъ физики или физіологіи. Психологія отдѣлилась отъ философіи не для того, чтобы сдѣлаться придаткомъ для естественныхъ наукъ, какъ это полагаютъ нѣкоторые біологи и медики. Наука о душевныхъ явленіяхъ такъ же независима отъ физики, химіи, физіологіи, какъ и отъ философіи. Будучи тѣсно связана съ ними, она въ то же время представляетъ вполнѣ самостоятельную отрасль знанія; она имѣетъ свой опредѣленный кругъ явленій, который изучаетъ только она одна. Если же мы говорили о психологіи, какъ о естественной наукѣ, то этимъ лишь хотѣли подчеркнуть, что она идетъ такимъ же путемъ, какъ и

естественныя науки; это—путь индукціи, т. е., тотъ путь, когда наука переходитъ отъ фактовъ къ ихъ объясненію и построенію гипотезъ.

Вторая характерная особенность современной психологіи состоитъ въ томъ, что мы идемъ путемъ анализа, путемъ расчлененія явленій нашей психической жизни. Противъ такой тенденціи въ психологіи неоднократно и горячо возражали; еще и въ настоящее время приходится слышать возраженія, напр., такого рода: „Неужели вы надѣетесь, что мы будемъ въ состояніи когда-нибудь расчленить человѣческую душу или душевныя переживанія человѣка на составныя части, какъ это дѣлаетъ химикъ, когда онъ разлагаетъ сложное вещество на его составныя части? Всякое психическое переживаніе воспринимается нами въ его цѣломъ. Никогда изъ нашей душевной жизни нельзя выдѣлить какой-нибудь одинъ элементъ такъ, чтобы онъ былъ совершенно обособленнымъ. Въ естественныхъ наукахъ—въ химіи, въ физикѣ—это возможно. Напр., если у насъ имѣется сложное тѣло, въ составъ котораго входятъ водородъ, желѣзо, сѣра и др., то мы можемъ путемъ различныхъ химическихъ реакцій выдѣлить оттуда желѣзо или сѣру въ изолированномъ видѣ. Въ психологіи же мы не можемъ обособить какое-нибудь ощущеніе или чувство такимъ образомъ, чтобы мы могли его вынуть изъ нашей психической жизни и представить его отдѣльно“.

Приведенное соображеніе по существу представляется совершенно правильнымъ, но оно вовсе не является возраженіемъ противъ того, чтобы изученіе психической жизни шло путемъ анализа. Я не могу выдѣлить извѣстное элементарное явленіе, обособивъ его совершенно отъ всей остальной психической жизни, но я всегда могу, вглядываясь въ свои психическія переживанія, различить ихъ другъ отъ друга. Я ясно и отчетливо вижу сейчасъ, напр., нѣсколько цвѣтовъ: черный, бѣлый, желтый. Когда я закрою желтый цвѣтъ, то воспринимаю бѣлый, а желтаго не воспринимаю. Слѣд., заключаю я, отдѣльныя части моихъ психическихъ состояній могутъ переживаться независимо другъ

отъ друга, самостоятельно. Эта возможность, во первыхъ, различать другъ отъ друга отдѣльныя психическія переживанія, и, во вторыхъ, наблюдать ихъ самостоятельныя, независимыя измѣненія заставляетъ насъ признать, что и въ психологіи возможно идти путемъ расчлененія и анализа.

Но анализъ и описаніе психическихъ явленій не могутъ быть для насъ конечной цѣлью этой науки. Нѣкоторые утверждаютъ, что работа психолога должна ограничиться только однимъ анализомъ и описаніемъ; такой взглядъ совершенно не соотвѣтствовалъ бы задачамъ психологіи, какъ точной, опытной науки. Всякая наука исходитъ, правда, изъ расчлененія и описанія явленій, но конечная цѣль ея заключается не въ описаніи, а въ объясненіи явленій. Подобно этому и психологія должна не только описывать, но и объяснять, не только устанавливать факты, но и изучать законы, по которымъ они совершаются.

Итакъ, мы можемъ опредѣлить психологію, какъ науку о душевныхъ явленіяхъ и законахъ, ими управляющихъ.

Отношеніе психологіи къ другимъ областямъ знанія.

Мы подошли къ очень важному вопросу о томъ, какимъ образомъ относится психологія или наука о душевныхъ явленіяхъ, къ другимъ наукамъ и, прежде всего, къ философіи. Какъ я уже сказалъ, современная научная психологія старается обособиться отъ философіи и превратиться въ точную самостоятельную науку. Но значитъ ли это, что она совершенно, такъ сказать, отрекается отъ философіи и не хочетъ имѣть съ ней ничего общаго? Вовсе нѣтъ.

Посмотримъ, въ какомъ отношеніи находятся всѣ вообще науки къ философіи. Въ чемъ заключается конечная цѣль всякаго знанія? Прежде всего, всякое знаніе можетъ имѣть чисто практическое, прикладное значеніе. Мы можемъ, напр., изучать физику, механику для того, чтобы примѣнять ихъ къ устройству тѣхъ или

иныхъ аппаратовъ и воспользоваться ими для практическихъ цѣлей. Мы можемъ и психологію изучать, положимъ, для того, чтобы воспользоваться ею въ педагогикѣ, чтобы лучше познакомиться съ душевной жизнью и душевнымъ развитіемъ дѣтей. Это будетъ чисто практическое, прикладное значеніе всякой науки, въ томъ числѣ и психологіи.

Однако, если бы этимъ ограничивалось значеніе науки, то никогда наука не пріобрѣла бы въ человѣческой жизни такого огромнаго значенія, какое она имѣетъ теперь. Наряду съ прикладными науками существуютъ науки теоретическія, науки, имѣющія своей задачей объяснить намъ дѣйствительность и привести эту пеструю, разрозненную и измѣнчивую картину въ стройную систему мірозданія. Наука должна объяснить намъ окружающую жизнь и показать, въ какомъ отношеніи мы къ ней находимся. Другими словами, конечная задача науки, если взять ее въ цѣломъ, а не въ отдѣльныхъ отрасляхъ, соприкасается и даже, можно сказать, сливается тѣснѣйшимъ образомъ съ философіей. А психологія, какъ наука о душевныхъ явленіяхъ должна быть особенно тѣсно и близко связанной съ философіей.

Такимъ образомъ, мы пришли опять къ признанію необходимости связать психологію съ философіей, но уже самый характеръ связи будетъ совсѣмъ другой, чѣмъ это было прежде. Въ прежнее время психологія была служанкой философіи; ей задавались извѣстные вопросы, въ значительной степени предрѣшенные, и предоставлялось только болѣе детальное выясненіе различныхъ частностей. Въ настоящее время психологія начинаетъ съ непосредственнаго изученія явленій душевной жизни. Она ихъ систематизируетъ, устанавливаетъ извѣстныя закономѣрности и, сопоставляя эти законы психической жизни съ законами другихъ наукъ, выводитъ извѣстныя общія положенія, дѣлаетъ выводы, пріобрѣтающіе уже философскій характеръ.

Одно время, въ періодъ расцвѣта раціоналистической психологіи, было очень распространеннымъ опредѣленіе психологіи, какъ „науки о душѣ“. Затѣмъ, подъ

вліяніемъ попытокъ обосновать психологію на данныхъ естествознанія, стали считать такое опредѣленіе неправильнымъ. Психологія, согласно этому послѣднему мнѣнію, должна заниматься изученіемъ явленій душевной жизни, а не тѣхъ метафизическихъ гипотезъ, которыя предлагаются для объясненія этихъ явленій. Стали говорить о возможности „психологіи безъ души", т. е. такой психологіи, которая сознательно, намѣренно уклоняется отъ того, чтобы вносить гипотезу души для обоснованія и объясненія психическихъ явленій. Спрашивается, какое изъ двухъ приведенныхъ мнѣній слѣдуетъ считать правильнымъ?

Согласно данному выше опредѣленію, психологія есть наука о душевныхъ явленіяхъ и законахъ, ими управляющихъ. Но, мы уже видѣли, что никакая наука не можетъ ограничиться однимъ только описаніемъ явленій, а необходимо должна строить гипотезы относительно того, какія причины лежатъ въ основѣ изучаемыхъ явленій. Подобно тому, какъ физикъ имѣетъ право строить гипотезу свѣтового эфира или электрической энергіи, такъ и психологъ имѣетъ право строить гипотезу, которая помогла бы ему объяснить явленія душевной жизни, и въ этомъ смыслѣ понятіе души, какъ основы наблюдаемыхъ нами психическихъ процессовъ, имѣетъ полное право на существованіе. Но мы не можемъ брать готовыхъ рѣшеній этого вопроса изъ философіи. Мы должны путемъ наблюденія фактовъ психической дѣйствительности строить свои собственныя гипотезы „души" или того, что составляетъ основу нашихъ душевныхъ явленій; только такимъ путемъ мы можемъ придти къ заключенію о томъ, будетъ ли душа нѣчто простое или сложное, будетъ ли это нѣчто матеріальное или духовное. Всѣ эти вопросы намъ придется разбирать въ тѣсной связи съ тѣми данными опытовъ и наблюденій, о которыхъ придется говорить въ дальнѣйшихъ лекціяхъ.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніи психологіи къ естественнымъ наукамъ, стоящимъ къ ней всего ближе, именно — къ біологіи и физіологіи.

Нельзя разсматривать психологію, какъ отдѣлъ фи-

психологія есть самостоятельная наука, со своими опредѣленными задачами. Тѣмъ не менѣе, между физіологіей и психологіей существуетъ тѣсная связь. Всѣ наши психическія явленія находятся въ зависимости отъ процессовъ, совершающихся въ головномъ мозгу; поэтому изученіе процессовъ головного мозга, а также вообще строенія и функцій центральной нервной системы является полезнымъ въ томъ отношеніи, что оно часто помогаетъ намъ уяснить себѣ нѣкоторые чисто психологическіе вопросы. Такъ, напр., психологическій анализъ пространственныхъ воспріятій могъ быть сдѣланъ лишь послѣ того, какъ были изучены физіологическіе механизмы зрѣнія, осязанія и т. п. То же можно сказать и относительно нѣкоторыхъ другихъ психологическихъ проблемъ. Съ другой стороны, и для физіолога помощь психологіи оказывается часто полезной. Напр., въ послѣднее время физіологами очень подробно разработано ученіе о дѣятельности различныхъ отдѣловъ мозговой коры, въ которыхъ, согласно опытнымъ даннымъ, локализируются различныя психическія функціи. Указываютъ, напр., на то, что темянныя доли мозговой коры связаны съ двигательными и осязательными функціями, участки затылочной доли связаны съ зрительными функціями и т. д. Здѣсь на помощь физіологамъ приходятъ данныя психологіи, именно того ея отдѣла, который трактуетъ объ ощущеніяхъ и воспріятіяхъ. Вообще, измѣненіе извѣстныхъ функцій при пораженіи соотвѣтствующихъ долей мозга—объектъ совмѣстнаго изслѣдованія психологіи и физіологіи. Поэтому мнѣ въ дальнѣйшемъ изложеніи придется неоднократно дѣлать экскурсіи въ область физіологіи.

По отношенію къ гуманитарнымъ наукамъ, какъ исторія, этика и др., психологія является въ значительной степени основной дисциплиной. По мнѣнію Вундта, психологія должна лежать въ основѣ „наукъ о духѣ“, какъ физика лежитъ въ основѣ естественныхъ наукъ. Но для выполненія такого своего назначенія психологія въ настоящее время далеко еще не достигла надлежащаго развитія.

Раздѣленіе психологіи.

Психологію можно раздѣлить уже теперь на нѣсколько отдѣловъ. Прежде всего мы отмѣтимъ общую психологію, которая тѣснѣйшимъ образомъ примыкаетъ къ философіи, разсматривая самыя общіе вопросы объ основныхъ процессахъ душевной жизни, о томъ, какими законами управляются эти основные процессы, какъ они между собой связаны и т. д. Далѣе слѣдуетъ индивидуальная психологія или характерологія, изучающая душевную жизнь и дѣятельность отдѣльныхъ людей, устанавливающая типы и ихъ разновидности, однимъ словомъ, въ противоположность общей психологіи, изучающая болѣе детально человѣческую личность и ея проявленія. Затѣмъ, въ противоположность нормальной психологіи, занимающейся изученіемъ нормальныхъ людей, въ послѣднее время выдвинули и усиленно разрабатываютъ патологическую психологію или психологію болѣзненныхъ уклоненій душевной жизни. Всѣ вы, вѣроятно, слыхали, какой интересъ за послѣднее время пріобрѣли наблюденія психологовъ надъ разстройствами въ различныхъ сферахъ душевной жизни. Этого отдѣла я буду касаться лишь отъ времени до времени, поскольку это надо будетъ для моихъ цѣлей.

Обособляютъ еще въ особый отдѣлъ физіологическую психологію, разсматривающую пограничныя области между психологіей и физіологіей, напр., ученіе объ ощущеніяхъ и простѣйшихъ воспріятіяхъ. Здѣсь физіологическія и анатомическія изслѣдованія органовъ чувствъ тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ изученіемъ относящихся сюда психическихъ явленій, и поэтому этотъ отдѣлъ важенъ для психолога столько же, сколько и для физіолога. Сюда относятъ также вопросы о мозгѣ и его дѣятельности, поскольку эта послѣдняя можетъ уяснить намъ тѣ или иные психическіе процессы.

Наконецъ, особымъ отдѣломъ является сравнительная психологія, изучающая психологію жи-

выхъ существъ, стоящихъ близко къ взрослому, развитому человѣку. Сравнительная психологія изучаетъ эти процессы у дѣтей съ ихъ элементарной, примитивной психикой, еще недоразвившейся до психики взрослаго человѣка, у животныхъ, которыя, хотя по своимъ психическимъ проявленіямъ и приближаются къ взрослому человѣку, но все же значительно отличаются отъ него и т. д. Къ сравнительной психологіи можно отнести также психологію половъ, сравнительныя особенности душевной жизни у мужчинъ и женщинъ, поскольку онѣ вызываются чисто физіологическими особенностями организма тѣхъ и другихъ.

II.

Методы психологіи.

Самонаблюденіе и экспериментъ; ихъ взаимное отношеніе.

Говоря о какой бы то ни было научной дисциплинѣ, мы всегда должны ясно представлять себѣ, во первыхъ, предметъ ея и, во-вторыхъ, тѣ методы, которыми она пользуется. Безъ точнаго ограниченія области и безъ опредѣленныхъ методовъ не можетъ быть точной науки. Предметъ психологіи мы уже опредѣлили; теперь я перейду къ изложенію методовъ психологіи.

Прежде всего слѣдуетъ указать на методъ самонаблюденія, который является для психологіи основнымъ и наиболѣе важнымъ. На самонаблюденіе много разъ нападали, его критиковали, и критика эта оказалась очень полезной для выработки и усовершенствованія этого метода.

Въ прежнее время въ психологіи господствовалъ такъ наз. методъ чистаго самонаблюденія, состоящій въ томъ, что психологи, большей частью люди философски образованные, поставивъ себѣ ту или иную проблему, пытались рѣшить ее путемъ психологическаго наблюденія. Эти психологи производили наблюденія надъ самими собой и старались анализировать свои собственныя переживанія. Положимъ, человѣкъ задумался, ему приходятъ въ голову различныя мысли; онъ начинаетъ анализировать эти мысли и приходитъ къ заключенію, что теченіе ихъ происходитъ такимъ образомъ, что воспроизводятся одно за другимъ представленія, воспринятыя имъ раньше, и при этомъ воспроизводятся въ такой послѣдовательности, какъ они были восприняты раньше. На основаніи такого наблюденія онъ приходитъ къ тому

выводу, что представленія ассоціируются или связываются между собой, и что эта связь складывается въ зависимости отъ того, въ какомъ порядкѣ представленія были восприняты. Противъ такого самонаблюденія выставляли много возраженій, которыя, какъ мы дальше увидимъ, были въ значительной степени справедливы. Поэтому одно время предполагали возможнымъ совершенно устранить методъ самонаблюденія изъ психологіи, замѣнивъ его другими методами, и прежде всего методомъ экспериментальнымъ.

Для того, чтобы дать представленіе объ экспериментальномъ методѣ, я предложу сейчасъ психологическій экспериментъ въ одной изъ наиболѣе простыхъ его формъ.

Опытъ состоялъ въ томъ, что испытуемому была предложена таблица, на которой наклеены числа; испытуемый долженъ былъ смотрѣть на таблицу въ теченіи нѣкотораго времени, а потомъ написать эти числа на доскѣ, по возможности, въ томъ же расположеніи, въ какомъ они находятся на таблицѣ. Воспроизведена была лишь часть показанныхъ чиселъ; расположеніе ихъ было указано правильно. Подробный опросъ испытуемаго показалъ, что при запоминаніи онъ считалъ про себя и шевелилъ губами.

Вы видите изъ этого опыта отношеніе, существующее между экспериментомъ и самонаблюденіемъ. Одно время думали, что введеніе въ психологію эксперимента уничтожитъ методъ самонаблюденія, но это не вѣрно. Вы видѣли, господа, что я не довольствовался тѣмъ, что далъ испытуемому запомнить числа и воспроизвести ихъ. Я сталъ разспрашивать испытуемаго, какъ онъ воспринималъ ихъ. На мои вопросы испытуемый, очевидно, могъ отвѣчать только послѣ того, какъ онъ путемъ самонаблюденія попытался анализировать свои внутреннія переживанія. Итакъ, экспериментъ не уничтожаетъ самонаблюденія, а только ставитъ его въ извѣстныя рамки. Въ этомъ и заключается его особенность и въ этомъ заключается его значеніе для психологіи.

Старый методъ самонаблюденія упрекали во многомъ, и прежде всего въ томъ, что наблюдатель является въ то же самое время и наблюдаемымъ. Человѣкъ самому

себѣ задаетъ извѣстные вопросы и самому же себѣ и отвѣчаетъ на нихъ. Въ такихъ случаяхъ можно часто впасть въ ошибку, благодаря предвзятому мнѣнію. У большинства философовъ были уже заранѣе построены тѣ или иныя теоріи, и когда они наблюдали себя, чтобы провѣрить ихъ, они невольно впадали въ ошибку; свои наблюденія они подгоняли подъ теорію. Экспериментъ же раздѣляетъ изслѣдователя отъ изслѣдуемаго, наблюдателя отъ наблюдаемаго. При экспериментальномъ изслѣдованіи есть экспериментаторъ — лицо, которое должно рѣшать извѣстные психологическіе вопросы, вырабатывать способъ постановки эксперимента для рѣшенія этого вопроса и ставить самый экспериментъ; отъ него совершенно отдѣлено другое лицо — испытуемый, который только долженъ отвѣчать на поставленные ему вопросы. Вотъ первое преимущество психологическаго эксперимента.

Второй упрекъ, который ставили чистому самонаблюденію заключался въ томъ, что при немъ нельзя пользоваться подсчетомъ и измѣреніемъ. И дѣйствительно, прежніе психологи, пользовавшіеся чистымъ самонаблюденіемъ, не могли даже и думать, что въ психической жизни можно что-нибудь измѣрить и подсчитать; между тѣмъ вы видите, что при экспериментальномъ методѣ изслѣдованія мы можемъ пользоваться подсчетомъ. Напр., я произвелъ опытъ надъ одной испытуемой, опредѣлилъ, что она воспроизвела правильно 4 числа и неправильно одно. Я могъ бы продѣлать тотъ же опытъ съ другими испытуемыми, и тогда мы видѣли бы, какъ воспроизводятъ числа другіе: лучше или хуже. Производя подобные опыты надъ цѣлымъ рядомъ лицъ, мы можемъ отсюда сдѣлать заключеніе относительно индивидуальныхъ особенностей памяти у этихъ лицъ.

Впрочемъ, о возможности измѣренія психическихъ процессовъ намъ придется дальше говорить болѣе подробно. Теперь же я укажу еще на одно преимущество эксперимента передъ методомъ чистаго самонаблюденія. При чистомъ самонаблюденіи человѣкъ не можетъ измѣнить своихъ психическихъ процессовъ, а долженъ наблюдать ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ они ему пред-

ставились. Между тѣмъ успѣхи современнаго естествознанія въ значительной степени обусловливаются тѣмъ, что, благодаря эксперименту, изслѣдователь можетъ видоизмѣнять явленія и этимъ путемъ ближе и детальнѣе изучать ихъ. Напр., химикъ, изучающій сложное тѣло, подвергаетъ его дѣйствію различныхъ реактивовъ и этимъ путемъ детально знакомится съ его составомъ. То же самое позволяетъ намъ и психологическій экспериментъ. Въ то время, какъ при простомъ самонаблюденіи я лишь созерцаю явленія сознанія, не вмѣшиваясь въ ихъ теченіе, при экспериментѣ я, наоборотъ, по произволу измѣняю теченіе этихъ явленій, чтобы удобнѣе было наблюдать и изучать ихъ. Напр., производя опытъ съ таблицей, могу взять цвѣтныя числа, какъ я уже пробовалъ, могу расположить эти числа въ одномъ ряду или во многихъ. Могу еще прочитать числа вслухъ для того, чтобы изслѣдовать запоминаніе посредствомъ слуховыхъ ощущеній и т. д. Кромѣ этого, я могу еще одно и то же явленіе повторять нѣсколько разъ. Напр., данныя условія могутъ быть очень неблагопріятны для запоминанія (недостаточное сосредоточеніе вниманія, непривычка къ опыту и пр.); тогда мы ставимъ тотъ же опытъ при другихъ условіяхъ, благодаря чему наблюденіе пріобрѣтаетъ бо́льшую цѣнность.

Недостатки метода чистаго самонаблюденія повлекли стремленіе его усовершенствовать, и можно сказать, что весь прогрессъ современной психологіи основанъ на усовершенствованіи методовъ изслѣдованія. Усовершенствованіе это шло, главнымъ образомъ, по пути выработки болѣе объективныхъ условій наблюденія. Однако, какъ уже говорилось выше, это введеніе объективнаго элемента въ психологическія наблюденія отнюдь не означаетъ полнаго перехода отъ самонаблюденія къ совершенно противоположному методу — къ чисто внѣшнему, объективному наблюденію.

Какъ я уже говорилъ въ прошлый разъ, психологія есть, прежде всего, наука о данныхъ внутренняго опыта. Я лишь по внѣшнимъ проявленіямъ другого человѣка заключаю о томъ, что дѣлается въ его сознаніи, о его

внутреннихъ переживаніяхъ. Это возможно благодаря тому, что въ прежнее время я наблюдалъ за самимъ собой и замѣчалъ, что такія-то мои слова или внѣшнія проявленія связываются съ такими-то внутренними переживаніями. Когда мнѣ больно, я морщусь или стону; когда мнѣ пріятно, я улыбаюсь; когда я симпатизирую человѣку, мое лицо также принимаетъ опредѣленное выраженіе, и т. д. И вотъ, когда я у другихъ людей замѣчаю такія-же внѣшнія проявленія, то невольно по ассоціаціи у меня возникаютъ въ сознаніи тѣ же самыя мысли, чувства и представленія, которыя возникли тогда, когда у меня были точно такія же внѣшнія проявленія. Когда я вижу другого человѣка улыбающимся, у меня невольно является стремленіе самому улыбнуться. Этотъ импульсъ улыбки вызываетъ пріятное чувство или воспоминаніе о пріятномъ чувствѣ. Когда я вижу, какъ человѣкъ широко раскрылъ глаза и испуганно смотритъ въ одну точку, у меня невольно возникаетъ тотъ же импульсъ, возникаетъ представленіе о чемъ-то страшномъ, потому что я самъ когда-то переживалъ такое же чувство, я самъ испытывалъ это проявленіе и они связаны у меня съ вполнѣ опредѣленными психическими переживаніями. Всѣ внѣшнія наблюденія психологическаго характера, въ концѣ концовъ, истолковываются нами на основаніи нашихъ внутреннихъ переживаній, и иного познанія чужого міра быть не можетъ. Наблюденіе и экспериментъ предполагаютъ необходимость самонаблюденія, но, въ свою очередь, они значительно совершенствуютъ его введеніемъ объективныхъ пріемовъ.

Различныя виды психологическаго эксперимента.

Существуетъ много способовъ видоизмѣнять, при помощи эксперимента, теченіе душевныхъ процессовъ человѣка. Но въ общемъ эти способы сводятся къ тому, что мы даемъ испытуемому извѣстнаго рода впечатлѣнія при помощи внѣшнихъ раздражителей—звуковыхъ, свѣтовыхъ, осязательныхъ и др.

Этотъ методъ — одинъ изъ важнѣйшихъ методовъ психологическаго эксперимента. Онъ такъ и называется— методомъ впечатлѣній. Другой методъ, также очень характерный для эксперимента, — методъ выраженій. Даютъ извѣстное раздраженіе и слѣдятъ за тѣмъ, какъ испытуемый реагируетъ или отвѣчаетъ на это раздраженіе. Напримѣръ, можно искусственно вызвать у человѣка испугъ или чувство удовольствія, или ощущеніе боли, и смотрѣть затѣмъ, какъ это отразится на его внѣшнихъ проявленіяхъ. Для этой послѣдней цѣли можно слѣдить за выраженіемъ лица, фотографировать или подробно описывать его, или же при помощи особыхъ приборовъ записывать пульсъ и дыханіе у даннаго субъекта и т. д.

Если я останавливаюсь такъ долго на экспериментальномъ методѣ изслѣдованія, то это потому, что онъ является однимъ изъ наиболѣе разработанныхъ методовъ, и своимъ быстрымъ развитіемъ современная психологическая наука обязана именно ему. Введеніе внѣшнихъ, объективныхъ условій и раздражителей, которыми характеризуется экспериментъ, явилось для психологіи особенно важнымъ и плодотворнымъ.

Введеніе экспериментальнаго метода въ психологію произошло въ серединѣ XIX-го столѣтія. Экспериментъ перешелъ въ психологію изъ той естественной науки, которая является наиболѣе близкой къ ней, — изъ физіологіи. Физіологи, изучая функціи органовъ чувствъ, пришли къ заключенію, что здѣсь приходится имѣть дѣло не только съ чисто физіологическими процессами— дѣятельностью мышцъ и периферическихъ нервовъ, но также и съ психологическими явленіями. Когда физіологъ изслѣдуетъ процессъ зрѣнія, ему приходится не только наблюдать надъ тѣмъ, что дѣлается въ глазу, какъ сокращается зрачекъ, какъ измѣняется форма хрусталика, но также спрашивать испытуемаго или наблюдаемаго человѣка о томъ, какія зрительныя ощущенія онъ испытываетъ, какъ измѣняются эти ощущенія въ разныхъ случаяхъ. Однимъ словомъ, оказывается, что изслѣдованіе органовъ чувствъ—область, пограничная между физіологіей и психологіей. Въ этой погра-

БИБЛІОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ

ничной области впервые и зародился психологическій экспериментъ. Приведу примѣръ подобнаго эксперимента.

Даются два раздражителя—шарики, падающіе съ разной высоты; экспериментаторъ проситъ прослушать эти звуки и сказать, который изъ нихъ сильнѣе и который слабѣе. Большинство думаетъ, что звуки падающихъ шариковъ одинаковые, меньшая часть считаетъ, что второй звукъ сильнѣе, еще меньшая часть думаетъ, что второй слабѣе. На самомъ дѣлѣ второй звукъ сильнѣе; большинство опредѣлило ошибочно. Это доказываетъ, что разница между этими двумя звуками была недостаточно сильной для того, чтобы различеніе произошло безошибочно; надо было при данныхъ условіяхъ увеличить эту разницу. Производится второй опытъ съ тѣми же шариками, но съ большимъ разстояніемъ въ высотѣ ихъ паденія. Большинство опредѣлило правильно.

Вы видите, что этотъ методъ относится къ числу методовъ впечатлѣній: я даю въ данномъ случаѣ два впечатлѣнія и прошу высказаться, сравнивши ихъ между собою.

Въ теченіи долгаго времени изслѣдованія экспериментальной психологіи сосредоточивались на производствѣ опытовъ съ ощущеніями различныхъ органовъ чувствъ. Объ этихъ опытахъ и о полученныхъ результатахъ мнѣ еще придется говорить въ дальнѣйшемъ. Сейчасъ я не буду останавливаться на нихъ; сказалъ же объ этомъ потому, что и по настоящее время многіе считаютъ, что область примѣненія эксперимента въ психологіи ограничивается только изслѣдованіемъ разнаго рода ощущеній и простѣйшихъ воспріятій. Мнѣніе это совершенно не вѣрно. Если такъ было до 80-хъ годовъ XIX-го столѣтія (потому что дѣйствительно изслѣдованія прежде сосредоточивались на той области, которая была болѣе доступна), то въ настоящее время область примѣненія психологическихъ экспериментовъ чрезвычайно расширилась.

Почти одновременно съ изученіемъ ощущеній подверглась изслѣдованію скорость психическихъ процессовъ. И здѣсь также эксперименты начались въ области, пограничной между физіологіей и психологіей. Фи-

зіологи начали изслѣдовать скорость рефлексовъ, а затѣмъ перешли къ изслѣдованію болѣе сложныхъ произвольныхъ движеній. Напр., когда человѣкъ, услышавъ звукъ, подниметъ палецъ, это уже не рефлексъ, а произвольная двигательная реакція. Постепенно начали усложнять эти опыты, и, такимъ образомъ, возникъ методъ реакцій, который, наряду съ методами впечатлѣній и раздраженій, слѣдуетъ считать однимъ изъ основныхъ методовъ въ экспериментальной психологіи.

Въ послѣднее время психологическому эксперименту стали подвергать также и гораздо болѣе сложные психическіе процессы. Вы видѣли на опытѣ съ числами, показанномъ въ прошлый разъ, какъ можно экспериментировать съ явленіями памяти, съ процессомъ запоминанія, воспроизведенія, узнаванія и т. д. Въ настоящее время эксперименту подвергаютъ явленія мышленія, т. е. процессы осужденія, умозаключенія, образованія отвлеченныхъ понятій, процессы, которые уже никакъ нельзя считать только физіологическими, и которые, наоборотъ, всѣми причисляются къ наиболѣе важнымъ и сложнымъ явленіямъ душевной жизни. Однимъ словомъ, можно сказать, что въ настоящее время нѣтъ ни одного умственнаго (интеллектуальнаго) процесса, который не подвергался бы въ томъ или иномъ видѣ экспериментальному изслѣдованію. Въ значительно меньшей степени доступны эксперименту область чувствъ и волевыхъ процессовъ, и здѣсь дѣйствительно экспериментальная психологія дала намъ сравнительно еще немного.

Что касается самой техники экспериментальныхъ изслѣдованій, то относительно ея я ограничусь здѣсь лишь немногими замѣчаніями. Прежде всего, возможны эксперименты индивидуальные и коллективные. Въ первомъ случаѣ экспериментъ совершается надъ однимъ испытуемымъ. Образцомъ такого эксперимента можетъ служить опытъ, произведенный мною на предъидущей лекціи (запоминаніе чиселъ). На ряду съ этимъ экспериментомъ, значительную важность въ области педагогической психологіи пріобрѣлъ такъ называемый коллективный экспериментъ, со-

стоящій въ томъ, что опытъ производится одновременно надъ многими лицами. Въ качествѣ примѣра напомню произведенный ранѣе надъ всей аудиторіей опытъ съ различеніемъ двухъ послѣдовательныхъ звуковъ. Коллективный экспериментъ можетъ производиться также и въ другой формѣ, именно—въ формѣ опроса или анкеты.

Положимъ, напр., что хотятъ узнать у разныхъ лицъ преобладающій у нихъ типъ умственныхъ образовъ: зрительный, слуховой, моторный или смѣшанный. Для этой цѣли вырабатывается рядъ вопросовъ, которые предлагаются большому числу лицъ, напр.: „Какъ вамъ легче учить ваши уроки—вслухъ или про себя? Какъ легче учить—по книгѣ или съ чужихъ словъ? Когда учите по книгѣ, то какъ легче запомнить—молча и слѣдя одними глазами или повторяя про себя? Когда отвѣчаете урокъ, то припоминаете ли страницу, на которой былъ вашъ урокъ? На правой или на лѣвой онъ былъ напечатанъ? Когда отвѣчаете урокъ, то припоминаете ли шрифтъ, которымъ былъ напечатанъ онъ? Какой учебный предметъ считается для васъ самымъ легкимъ, а какой самымъ труднымъ?“ [1]) Надо замѣтить, что всѣ вопросы должны быть формулированы въ самой опредѣленной формѣ.

Отъ испытуемыхъ требуется произвести надъ собой нѣкоторое, сравнительно простое, самонаблюденіе и отвѣчать на эти вопросы. Изъ сопоставленія полученныхъ отвѣтовъ вы заключаете о природѣ умственныхъ образовъ у тѣхъ лицъ, которыя подверглись опросу. При обработкѣ результатовъ произведенной анкеты можно пользоваться различными статистическими методами: производятъ опросъ на большомъ числѣ лицъ, а затѣмъ группируютъ полученные результаты такимъ образомъ, чтобы вычислять процентное отношеніе къ общему числу полученныхъ отвѣтовъ.

Наибольшей точностью изъ всѣхъ формъ эксперимента отличается методъ индивидуальный, т. е. изслѣдованіе, производимое надъ однимъ человѣкомъ въ лабораторной обстановкѣ, въ тишинѣ, гдѣ никто не мѣшаетъ, гдѣ легко можно сосредоточиться. По срав-

[1]) Взято изъ книги А. П. Нечаева: „Современная экспериментальная психологія“.

ненію съ индивидуальнымъ изслѣдованіемъ коллективный опытъ представляется менѣе точнымъ. Тамъ, гдѣ присутствуетъ много лицъ, вниманіе развлекается и нельзя такъ точно наблюдать надъ каждымъ лицомъ въ отдѣльности, нельзя производить болѣе подробнаго опроса. Эти недостатки дѣлаютъ самый опытъ менѣе точнымъ. Но за то въ этихъ коллективныхъ изслѣдованіяхъ выгода по сравненію съ индивидуальнымъ изслѣдованіемъ та, что здѣсь большее количество данныхъ даетъ возможность выводить среднія величины и сглаживать, такимъ образомъ, отдѣльныя колебанія. Въ индивидуальныхъ же изслѣдованіяхъ многое можетъ зависѣть отъ того, что въ данномъ случаѣ человѣкъ чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровымъ, или утомленнымъ, или по своимъ индивидуальнымъ особенностямъ онъ отклоняется въ томъ или иномъ направленіи. Когда опыты производятся надъ очень значительнымъ числомъ лицъ, то всѣ индивидуальныя особенности сглаживаются, и выступаетъ налицо только результатъ, общій для всѣхъ, независимый отъ случайныхъ ошибокъ и уклоненій.

Еще одинъ упрекъ, который ставятъ эксперименту— это нѣкоторая искусственность. Въ особенности это касается тѣхъ экспериментаторовъ, которые испытуемаго ставятъ въ искусственныя условія: окружаютъ его приборами, производятъ опыты въ строгой тишинѣ и создаютъ въ немъ какое-то особое настроеніе и такое предрасположеніе въ его сознаніи, которое рѣзко отличается отъ того настроенія и состоянія, въ которомъ испытуемый находится въ обычной жизни. Указывая на это обстоятельство, противники психологическаго эксперимента считаютъ, что къ результатамъ, полученнымъ экспериментальнымъ путемъ, необходимо относиться съ большой осторожностью.

На это можно возразить, что подобную искусственность всегда можно учитывать. Когда физіологъ производитъ свои опыты надъ животными (напр., въ опытахъ съ вивисекціями), онъ никогда не рѣшится утверждать, что животныя находятся въ естественныхъ условіяхъ, но онъ учитываетъ эту разницу и все-таки имѣетъ возможность дѣлать извѣстные выводы. Такъ посту-

паютъ и психологи. Однако, въ послѣднее время въ экспериментальной психологіи, въ особенности при изслѣдованіи высшихъ умственныхъ процессовъ, какъ мышленіе, ассоціаціи и т. д., замѣчается стремленіе ставить опыты въ болѣе естественной обстановкѣ. Въ настоящее время психологи-экспериментаторы не стараются окружать испытуемыхъ очень сложными приборами, очень искусственной обстановкой. Они стараются производить эксперименты въ возможно болѣе простой обстановкѣ. Возникъ терминъ „естественный экспериментъ“. На мой взглядъ это теченіе имѣетъ важное значеніе, такъ какъ здѣсь мы видимъ попытку совмѣстить произвольное вмѣшательство въ психическую жизнь человѣка (являющееся характернымъ признакомъ всякаго эксперимента) съ сравнительно простой и естественной обстановкой опыта.

Методы объективнаго наблюденія и генетическій.

Наряду съ экспериментомъ важное значеніе въ психологіи человѣка имѣетъ методъ внѣшняго или объективнаго наблюденія. Онъ заключается въ томъ, чтобы производить возможно болѣе подробныя наблюденія за внѣшними проявленіями человѣка, за его поступками, словами, жестами и т. д., регистрируя ихъ путемъ записи или какимъ-либо другимъ способомъ, а затѣмъ, на основаніи этихъ подробныхъ записей, дѣлать заключенія относительно его внутреннихъ переживаній, относительно его психическихъ свойствъ и особенностей. Приведу примѣръ подобнаго рода объективной записи, произведенной съ цѣлью составить подробную характеристику наблюдаемаго индивидуума.

Описывается школьный день одиннадцатилѣтняго мальчика, который недавно поступилъ въ школу: „Среда, 2 марта. Утромъ, какъ только пробилъ звонокъ, П. вскочилъ, и въ то время, какъ товарищи нѣжились въ своихъ кроватяхъ и потягивались, онъ быстро одѣлся и пошелъ умываться, при чемъ на ходу прыгалъ нѣкоторое время на одной ногѣ. Умывался не болѣе $^1/_2$ минуты и, когда вышелъ изъ умывальни, то руки у него оказались гряз-

ными, со слѣдами чернилъ. На мой вопросъ: чистилъ ли онъ зубы, мылъ ли шею и уши, сказалъ: позабылъ". Велѣлъ снова идти мыться. Противъ обыкновенія не упрямился, а только спросилъ: „А снимите меня сегодня, Вы обѣщались?" Я велѣлъ ему послѣ умыванья зашить свою куртку, о чемъ говорилъ ему уже два дня. Черезъ минуту онъ снова вышелъ изъ умывальни, снесъ полотенце, но не положилъ на мѣсто, а, скомкавъ, бросилъ подъ подушку. Затѣмъ подкрался къ спавшему еще товарищу и собрался сбросить съ него одѣяло, но предварительно огляпулся кругомъ и, замѣтивъ меня, закрылся руками и побѣжалъ по коррндору во 2-й этажъ. По дорогѣ онъ мимоходомъ ударилъ слегка одного товарища, утиравшаго лицо у окна и, когда тотъ обернулся, то съ самымъ невиннымъ видомъ сталъ смотрѣть въ окно, какъ будто что-то искалъ глазами. Проходя мимо кровати другого товарища, онъ незамѣтно для него отшвырнулъ ногою у него сапогъ и потомъ долго оборачивался назадъ, слѣдя за тѣмъ, что будетъ дѣлать онъ, когда обнаружитъ исчезновеніе сапога"... *) и т. д.

Однимъ словомъ ведется подробная запись поступковъ, словъ и другихъ проявленій наблюдаемаго лица, причемъ выбираются проявленія наиболѣе характерные и наиболѣе ярко выражающія душевныя переживанія даннаго человѣка.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ методѣ психологическаго изслѣдованія, именно—о методѣ генетическомъ. Онъ заключается въ томъ, что наблюдаютъ психическій процессъ не въ томъ видѣ, какъ онъ проявляется у взрослыхъ, вполнѣ развитыхъ, людей, а въ его зачаткѣ, въ его зародышѣ и постепенномъ развитіи. Такъ, напр., для выясненія вопроса о происхожденіи и развитіи человѣческой рѣчи много интереснаго матеріала доставляютъ наблюденія надъ развитіемъ рѣчи у дѣтей. Наблюдая ребенка, мы видимъ, что сначала ребенокъ только кричитъ или издаетъ различные нечленораздѣльные звуки, затѣмъ эти крики связываются у него постепенно съ извѣстными чувствами и другими переживаніями. Горе, радость, страхъ,

*) Взято изъ статьи Н. Е. Румянцева.

боль — вотъ тѣ впечатлѣнія, которыя вызываютъ въ немъ тѣ или иные звуки. Мало-по-малу эти звуки начинаютъ превращаться въ болѣе членораздѣльные. Ребенокъ начинаетъ подражать звукамъ взрослаго человѣка, но онъ ихъ еще не понимаетъ, а затѣмъ постепенно изъ этого лепета, изъ этихъ подражаній звукамъ вырабатывается рѣчь, какую мы слышимъ у взрослыхъ людей. Такимъ образомъ, изучая рѣчь человѣка путемъ генетическаго метода, мы убѣждаемся, что рѣчь не представляетъ собой чего-то искусственно выдуманнаго и заученнаго, а развивается такъ же естественно и постепенно, какъ и другія психо-физіологическія функціи человѣка.

III.

Физическое и психическое.

Существованіе взаимной зависимости.

Въ одной изъ предыдущихъ лекцій, когда я говорилъ объ отношеніи психологіи къ физіологіи, мнѣ пришлось указать на то, что связь между явленіями сознанія, изслѣдованіемъ которыхъ занимается психологія, и физіологическими процессами въ организмѣ является чрезвычайно тѣсной. Уже данныя обыденной жизни, обычное самонаблюденіе и наблюденіе надъ другими людьми указываютъ на то, какъ тѣсна и неразрывна эта связь. Съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ началъ наблюдать надъ собой и своей жизнью, ему не могло не броситься въ глаза то обстоятельство, что одновременно съ умираніемъ тѣла прекращаются также и проявленія психической жизни. Человѣкъ перестаетъ говорить, слышать, дѣйствовать, отвѣчать своими поступками на рѣчь и поступки другихъ людей. Всѣмъ намъ извѣстно, какое вліяніе оказываетъ нездоровье, усталость, общее физическое состояніе человѣка на его настроеніе и на отношеніе къ другимъ людямъ. Эти случайныя наблюденія обыденной жизни въ настоящее время, благодаря цѣлому ряду научныхъ изслѣдованій, приведены въ гораздо болѣе точный и доказательный видъ, и теперь можно считать неподлежащимъ никакому сомнѣнію то положеніе, что всѣ наши психическіе процессы тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ извѣстными физіологическими процессами, совершающимися въ нашемъ организмѣ.

Объ этой связи свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ точно установленныхъ фактическихъ данныхъ. Извѣстно, напр., какое вліяніе имѣетъ кровообращеніе мозга на процессы, совершающіеся въ нашемъ сознаніи. Если прижать сонную артерію такъ, чтобы прекратить доступъ крови къ головному мозгу, то наступаетъ обморокъ и

потеря сознанія. Если же совершенно прекратить доступъ крови къ мозгу, то спустя короткое время можетъ наступить смерть. Извѣстно, далѣе, что различныя вещества, дѣйствующія на нашъ головной мозгъ, вызываютъ опредѣленныя измѣненія въ сознаніи. Напр. алкоголь и другія вещества, вызывающія усиленный приливъ крови къ мозгу и возбуждающимъ образомъ дѣйствующія на вещество мозга, въ то же время вызываютъ у человѣка общее психическое возбужденіе. При этомъ возбужденіе наступаетъ невольно, независимо отъ какой бы то ни было психической причины, а исключительно въ силу того, что на мозгъ подѣйствовалъ алкоголь.

Установлено, что объемъ мозга, его форма, вообще его строеніе имѣетъ чрезвычайно важное значеніе для психическаго развитія даннаго существа. Такъ, среди животнаго міра наиболѣе развитымъ мозгомъ обладаютъ тѣ животныя, у которыхъ психика является наиболѣе богатой. У низшихъ представителей животнаго царства нервная система представляется гораздо менѣе развитой, чѣмъ у высшихъ животныхъ, напр., у млекопитающихъ и у человѣка. Чѣмъ выше мы подымаемся по животной лѣстницѣ, тѣмъ сложнѣе и совершеннѣе строеніе нервной системы. Установлено, что объемъ головного мозга въ особенности значителенъ у тѣхъ млекопитающихъ, которыя являются особенно интеллигентными; напр., слоны, обезьяны обладаютъ особенно развитымъ головнымъ мозгомъ. Далѣе, важное значеніе имѣетъ большее или меньшее число извилинъ на поверхности головного мозга. Послѣдняя не представляется совершенно плоскою, а образуетъ складки, такъ называемыя извилины и борозды; чѣмъ больше количество извилинъ и бороздъ, тѣмъ больше сама поверхность мозга. Между тѣмъ, изслѣдованіями физіологическими и патологическими установлено, что именно поверхность головного мозга, такъ называемая кора его, является особенно важной для психической дѣятельности. И вотъ оказывается, что чѣмъ выше по своему уровню интеллигентность живого существа, тѣмъ больше у него складокъ на поверхности мозга, тѣмъ

большаго объема достигаетъ его кора, т. е. та часть мозга, которая имѣетъ особенно важное значеніе для психики.

Мало того, въ послѣднее время установлено соотношеніе между отдѣльными психическими процессами или психическими функціями и дѣятельностью отдѣльныхъ частей мозга (ученіе о такъ наз. локализаціи психическихъ функцій). Установлено, что извѣстные роды психической дѣятельности связаны съ опредѣленными участками мозга: напр., двигательныя функціи связаны въ особенности съ дѣятельностью темянныхъ долей, зрительныя воспріятія связаны съ дѣятельностью затылочныхъ долей, слуховыя воспріятія съ дѣятельностью височныхъ долей и т. д.

Всѣ эти факты говорятъ съ несомнѣнностью въ пользу того, что между дѣятельностью мозга и психической дѣятельностью человѣка существуетъ тѣснѣйшая связь. Но эта связь не односторонняя, а взаимная. Мы знаемъ, что не только тѣло вліяетъ на духъ, но и духъ вліяетъ на тѣло. Мы знаемъ изъ наблюденій обыденной жизни, что психическое возбужденіе зачастую ведетъ къ тому, что человѣкъ подъ вліяніемъ его можетъ совершить такое мышечное движеніе, которое безъ этого психическаго возбужденія ему было бы не подъ силу. Вы знаете, что, когда человѣкъ усталъ и не можетъ двигаться, стоитъ въ то время сказать ему нѣсколько ободряющихъ словъ, и онъ какъ будто оживаетъ. Когда человѣкъ утомленъ, музыка оказываетъ на него сильное дѣйствіе, и онъ начинаетъ шагать легче. Когда человѣку слабосильному приходится бороться, защищать свою жизнь, онъ можетъ оказать такую силу, какой мы отъ него не ожидали.

Съ другой стороны, явленія гипноза и внушенія также дали богатый матеріалъ въ этомъ направленіи. Мы знаемъ, что путемъ внушенія въ гипнозѣ можно вызвать у человѣка такія явленія, какія онъ въ обычномъ состояніи не можетъ самъ у себя вызвать. Напр., я не могу оказать своего вліянія произвольно на кишечникъ, я не могу свой кишечникъ однимъ только усиліемъ воли заставить сокращаться или разслабляться,

между тѣмъ врачи путемъ гипнотическаго внушенія нерѣдко достигали усиленія перистальтики кишечника. Утверждаютъ, что путемъ внушенія въ гипнотическомъ состояніи удавалось даже вызвать образованіе пузырей на кожѣ. Аналогичное съ этимъ явленіе наблюдалось въ древности во время религіозныхъ торжествъ, когда у нѣкоторыхъ женщинъ появлялись кровавыя пятна на ладоняхъ и ступняхъ ногъ, т. е. на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ были вбиты гвозди Спасителю. Они настолько ярко представляли себѣ всѣ переживанія Спасителя, что нервное возбужденіе въ мѣстахъ наибольшаго ощущенія вело къ извѣстнымъ вазомоторнымъ процессамъ и къ выдѣленію пятенъ крови.

Различные взгляды на отношеніе между духомъ и тѣломъ.

Спрашивается теперь, какого рода эта связь между духомъ и тѣломъ? Какое соотношеніе существуетъ между тѣми процессами, которые мы называемъ духовными или психическими и познаемъ путемъ внутренняго опыта и самонаблюденія, и тѣми явленіями внѣшняго міра, къ которымъ мы можемъ причислить и наше собственное тѣло, потому что наше тѣло и всѣ процессы, совершающіеся въ немъ, есть такой же предметъ, какъ всѣ предметы окружающаго міра?

Здѣсь, прежде всего, слѣдуетъ упомянуть о дуалистической гипотезѣ, признающей самостоятельное, независимое существованіе того и другого: существуетъ душа и существуетъ тѣло, какъ двѣ различныя сущности или субстанціи, и эти двѣ сущности могутъ вліять другъ на друга. Однако, умъ человѣческій никогда не останавливается на этомъ двойственномъ объясненіи. Мы стараемся найти связь между всѣмъ существующимъ, установить закономѣрныя соотношенія между всѣмъ, что доступно нашему познанію. Это неискоренимое стремленіе человѣческаго разсудка привело къ созданію монистической гипотезы, признающей единство всего существующаго и разсматривающей душу и тѣло, какъ части одного общаго цѣлаго. Не вдаваясь въ подробное изложеніе этого во-

проса, я коснусь его только лишь постольку, поскольку онъ нуженъ для пониманія дальнѣйшаго.

Монистическая гипотеза можетъ принимать двѣ рѣзко противоположныя формы, борьба между которыми составила въ значительной степепени исторію развитія философіи, и которыя еще въ теченіе долгаго времени будутъ владѣть многими умами. Эти гипотезы — матеріалистическая и спиритуалистическая. Матеріализмъ признаетъ, что духовная жизнь есть простое слѣдствіе жизни физіологической, что духъ есть слѣдствіе процессовъ, совершающихся въ тѣлѣ. Здѣсь мы имѣли рядъ различныхъ гипотезъ болѣе или менѣе тонкихъ или грубыхъ, начиная съ первобытныхъ представленій о томъ, что душа есть не что иное, какъ слѣпокъ съ нашего тѣла. Дикари представляли себѣ, что душа имѣетъ такую же форму, какъ и наше тѣло; душа можетъ также видѣть и слышать, ѣсть и пить и сохраняетъ эти способности также и послѣ смерти. Однимъ словомъ, они считаютъ душу слѣпкомъ съ нашего тѣла, только болѣе утонченнымъ.

Это представленіе о душѣ, какъ о слѣпкѣ съ тѣла совершенствовалось, видоизмѣнялось; и въ XIX-мъ столѣтіи мы видимъ матеріализмъ уже въ совершенно другой формѣ. Мы видимъ, что матеріалисты (Бюхнеръ, Моллешотъ и др.) представляютъ себѣ душевные процесссы и душевную дѣятельность, какъ результаты процессовъ, совершающихся въ организмѣ. „Духъ есть такъ же продуктъ мозга, какъ желчь есть продуктъ печени“—вотъ ходячее выраженіе, характеризующее матеріалистовъ того времени. Между физическими и психическими процессами нѣтъ никакой принципіальной разницы. Психическое разсматривается, или какъ продуктъ органическихъ процессовъ, или какъ одно изъ свойствъ матеріи. Въ послѣднее время это матеріалистическое объясненіе душевной жизни получаетъ новую модификацію въ такъ называемомъ энергетизмѣ. По ученію Оствальда, всѣ физическіе процессы, совершающіеся въ мірѣ, для своего объясненія не требуютъ признанія матеріи, какъ чего-то отличнаго отъ энергіи. Матеріалисты XIX столѣтія сводили міръ къ двумъ

основнымъ принципамъ — къ матеріи и движенію. Современные энергетисты считаютъ понятіе матеріи лишнимъ. То, что мы называемъ различными формами матеріи—все это есть не что иное, какъ различныя формы выраженія энергіи; существуетъ энергія объема, энергія вѣса, притяженія и т. д. Психическія явленія представляютъ изъ себя, согласно этому мнѣнію, только одну изъ формъ энергіи; существуютъ нервная и психическая энергіи, которыя и лежатъ въ основѣ всѣхъ совершающихся въ нашемъ сознаніи процессовъ. По существу эта энергетическая теорія психической жизни представляетъ собой также разновидность матеріализма, но разновидность, какъ видите, гораздо болѣе смягченную, т. е. приближающуюся къ спиритуалистической, чѣмъ прежній грубый матеріализмъ

Матеріалистическому объясненію нашихъ процессовъ соотвѣтствуетъ также и взглядъ на познаніе вообще и въ частности на познаніе нашей душевной жизни: Матеріализмъ согласуется съ сенсуализмомъ. Сенсуализмъ утверждаетъ, что всѣ наши психическія переживанія образовались изъ воспріятій внѣшняго міра. Нѣтъ ничего въ нашемъ сознаніи, что не было бы воспринято нашими органами чувствъ. Все, что мы знаемъ о нашей душѣ и о явленіяхъ, совершающихся въ сознаніи, все это представляетъ собой результатъ переработки того, что мы восприняли изъ окружающей среды, т. е., нашихъ ощущеній и внѣшнихъ воспріятій. Этихъ сенсуалистическихъ тенденцій мнѣ придется касаться неоднократно въ теченіе курса, когда я буду говорить о воспріятіяхъ, о мышленіи, и т. д. Сенсуализмъ тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ матеріалистическимъ міропониманіемъ, такъ какъ онъ учитъ, что все наше познаніе есть результатъ внѣшнихъ раздраженій, духовный міръ есть результатъ воздѣйствія міра внѣшняго, физическаго.

Въ противоположность матеріализму другое основное философское теченіе—спиритуализмъ—кладетъ въ основу нашихъ психическихъ переживаній начало, совершенно несводимое къ матеріальному міру и къ матеріи — именно, начало духовное. Если прослѣдить

исторію развитія спиритуализма (чего я здѣсь не могу дѣлать), то мы увидимъ, что спиритуализмъ съ теченіемъ времени принималъ все болѣе и болѣе утонченную и разработанную форму. Вначалѣ на духъ смотрѣли какъ на нѣчто, одновременно лежащее въ основѣ психическаго и физическаго міра. Еще Аристотель разсматривалъ духовное начало одновременно, какъ жизненное начало, т. е. считалъ, что духъ не только вызываетъ и обусловливаетъ собой всѣ наши психическіе процессы, но одновременно поддерживаетъ и жизнедѣятельность организма. Это — такъ называемый витализмъ, ученіе о существованіи въ живыхъ существахъ особой жизненной силы (vis vitalis), которая обыкновенно сближается съ психикой. Со временъ Декарта стали рѣзко раздѣлять міръ матеріальный, съ его механической причинностью, отъ міра духовнаго. Въ то время какъ внѣ насъ, въ матеріальномъ мірѣ все сводится къ дѣйствію основныхъ законовъ механики, внутри насъ, наоборотъ, господствуетъ другого рода причинность, заключающаяся въ дѣятельности активнаго сознанія.

Спиритуализмъ обычно представляетъ себѣ нашъ духъ дѣятельнымъ. И въ этомъ заключается одно изъ главныхъ отличій спиритуалистическаго пониманія душевной жизни отъ матеріалистическаго. Матеріалисты сводятъ нашу душевную жизнь къ результату дѣятельности внѣшняго міра; поэтому они представляютъ себѣ духъ, какъ нѣчто пассивное. Спиритуалисты же, наоборотъ, обычно выдвигаютъ активность сознанія. Это коренная разница, которой намъ въ дальнѣйшемъ придется еще не разъ касаться.

Такъ какъ до послѣдняго времени психологія именно изъ философіи черпала свои основныя задачи, проблемы и опредѣленія, то естественно, что эта борьба двухъ противоположныхъ философскихъ міросозерцаній отражалась и на развитіи психологіи. Но вотъ въ послѣднее время психологія начала освобождаться отъ вліянія философіи, становясь самостоятельной наукой, основанной на опытѣ и наблюденіи. Это не могло не отразиться и на вопросѣ объ отношеніи между психическимъ

и физическимъ, между явленіями сознанія и физіологическими процессами, совершающимися въ мозгу. Вмѣсто того, чтобы рѣшать этотъ вопросъ на основаніи тѣхъ или иныхъ философскихъ предпосылокъ, физіологи и психологи стали наблюдать, и путемъ этихъ наблюденій прежде всего старались установить фактически, дѣйствительно ли существуетъ тѣсная связь между психическими и физическими процессами. Какъ я уже говорилъ выше, путемъ цѣлаго ряда фактовъ пришли къ заключенію, что такое соотношеніе существуетъ. Тогда явился другой вопросъ, дѣйствительно ли это соотношеніе идетъ такъ далеко, что сказывается въ мельчайшихъ деталяхъ, дѣйствительно ли всѣмъ частямъ того или иного психическаго процесса соотвѣтствуютъ извѣстныя части того или иного физическаго или физіологическаго процесса? Другими словами, можно ли говорить о томъ, что психическіе и физіологическіе процессы протекаютъ параллельно, какъ двѣ параллельныхъ линіи, которыя во всѣхъ своихъ изгибахъ соотвѣтствуютъ другъ другу? Существуетъ ли такой же параллелизмъ между физіологическими и психическими процессами, и если существуетъ, то какъ слѣдуетъ объяснить его?

Ученіе о психофизическомъ параллелизмѣ возникло уже давно, возникло опять-таки вначалѣ какъ философская теорія. Психическое и физіологическое разсматривали, какъ двѣ стороны одного общаго цѣлаго. Еще Спиноза смотрѣлъ на психическое и физическое, какъ на два атрибута одной субстанціи. Міръ проявляется для насъ двумя своими сторонами: идеальной, постигаемой нами непосредственно въ нашемъ сознаніи, и матеріальной, постигаемой нами при помощи органовъ чувствъ. Такъ какъ духовное и физическое является двумя сторонами одного и того же основного процесса, то между ними существуетъ полное соотвѣтствіе. Сторонники психофизическаго параллелизма обычно критикуютъ какъ матеріалистическія, такъ и спиритуалистическія гипотезы, указывая на то, что свести одно къ другому представляется совершенно невозможнымъ.

Психическіе процессы или явленія, совершающіеся въ нашемъ сознаніи, существенными чертами отличаются отъ матеріальныхъ процессовъ. Прежде всего, явленія матеріальнаго міра представляются пространственными или протяженными. Они имѣютъ вѣсъ, они могутъ быть измѣрены въ аршинахъ, сантиметрахъ. Психическіе процессы не вѣсомы и не измѣримы. Какъ я могу измѣрить или взвѣсить чувство удовольствія? Какъ я могу воспоминаніе о какомъ-нибудь событіи измѣрить такимъ образомъ, чтобы указать точно длину и ширину его? Правда, психическіе процессы такъ же, какъ и физическіе, протекаютъ во времени, но пространственная измѣримость къ нимъ совершенно не приложима. Другимъ различіемъ между тѣми и другими процессами является то обстоятельство, что предметы внѣшняго міра, въ томъ числѣ наше собственное тѣло, мы воспринимаемъ всегда при помощи органовъ чувствъ. Напр., я вижу этотъ столъ своими глазами, осязаю поверхность кожей своихъ пальцевъ и т. д. Мысли же, воспоминанія, чувства мы воспринимаемъ непосредственно, безъ помощи внѣшнихъ воспринимающихъ органовъ. Кромѣ того, существуетъ еще одно отличіе, сводящееся къ тому, что психическіе процессы доступны только одному лицу; другіе люди не могутъ непосредственно воспринимать того, что я чувствую, о чемъ я думаю. Какъ я говорилъ въ прошлый разъ, мы можемъ только наблюдать внѣшнія, физическія проявленія другихъ людей при помощи органовъ чувствъ и на основаніи этихъ внѣшнихъ проявленій по аналогіи со своими собственными переживаніями судить о томъ, какія мысли и чувства у нихъ возникаютъ. Психическіе процессы доступны только наблюденію одного человѣка, того, кто ихъ переживаетъ, между тѣмъ какъ физическіе процессы—процесы внѣшняго міра—доступны наблюденію всѣхъ людей.

Всѣ эти данныя свидѣтельствующія о коренномъ различіи между психическими и физическими явленіями, могутъ служить и доводами противъ матеріализма. Съ другой стороны, выдвигаются возраженія и противъ спиритуализма. Указывается на то, что душевныя пере-

живанія не могутъ непосредственно воздѣйствовать на природу, на внѣшній міръ. Наше желаніе не можетъ непосредственно измѣнить расположеніе вещей на этомъ столѣ или даже передвинуть хоть одинъ предметъ; для этого необходимо возбужденіе двигательнаго участка мозговой коры, иннервація мышечныхъ группъ и ихъ сокращеніе. И представляется совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ душа, по своей сущности совершенно отличная отъ физическаго міра, можетъ, тѣмъ не менѣе, вліять на явленія этого міра.

Для иллюстраціи того, какимъ образомъ разбираемый нами вопросъ представляется съ точки зрѣнія психо-физическаго параллелизма, можно привести слѣдующее сравненіе. Представьте себѣ часть круга или вогнуто-выпуклую поверхность. Если я буду разсматривать ее съ внѣшней стороны, то она представляется мнѣ выпуклой, при разсмотреніи же съ внутренней стороны, она представляется мнѣ уже въ совершенно другомъ видѣ, именно вогнутой; между тѣмъ, эта одна и та же поверхность, только разсматриваемая съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія. Такимъ же точно образомъ представляетъ себѣ теорія психо-физическаго параллелизма взаимоотношеніе между психическими и физическими процессами. Это одинъ и тотъ же міровой процессъ, разсматриваемый только съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія. Есть и другая аналогія, которая обычно приводится въ этихъ случаяхъ. Въ математикѣ играютъ важную роль такъ называемыя фукціональныя отношенія или зависимость между какой-либо перемѣнной величиной и ея функціей. Съ измѣненіемъ перемѣнной измѣняется опредѣленнымъ образомъ и ея функціи,—и, тѣмъ не менѣе, нельзя разсматривать первое, какъ причину послѣдняго. Сторонники психофизическаго параллелизма считаютъ, что между физическимъ и психическимъ существуетъ такая же точно функціональная зависимость.

Вы видите, что въ такомъ видѣ, какъ сейчасъ было изложено, психо-физическій параллелизмъ является также философской гипотезой, конечнымъ обобщеніемъ, стремящимся объединить всю совокупность нашихъ знаній о мірѣ. Между тѣмъ раньше я уже говорилъ о томъ,

что современные психологи отличаются отъ психологовъ прошлыхъ дней тѣмъ, что они разсматриваютъ свои задачи съ одной стороны гораздо скромнѣе, а съ другой стороны — гораздо больше опираются на свои собственныя силы. Современные психологи уже не стараются объяснить мірозданіе, а предоставляютъ эту задачу философіи или, вѣрнѣе, общему міросозерцанію, обнимающему собой какъ результаты всѣхъ нашихъ наукъ, такъ и запросы нашихъ чувствъ, поскольку они обнаруживаются въ эстетикѣ, этикѣ, религіи и т. д. Такимъ образомъ, современной психологіи не приходится, подобно той или иной философской гипотезѣ, стараться объяснить соотношеніе между психическимъ и физическимъ въ полномъ ихъ объемѣ, но за то современные психологи стараются въ своихъ объясненіяхъ исходить не изъ какихъ-нибудь философскихъ предпосылокъ, а изъ фактовъ дѣйствительности. Эти факты показываютъ, какъ я уже говорилъ, что дѣйствительно существуетъ извѣстное соотношеніе между психическими явленіями и процессами, совершающимися въ центральной нервной системѣ, что это соотношеніе настолько тѣсное, что, пожалуй, можно говорить о параллелизмѣ, можно уже въ настоящее время говорить о томъ, что всякій психическій процессъ соотвѣтствуетъ извѣстному, опредѣленному процессу въ мозгу. Но этотъ параллелизмъ всегда будетъ носить характеръ эмпирической гипотезы, т. е. гипотезы, объединяющей извѣстныя фактическія данныя и допускающей только такія предположенія, которыя ближайшимъ образомъ связаны съ уже извѣстными фактами. Мы не знаемъ ничего о томъ, дѣйствительно ли существуетъ параллелизмъ между психическими и физіологическими процессами у простѣйшихъ организмовъ, у какихъ-нибудь инфузорій; поэтому мы не будемъ строить гипотезъ объ этомъ и не будемъ распространять психо-физическій параллелизмъ на неодушевленный міръ. Мы не будемъ рѣшать вопроса о томъ, одушевлены ли, напр., атомы или молекулы. Это не дѣло психологіи. Психологъ изучаетъ явленія сознанія, поскольку они ему непосредственно доступны въ своемъ собственномъ

душевномъ мірѣ и поскольку онъ по аналогіи можетъ болѣе или менѣе достовѣрно судить о нихъ у существъ, близко къ нему стоящихъ, именно у людей и у высшихъ животныхъ; но когда существа эти слишкомъ далеки отъ него какъ, напр., амебы, инфузоріи и др., или когда рѣчь идетъ о вещественномъ мірѣ, здѣсь гипотеза явилась бы слишкомъ рискованной и малообоснованной.

Я говорилъ, что психо-физическій параллелизмъ является для насъ эмпирической гипотезой. Во всякой наукѣ существуютъ такого рода гипотезы. Человѣкъ, изучая какія нибудь явленія, не ограничивается только тѣмъ, что описываетъ ихъ; онъ строитъ также предположенія относительно той связи, которая существуетъ между этими явленіями, и относительно законовъ, которые ими управляютъ. Эти гипотезы ему необходимы. Безъ нихъ онъ не могъ бы идти дальше; провѣряя ихъ, онъ исправляетъ свои ошибки и открываетъ новые факты. Такое же значеніе имѣетъ для насъ гипотеза психофизическаго параллелизма. Наблюдая явленія, совершающіяся въ нашемъ организмѣ, мы устанавливаемъ извѣстную связь между какими-нибудь двумя процессами, происходящими въ различныхъ частяхъ нервной системы, и предполагаемъ, что этой связи должна соотвѣтствовать также связь между двумя психическими процессами, соотвѣтствующими упомянутымъ физіологическимъ. И нерѣдко оказывается, что дальнѣйшія изслѣдованія дѣйствительно обнаруживаютъ существованіе такой связи. Точно такъ же и для физіологовъ эта гипотеза является нерѣдко полезной. Такъ, напр., психологическое ученіе объ ассоціаціи идей повлекло за собой созданіе цѣлаго ряда физіологическихъ гипотезъ, изъ которыхъ нѣкоторыя (напр., гипотеза ассоціаціонныхъ центровъ Флексига) привлекаютъ за послѣднее время всеобщее вниманіе.

Такимъ образомъ, точка зрѣнія психо-физическаго параллелизма, разсматриваемаго какъ чисто эмпирическая гипотеза, является полезной какъ для психологовъ, такъ и для физіологовъ. Поэтому я и буду придерживаться ея въ своемъ дальнѣйшемъ изложеніи.

IV.

Сознаніе и безсознательное.

Важнѣйшіе особенности и стороны сознательной дѣятельности.

Когда рѣчь идетъ о предметѣ психологіи, то многіе опредѣляютъ ее какъ науку о данныхъ сознанія. Такое опредѣленіе является не совсѣмъ точнымъ; правильнѣе будетъ опредѣлять психологію, какъ науку о душевныхъ процессахъ или душевныхъ явленіяхъ, такъ какъ мы увидимъ дальше, что психологія изучаетъ не только сознательные, но и безсознательные процессы. Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что основнымъ, исходнымъ пунктомъ всѣхъ нашихъ свѣдѣній о душевной жизни человѣка является сознаніе и сознательные процессы.

Итакъ, что такое сознаніе и въ чемъ обнаруживается его дѣятельность? Современные психологи рѣшаютъ подобнаго рода вопросы нѣсколько иначе, чѣмъ это дѣлали прежде. Раньше старались опредѣлить сущность сознанія, отвѣчая на эти вопросы, напр., такимъ образомъ: „сознаніе есть свойство души“; или „сознаніе есть отраженіе въ человѣкѣ высшаго мірового начала“ и т. д. А затѣмъ отсюда выводили различныя особенности и свойства сознанія. Въ противоположность этому современная опытная психологія идетъ другимъ путемъ. Она прежде всего разсматриваетъ особенности того процесса или явленія, которое мы называемъ сознаніемъ.

Въ чемъ заключаются особенности сознательнаго процесса? Для того, чтобы объяснить это, я приведу примѣръ. Положимъ, я сплю крѣпкимъ сномъ безъ сновидѣній. Затѣмъ я начинаю что-то испытывать, что-то совершенно неопредѣленное, какой-то толчокъ. Я не знаю, что это такое, не знаю даже—зрительное-ли это

впечатлѣніе, или осязательное, слуховое. Вмѣстѣ съ тѣмъ это ощущеніе является очень смутнымъ и слабымъ; мало по-малу я начинаю различать звукъ и онъ дѣлается все болѣе сильнымъ, ощущеніе становится болѣе яснымъ, отчетливымъ. Я начинаю слышать членораздѣльные звуки, различаю человѣческую рѣчь и, наконецъ, окончательно просыпаясь, узнаю голосъ пріятеля, который будитъ меня. Я перешелъ, значитъ, отъ безсознательнаго состоянія къ состоянію сознательному. Чѣмъ характеризуется этотъ переходъ? Во-первыхъ, тѣмъ, что мои воспріятія сдѣлались болѣе сильными, ясными и отчетливыми. Вмѣсто слабаго, нея́снаго шума—громкіе, отчетливые звуки человѣческой рѣчи. Во-вторыхъ, оно характеризуется еще тѣмъ, что эти воспріятія поставлены мною въ связь съ окружающимъ. Вамъ, вѣроятно, часто приходилось испытывать, что, просыпаясь, вы сразу не можете оріентироваться: гдѣ вы, что съ вами, какимъ образомъ вы сюда попали? Въ особенности это бываетъ, если вы просыпаетесь въ мало знакомомъ мѣстѣ. Затѣмъ вы начинаете приводить свои воспріятія въ связь со своими мыслями и воспоминаніями и, мало-по-малу, сознаніе объединяется. Слѣдовательно, вторая особенность—это большее объединеніе впечатлѣній. Наконецъ, третья особенность о которой подробнѣе будетъ сказано ниже, это связь впечатлѣній съ нашимъ собственнымъ „я“, съ нашей собственной личностью.

Остановимся теперь подробнѣе на каждой изъ этихъ трехъ особенностей сознательной дѣятельности.

Во-первыхъ, сознательныя переживанія являются болѣе интенсивными, болѣе ясными и отчетливыми. Въ этомъ отношеніи существуетъ, какъ вы видѣли изъ приведеннаго примѣра, цѣлый рядъ постепенныхъ ступеней сознательности, начиная отъ совершенно не сознаваемаго, безсознательнаго, переходя къ болѣе отчетливому и, наконецъ, кончая наиболѣе ясными и отчетливо сознаваемыми переживаніями.

Для обозначенія этихъ ступеней сознательности Вундтъ приводитъ слѣдующую схему сознанія. Онъ сравниваетъ сознательную дѣятельность съ полемъ зрѣ-

нія. Когда я смотрю прямо передъ собой, хотя бы на часы, находящіеся сейчасъ передо мною, то тотъ предметъ, на который я устремляю взоръ, видѣнъ со всѣми его деталями, другіе предметы видны менѣе отчетливо, но все же различаются мною; то же, что еще дальше удалено, почти сливается въ общую однородную сѣроватую массу. Такимъ образомъ, въ полѣ зрѣнія различается прежде всего поле наиболѣе яснаго зрѣнія, лежащее вокругъ точки фиксаціи. Затѣмъ—периферія поля зрѣнія, т. е. то, что находится ближе къ границѣ поля зрѣнія и, наконецъ, граница поля зрѣнія, за которой я не вижу ничего. Ясность и отчетливость зрѣнія возрастаетъ по мѣрѣ приближенія къ фиксаціонной точкѣ и, наоборотъ, уменьшается по мѣрѣ приближенія къ периферіи.

По аналогіи съ этимъ полемъ зрѣнія Вундтъ представляетъ себѣ наше сознаніе. И здѣсь онъ различаетъ въ каждый данный моментъ фиксаціонную точку сознанія. Этотъ терминъ обозначаетъ, что соотвѣтствующія переживанія сознаются нами въ данный моментъ наиболѣе ярко и отчетливо. На периферіи сознанія находится все то, что менѣе ясно сознается, и, наконецъ, представленія или впечатлѣнія, которыя перестаютъ мною сознаваться, находятся за порогомъ сознанія. Этотъ терминъ—„порогъ сознанія“, впервые введенный Гербартомъ, оченъ удобенъ для обозначенія той границы, которая отдѣляетъ безсознательную сферу человѣка отъ едва сознаваемыхъ впечатлѣній.

Надо сказать, однако, что не слѣдуетъ смѣшивать поле зрѣнія съ полемъ сознанія: могутъ быть случаи, когда поле сознанія не совпадаетъ съ полемъ зрѣнія. Со всѣми вами, вѣроятно, бывали такіе моменты, когда вы смотрѣли передъ собой, уставивши глаза въ одну точку, а между тѣмъ думали совершенно о другомъ. Это бываетъ часто въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ задумывается: онъ смотритъ неподвижно въ одну точку, но это не значитъ, чтобы тѣ объекты, на которые направленъ его взоръ, дѣйствительно находились въ фиксаціонной точкѣ его сознанія; въ это время онъ можетъ вспоминать, напр., о вчерашнемъ разговорѣ, и сознаніе

его будетъ сосредоточено на предметѣ этого разговора и т. п.

Для того, чтобы ясно представить, что слѣдуетъ понимать подъ порогомъ сознанія, я продѣлаю одинъ простой экспериментъ, который подтвердитъ вамъ то, что я говорилъ раньше, т. е. что психологическіе эксперименты не требуютъ непремѣнно сложныхъ приборовъ, а могутъ быть произведены съ очень простыми приспособленіями.

Производится экспериментъ съ часами: экспериментаторъ постепенно подходитъ съ часами къ испытуемой и проситъ ее отмѣтить тотъ моментъ, когда она услышитъ едва замѣтное тиканье. Моментъ этотъ отмѣчается, какъ порогъ ощущенія, т. е., граница отдѣляющая едва сознаваемыя впечатлѣнія отъ несознаваемыхъ.

Если Вы будете вглядываться въ теченіе своихъ душевныхъ процессовъ, то увидите, что фиксаціонная точка сознанія и объекты, входящіе въ нее, вовсе не представляютъ чего-нибудь постояннаго, неподвижнаго, напротивъ, вы увидите, что объекты въ фиксаціонной точкѣ сознанія постоянно мѣняются. Я задумался и вспомнилъ о вчерашнемъ разговорѣ. На одинъ моментъ я очень ярко вспомнилъ лицо человѣка, съ которымъ я разговаривалъ; это воспоминаніе смѣняется содержаніемъ самаго разговора; затѣмъ я перехожу на побочныя обстоятельства. Однимъ словомъ, какъ въ процессѣ зрѣнія я перехожу взорами отъ одного предмета къ другому, такъ и фиксаціонная точка сознанія постоянно перемѣщается. Психологи образно выражаются, говоря: наши представленія и вообще всѣ наши душевныя переживанія борются между собой за обладаніе полемъ сознанія и его фиксаціонной точкой; каждое изъ нихъ стремится вытѣснить изъ сознанія другія, чтобы самому овладѣть полемъ сознанія. Вы видите, какъ на периферіи вашего сознанія постепенно появляются новыя и новыя впечатлѣнія, новыя переживанія, для того, чтобы уступить мѣсто другимъ. Недавно скончавшійся психологъ Джемсъ употребилъ для обозначенія этой постоянной смѣны явленій созна-

нія очень удачный терминъ—„потокъ сознанія“. Какъ въ потокѣ быстро текущей рѣки постоянно смѣняются различныя струи и капли воды, такъ и въ сознаніи происходитъ постоянная смѣна душевныхъ переживаній.

Тѣмъ не менѣе, весь этотъ потокъ душевной жизни все-таки представляется чѣмъ-то единымъ. Несмотря на то, что мы въ сознаніи постоянно различаемъ болѣе или менѣе отчетливыя отдѣльныя переживанія, отдѣльныя мысли, чувства и впечатлѣнія, все же въ каждый данный моментъ мы сознаемъ, что наша душевная жизнь представляетъ собой нѣчто цѣльное, объединенное.

Опытъ. Испытуемой показаны сквозь щель тахистоскопа одна за другой нѣсколько карточекъ, на которыхъ нанесены группы точекъ; точки расположены или правильными рядами, геометрическими фигурами,—или же разбросаны въ безпорядкѣ; число ихъ также различно. Оказывается, что правильно расположенныя точки воспринимаются въ большемъ количествѣ, чѣмъ неправильныя; кромѣ того, замѣчается тенденція неправильно разбросанныя точки воспринимать и изображать въ видѣ правильныхъ рядовъ, фигуръ и пр.

Это—обычное явленіе. Наше сознаніе всегда вноситъ извѣстный порядокъ, правильность въ воспринимаемыя нами явленія внѣшняго міра. Въ сущности всѣ наши знанія, вся система нашихъ наукъ есть не что иное, какъ такое стремленіе упорядочить, привести къ извѣстному единству разбросанный, пестрый матеріалъ нашего опыта.

Если мы обратимся къ животному міру, то увидимъ, что эти два признака—расчлененіе и объединеніе (дифференціація и интеграція) составляютъ характерную особенность не только психической жизни, не только сознанія, но и всякой вообще органической жизни—всего живущаго и существующаго. Мы видимъ, что по мѣрѣ совершенствованія и развитія животныхъ организмовъ эти два признака все болѣе и болѣе дѣлаются яркими и отчетливыми. Если вы возьмете жизнь на самыхъ первыхъ ея ступеняхъ, напр., какое-нибудь

одноклѣточное живое существо, у котораго почти не дифференцированы ткани организма, то увидите, что ихъ жизненныя проявленія на этихъ ступеняхъ настолько однообразны, что трудно говорить о какой-нибудь расчлененности и согласованности дѣйствій въ томъ смыслѣ, какъ мы ихъ находимъ у взрослаго человѣка. Мало-по-малу, подымаясь по ступенямъ животнаго царства, переходя къ выше организованнымъ животнымъ, которыя уже настолько дифференцированы, что имѣютъ различные органы, имѣютъ центральную нервную систему, вы видите, какъ по мѣрѣ развитія этой нервной системы въ ней обособляются различныя части, предназначенныя для разныхъ функцій, напр., особо выдѣляются органы двигательные, чувствительные, органы, предназначенные для переработки полученныхъ ощущеній и для комбинированія между собой различныхъ импульсовъ и т. д. Въ то же время вы видите, что вмѣстѣ съ дифференцировкой нервной системы идетъ и ея объединеніе. Возьмите, напр., червяка, разрѣжьте его пополамъ, и обѣ половины продолжаютъ двигаться и дѣйствовать, какъ и прежде бывшее цѣлое; между тѣмъ если позвоночному животному или человѣку перерѣзать спинной хребетъ въ шейной части, то вы увидите, что и человѣкъ, и животное умираютъ. Съ дифференціаціей, раздѣленіемъ различныхъ органовъ идетъ ихъ интеграція, ихъ объединеніе.

То же самое, происходитъ и въ психической жизни человѣка. У человѣка и высшихъ млекопитающихъ душевная жизнь представляется, несомнѣнно, болѣе сложной и разнообразной, чѣмъ у низшихъ животныхъ. Психика взрослаго человѣка несравненно болѣе разнообразна, чѣмъ психика ребенка, и вмѣстѣ съ тѣмъ она представляется гораздо болѣе объединенной. Сознаніе у новорожденнаго ребенка состоитъ изъ группы отрывочныхъ впечатлѣній, не связанныхъ между собою; отсутствуетъ координація, объединеніе впечатлѣній, а вмѣстѣ съ нимъ отсутствуетъ и сознаніе своей личности. Вундъ изображаетъ сознаніе ребенка въ видѣ короткихъ, отрывочныхъ, не связанныхъ между собой

линій. По мѣрѣ развитія линіи (т. е., отдѣльныя впечатлѣнія) дѣлаются болѣе длительными, и связи между ними—болѣе богатыми и разнообразными. Въ силу того, что ребенокъ не можетъ долго сосредоточиться на одномъ и томъ же впечатлѣніи, фиксаціонная точка его сознанія постоянно переходитъ отъ одного къ другому; такимъ образомъ, можно говорить о крайне слабомъ развитіи сознанія у новорожденнаго ребенка. Съ теченіемъ времени, сознательная дѣятельность развивается такимъ образомъ, что каждое отдѣльное впечатлѣніе становится все болѣе детальнымъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отдѣльныя впечатлѣнія связываются между собой. Ребенокъ начинаетъ постепенно понимать, что, когда къ нему подходятъ съ губкой и съ водой, это значитъ—вслѣдъ за этимъ у него возникнетъ цѣлый рядъ непріятныхъ ощущеній,—и онъ начинаетъ кричать отъ одного приближенія къ нему. Въ дальнѣйшемъ, психическая жизнь заключается въ томъ, что связь устанавливается не только между сосѣдними впечатлѣніями, но и между болѣе отдаленными: у взрослаго человѣка отдѣльныя впечатлѣнія могутъ вызывать воспоминаніе о томъ, что было недѣлю, мѣсяцъ и годъ назадъ. Вотъ до какой степени доходитъ это объединеніе психической дѣятельности,

И здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, мы видимъ, что параллельно съ развитіемъ психической дѣятельности идетъ развитіе центральной нервной системы. Въ то время, какъ у ребенка головной мозгъ не весь развился, у взрослаго отдѣльные центры головного мозга получаютъ свое окончательное развитіе,—что является физіологическимъ выраженіемъ объединенія психическихъ процессовъ, о которомъ сейчасъ шла рѣчь.

Раньше я уже говорилъ о томъ, что въ сознаніи въ каждый данный моментъ различныя впечатлѣнія то возникаютъ, всплывая надъ порогомъ сознанія и входя въ фиксаціонную точку сознанія, то опять уступаютъ мѣсто другимъ впечатлѣніямъ. Уже изъ этого можно было заключить, что сознаніе никогда не представляетъ собой чего-нибудь совершенно однороднаго, простѣйшаго, или другими словами, что въ сознаніи никогда

не можетъ быть только одного какого-нибудь впечатлѣнія. Сознаніе есть единство нѣсколькихъ впечатлѣній. Въ сознаніи всегда существуетъ одновременно нѣсколько психическихъ переживаній, чувствъ, представленій, мыслей, воспоминаній. Можно задать себѣ вопросъ, какъ великъ „объемъ сознанія"? другими словами: сколько представленій можетъ вмѣститься одновременно въ сознаніи человѣка? Отвѣты на этотъ вопросъ давались различные. Одни указывали на то, что сознаніе можетъ вмѣстить одновременно нѣсколько впечатлѣній; другіе наоборотъ, утверждали, что въ сознаніи въ каждый данный моментъ можетъ вмѣститься только одно впечатлѣніе; если же намъ кажется, что одновременно въ нашемъ сознаніи находится нѣсколько впечатлѣній, то это только кажущееся явленіе: на самомъ дѣлѣ, это зависитъ отъ того, что наше вниманіе быстро перебѣгаетъ отъ одного объекта къ другому, и, такимъ образомъ, возникаетъ иллюзія, будто бы мы одновременно воспринимаемъ нѣсколько впечатлѣній.

Этотъ послѣдній взглядъ основывался на томъ предположеніи, что наша душа есть нѣчто единое, и поэтому въ каждый данный моментъ она можетъ воспринимать только одно какое-нибудь впечатлѣніе. Для рѣшенія этого спорнаго вопроса были поставлены эксперименты. Одинъ изъ нихъ я вамъ уже показалъ—опытъ съ тахистоскопомъ, заключающійся въ томъ, что, когда испытуемый видитъ передъ собой быстро промелькнувшую поверхность съ изображенной на ней группой (точекъ или буквъ), то онъ воспринимаетъ одновременно нѣсколько точекъ. Это показываетъ, что одновременно мы можемъ воспринимать нѣсколько впечатлѣній, но что число этихъ впечатлѣній ограничено: когда вы показываете при такихъ условіяхъ 15—20 точекъ, то испытуемый воспринимаетъ не всѣ, а только 8—10.

Наблюденіе обыденной жизни также показываетъ, что сознаніе наше можетъ вмѣщать нѣсколько впечатлѣній, но что поле или объемъ сознанія не безпредѣльны. Сейчасъ въ фиксаціонной точкѣ моего сознанія находится предметъ моей лекціи, то, о чемъ я сейчасъ говорю, и то, о чемъ я буду говорить въ ближай-

шій моментъ. По сосѣдству фиксаціонной точки сознанія находятся зрительныя впечатлѣнія, получаемыя отъ аудиторіи, то, что я сейчасъ вижу передъ собой. Еще дальше, на периферіи моего сознанія изрѣдка мелькаютъ, смѣняя другъ друга, отдѣльныя мысли, напр., мысль о томъ, что скоро кончается лекція, мысль о томъ, что я буду дѣлать во время перерыва, послѣ перерыва. Затѣмъ, изрѣдка я взглядываю въ окно; это впечатлѣніе едва воспринимается мною, и этимъ кончается объемъ моего сознанія въ данный моментъ. Все остальное находится за порогомъ сознанія.

Эта ограниченность объема сознанія съ біологической точки зрѣнія представляется приспособленіемъ чрезвычайно цѣлесообразнымъ. Если бы человѣкъ долженъ былъ въ каждый данный моментъ сознавать все то, что было имъ раньше воспринято, все то, что находится въ безсознательной сферѣ, то, конечно, никакого сознанія не хватило бы, и онъ не могъ бы совершенно оріентироваться въ окружающемъ. Потребности живого существа требуютъ, чтобы оно въ каждый данный моментъ больше всего сосредоточилось на чемъ-нибудь одномъ; иначе, все остальное будетъ мѣшать, отвлекать вниманіе. Въ этомъ отношеніи сравнительная узость объема сознанія является въ высшей степени цѣлесообразной.

Теперь я покажу другой опытъ, также относящійся къ объему сознанія.

Берутъ метрономъ, устанавливаютъ его на извѣстный темпъ и затѣмъ даютъ испытуемому два ряда звуковъ, раздѣленныхъ между собой промежуткомъ. Опытъ повторяется нѣсколько разъ, причемъ 1-й рядъ бываетъ или равенъ 2-му, или же на одинъ ударъ длиннѣе или короче его. Задача испытуемаго заключается въ томъ, чтобы, не считая ударовъ метронома, онъ опредѣлилъ, который изъ двухъ рядовъ длиннѣе. Для этого ему требуется всякій разъ воспроизвести въ памяти одновременно оба ряда и сравнить ихъ. Оказывается, что при небольшомъ количествѣ ударовъ испытуемый опредѣляетъ разницу правильно, а при 11—12 ударахъ опредѣленіе уже дѣлается менѣе точнымъ.

Далѣе производится тотъ же опытъ, но въ нѣсколько видо-

измѣненной формѣ: послѣ каждаго третьяго удара раздается звонокъ метронома, благодаря чему удары каждаго рода извѣстнымъ образомъ группируются. Оказывается, что при этомъ условіи сравненіе длинныхъ рядовъ происходитъ лучше, чѣмъ въ первый разъ, т. е. объемъ сознанія расширяется.

Это нѣчто въ родѣ того, что мы уже видѣли раньше въ опытѣ съ тахистоскопомъ: при взглядѣ на быстро промелькнувшія точки у испытуемаго была тенденція группировать эти точки въ правильные ряды или фигуры. Опыты въ этихъ двухъ направленіяхъ показываютъ, слѣдовательно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда содержаніе сознанія раздѣлено на правильныя группы, объемъ сознанія значительно увеличивается. Фактъ этотъ имѣетъ большое значеніе для всей нашей душевной жизни. Мы знаемъ, что взрослый человѣкъ можетъ одновременно обнимать гораздо больше впечатлѣній, чѣмъ ребенокъ. Сознаніе ребенка сравнительно бѣдно, узко; въ каждый данный моментъ онъ вмѣщаетъ не много впечатлѣній, между тѣмъ взрослый можетъ однимъ взоромъ окидывать огромный промежутокъ времени или значительное количество впечатлѣній. Это зависитъ именно отъ того, что у взрослаго они упорядочены, приведены въ систему. Въ томъ, чтобы упорядочить впечатлѣнія, познанія, чувства, переживанія и поступки ребенка, и заключается одинъ изъ важныхъ моментовъ въ развитіи душевной жизни.

Итакъ, я говорилъ объ ясности и отчетливости сознательныхъ переживаній, ихъ раздѣльности и взаимной связи. Теперь остается упомянуть о третьей особенности сознательной жизни человѣка — о постоянномъ отнесеніи сознательныхъ переживаній къ нашему „я“, къ нашей личности. Эта связь настолько велика, что многіе психологи даже отождествляютъ сознаніе съ личностью. Когда сознаніе утрачивается, то личность человѣка также временно какъ бы замираетъ, ея активное отношеніе къ окружающему міру прекращается, или, по крайней мѣрѣ, значительно ослабѣваетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ теряется возможность избирательнаго отношенія къ внѣшней средѣ, сосредоточенія на однихъ впечатлѣніяхъ и игнорированія другихъ. Въ этомъ отношеніи

дѣятельность сознанія связана также тѣснѣйшимъ образомъ съ дѣятельностью вниманія, такъ что ихъ можно до нѣкоторой степени даже отождествить одно съ другимъ. Вниманіе есть не что иное, какъ сосредоточеніе сознанія на томъ или иномъ впечатлѣніи или переживаніи, введеніе того или иного впечатлѣнія или переживанія въ фиксаціонную точку нашего сознанія. Это сосредоточеніе большей частью бываетъ слѣдствіемъ активной дѣятельности нашего „я"; однако, это случается не всегда, такъ что активное участіе нашего „я" въ сосредоточеніи вниманія и въ объединяющей дѣятельности сознанія можетъ быть выражено болѣе или менѣе рѣзко.

Безсознательные процессы, ихъ отношеніе къ сознанію.

Теперь я перейду къ другому вопросу, тѣсно связанному съ предыдущимъ, именно—къ вопросу о безсознательномъ. Я уже говорилъ о томъ, что существуетъ цѣлый рядъ постепенныхъ ступеней сознательности. Начиная отъ фиксаціонной точки сознанія, мы постепенно доходимъ до порога и, перейдя черезъ него, выходимъ изъ границъ сознательной душевной жизни и переходимъ въ область безсознательнаго. Спрашивается, существуетъ ли вообще безсознательная жизнь, или же все, что дѣлаетъ человѣкъ, что онъ думаетъ, мыслитъ, чувствуетъ, ограничивается только предѣлами сознанія. Цѣлый рядъ фактовъ, накопившихся за послѣднее время, свидѣтельствуетъ о томъ, что безсознательная дѣятельность несомнѣнно существуетъ, и психологи въ настоящее время относительно этого уже не сомнѣваются. Разнорѣчіе, и очень коренное, существуетъ по другому вопросу, именно: какъ слѣдуетъ представлять себѣ механизмъ этой безсознательной дѣятельности, какъ слѣдуетъ смотрѣть на природу безсознательнаго.

Я приведу только два-три примѣра изъ обыденной жизни, чтобы показать, въ какихъ случаяхъ безсознательная дѣятельность выступаетъ болѣе ярко, и на какихъ данныхъ основывается признаніе ея существованія.

Извѣстно, что впечатлѣнія, однажды нами воспринятыя, могутъ быть затѣмъ воспроизведены спустя извѣстный промежутокъ времени. Это существованіе перерывовъ, которые, однако, не мѣшаютъ воспроизведенію данныхъ впечатлѣній, показываетъ, что эти забытыя впечатлѣнія продолжаютъ существовать въ какомъ-то измѣненномъ видѣ; это ихъ измѣненное состояніе мы и называемъ безсознательнымъ.

Далѣе, всѣ мы знаемъ такіе случаи когда наши мысли и сужденія идутъ такимъ образомъ, что мы не всегда можемъ дать себѣ отчетъ, какимъ именно путемъ пришли мы къ такому-то заключенію. Положимъ, я увидѣлъ какого-нибудь человѣка, поговорилъ съ нимъ нѣсколько времени, и у меня получилось впечатлѣніе о немъ, какъ о человѣкѣ несимпатичномъ. Онъ могъ быть очень ласковымъ, могъ стараться угодить, могъ даже разговаривать очень умно и казаться на видъ такимъ, что о немъ можно сказать только хорошее,—тѣмъ не менѣе, что-то такое говоритъ во мнѣ: „нѣтъ, ты этому человѣку не вѣрь“. Я самъ не могу сказать, въ чемъ причина. Вѣроятно, во время разговора я мелькомъ („периферіей сознанія“) подмѣтилъ въ немъ такія отдѣльныя слова, отдѣльные жесты, какой-нибудь взглядъ, на которые я не обратилъ вниманія, но которые, тѣмъ не менѣе, сохранились въ моей безсознательной сферѣ, и эти мимолетныя впечатлѣнія оказываютъ свое вліяніе на мое сужденіе о томъ человѣкѣ. Очень часто, когда я обдумываю какую-нибудь проблему, прихожу къ извѣстному выводу, я не могу сказать, какимъ путемъ я пришелъ къ нему. Безсознательная работа была въ данномъ случаѣ такъ же интенсивна, какъ и та работа, которая совершалась въ моемъ сознаніи. Работа шла одновременно въ двухъ этажахъ—надъ и подъ порогомъ сознанія, и получившійся результатъ обязанъ своимъ происхожденіемъ двумъ параллельно совершающимся и переплетающимся между собой работамъ.

Я указалъ на то, что нѣтъ и не можетъ быть рѣзкой границы между сознательными и безсознательными переживаніями. Разъ дѣло идетъ о потокѣ сознанія,

разъ надъ порогомъ нашего сознанія постоянно всплываютъ впечатлѣнія, которыя за нѣсколько секундъ были безсознательны, то нельзя говорить о такомъ рѣзкомъ обособленіи. Это постоянное сообщеніе между упомянутыми двумя отдѣлами психической жизни, эта невозможность установить рѣзкую границу между ними, еще больше убѣждаетъ насъ въ существованіи безсознательной психической жизни.

Наконецъ, въ послѣднее время психіатрами было установлено, путемъ наблюденія надъ душевно-больными и надъ лицами, находившимися въ состояніи гипнотическаго сна, что наша безсознательная дѣятельность совершается зачастую чрезвычайно сложно, планомѣрно и цѣлесообразно. Часто наблюдались случаи, когда человѣкъ въ гипнотическомъ состояніи или въ состояніи эпилептическаго помраченія сознанія могъ совершать очень сложныя дѣйствія. Онъ могъ ходить по городу, заходить въ магазины, разговаривать,—и затѣмъ не помнить ничего, что съ нимъ было. Все это совершалось имъ въ безсознательномъ состояніи.

Еще одинъ фактъ: когда я буду говорить о процессахъ творчества, о художественномъ и творческомъ воображеніи, мнѣ придется подчеркнуть, что безсознательная дѣятельность играетъ и здѣсь огромную роль. Это подтверждаютъ многіе выдающіеся художники, которые подчеркиваютъ, что человѣкъ не воленъ управлять своимъ талантомъ, что этотъ наплывъ творчества совершается помимо его воли, какъ нѣчто независящее отъ него; и здѣсь безсознательная психическая жизнь какъ бы врывается въ сознаніе и производитъ въ немъ цѣлый переворотъ.

Всѣ эти данныя говорятъ въ пользу того, что безсознательная жизнь существуетъ и играетъ огромную роль во всей нашей душевной дѣятельности. Но тутъ и возникаетъ разногласіе. Спрашивается, какъ слѣдуетъ смотрѣть на эту безсознательную дѣятельность: слѣдуетъ ли разсматривать ее, какъ нѣчто психическое, такое-же психическое, какъ всѣ остальныя наши переживанія, только опустившееся за порогъ сознанія, или слѣдуетъ разсматривать эту дѣятельность, какъ нѣчто

совершенно особое, совершенно отдѣльное отъ психической жизни? По этому вопросу существуетъ нѣсколько взглядовъ.

Одинъ взглядъ, который, по моему, является наиболѣе правильнымъ и обоснованнымъ, наиболѣе согласуется со всѣми современными свѣдѣніями психологіи,— это взглядъ, который видитъ въ безсознательной сферѣ такія же психическія переживанія, какъ и въ сознаніи, только отличающіяся отъ нихъ нѣкоторыми признаками Другой взглядъ, также очень распространенный, заключается въ томъ, что психическіе процессы могутъ быть только сознательными. Сторонники этого взгляда разсуждаютъ такимъ образомъ: мы опредѣляемъ психологію, какъ науку о явленіяхъ сознанія; слѣдовательно, тѣмъ самымъ безсознательное уже не можетъ быть психическимъ. Къ тому же, о безсознательномъ мы можемъ имѣть свѣдѣнія только косвеннымъ путемъ, въ то время какъ сознательныя явленія воспринимаются непосредственно, о безсознательныхъ мы судимъ либо на основаніи тѣхъ поступковъ, которые совершаетъ человѣкъ, либо по аналогіи съ сознательными переживаніями.

Сторонники второго взгляда сводятъ обыкновенно безсознательную жизнь къ чисто физіологическимъ процессамъ; согласно ихъ мнѣнію, тамъ, гдѣ кончается сознаніе, тамъ продолжается дѣятельность мозга и больше ничего. Съ ихъ точки зрѣнія человѣкъ, когда онъ не видитъ во снѣ сновидѣній, есть только физіологическій автоматъ, а не существо, одаренное въ данную минуту психикой. У него, правда, существуютъ извѣстныя предрасположенія, извѣстные слѣды въ памяти, но все это носитъ чисто физіологическій характеръ. Мнѣ лично представляется этотъ взглядъ неправильнымъ, и неправильнымъ потому, что мы видѣли, какъ трудно установить границу между сознательной и безсознательной дѣятельностью, а тамъ, гдѣ нѣтъ рѣзкой границы, тамъ необходимо приходится признать переходъ одного въ другое. Вѣдь напр., теорія эволюціи именно на томъ и основывается, что нѣтъ рѣзкой границы между высшими и низшими представите-

лями животнаго царства, и что между ними существуетъ цѣлый рядъ переходовъ. Такъ и здѣсь: безсознательная дѣятельность такъ рѣзко вліятъ на сознаніе, такъ тѣсно съ нимъ переплетается, что обособлять ихъ очень трудно; естественнѣе будетъ принять, что безсознательные процессы суть тѣ же психическіе процессы, но отличающіеся отъ сознательныхъ нѣкоторыми особенностями.

Существуетъ еще одна гипотеза безсознательнаго, но эта гипотеза носитъ болѣе метафизическій характеръ и предназначена не столько для уясненія явленій психической жизни, сколько для общаго объясненія всего существующаго. Въ этомъ смыслѣ понятіемъ безсознательнаго широко пользовался Гартманъ. Онъ различаетъ относительно - безсознательное и абсолютно - безсознательное. Относительно-безсознательными Гартманъ называетъ психическіе процессы, тождественные съ сознательными, но въ данный моментъ почему-либо субъектомъ не воспринимаемые; возможность существованія такихъ не сознаваемыхъ и, тѣмъ не менѣе, психическихъ процессовъ Гартманъ оспариваетъ. Что же касается абсолютно-безсознательнаго, то какъ самое понятіе это, такъ и границы его примѣненія настолько уже выходятъ изъ рамокъ эмпирической науки, что я не могу вдаваться здѣсь въ его разсмотрѣніе.

Теперь спрашивается, чѣмъ отличаются безсознательные психическіе процессы отъ сознательныхъ? Каковы ихъ характерныя особенности?

Прежде всего, безсознательная дѣятельность отличается большей непрерывностью. Мы видѣли, что воспринятыя нами сознательныя впечатлѣнія временно забываются, но продолжаютъ существовать въ теченіи нѣкотораго времени въ видѣ безсознательныхъ процессовъ, чтобы затѣмъ опять сдѣлаться сознательными. Безсознательная психическая дѣятельность является какъ бы той общей основой, на которой отъ времени до времени всплываютъ островки нашей сознательной дѣятельности. Когда человѣкъ спитъ, это не значитъ, что его психическая жизнь совершенно прекратилась. Это значитъ, что она претерпѣла извѣ-

стное измѣненіе, ослабѣла, замерла, но безсознательно она продолжается. Человѣкъ просыпается, начинаетъ бодрствовать, островки появляются и затѣмъ снова исчезаютъ. Безсознательная жизнь является гораздо болѣе богатой и сложной, чѣмъ жизнь сознанія. Все то, что мы когда-нибудь восприняли, сохраняется нами въ видѣ безсознательнаго, а отъ времени до времени дѣлается сознательнымъ, когда вниманіе направляется именно на данную сторону психической жизни.

Другая особенность безсознательной жизни состоитъ въ томъ, что безсознательные процессы не такъ координированы, не отличаются такой правильностью, какъ сознательные. Несмотря на то, что безсознательная жизнь богаче и непрерывнѣе, все же сознательная дѣятельность является высшимъ кульминаціоннымъ пунктомъ человѣческой или вообще психической дѣятельности. Въ сознаніи мы воспринимаемъ новыя впечатлѣнія, создаемъ новыя комбинаціи; мы обдумываемъ, размышляемъ. Сознаніе, въ концѣ концовъ, всегда даетъ намъ наиболѣе яркія, сильныя и координированныя проявленія нашей психической жизни.

Я говорилъ о томъ, что безсознательная дѣятельность вліяетъ на сознательную, но съ другой стороны несомнѣнно, что и сознательная дѣятельность вліяетъ на безсознательную. Сознаніе зачастую какъ бы задаетъ урокъ, даетъ направленіе, въ которомъ затѣмъ безсознательная дѣятельность продолжаетъ работать. Положимъ, я въ теченіи извѣстнаго времени занимался какимъ-нибудь вопросомъ, затѣмъ долженъ сразу перейти къ другому занятію. Напр., я читаю какое-нибудь художественное произведеніе, затѣмъ мнѣ надо приняться за сухую, отвлеченную, абстрактную работу. Моя безсознательная дѣятельность сосредоточивается на впечатлѣніяхъ отъ художественнаго произведенія, а мнѣ необходимо придать ей совершенно другое направленіе. Въ такихъ случаяхъ путемъ произвольнаго сосредоточеванія вниманія я заставляю себя воспринимать извѣстныя абстрактныя впечатлѣнія, мыслить въ извѣстномъ направленіи и мало-по-малу замѣчаю, какъ и общее направленіе моей психической работы, какъ со-

знательной, такъ и безсознательной, перемѣстилось въ эту сторону; постепенно различныя абстрактныя мысли, относящіяся къ читаемому, уже сами собой начинаютъ всплывать въ сознаніи, между тѣмъ какъ болѣе конкретная дѣятельность, возбужденная предыдущей работой, постепенно замолкаетъ.

Такимъ образомъ, если безсознательное и имѣетъ огромное значеніе въ психической жизни, то все же сознаніе, въ концѣ концовъ, всегда играетъ у взрослаго, развитого, нормальнаго человѣка руководящую роль, опредѣляя собой дальнѣйшее развитіе и обогащеніе нашей психической дѣятельности, а также и то направленіе, которое она принимаетъ въ тотъ или иной моментъ. Такъ бываетъ у взрослыхъ, развитыхъ, нормальныхъ людей. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда сознаніе еще не вполнѣ развито, какъ напр., у ребенка, или въ тѣхъ случаяхъ, когда сознательная дѣятельность нарушена, какъ напр., у больныхъ, мы видимъ, что безсознательное выступаетъ на первый планъ. Дѣятельность сознанія дѣлается разрозненной, переставая подчиняться извѣстнымъ цѣлямъ и логическимъ законамъ. Объединенность сознанія, правильность въ ходѣ и теченіи умственной работы нарушается.

Я еще не упомянулъ объ одномъ признакѣ безсознательныхъ процессовъ, который также очень характеренъ. Выше уже говорилось, что сознательная дѣятельность всегда тѣснѣйшимъ образомъ связана съ нашимъ „я“. Все совершающееся въ нашемъ сознаніи, въ томъ числѣ и самое сознаніе, мы привыкли считать своимъ и относить къ своей личности. Наоборотъ, безсознательные процессы и вліяніе ихъ на сознаніе обычно воспринимаются моимъ „я“, какъ нѣчто чужое. Когда у меня всплываетъ какая-либо мысль или какое-либо воспоминаніе о событіи, о которомъ я не думалъ, то я говорю, что эта мысль или это воспоминаніе явились сами собой, какъ что-то данное мнѣ.

Вотъ эта чуждость безсознательныхъ процессовъ и ихъ результатовъ, всплывающихъ въ сознаніи, также является характерной ихъ особенностью по сравненію съ личными, сознательными переживаніями.

V.

Общее подраздѣленіе психическихъ процессовъ.

Классификація душевныхъ явленій. Теорія способностей.

Когда мы изучаемъ какую бы то ни было сложную область явленій, то всякому болѣе детальному из [illegible] должна предшествовать классификація или группировка этихъ явленій. Точно такъ же необходимо классифицировать и явленія сознанія, или явленія, подлежащія изученію психологіи.

Мы видимъ съ древнихъ временъ непрекращающіяся попытки классифицировать душевныя явленія. Вначалѣ, когда представленіе о душевной жизни было еще очень грубое и не точное, считали возможнымъ дѣлить душу на части точно такъ же, какъ мы дѣлимъ на части тѣло. И въ древности говорили о частяхъ души и даже помѣщали эти части души въ разныхъ частяхъ тѣла, напр., одну часть души помѣщали въ головѣ, другую—въ груди, третью—въ печени или подъ діафрагмой и т. д. Мало-по-малу пришли къ заключенію, что душа или душевная жизнь есть нѣчто такое, что нельзя дѣлить на матеріальныя или пространственныя части, помѣщая эти части въ разныхъ мѣстахъ организма, что подраздѣленіе въ этой области должно носить нѣсколько иной характеръ, чѣмъ подраздѣленіе въ этой классификація въ области явленій физическаго міра. И вотъ стали группировать не самыя явленія душевной жизни, а тѣ основныя причины или факторы, которые лежатъ въ основѣ этихъ явленій. Возникло ученіе о способностяхъ души, разработанное очень подробно Христіаномъ Вольфомъ въ XVIII вѣкѣ и въ теченіе цѣлаго столѣтія господствовавшее въ психологіи.

Это ученіе о душевныхъ способностяхъ сводится въ основныхъ своихъ чертахъ къ слѣдующему. Душа наша

есть единая, недѣлимая сущность или субстанція. Эта сущность сама по себѣ не можетъ быть раздѣлена на части, какъ мы дѣлимъ физическое тѣло, но она имѣетъ различныя свойства или способности. Каждая изъ этихъ способностей обладаетъ извѣстными, свойственными только ей одной проявленіями, и, такимъ образомъ, дѣйствіе этихъ способностей вызываетъ всѣ тѣ явленія душевной жизни, которыя мы наблюдаемъ въ своемъ сознаніи. Въ основу каждой группы душевныхъ явленій кладется извѣстная способность, объясняющая возникновеніе этой группы. Напр., мы наблюдаемъ въ своемъ сознаніи двоякаго рода явленія: съ одной стороны, ощущенія и воспріятія, съ другой стороны—чувствованія. Это объясняется, согласно указанной точкѣ зрѣнія, тѣмъ, что въ насъ заложены, съ одной стороны, способность ощущать, а съ другой — способность чувствовать.

Способность, по представленію Хр. Вольфа и его школы, была чѣмъ-то простѣйшимъ, элементарнымъ, недѣлимымъ, не сводимымъ ни къ чему другому; это—простое свойство души, которое изъ самаго себя производитъ явленія нашей психической жизни. При дѣйствіи нѣкоторыхъ возбудителей внѣшняго міра эти способности могутъ производить тѣ явленія, которыя мы въ себѣ наблюдаемъ. Если этихъ возбудителей нѣтъ на лицо, то способности какъ-бы дремлютъ въ нашей душѣ, остаются въ бездѣйствіи. Какъ только является соотвѣтствующій поводъ для проявленія этихъ способностей, онѣ начинаютъ дѣйствовать. Такъ какъ основныхъ способностей души нѣсколько (я дальше укажу, какія именно способности души считали основными), то эти способности могутъ входить во взаимодѣйствіе между собой. Напр., способность волевого усилія можетъ воздѣйствовать на способность воспріятія, заставляя это послѣднее временно прекратить или, наоборотъ, усилить свою дѣятельность. Этимъ объясняли тотъ фактъ, что мы можемъ путемъ волевого усилія подавлять или, наоборотъ, усиливать свои впечатлѣнія, воспоминанія и т. д.

Такимъ образомъ, какъ справедливо указывали про-

тивники этого ученія, наше сознаніе представляется чѣмъ-то въ родѣ сцены, на которой выступаютъ совмѣстно или попеременно нѣсколько основныхъ способностей души; отдѣльныя способности то скрываются за кулисы, то опять начинаютъ дѣйствовать, приходятъ въ соприкосновеніе другъ съ другомъ и т. д. Это ученіе о способностяхъ въ дальнѣйшей своей разработкѣ повело къ тому, что различали разные виды способностей. Такъ, напр., наряду съ основными или элементарными способностями, несводимыми ни къ чему другому, различали второстепенныя или производныя способности—тѣ, которыя являлись уже выведенными изъ этихъ основныхъ способностей. Напр., нѣкоторые психологи считали способность ощущенія первичной. Представленія, мышленіе, сужденіе — все это, по ихъ мнѣнію, составлялось изъ ощущеній путемъ ихъ сохраненія, возпроизведенія и комбинаціи. Или, напр., въ области чувствованій первичной, простѣйшей способностью считалось чувство удовольствія или неудовольствія. Всякое другое, болѣе сложное чувство, какъ напр., аффектъ гнѣва, эстетическое или религіозное чувство считалось производнымъ, сложнымъ. Наряду съ этимъ различали также высшія и низшія способности.

Для того, чтобы сдѣлать болѣе наглядным такого рода подраздѣленія, которыя въ то время были въ большомъ ходу, я приведу подраздѣленія душевныхъ способностей, данныя основателемъ этой теоріи Христіаномъ Вольфомъ.

Онъ дѣлилъ душевныя способности на двѣ главныя группы, именно, способность познавательную и способность желанія.

1) Низшія познавательныя способности: ощущенія, получаемыя нами при помощи органовъ чувствъ; воображеніе и память (т. е. возникновеніе образовъ уже ранѣе нами воспринятыхъ впечатлѣній); творческое воображеніе.

2) Высшія познавательныя способности: вниманіе и рефлексія; разсудокъ.

Вторая группа—способность желанія также дѣлилась на низшія и высшія способности.

1) Низшія способности: удовольствіе и неудовольствіе; чувственное влеченіе или чувственное отвращеніе; аффекты.

2) Высшія способности: хотѣніе и нехотѣніе; свобода.

Въ настоящее время, какъ мы увидимъ ниже, мы уже не можемъ принять этого подраздѣленія, не произведя въ немъ весьма существенныхъ измѣненій. Если же я привелъ его цѣликомъ, то, во-первыхъ, въ виду его историческаго значенія, а во-вторыхъ,—потому, что въ обыденной жизни мы очень часто дѣлимъ психическіе процессы почти такимъ же точно образомъ. Вообще психологія способностей довольно близко приближается къ психологіи обыденной жизни. Трудно сказать, кто на кого въ данномъ случаѣ вліялъ, философы на образованныхъ людей или житейскія наблюденія на философовъ, но взаимная близость здѣсь несомнѣнна. Это всегда слѣдуетъ имѣть въ виду, помня, что обыденно-житейская психологическая терминологія, зачастую соотвѣтствуетъ не столько современнымъ научнымъ знаніямъ о душевной жизни, сколько теоріямъ прежней, „раціональной“ психологіи.

Надо сказать, однако, что далеко не всѣ психологи были согласны между собою по вопросу о томъ, какія способности считать основными и какія производными? Въ прежнее время особенно охотно считали основными познавательную и волевую способности, въ послѣднюю же половинну XVIII-го столѣтія явилась тенденція ставить чувство на первый планъ или, по крайней мѣрѣ, утверждать, что оно не уступаетъ по своему значенію познавательнымъ и волевымъ процессамъ. Впервые энергично подчеркнулъ роль чувства въ нашей душевной жизни Ж. Ж. Руссо, подъ вліяніемъ котораго и въ философіи И. Кантъ замѣнилъ двойственное дѣленіе Вольфа тройственнымъ. Онъ раздѣлилъ нашу психическую жизнь на умъ, чувство и волю, или на познавательную, чувствовательную и волевую способности. Въ общемъ это дѣленіе принимается большинствомъ психологовъ и въ настоящее время.

Но, если психологія способностей дала, такимъ образомъ, много цѣннаго для классификаціи душевныхъ

процессовъ, то за то она оказалась совершенно несостоятельной въ томъ, что касается объясненія душевныхъ явленій. Вѣдь въ сущности всѣ ея такъ называемыя объясненія сводились къ слѣдующему: Почему мы чувствуемъ? потому, что въ насъ есть способность чувствованія; почему мы познаемъ? потому, что въ насъ заложена способность познавать. Совершенно справедливо по этому поводу сказалъ Ницше, что подобнаго же рода объясненія были примѣнены знаменитымъ Мольеровскимъ лакеемъ, который по недоразумѣнію попалъ въ доктора и объяснялъ приходящимъ паціентамъ снотворное дѣйствіе опія тѣмъ, что въ немъ есть усыпительная сила, имѣющая своимъ свойствомъ усыплять наши органы чувствъ. Конечно, такого рода объясненія — чисто словесныя и ничего не говорящія. Для цѣлей научнаго изслѣдованія они не только безполезны, но скорѣе даже вредны, такъ какъ на мѣсто дѣйствительнаго объясненія ставятъ ничего не говорящее слово и считаютъ его окончательнымъ отвѣтомъ, не требующимъ дальнѣйшаго обсужденія. Современная опытная психологія для того, чтобы отвѣтить на вопросъ, напр., о природѣ чувствованій, начинаетъ прежде всего изслѣдовать со всѣхъ сторонъ самый процессъ. Каковы внѣшніе возбудители чувствованій? какіе физіологическіе процессы сопровождаютъ чувствованія? какія представленія въ сознаніи человѣка благопріятствуютъ возникновенію того или иного чувства? Начинаютъ разлагать самое чувство и путемъ анализа и изученія какъ самаго процесса, такъ и сопровождающихъ его условій доходятъ до объясненія. Ученіе о способностяхъ разомъ прекращало всѣ эти попытки тѣмъ, что оно для объясненія явленій представляло извѣстное слово и этимъ какъ будто окончательно рѣшало вопросы.

Это—одинъ изъ самыхъ существенныхъ недостатковъ теоріи способностей. Другой недостатокъ, на который указалъ одинъ изъ главныхъ противниковъ этой теоріи — нѣмецкій философъ Гербартъ, состоитъ въ томъ, что разнообразныя измѣнчивыя явленія сознанія теорія способностей пытается объяснить нѣсколькими

простѣйшими, однообразными, неизмѣнными способностями, якобы лежащими въ основѣ всего совершающагося въ сознаніи; между тѣмъ при этомъ совершенно не указывается, какимъ образомъ изъ неизмѣнныхъ, устойчивыхъ способностей получаются измѣнчивыя, колеблющіяся проявленія.

Эти и многія другія слабыя стороны теоріи способностей повели къ тому, что въ настоящее время теорія эта въ томъ видѣ, какъ она принималась Хр. Вольфомъ и его послѣдователями, уже никѣмъ болѣе не раздѣляется.

Однако, дѣленіе психическихъ процессовъ на три основныхъ класса—познавательный, чувствительный и волевой—является и въ настоящее время почти общепринятымъ. Какъ же мы должны смотрѣть на это дѣленіе? Многіе психологи смотрятъ на него только какъ на удобный пріемъ классификаціи явленій душевного міра. Мы дѣлимъ явленія на извѣстныя группы, при чемъ въ каждую группу мы помѣщаемъ тѣ явленія, которыя болѣе или менѣе похожи другъ на друга. Все равно какъ ботаникъ помѣщаетъ въ извѣстную группу растенія, сходныя другъ съ другомъ, точно такъ же поступаетъ и психологъ. Названія, которыя мы прилагаемъ къ каждой группѣ, являются не чѣмъ инымъ, какъ ярлыкомъ, который мы накладываемъ для болѣе удобнаго обзора разнообразныхъ явленій. Здѣсь нѣтъ и рѣчи о дѣйствительномъ объединеніи этихъ явленій, объ указаніи на какую-нибудь общую ихъ причину.

Въ противоположность этому мнѣнію существуетъ другое, согласно которому наши основныя психологическія подраздѣленія указываютъ всегда и на болѣе глубокое различіе или родство, существующее между явленіями, входящими въ составъ одной и той же группы. Я лично придерживаюсь второго взгляда. Но такъ какъ рѣшеніе этого вопроса, по моему мнѣнію, тѣсно связано съ воззрѣніемъ на личность человѣка и его „я“, какъ основу всѣхъ психическихъ переживаній, то обо всемъ этомъ мнѣ придется говорить подробнѣе.

VI.

Личность и ея элементы.

Темпераментъ.

Все, что совершается въ нашей душевной жизни, имѣетъ своимъ основаніемъ нѣкоторое устойчивое и длительное единство, которое мы называемъ человѣческой личностью. Если не считать нѣкоторыхъ патологическихъ случаевъ, въ которыхъ эта основа нашей психической жизни нарушается, то въ остальномъ всѣ наши проявленія мы склонны переживать, какъ проявленія нашего „я", нашей личности.

Анализируя то, что обычно называютъ человѣческой личностью, мы находимъ, что въ составъ ея входятъ разнаго рода элементы. По мнѣнію Джемса, личность можно разсматривать съ трехъ различныхъ точекъ зрѣнія. Во-первыхъ къ личности въ широкомъ смыслѣ слова относится все то, что такъ или иначе можетъ быть причислено къ моему „я". Въ этомъ смыслѣ мы относимъ къ своей личности не только себя самихъ, но также и многое изъ окружающей среды, напр., нашу репутацію въ обществѣ, наше имущество, нашъ домъ, обстановку, нашихъ близкихъ знакомыхъ, — все это относится нами къ нашей личности въ наиболѣе широкомъ смыслѣ этого слова. Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова сюда относится наше тѣло съ его физіологическими и патологическими особенностями. Наконецъ, въ еще болѣе узкомъ смыслѣ, такъ сказать, ядро личности составляютъ наши психическія переживанія и ихъ основа, т. е. наши склонности, способности. Обстановка мѣняется, знакомые мѣняются, репутація моя въ обществѣ можетъ измѣниться, наконецъ, даже мое тѣло можетъ измѣниться, оно старится, у меня могутъ произ-

вести ампутацію ноги и руки,—тѣмъ не менѣе, останется совокупность склонностей, способностей т. е. своеобразный способъ реагированія моего „я“ на окружающую среду, и это именно мы склонны называть своимъ „я“ въ наиболѣе тѣсномъ смыслѣ слова.

Если мы возьмемъ это ядро личности, эту ея конечную основу, то увидимъ, что здѣсь можно различать двѣ стороны темпераментъ и характеръ. Разсмотрѣніемъ этихъ двухъ сторонъ я займусь сейчасъ.

Ученіе о темпераментахъ возникло въ глубокой древности. Еще отецъ медицины Гиппократъ раздѣлилъ темпераменты на четыре группы—дѣленіе, которое въ основныхъ чертахъ остается и въ настоящее время. Это всѣмъ извѣстные типы сангвиника, меланхолика, холерика и флегматика. Извѣстны также особенности этихъ четырехъ группъ:

Сангвинникъ—живой, подвижный, неустойчивый, впечатлительный, легко возбуждающійся, но также быстро успокаивающійся, легкомысленный, неспособный къ систематическому обсужденію, неспособный къ длительной настойчивой дѣятельности въ одномъ направленіи.

Меланхоликъ, наоборотъ, отличается интенсивными и долго сохраняющимися впечатлѣніями. Въ противоположность сангвинику, онъ отличается замкнутостью, необщительностью, склонностью къ мечтательности, но такъ же, какъ и сангвинникъ, не способенъ къ сколько-нибудь энергичной дѣятельности. Меланхолики больше чувствуютъ и мечтаютъ, чѣмъ дѣйствуютъ или проявляютъ себя во внѣ. Чувства у нихъ преобладаютъ какъ надъ разсудочными, такъ и надъ волевыми процессами.

Холерики отличаются быстрой возбудимостью и склонностью къ дѣятельности. Они являются энергичными въ дѣйствіяхъ, склонными къ бурнымъ вспышкамъ. Кантъ считаетъ ихъ честолюбивыми, склонными выдвигать свое собственное „я“, склонными окружать себя льстецами и имѣть вокругъ себя свиту; къ систематическому мышленію они мало способны.

Флегматики отличаются очень слабой возбудимостью. Надо очень много труда, чтобы расшевелить

ихъ и привести въ состояніе возбужденія. Всѣ психическіе процессы протекаютъ у нихъ крайне медленно. Эта медленность составляетъ ихъ характерную особенность. Къ дѣйствію они мало способны, но, если ихъ удается привести въ состояніе дѣятельности, то они дѣйствуютъ довольно настойчиво въ одномъ и томъ же направленіи; однако, ихъ дѣятельность является не столько выраженіемъ собственной иниціативы, сколько выраженіемъ склонности идти въ томъ направленіи, въ которомъ данъ толчекъ, и неспособностью измѣнить это направленіе.

Вотъ въ общихъ чертахъ особенности основныхъ четырехъ темпераментовъ, какъ они обыкновенно изображаются. Надо сказать, что такого рода характеристика темпераментовъ установилась далеко не сразу. Въ древности, когда ученіе о темпераментахъ создавалось, оно предназначено было, главнымъ образомъ, для цѣлей медико-физіологическаго истолкованія явленій, совершающихся въ организмѣ. Темпераменты разсматривали, какъ чисто физіологическія особенности организаціи человѣка. Дѣло доходило до того, что, напр., Галенъ считалъ возможнымъ говорить о темпераментѣ различныхъ органовъ тѣла, о темпераментѣ сердца, печени, мозга и т. д. Вы видите, что здѣсь пониманіе этого термина носило иной характеръ, чѣмъ въ настоящее время. Точно также мѣнялись и взгляды на то, что лежитъ въ основѣ темпераментовъ. Въ древности считали, что въ основѣ темперамента лежитъ преобладаніе одного изъ элементовъ, которые тогдашняя натуръ-философія клала въ основу всего существующаго, а именно: земля, вода, огонь и воздухъ. Преобладаніе одного изъ этихъ элементовъ влекло за собою ту или иную форму темперамента. Другіе клали въ основу темпераментовъ преобладаніе той или иной жидкости, именно флегмы, черной или желтой желчи или крови. На это указываютъ самыя названія темперамента. Я не буду долго останавливаться на этихъ вопросахъ, потому что все это имѣетъ лишь историческое значеніе. Перейду къ тому, какъ представляется ученіе о темпераментахъ въ настоящее время.

Въ настоящее время темпераментомъ называютъ обыкновенно тѣ особенности психической жизни, которыя наиболѣе тѣсно связаны съ физіологическими процессами, совершающимися въ организмѣ. Въ этомъ отношеніи въ послѣднее время все болѣе и болѣе выдвигается центральная нервная система, какъ носитель тѣхъ особенностей, которыя мы относимъ къ темпераменту. Правда, и въ настоящее время указываютъ, на ряду съ этимъ, на то, что называютъ „конституціей организма“, т. е. на преобладаніе тѣхъ или иныхъ тканей: соединительной, жировой, мышечной нервной или эпителіальной. Такъ напр., преобладаніе мышечной ткани (сильно развитыя мышцы), дѣлая человѣка сильнымъ, крѣпкимъ, можетъ придавать ему извѣстную самоувѣренность, энергію, склонность къ дѣятельности. Преобладаніе жировой ткани, если она очень значительно развита у человѣка, дѣлаетъ его малоподвижнымъ, вялымъ, инертнымъ. Преобладаніе нервной ткани дѣлаетъ его легко возбудимымъ, впечатлительнымъ, живымъ, отзывчивымъ и т. д. Надо сказать, однако, что въ послѣднее время это ученіе о преобладаніи тѣхъ или иныхъ тканей, какъ объ основѣ темперамента человѣка, встрѣчаетъ все больше и больше возраженій. Справедливо указываютъ на то, что нерѣдко встрѣчаются люди, обладающіе сильно развитыми мышцами, и тѣмъ не менѣе, вялые и несклонные къ дѣятельности. Наоборотъ, иногда мы встрѣчаемъ людей съ плохо развитыми мышцами и, тѣмъ не менѣе, въ высшей степени энергичныхъ и дѣятельныхъ. Точно такъ же люди съ легко возбуждающейся нервной системой далеко не всегда отличаются силой и глубиной впечатлѣній.

Повторяю, ученіе о „конституціи“, какъ основѣ темперамента, все болѣе и болѣе отступаетъ на задній планъ, и выдвигается другая точка зрѣнія, согласно которой въ основѣ темперамента лежатъ особенности нервной системы. Въ чемъ же именно заключаются эти особенности? Дѣятельность нервной системы въ настоящее время еще такъ мало изучена, что на этотъ счетъ мы можемъ строить лишь тѣ или иныя гипотезы. Я

укажу, въ качествѣ примѣра, на гипотезу Фулье, который считаетъ, что въ основѣ темперамента лежитъ большая или меньшая склонность нервныхъ тканей къ распаденію и возстановленію съ одной стороны, а затѣмъ большая или меньшая энергія или интенсивность этихъ процессовъ распаденія и возстановленія—съ другой. Эти два процесса, чередуясь и смѣняя другъ друга, образуютъ основу всего совершающагося въ нашемъ организмѣ. Преобладаніе того или иного процесса, а также большая и меньшая его интенсивность образуютъ, по мнѣнію Фулье, основу различныхъ темпераментовъ. Другіе авторы указываютъ при объясненіи формъ темперамента на болѣе или менѣе значительный тонусъ (скрытое, постоянно длящееся состояніе возбужденія) нервной системы, на преобладаніе центробѣжныхъ или центростремительныхъ раздраженій и т. д. Я не буду вдаваться въ подробности по этому вопросу, повторяю лишь, что все сводится въ концѣ концовъ къ тѣмъ или инымъ особенностямъ въ дѣятельности нашей центральной нервной системы.

Есть еще и нѣкоторыя другія стороны въ современномъ ученіи о темпераментахъ, на которыя слѣдуетъ указать здѣсь. Въ то время какъ въ древности ученіе о темпераментѣ носило чисто физіологическій характеръ, въ новѣйшее время, начиная съ Канта, это ученіе пріобрѣло болѣе психологическій оттѣнокъ. Кантъ далъ тѣ описанія темпераментовъ, которыя я сейчасъ привелъ вамъ, и которыя въ настоящее время являются господствующими. Онъ указалъ на то, что центръ тяжести въ ученіи о темпераментѣ всегда долженъ находиться въ психологической характеристикѣ темпераментовъ. Правда, мы должны пытаться дать то или иное физіологическое обоснованіе, но исходить мы должны изъ психологической стороны темпераментовъ. Такимъ образомъ, Кантъ направилъ ученіе о темпераментѣ по тому пути, на которомъ это ученіе уже приближается въ значительной степени къ ученію о характерахъ. Въ настоящее время мы не можемъ уже разсматривать темпераментъ, какъ нѣчто совершенно обособленное отъ характера. Подъ темпераментомъ также разсматриваются извѣст-

ныя психическія особенности личности, только нѣсколько иныя, чѣмъ характеръ.

Вундтъ правильно указываетъ на то, что темпераментомъ мы называемъ въ сущности различныя формальныя особенности въ психической дѣятельности человѣка, при чемъ формальныя особенности здѣсь противополагаются содержанію психическихъ процессовъ. Этими формальными особенностями онъ называетъ силу и быстроту психическихъ процессовъ. Все, что относится къ содержанію личности, напр. интересы человѣка, его симпатіи, антипатіи, преобладаніе въ немъ эгоистическихъ или альтруистическихъ интересовъ,—все это мы называемъ характеромъ человѣка. Наоборотъ, силу и быстроту, съ которой въ немъ совершаются всѣ эти процессы, мы относимъ, по мнѣнію Вундта, къ темпераменту человѣка. Съ этой точки зрѣнія дѣленіе темпераментовъ на четыре группы можно представить слѣдующимъ образомъ:

	Сила	Слабость
Быстрота	Холерическій	Сангвиническій
Медленность	Меланхолическій	Флегматическій

Вотъ въ существенныхъ чертахъ то, что можно сказать о темпераментахъ.

Характеръ.

Переходя къ ученію о характерѣ, какъ другой сторонѣ личности, слѣдуетъ прежде всего сказать, что терминъ „характеръ“ можно понимать въ двухъ смыслахъ—болѣе узкомъ и болѣе широкомъ. Въ болѣе узкомъ смыслѣ терминъ „характеръ“ употребляютъ для обозначенія воли, руководимой извѣстными разумными принципами. Это опредѣленіе, данное Кантомъ, и до настоящаго времени раздѣляется многими.

Лесгафтъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: „Семейное воспитаніе и его значеніе“ также принимаетъ это опредѣленіе характера. Въ этомъ же смыслѣ и въ общежитіи говорятъ о людяхъ безхарактерныхъ, т. е. неспособныхъ къ волевому усилію, или о людяхъ съ характеромъ, способныхъ, наоборотъ, настоять на своемъ. Однако, наблюденія показываютъ, что волю въ этомъ смыслѣ слова очень трудно обособить отъ другихъ сторонъ личности. Въ дальнѣйшемъ изложеніи вы увидите, что волевые процессы тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ чувствованіями. Если у человѣка чувство слабо развито, если человѣкъ апатиченъ, равнодушно относится ко всему, то онъ не способенъ къ настойчивымъ дѣйствіямъ. Наоборотъ, очень часто поступки человѣка бываютъ энергичны и настойчивы въ силу того, что какое-нибудь событіе или происшествіе слишкомъ сильно взволновало, потрясло его, произвело на него большое впечатлѣніе. Волю невозможно обособить отъ чувства. Съ другой стороны, воля тѣснѣйшимъ образомъ связана съ умственной или интеллектуальной жизнью человѣка. Человѣкъ легкомысленный, съ недостаточной склонностью обсуждать, взвѣшивать и вообще отдавать себѣ отчетъ въ окружающихъ явленіяхъ, не способенъ будетъ къ сколько-нибудь настойчивымъ дѣйствіямъ и поступкамъ. Такой человѣкъ легко поддается вліянію окружающей среды, дѣлаясь игрушкой въ рукахъ другихъ, болѣе сильныхъ людей. Неустойчивость ребенка и импульсивность его поступковъ въ значительной степени зависятъ именно отъ бѣдности его опыта и отъ недостаточнаго развитія его сужденій. Такимъ образомъ, вы видите, что дѣятельность человѣка, его воля тѣснѣйшимъ образомъ связана съ чувствами и умственными процессами, и, благодаря этому, приходится разсматривать характеръ человѣка въ тѣснѣйшей связи со всѣмъ складомъ его личности. Въ этомъ смыслѣ употребляютъ слово „характеръ“ и въ общежитіи, когда говорятъ, напр., о „составленіи характеристикъ“, или о необходимости близко узнать характеръ того или иного человѣка. Здѣсь имѣютъ въ виду не одну только волю, но всю совокупность тѣхъ основныхъ

чертъ, которыя представляются существенными для даннаго человѣка, которыя отличаютъ его отъ всѣхъ другихъ людей. Въ этомъ именно болѣе широкомъ смыслѣ буду употреблять и я слово „характеръ“ въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Я не буду излагать вамъ исторіи ученія о характерѣ. Скажу только, что разными авторами принима лось то болѣе широкое, то болѣе узкое опредѣленіе характера. Одна изъ первыхъ попытокъ систематизировать ученіе о характерахъ принадлежитъ Теофрасту, ученику Аристотеля. Впрочемъ, въ его сочиненіи описываются не столько основные психологическіе типы, сколько чисто внѣшнія проявленія человѣческой дѣятельности. Такъ, напр., люди дѣлились по характеру на болтуновъ, завистниковъ, скупыхъ, измѣнниковъ и т. д. Такое отсутствіе сколько-нибудь глубокаго и планомѣрнаго психологическаго анализа въ изученіи характера господствовало вплоть до позднѣйшаго времени, когда стали возникать попытки систематически группировать характеры, обосновавъ ихъ на физіологической основѣ.

Здѣсь прежде всего слѣдуетъ отмѣтить попытку френологовъ, послѣдователей ученія, созданнаго Галлемъ въ 19 столѣтіи. Ученіе это состояло въ томъ, что они старались опредѣлять характеръ человѣка по выпуклостямъ на черепѣ и полагали, что различныя способности человѣка локализируются на поверхности головного мозга, въ отдѣльныхъ участкахъ мозговой коры. Если какая-нибудь способность развита у даннаго человѣка больше другихъ, то соотвѣтствующій участокъ мозговой поверхности болѣе развитъ, и соотвѣтственно этому на черепѣ даннаго человѣка получается выпячиваніе. Это выпячиваніе на черепѣ и свидѣтельствуетъ, по мнѣнію френологовъ, о преобладаніи у человѣка тѣхъ или иныхъ качествъ.

Въ свое время френологія возбудила чрезвычайно большой интересъ, имѣла очень много горячихъ послѣдователей, но затѣмъ очень быстро это ученіе было дискредитировано, и въ настоящее время въ той фор-

мѣ, въ какой оно было разработано, почти никѣмъ не признается. Ошибка заключалась въ томъ, что френологи, примыкая къ старому ученію о способностяхъ Вольфа, подъ способностями подразумѣвали очень сложные комплексы, и эти сложные комплексы они локализировали въ разныхъ мѣстахъ мозговой коры. Напр., любовь къ дѣтямъ помѣщали въ одномъ участкѣ головного мозга, эстетическое чувство — въ другомъ, способности къ математикѣ, религіозное чувство, интересъ къ наукамъ, — все это помѣщали въ разныхъ частяхъ мозга и считали совершенно особыми, своеобразными способностями. На самомъ дѣлѣ, современная психологія показываетъ, что каждое изъ перечисленныхъ качествъ представляетъ собой очень сложный комплексъ, сочетаніе цѣлой группы элементарныхъ процессовъ. Напр., любовь къ дѣтямъ—это сложное цѣлое, которое складывается изъ многихъ элементовъ: сюда входитъ чисто физическое ощущеніе теплоты, мягкости, нѣжности дѣтскаго тѣльца, которое испытываетъ мать, прижимая ребенка; затѣмъ сознаніе, что этотъ ребенокъ представляетъ часть ея собственнаго тѣла, и сознаніе того, что на этого ребенка затрачено такъ много труда, такъ много испытано огорченій и радостей; всѣ эти и еще нѣкоторые другіе элементы сливаются въ одно цѣлое, называемое нами материнскимъ чувствомъ или чувствомъ любви къ дѣтямъ. Это чувство связано съ различными дѣятельностями центральной нервной системы и, вѣроятно, локализируется одновременно въ разныхъ участкахъ мозга. Нельзя поэтому подобное сложное цѣлое помѣщать въ одномъ участкѣ.

Современная физіологія показываетъ, что, хотя мы въ настоящее время и локализуемъ нѣкоторые процессы въ извѣстныхъ участкахъ мозговой коры или, вѣрнѣе, связываемъ нѣкоторые психическіе процессы съ извѣстными участками мозга, но вовсе не такъ, какъ это дѣлали френологи. Анатомія и физіологія мозга учатъ, что есть въ мозгу центры зрительныхъ ощущеній, центры слуховыхъ ощущеній, центры двигательныхъ ощущеній и т. д. Но здѣсь рѣчь идетъ

объ элементахъ психической жизни въ настоящемъ смыслѣ этого слова, а не о тѣхъ сложныхъ комплексахъ, съ которыми имѣли дѣло френологи. Ошибка френологовъ, поведшая къ крушенію всей системы, состояла, прежде всего, въ томъ, что они не достаточно примѣняли психологическій анализъ. Если строить личность изъ элементовъ, то придется ее строить не изъ этихъ сложныхъ элементовъ, изъ которыхъ складывали ее френологи, а изъ гораздо болѣе простыхъ.

Въ послѣднее время цѣлымъ рядомъ авторовъ, преимущественно французскихъ, были сдѣланы попытки классификаціи различныхъ формъ характера, но уже исходя не столько изъ анатомо-физіологическихъ, сколько изъ психологическихъ основаній. Я не буду подробно излагать здѣсь этого вопроса, такъ какъ это завело бы насъ слишкомъ далеко. Ограничусь лишь однимъ примѣромъ. Рибо дѣлитъ людей по преобладанію въ нихъ чувствовательныхъ или волевыхъ процессовъ, а затѣмъ основаніемъ для дальнѣйшаго подраздѣленія у него служитъ большее или меньшее развитіе интеллектуальной жизни. Такого же подраздѣленія придерживаются и нѣкоторые другіе классификаторы.

Итакъ, подъ характеромъ мы подразумѣваемъ совокупность тѣхъ болѣе элементарныхъ психическихъ особенностей даннаго человѣка, которыя отличаютъ его отъ другихъ людей, будь это преобладаніе чувства или воли, то или иное направленіе интересовъ, особенности интеллектуальной жизни и т. д. Темпераментъ въ связи съ характеромъ составляютъ основу личности человѣка.

Темпераментъ сказывается раньше, чѣмъ характеръ. Лесгафтъ указываетъ, что въ первые дни или часы послѣ рожденія большая или меньшая быстрота движеній, большая или меньшая интенсивность крика у ребенка являются очень характерными. Именно по этимъ признакамъ сидѣлки въ воспитательныхъ домахъ отличаютъ дѣтей другъ отъ друга. Особенности темперамента — быстрота и сила реакціи, эти чисто

формальныя особенности личности, сказываются уже съ самаго ранняго возраста. Несомнѣнно, что онѣ являются въ значительной степени прирожденными.

Особенности характера, напр., преобладаніе чувства или дѣятельности, большее или меньшее развитіе умственныхъ процессовъ, преобладаніе тѣхъ или другихъ интересовъ и т. д., сказываются уже позже. Однако, онѣ тоже въ значительной степени являются врожденными, хотя и менѣе, чѣмъ особенности темперамента. Врожденныя особенности не сейчасъ послѣ рожденія обнаруживаются. Нерѣдко онѣ продолжаютъ пребывать въ ребенкѣ въ скрытомъ видѣ, и только потомъ, съ наступленіемъ извѣстнаго возраста онѣ обнаруживаются. Примѣромъ могутъ служить способности къ музыкѣ, къ живописи: несмотря на то, что въ первые годы жизни эти способности не обнаруживаются, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что наслѣдственность здѣсь часто играетъ важную роль; на это указываетъ, между прочимъ, то обстоятельство, что существовали цѣлыя поколѣнія знаменитыхъ музыкантовъ, напр. семья Баховъ, изъ которой вышелъ цѣлый рядъ извѣстныхъ композиторовъ. Половой инстинктъ, какъ извѣстно, также обнаруживается только послѣ наступленія извѣстнаго возраста. Итакъ, мы видимъ, что многія особенности характера также являются прирожденными, но только сказываются не тотчасъ послѣ рожденія, а нѣсколько позже.

Однако, несомнѣнно, что въ жизни человѣка и въ общемъ складѣ личности чрезвычайно важную роль играютъ и другого рода элементы, именно—пріобрѣтенные путемъ воспитанія, путемъ заимствованія изъ окружающей среды и окружающей обстановки. Несомнѣнно, что воспитаніе можетъ въ значительной степени измѣнить личность человѣка, несомнѣнно, что окружающая среда, въ которой живетъ человѣкъ, накладываетъ извѣстный, очень яркій отпечатокъ на его міровоззрѣніе, на его взгляды, на его отношеніе къ окружающей средѣ.

Эти двѣ различныя стороны личности я буду въ дальнѣйшемъ называть терминами, недавно предложен-

ными Франкомъ и мною, именно—„эндо-психической“ и „экзо-психической“ сторонами. Темпераментъ и характеръ составляютъ эндопсихическую сторону личности и даютъ намъ представленіе о томъ, каковы особенности психофизіологической организаціи человѣка, каково соотношеніе отдѣльныхъ сторонъ этой организаціи, однимъ словомъ, каково то субъективное ядро личности, которое и составляетъ собственно ея основу. Наоборотъ, экзопсихическая сторона личности указываетъ намъ, какъ человѣкъ относится къ основнымъ категоріямъ окружающй дѣйствительности. Она рисуетъ намъ человѣка, поскольку онъ относится такъ или иначе къ природѣ и животнымъ, къ окружающимъ его отдѣльнымъ людямъ, къ общественнымъ организаціямъ, къ богатству, къ труду, къ религіи, къ искусству, къ наукамъ, наконецъ, къ своему собственному „я“, потому что и къ своему „я“ человѣкъ можетъ относиться извѣстнымъ образомъ. Отношеніе личности ко всѣмъ этимъ категоріямъ внѣшней дѣйствительности составляетъ то, что можно назвать ея экзопсихикой.

Каково отношеніе этихъ двухъ сторонъ личности другъ къ другу? Несомнѣнно, что ядро личности составляетъ эндопсихическая сторона ея, именно темпераментъ и характеръ, являясь въ значительной степени прирожденными, унаслѣдованными. Они и опредѣляютъ собой преимущественно дальнѣйшее развитіе личности. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Неклюдовой было произведено наблюденіе надъ двумя мальчиками 6 и 7 лѣтъ, братьями, росшими въ одной и той же обстановкѣ. Наблюденіе было произведено очень обстоятельно, по извѣстной программѣ. Въ результатѣ получилась очень подробная характеристика этихъ мальчиковъ. Оказалось, что характеры этихъ мальчиковъ рѣзко отличаются другъ отъ друга. Несмотря на то, что они выросли въ одной обстановкѣ, они представляютъ собой два совершенно различныхъ типа: одинъ — подвижный, живой, съ легко возбуждающимися, но и быстро прекращающимися аффектами; другой — болѣе медленный, разсудочный, самолюбивый, замкнутый, настойчивый въ достиженіи своихъ цѣлей. Черезъ 3 года

Неклюдова опять подвергла этихъ мальчиковъ подробному наблюденію и составила новую характеристику. Оказалось, что общія особенности эндопсихической сферы (характера и темперамента) остались безъ перемѣны, но за то экзопсихическія проявленія сложились гораздо опредѣленнѣе, т. е. опредѣлилось уже довольно ясно направленіе эстетическихъ склонностей (у одного они обнаружились, у другого—нѣтъ), обнаружилось опредѣленное отношеніе дѣтей къ ученію, къ школьной жизни, къ товарищамъ, къ родителямъ и т. д. Однимъ словомъ, ядро личности начинаетъ облекаться въ болѣе опредѣленную внѣшнюю оболочку, но эта внѣшняя оболочка складывалась въ полномъ согласіи съ эндопсихикой этихъ дѣтей, съ особенностями ихъ нервно-психической организаціи.

Личность, какъ цѣлое.

Итакъ, основу личности составляютъ темпераментъ и характеръ. Внѣшнія условія, среда и воспитаніе могутъ значительно вліять на эту основу, могутъ такъ или иначе модифицировать, измѣнять ее. Если условія благопріятны, эндопсихика человѣка развивается свободно, не стѣснена и даетъ полный расцвѣтъ индивидуальности. Наоборотъ, очень часто бываетъ, что внѣшняя обстановка подавляетъ, заглушаетъ, уродуетъ индивидуальность. Мальчика живого, впечатлительнаго, интересующагося ставятъ въ условія, гдѣ воспитаніе носитъ чисто формальный характеръ, гдѣ главное требованіе сосредоточено на внѣшней дисциплинѣ. Къ нему примѣняютъ не конкретные методы обученія, которые въ особенности для дѣтей пригодны, а схоластическія, отвлеченныя наставленія, абстрактныя, мало ему понятныя формулы. Однимъ словомъ, воспитаніе не соотвѣтствуетъ его индивидуальности; получается ломка личности, а въ результатѣ — пестрота и отрывочность ея. Съ одной стороны, ярко выражены нѣкоторыя проявленія, обязанныя своимъ происхожденіемъ эндопсихической сторонѣ личности, а съ другой — другія проявленія, навязанныя ей извнѣ и не согласующіяся

съ первыми. То же самое бываетъ и со взрослымъ человѣкомъ, когда онъ попадаетъ въ несоотвѣтствующую обстановку. Такимъ образомъ, сочетаніе элементовъ личности можетъ быть или гармоническимъ, когда экзопсихическій элементъ соотвѣтствуетъ эндопсихическому, или наоборотъ, когда этого соотвѣтствія нѣтъ.

Итакъ, мы приходимъ къ тому, что личность человѣка представляетъ нѣчто сложное, при чемъ первенствующую роль играютъ эндопсихическіе элементы, именно — психофизіологическая организація человѣка, различныя стороны которой мы называемъ темпераментомъ и характеромъ, а затѣмъ второе мѣсто, также очень существенное, занимаетъ экзопсихическая сторона.

Спрашивается теперь: вѣдь всякую личность мы понимаемъ какъ единство, какъ нѣчто цѣлое; какимъ же образомъ отдѣльные элементы личности связываются въ это единство? Для уясненія этого вопроса извѣстное содѣйствіе окажетъ намъ аналогія, взятая изъ физіологіи или изъ біологіи. Мы представляемъ себѣ организмъ, напр. человѣческій, какъ сложное цѣлое, въ составъ котораго входитъ цѣлый рядъ различныхъ тканей и органовъ; въ то же время, однако, эти органы не представляются совершенно обособленными другъ отъ друга. Нельзя сказать, что тѣло человѣческое складывается изъ крови, нервной системы, соединительной ткани и т. д., такимъ же точно образомъ, какъ изъ кирпичей складывается зданіе; такое сравненіе было бы совершенно неправильнымъ. Отдѣльные элементы не механически приложены, а органически связаны другъ съ другомъ. Они уже послѣ обособляются, выдѣляются нами искуственно изъ организма для цѣлей болѣе удобнаго изученія и излѣдованія. На самомъ дѣлѣ, они представляютъ собой нѣчто цѣлое, нѣчто единое.

Точно такъ же и въ психической жизни наша личность, наша психическая организація дана намъ, какъ нѣчто цѣлое, какъ связанное, организованное единство. Отдѣльныя способности, напр. воля, чувство, умъ, память, вниманіе,—все это представляетъ собой лишь отдѣльныя стороны одной общей, цѣльной организаціи.

Правда, такъ же, какъ и въ организмѣ, эти стороны до нѣкоторой степени независимы другъ отъ друга; напр., встрѣчаются люди, у которыхъ память развита очень хорошо, тогда какъ способность мышленія развита сравнительно слабо, или же встрѣчаются люди, у которыхъ эмоціонально-волевыя особенности развиты хорошо, въ то время какъ интеллектуальная жизнь развита слабо; тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что отдѣльныя стороны этой общей психической или нервно-психической организаціи до нѣкоторой степени независимы другъ отъ друга. Въ пользу такого единства личности говоритъ, между прочимъ, и то обстоятельство, что нарушеніе той или иной стороны психической жизни отражается обычно на всей психикѣ человѣка.

Подобное пониманіе личности, какъ организованнаго единства, конечно, рѣзко отличается отъ прежняго ученія о способностяхъ. Здѣсь мы также имѣемъ отдѣльныя способности или функціи, но эти функціи—въ противоположность старому ученію о способностяхъ—отнюдь не представляютъ собой совершеннно изолированныхъ способностей. Ихъ самостоятельность только относительна, но не абсолютна. Кромѣ того, такое ученіе о личности отличается отъ стараго ученія о способностяхъ еще и тѣмъ, что эти отдѣльныя функціи нашего психическаго организма тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ физіологической стороной, съ чисто мозговыми функціями. Я говорилъ уже о томъ, что всѣ наши психическіе процессы соотвѣтствуютъ мозговымъ процессамъ, слѣдовательно, всѣ психическія функціи также имѣютъ свою физіологическую сторону! Этимъ также наше ученіе о личности отличается отъ ученія о способностяхъ, такъ какъ тамъ душа разсматривалась, какъ не матеріальная, не имѣющая ничего общаго съ мозгомъ, ея способности также разсматривались внѣ всякой связи съ физической организаціей и ея дѣятельностью. Третье различіе заключается въ томъ, что дѣятельность психической организаціи и ея отдѣльныя функціи мы будемъ разсматривать, какъ дѣятельность вполнѣ закономѣрную, подчиненную извѣстнымъ, вполнѣ опредѣленнымъ законамъ. При наличности такихъ-то

условій обязательно должна получиться такая-то реакція, обязательно должна прійти въ дѣйствіе такая-то функція нашей психической организаціи.

При такомъ пониманіи, личность человѣка можно поставить въ тѣснѣйшую связь съ тѣмъ, что въ психологіи называютъ апперцепціей.

Понятіе апперцепціи.

Понятіе апперцепціи — это одно изъ тѣхъ понятій, которое въ психологіи имѣетъ длинное прошлое, которое несомнѣнно имѣетъ огромное значеніе для теченія всѣхъ психическихъ процессовъ, но которое въ то же время разными психологами понималось различнымъ образомъ, такъ какъ выдвигились на первый планъ то тѣ, то другія стороны процесса апперцепціи.

Для того, чтобы дать вамъ представленіе о томъ, что такое апперцепція, я приведу примѣръ. Положимъ вы слушаете лекцію; рѣчь идетъ о какомъ-то сложномъ матеріалѣ, который мало васъ затрагиваетъ, который ничего не объясняетъ изъ вашей прошлой жизни, не стоитъ въ связи съ вашими интересами. Вы воспринимаете далеко не все, думаете о постороннемъ, не сосредоточиваясь на этомъ предметѣ. Но вдругъ лекторъ начинаетъ говорить о близкомъ вамъ предметѣ, который всегда васъ интересовалъ, о которомъ вы сами думали. Вы сразу превращаетесь въ слухъ и каждое слово лектора воспринимаете очень ясно и отчетливо, вы сосредоточиваете все ваше вниманіе на выслушиваніи словъ лектора и на стараніи уяснить ихъ. Психологи скажутъ, что вначалѣ процессъ протекалъ безъ участія апперцепціи, а во второмъ случаѣ мы имѣемъ право говорить о наличности апперцепціи.

Итакъ, чѣмъ характеризуется процессъ апперцепціи!? Во первыхъ—большей яркостью, живостью и отчетливостью воспринимаемыхъ впечатлѣній; въ этомъ отношеніи апперцепцію можно отождествить съ сознательностью или съ вниманіемъ. Во вторыхъ—большей напряженностью, большей активностью; въ этомъ отношеніи процессъ апперцепціи приближается къ воле-

вому усилію. Въ третьихъ, вы воспринимаете апперцептивно то, что васъ больше затрагиваетъ, интересуетъ, больше касается вашего „я“; въ этомъ смыслѣ процессъ апперцепціи является тѣснѣйшимъ образомъ связаннымъ съ личностью. Какъ я вамъ обрисовалъ, процессъ апперцепціи въ этомъ смыслѣ является дѣйствительнымъ отраженіемъ вашей личности, потому что, зная, чѣмъ интересуется данный человѣкъ, вы до нѣкоторой степени можете заключить о томъ, что такое онъ изъ себя представляетъ. Такимъ образомъ, объ апперцепціи мы можемъ говорить въ тѣхъ случаяхъ, когда въ психическомъ процессѣ активно участвуетъ наше „я“, ядро нашей личности, благодаря чему и самый процессъ становится ярче и интенсивнѣе.

Этимъ я пока ограничусь по вопросу объ апперцепціи, такъ какъ впослѣдствіи намъ еще придется къ нему вернуться.

VII.

Ассоціація.

Основные виды ассоціацій.

Процессъ ассоціаціи состоитъ въ томъ, что представленія, уже бывшія ранѣе въ сознаніи, стремятся вызвать другія представленія, такъ или иначе съ ними связанныя.

Это явленіе, чрезвычайно часто повторяющееся въ психической жизни, было замѣчено уже очень давно. Еще Аристотель различалъ ассоціаціи сходства и противоположности, ассоціаціи одновременности и послѣдовательности. Въ послѣднее время сводятъ эти четыре группы ассоціацій къ двумя основнымъ принципамъ: сходству и смежности. Ассоціаціи сходства и противоположности объединяютъ въ одну общую группу—въ ассоціацію сходства. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ какую-нибудь ассоціацію противоположности. Я говорю слово „бѣлый"; у васъ всплываетъ въ сознаніи представленіе о „черномъ". Если мы проанализируемъ эти оба представленія, то увидимъ, что въ нихъ есть нѣчто общее, именно: и то и другое—названія цвѣта. Слово „добро" вызываетъ контрастирующее представленіе „зло"; оба—нравственныя качества. Ассоціировать по противоположности можно только такія представленія, которыя имѣютъ какую-нибудь общую основу. То же самое повторяется, въ сущности, и въ болѣе сложныхъ явленіяхъ жизни. Когда мы говоримъ о спорахъ, то казалось-бы, что спорятъ между собой тѣ, кто совершенно не согласенъ во взглядахъ; между тѣмъ оказывается, что во всякомъ спорѣ должна быть извѣстная общая почва. Спорить могутъ между собой только тѣ люди, которые признаютъ нѣкоторыя общія условія,

для которыхъ конечная истина представляется тождественной, и они спорятъ лишь о томъ, подходятъ ли данныя явленія подъ то, что они называютъ истиной. Напр., у двухъ спорящихъ есть моральные идеалы, и они спорятъ только о данномъ частномъ явленіи, подходитъ ли это явленіе подъ идеалъ или нѣтъ.

Что касается двухъ послѣднихъ группъ—ассоціацій одновременности и послѣдовательности, то ихъ также пытаются свести къ одному общему принципу, именно къ смежности или сосуществованію во времени и пространствѣ. Ассоціація одновременности заключается въ томъ, что представленія, возникающія въ сознаніи, стремятся вызвать другія представленія, которыя были восприняты одновременно съ ними. Напр., во время моего разговора на улицѣ со знакомымъ случилось какое-нибудь происшествіе. На слѣдующій разъ, я встрѣтивъ своего знакомаго, вспоминаю происшествіе, хотя бы оно не имѣло ничего общаго съ нашимъ разговоромъ. Оно вспоминается только потому, что было воспринято одновременно *). Примѣръ ассоціаціи послѣдовательности: увидя блеснувшую молнію, ждутъ грома; причина заключается въ томъ, что за молніей обычно слѣдуетъ громъ. Въ обоихъ случаяхъ я имѣю сосуществованіе двухъ представленій въ моемъ сознаніи. Они были мной восприняты вмѣстѣ, но только въ первомъ случаѣ одновременно, а во второмъ случаѣ—одно за другимъ.

Наряду съ стремленіемъ свести всѣ ассоціаціи къ двумъ основнымъ типамъ, слѣдуетъ отмѣтить въ современномъ ученіи объ ассоціаціяхъ еще одну характерную особенность. Раньше процессъ ассоціаціи представляли себѣ такимъ образомъ, что отдѣльныя представленія

*) Приведу здѣсь одинъ любопытный фактъ, неоднократно наблюдавшійся мною и объясняющійся, несомнѣнно, ассоціаціей смежности. Когда въ переполненномъ пассажирами вагонѣ трамвая, получивши отъ кондуктора билетъ, вы все время остаетесь на одномъ и томъ же мѣстѣ, то кондукторъ помнитъ о выданномъ билетѣ и не трогаетъ васъ: но стоитъ перемѣнить мѣсто, и нерѣдко кондукторъ опять спрашиваетъ, есть ли у васъ билетъ. Представленіе о выдачѣ билета связывается въ его умѣ съ опредѣленнымъ мѣстомъ, занимавшимся пассажиромъ.

являются какъ бы цѣльными единицами, вызывающими другъ друга въ сознаніи. Напр., я видѣлъ пастуха со стадомъ; при встрѣчѣ въ другой разъ съ пастухомъ мнѣ воспоминается его стадо. Раньше разсматривали оба эти представленія (пастухъ — стадо), какъ совершенно отдѣльныя, цѣльныя единицы, связанныя другъ съ другомъ по закону ассоціаціи. Въ настоящее время, благодаря экспериментальнымъ изслѣдованіямъ надъ процессомъ ассоціаціи, дѣло представляется уже значительно иначе. Для того, чтобы показать, какъ это на самомъ дѣлѣ происходитъ, я произведу опытъ, а затѣмъ этотъ опытъ каждый изъ васъ можетъ продѣлать на себѣ.

Опытъ съ ассоціаціями ставится такимъ образомъ. Экспериментаторъ даетъ какое-нибудь слово, произнося его вслухъ или показывая написаннымъ или напечатаннымъ на бумагѣ. Вмѣсто слова можно брать рисунокъ, какой-нибудь предметъ и т. д. Испытуемаго же просятъ дать подробный отчетъ въ томъ, что возникаетъ у него въ сознаніи тотчасъ вслѣдъ за даннымъ возбудителемъ.

Подобнаго рода опыты показываютъ, что процессъ ассоціаціи не происходитъ такъ просто, какъ это можно было бы предполагать, т. е. будто бы одно представленіе вызываетъ другое, возникающее сразу во всей своей полнотѣ, какъ обособленная единица. Обычно процессъ ассоціаціи происходитъ такъ, что данный возбудитель—образъ или слово—возбуждаетъ въ сознаніи испытуемаго сначала только нѣкоторые элементы. Напр., при произнесенномъ словѣ „огонь“ у нѣкоторыхъ въ сознаніи возникаетъ что-то блестящее, неоформленное, „просто какой-то блескъ“, а затѣмъ уже постепенно возникаетъ образъ зажженнаго костра или горящей свѣчи и т. д. Итакъ, процессъ ассоціаціи возникаетъ не сразу, а постепенно. Извѣстные элементы даннаго слова или даннаго представленія вызываютъ сначала нѣкоторые элементы другого представленія, а затѣмъ уже другія представленія возникаютъ въ ихъ цѣломъ видѣ. Напр., я вижу въ яркій солнечный день блескъ солнца на золоченомъ куполѣ церкви, и у меня возни-

каетъ представленіе о свѣчѣ. Процессъ ассоціаціи въ данномъ случаѣ не протекаетъ такъ, что вслѣдъ за воспринятымъ впечатлѣніемъ блеска солнца на куполѣ церкви возникло сразу цѣльное впечатлѣніе о свѣчѣ, а происходитъ иначе: представленіе о церкви есть нѣчто сложное, составленное изъ цѣлой группы элементовъ. Сюда входятъ и ощущеніе бѣлаго цвѣта отъ стѣнъ церкви, ощущеніе движенія глазъ при разсматриваніи формы купола, ощущеніе блестящаго желтаго цвѣта и т. д. Нѣкоторые изъ этихъ ощущеній, напр. ощущеніе блеска отъ купола, связаны у меня съ другого рода элементами, составляющими въ своей совокупности образы другихъ блестящихъ предметовъ, напр. свѣчи. Такимъ образомъ, нѣкоторые элементы даннаго сложнаго представленія вызываютъ сначала другіе элементы, сходные или ближайшимъ образомъ связанные, а затѣмъ уже возникаетъ и цѣльное представленіе.

Только что произведенный мной опытъ можно опредѣлить какъ опытъ со свободно-возникающими ассоціаціями. Я совершенно не стѣснялъ теченіе мыслей испытуемыхъ. Можно ставить опыты и другимъ путемъ: напр., я назову какое-нибудь родовое понятіе, а испытуемый долженъ назвать видовое. Слово „металлъ“ вызываетъ по ассоціаціи представленіе о золотѣ или мѣди, или желѣзѣ и т. д. Или, напр., я говорю испытуемому слово „круглый“ и прошу назвать все, что можетъ быть круглымъ. Въ такого рода экспериментахъ, когда заранѣе намѣчается тотъ путь, по которому должна идти мысль, испытуемый ограничивается извѣстными границами.

Далѣе, очень важно дѣленіе ассоціацій на внутреннія и внѣшнія. Нѣкоторые отождествляютъ это дѣленіе съ дѣленіемъ ассоціацій по сходству и по смежности, считая ассоціаціи сходства внутренними, а ассоціаціи смежности — внѣшними. Но это не всегда бываетъ такъ. Въ общемъ внѣшнія ассоціаціи можно опредѣлить, какъ болѣе поверхностныя, имѣющія между собой только какое-нибудь несущественное сход-

ство или какую-нибудь случайную, поверхностную связь. Ассоціаціи смежности, вообще говоря, принадлежатъ къ внѣшнимъ ассоціаціямъ, именно въ силу ихъ случайности, въ силу того, что здѣсь связываются два представленія только потому, что они неоднократно попадались вмѣстѣ. Наоборотъ, ассоціація внутренняя — это такая, когда два представленія имѣютъ болѣе глубокую внутреннюю связь между собой. Къ ассоціаціи внѣшней принадлежатъ, напр., рифмы: слова не имѣющія между собой никакой связи, ассоціируются только потому, что ихъ окончанія звучатъ сходно: напр. „бѣжать“ — „нажать“. Сюда же слѣдуетъ отнести случаи, когда данное слово вызываетъ рядъ словъ, привычно-соединеныхъ, благодаря заучиванію: „буря“ — „мглою небо кроетъ“. Примѣры внутреннихъ ассоціацій: „Пожаръ“ — „искра“: искра причина пожара. „Движеніе“ — „толчокъ“. Въ этихъ примѣрахъ мы видимъ болѣе глубокую, внутреннюю связь. Сюда относятся ассоціаціи по подчиненію и соподчиненію. Напр.: „металлъ“ — „желѣзо“. Это дѣленіе на внутреннія и внѣшнія ассоціаціи имѣетъ очень существенное значеніе.

Далѣе, слѣдуетъ различать ассоціаціи словесныя и ассоціаціи предметныя. Изъ поставленныхъ опытовъ можно было видѣть различіе между предметными и словесными ассоціаціями: „рѣка“—одному представился берегъ рѣки, мутная вода; другому слово „рѣка“, т. е., чисто словесный образъ.

Ассоціироваться между собой могутъ не только представленія, но также движенія и чувствованія. Когда я собираюсь куда-нибудь, то я привычнымъ движеніемъ разсовываю по карманамъ разные предметы; бываетъ такъ, что иногда нѣкоторые предметы мнѣ не нужны, а я все же ихъ кладу въ силу двигательной ассоціаціи; входя въ ванную комнату, я по привычкѣ зажигаю электричество, хотя бы дѣло происходило днемъ *). Джемсъ приводитъ любопытный примѣръ, какъ нѣкоторые разсѣянные люди, удалившись передъ обѣдомъ

*) Эти и подобныя имъ явленія вполнѣ соотвѣтствуютъ тому, что Павловъ называетъ „условными“, а Бехтеревъ—„сочетательно-двигательными“ рефлексами.

въ спальню, чтобы по англійскому обычаю, переодѣться, раздѣвались совершенно и собирались укладываться спать. Можно было бы привести соотвѣтствующіе примѣры также и изъ области ассоціаціи чувствованій.

Физіологическія основы ассоціативныхъ процессовъ.

Что касается физіологическаго обоснованія ассоціативныхъ процессовъ, то систематическія попытки въ этомъ направленіи начались сравнительно поздно лишь послѣ того, какъ анатомія и физіологія мозга стали мало-по-малу выяснять функціи и значеніе этого сложнаго органа. Въ настоящее время мы имѣемъ уже довольно много такихъ попытокъ въ этомъ направленіи. Тѣмъ не менѣе и теперь мы не можемъ еще сказать, что имѣемъ болѣе или менѣе общепринятое физіологическое обоснованіе процесса ассоціаціи; отдѣльныя гипотезы являются спорными и требуютъ еще дальнѣйшей разработки и провѣрки. Я приведу нѣкоторыя относящіяся сюда данныя.

Изученіе строенія мозговой коры показываетъ намъ, что отдѣльныя извилины соединены между собою такъ называемыми ассоціативными волокнами. Эти ассоціативныя волокна могутъ быть или болѣе короткими, связывающими сосѣднія извилины, или болѣе длинными, связывающими извилины болѣе отдаленныя. Кромѣ ассоціативныхъ волоконъ въ бѣломъ веществѣ существуютъ такъ называемыя проекціонныя волокна, которыя предназначены не для того, чтобы связывать отдѣльныя части коры, а для того, чтобы связывать мозговую кору съ нижележащими центрами и переферическими органами. Изслѣдуя мозговые зародыши и только что родившихся дѣтей, нѣмецкій психіатръ и анатомъ Флексигъ нашелъ, что различныя мѣста коры головного мозга отличаются между собой въ томъ отношеніи, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ преобладаютъ проекіонныя волокна, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ преобладаютъ ассоціативныя волокна. Еще ранѣе было установлено, что въ извѣстныхъ мѣстахъ мозговой поверхности расположены различные чувствительные и чувство-двига-

тельные центры: въ височныхъ доляхъ—слуховые, въ затолочныхъ—зрительные и т. п. Послѣ удаленія какого-нибудь изъ этихъ центровъ утрачивается соотвѣтствующій родъ воспріятій или движеній. И вотъ Флексигъ показалъ, что въ этихъ участкахъ коры головного мозга преобладаютъ проекціонныя волокна, т. е. волокна, предназначенныя для того, чтобы соединять данные центры съ периферическими органами, т. е., съ мышцами, или съ соотвѣтствующими органами чувствъ. Эти проекціонныя волокна идутъ въ спинной мозгъ и на переферію тѣла, между тѣмъ какъ въ другихъ участкахъ коры преобладаютъ ассоціативныя волокна, предназначенныя для того, чтобы соединять отдѣльные чувственные центры другъ съ другомъ. Флексигъ построилъ гипотезу, что именно эти ассоціативные центры и являются тѣми центрами, дѣятельность которыхъ соотвѣтствуетъ болѣе сложнымъ психическимъ процессамъ, такъ какъ именно комбинированіе отдѣльныхъ чувственныхъ образовъ и является той высшей психической дѣятельностью, которая въ результатѣ даетъ намъ сложные продукты психической дѣятельности. Такимъ образомъ, здѣсь мы имѣемъ попытку дать явленію ассоціаціи представленій анатомическое обоснованіе, локализируя процессы ассоціаціи въ особыхъ „ассоціативныхъ центрахъ“. Гипотеза эта въ настоящее время еще не является общепринятой. Она встрѣтила довольно много возраженій какъ съ анатомической стороны (подвергнутъ сомнѣнію самый фактъ отсутствія проекціонныхъ волоконъ въ ассоціаціонныхъ центрахъ) такъ и со стороны физіологической. Тѣмъ не менѣе, извѣстная доля правды въ ней, повидимому, есть.

Спрашивается, какимъ же образомъ происходитъ взаимодѣйствіе между отдѣльными нервными элементами, т. е., нервными клѣтками и выходящими изъ нихъ нервными волокнами? На этотъ счетъ существуетъ гипотеза, хотя также спорная, но довольно демонстративно представляющая весь процессъ. Изученіе нервныхъ клѣтокъ показываетъ намъ, что изъ всякой клѣтки выходятъ отростки, которые оканчиваются кисточками; эти окончанія подходятъ къ другимъ клѣткамъ и прите-

гаютъ къ нимъ. Существуетъ предположеніе, что въ состояніи бодрственномъ эти нервныя волокна разбухаютъ и кисточки приближаются къ другимъ клѣткамъ; въ состояніи же сна или наркоза эта кисточка отходитъ отъ второй клѣтки, и соприкосновеніе, а слѣдовательно и взаимодѣйствіе между клѣтками, нарушается. Эта гипотеза въ связи съ гипотезой Флексига, даетъ намъ довольно стройное (хотя, повторяю, и вполнѣ еще доказанное) обоснованіе психическаго процесса ассоціацій, по крайней мѣрѣ, для тѣхъ случаевъ, когда ассоціативная связь устанавливаетя между разнородными ощущеніями: зрительными и слуховыми, слуховыми и осязательными и т. д.

Значеніе ассоціацій въ психической жизни.

Переходя къ тому значенію, какое ассоціація имѣетъ въ нашей психической жизни, мы прежде всего должны указать на то, что явленія памяти, запоминаніе, воспроизведеніе, узнаваніе – въ значительной степени объясняются этимъ процессомъ. Именно на явленіяхъ памяти процессы ассоціацій впервые были подмѣчены и изучены въ наиболѣе отчетливомъ и подробномъ видѣ. Вѣдь самый процессъ ассоціаціи характеризуется тѣмъ, что представленія, возникающія въ нашемъ сознаніи, стремятся вызвать другія представленія, такъ или иначе съ ними связанныя, т. е. процессъ ассоціаціи опредѣляется, какъ процессъ воспроизведенія представленій, связанныхъ съ даннымъ представленіемъ. Точно такъ же процессъ узнаванія въ значительной степени объясняется ассоціированіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда я слышу какой-нибудь звукъ, и этотъ звукъ мнѣ кажется знакомымъ, то это „чувство знакомости“ зачастую представляется мнѣ сначала загадочнымъ и не поддающимся анализу. Затѣмъ я начинаю вслушиваться въ этотъ звукъ, мало-по-малу у меня возникаютъ какіе-то образы, и вдругъ возникаетъ въ сознаніи другой звукъ, связанные съ нимъ зрительные образы, сначала неясные, потомъ дѣлающіеся все болѣе и болѣе ясными. Возникаетъ представленіе о какомъ-нибудь человѣкѣ, о мѣстѣ,

извѣстной обстановкѣ, и я тогда уже совершенно ясно узнаю, что этотъ звукъ напоминаетъ мнѣ чей-нибудь голосъ или звукъ извѣстнаго музыкальнаго инструмента и т. п. Здѣсь, слѣдовательно, процессъ узнаванія сводится къ возникновенію ассоціаціи, сначала смутной и неясной, а затѣмъ все болѣе и болѣе отчетливой. Точно также и процессъ различенія объясняется въ значительной степени ассаціаціями. Положимъ, я вижу лицо, которое мнѣ на первый взглядъ кажется знакомымъ, я начинаю вглядываться, припоминая въ то же время лица видѣнныхъ мною раньше людей, похожія на данное лицо. Мало-по-малу я замѣчаю, что данный человѣкъ отличается отъ моего знакомаго (на котораго онъ похожъ) цвѣтомъ волосъ, болѣе или менѣе вытянутымъ оваломъ лица и т. д. Такимъ образомъ, процессъ различенія сводится къ тому, что, наряду съ нѣкоторыми ассоціаціями сходными, возникаютъ также ассоціаціи различныя, не похожія на то впечатлѣніе, которое я имѣю предъ собой въ данный моментъ.

Этотъ вопросъ—о процессахъ узнаванія и различенія подвергнутъ въ послѣднее время горячему обсужденію, такъ какъ въ связи съ нимъ обсуждался другой, еще болѣе коренной вопросъ, именно, можно ли свести ассоціацію сходства и ассоціацію смежности другъ къ другу. Выше я указалъ, что всѣ ассоціаціи можно свести къ двумъ основнымъ группамъ—къ ассоціаціи по сходству и ассоціаціи по смежности. Въ послѣднее время были сдѣланы попытки свести эти двѣ группы къ одной и, такимъ образомъ, еще болѣе объединить процессъ ассоціаціи. Именно, Леманъ утверждалъ, что всѣ такъ называемыя ассоціаціи сходства въ концѣ концовъ сводятся къ ассоціаціи смежности. Онъ рисовалъ себѣ процессъ этотъ такимъ образомъ. Возьмемъ какую-нибудь ассоціацію по сходству, напр.; портретъ напоминаетъ мнѣ лицо другого человѣка, похожаго на этотъ портретъ. Попытаемся анализировать, къ чему сводится данная ассоціація? Какъ я говорилъ уже, экспериментальный анализъ процесса ассоціаціи показываетъ, что каждое представленіе есть нѣчто сложное, составленное изъ совокупности различныхъ ощущеній. Анализируя

это воспріятіе портрета, я вижу, что въ немъ есть группа ощущеній a, b, c, которыя не сходны съ другимъ, воспроизведеннымъ по ассоціаціи, образомъ. Напр., у даннаго портрета лицо овальное, у воспроизведеннаго образа моего знакомаго лицо кругловатое, выраженіе глазъ въ данномъ случаѣ болѣе спокойное,—въ первомъ случаѣ нѣсколько удивленные и т. д.; однимъ словомъ, есть нѣсколько чертъ, отличныхъ отъ чертъ воспроизведеннаго образа (назовемъ несходныя черты воспроизведеннаго образа a, b, c); но, наряду съ этими чертами, есть группа чертъ, x, y, z, сходныхъ, напр. форма носа, величина рта, выдающіяся скулы. Леманъ разсуждаетъ такъ. Когда я смотрю на портретъ, я воспринимаю всѣ эти элементы вмѣстѣ (a, b, c, x, y, z). Элементы x, y, z, входящіе также и въ составъ другого представленія, вызываютъ ассоціированные съ ними по смежности элементы a, b, c и, благодаря этому, получается возникновеніе другого образа, знакомаго мнѣ человѣка. Такимъ образомъ, по мнѣнію Лемана, никакого сходства здѣсь въ сущности нѣтъ. Есть лишь нѣсколько элементовъ, общихъ обоимъ представленіямъ, а затѣмъ—простая ассоціація смежности.

Противъ такого взгляда возражалъ датскій психологъ Гефдингъ. Онъ нашелъ, что въ процессѣ ассоціаціи по сходству далеко не такъ обстоитъ дѣло, какъ представляетъ себѣ Леманъ. Бываютъ случаи, когда сходство является первичнымъ процессомъ и вовсе не связано своимъ происхожденіемъ съ ассоціаціей смежности. Напр., я вижу нѣсколько оттѣнковъ цвѣта и сразу узнаю какой-нибудь изъ нихъ — розовый или коричневый. Это узнаваніе будетъ происходить хорошо даже и въ томъ случаѣ, когда, кромѣ этого оттѣнка, нѣтъ никакого другого, съ которымъ я могъ-бы его сравнивать. Въ подобныхъ случаяхъ, говоритъ Гефдингъ, ощущеніе краснаго цвѣта сливается съ имѣющимися у меня ранѣе представленіями краснаго цвѣта и, ассимилируясь съ ними, даетъ процессъ узнаванія. Такимъ образомъ, Гефдингъ сводитъ процессъ узнаванія къ процессу ассимиляціи. Соотвѣтственно этому и болѣе сложные процессы ассоціи-

рованія по сходству онъ рисуетъ себѣ иначе, чѣмъ Леманъ. Онъ говоритъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда мы имѣемъ сложный процессъ узнаванія, ассоціація по сходству происходитъ путемъ непосредственной ассимиляціи прошлыхъ образовъ съ настоящими и даже самый процессъ ассоціаціи по смежности онъ пытается свести къ ассоціаціи по сходству. Предположимъ, говоритъ онъ, что мы видимъ огонь. Видъ огня вызываетъ у меня представленіе о молоткѣ. Казалось бы, что этотъ процессъ совершился по ассоціаціи смежности. Я видѣлъ незадолго передъ этимъ кузницу, а въ кузницѣ видѣлъ молотокъ и огонь вмѣстѣ; „огонь“ по смежности вызвалъ „молотокъ“. На самомъ же дѣлѣ это происходитъ иначе: я вижу огонь; онъ вызываетъ у меня представленіе кузницы въ его цѣломъ, т. е. сложный образъ огня, кузницы, молотка, которымъ куютъ, наковальни и т. д., а затѣмъ ужъ, какъ одна изъ частностей мнѣ вспоминается молотокъ. Такимъ образомъ, представленіе огня вызвало по сходству сложную цѣльную картину кузницы, въ которой было представленіе объ огнѣ, а затѣмъ часть этой кузницы, именно, молотокъ. Ассоціація смежности сводится къ ассоціаціи по сходству. Такіе случаи бываютъ очень часто. И въ нашихъ опытахъ былъ случай, когда слово „рѣка“ вызвало сложный образъ пейзажа, именно— деревни расположенной на берегу рѣки, а затѣмъ уже возникла другая деталь этого пейзажа.

Это возраженіе Гефдинга было подвергнуто Леманомъ экспериментальной провѣркѣ. Онъ поставилъ опыты, чтобы провѣрить, дѣйствительно ли существуютъ такіе случаи, на которые ссылается Гефдингъ, именно случаи первичнаго узнаванія? Леманъ говоритъ, что на самомъ дѣлѣ такого первичнаго узнаванія не существуетъ. Онъ приводитъ слѣдующій примѣръ. Дайте вы дамѣ, очень опытной въ распознаваніи оттѣнковъ цвѣтовъ матеріи, узнать какой-нибудь оттѣнокъ цвѣта совершенно изолированно, и она его не узнаетъ; именно поэтому, приходя въ лавку дамы приносятъ съ собой образчики матеріи и руководствуются ими при выборѣ того оттѣнка, который имъ нуженъ.

Далѣе, Леманъ поставилъ эксперименты. Онъ давалъ испытуемому цѣлый рядъ пузырьковъ съ различными запахами, не говоря о томъ, какіе запахи онъ предлагаетъ. Испытуемый долженъ былъ, понюхавши, сказать, чѣмъ пахнетъ. При этомъ опытѣ оказалось, что во многихъ случаяхъ, именно въ 45% испытуемый сейчасъ же ассоціировалъ извѣстное представленіе; напр., испытуемому дается запахъ уксуса, и онъ, понюхавъ, тотчасъ же воспроизводитъ представленіе о бутылкѣ съ уксусомъ или воспоминаніе о какомъ-нибудь блюдѣ съ уксусомъ. Въ 27% возникаетъ въ сознаніи одно лишь названіе. Дается, напр., запахъ гвоздики и въ сознаніи возникаетъ слово „гвоздика“. Въ 13% испытуемый вовсе не узналъ, что это такое. И только въ 7% получилось нѣчто, аналогичное тому, что Гефдингъ называетъ первичнымъ, простѣйшимъ узнаваніемъ или ассимиляціей, именно, испытуемый сказалъ, что запахъ ему знакомъ, но онъ не можетъ назвать его, т. е. получилось чистое узнаваніе безъ всякой ассоціаціи.

Казалось бы, что эти 7% именно и соотвѣтствовали тому, о чемъ говоритъ Геффдингъ, но Леманъ пошелъ дальше въ своемъ экспериментальномъ анализѣ. Онъ начинаетъ испытуемаго постепенно разспрашивать, наводить, и оказалось, что и въ этихъ 7% также были извѣстныя ассоціаціи, но только онѣ не были точно осознаны,—онѣ находились за порогомъ сознанія. Такъ, напр., въ одномъ случаѣ испытуемый говоритъ: „что-то такое знакомое, но не могу опредѣлить“. Испытуемый былъ товарищемъ по гимназіи экспериментатора. Экспериментаторъ говоритъ: „припомните физическій кабинетъ въ гимназіи“. Испытуемый тотчасъ же отвѣчаетъ: „да, я узналъ — это алкоголь“. Запахъ показался ему знакомымъ, потому что былъ ассоціированъ съ извѣстными воспоминаніями (между прочимъ, съ воспоминаніемъ о физическомъ кабинетѣ и препаратахъ, хранившихся въ алкоголѣ), но воспоминанія эти были настолько смутны, что оставались ниже порога сознанія. Когда же экспериментаторъ ему напомнилъ о нихъ, тогда онъ сразу узналъ, что запахъ этотъ принадлежитъ алкоголю.

Эти опыты были провѣрены въ лабораторіи проф. Нечаева и въ результатѣ % подобныхъ случаевъ, когда возникало одно только неопредѣленное „чувство знакомости“, равнялся приблизительно 6,3%; наводящіе же вопросы показали, что и здѣсь также были скрытыя ассоціаціи, остававшіяся за порогомъ сознанія. Такимъ образомъ, опыты эти свидѣтельствуютъ, повидимому, въ пользу того, что ассоціація смежности имѣетъ болѣе существенное значеніе, а ассоціація сходства является вторичной или производной.

Вы, можетъ быть, спросите, почему я такъ подробно остановился на этомъ спорѣ и на томъ отношеніи, въ которомъ находятся другъ къ другу ассоціація сходства и ассоціація смежности? Дѣло въ томъ, что, какъ я буду говорить дальше, процессу ассоціаціи придавалось и придается въ психологіи огромное значеніе, и многіе психологи пытались и болѣе сложные процессы, напр., мыслительные свести къ извѣстнымъ формамъ ассоціаціи. Въ особенности важное значеніе придавалось въ этомъ случаѣ ассоціаціи сходства. Возьмемъ, напр., открытіе Ньютона. Когда онъ установилъ аналогію между паденіемъ яблока на землю и между притяженіемъ небесныхъ тѣлъ другъ къ другу, сравнивъ паденіе яблока съ паденіемъ земли на солнце, онъ производилъ процессъ очень сложный, но въ сущности напоминающій ассоціацію по сходству. Такое же сближеніе между собой двухъ сходныхъ явленій мы имѣемъ въ томъ случаѣ, когда устанавливается связь между грандіозными проявленіями электричества въ природѣ и искрой, получаемой отъ лейденской банки. Отсюда тенденція, проявляющаяся у многихъ психологовъ-ассоціаціонистовъ, процессъ ассоціаціи по сходству выдвигать, считая его болѣе глубокимъ, болѣе существеннымъ.

Слѣдуетъ упомянуть еще и о томъ, что, напр., Геффдингъ считаетъ ассоціацію по смежности болѣе пассивной, чѣмъ ассоціацію по сходству. Для того, чтобы установить сходство между разрозненными явленіями и сопоставить ихъ другъ съ другомъ, требуется по его мнѣнію, извѣстное волевое усиліе, напряженіе,

между тѣмъ какъ простая ассоціація по смежности такого напряженія не требуетъ.

Такимъ образомъ, споръ о значеніи ассоціаціи сходства и ассоціаціи смежности въ сущности сводится къ тому, какой процессъ является въ психической жизни первичнымъ и болѣе существеннымъ—процессъ активный, мыслительный, который отождествлялся съ ассоціаціей сходства, или процессъ пассивный, отождествлявшійся съ ассоціаціей смежности?

Въ настоящее время у насъ въ лабораторіи производятся опыты, имѣющіе цѣлью показать, дѣйствительно ли правильно такое сопоставленіе, дѣйствительно ли ассоціація сходства имѣетъ въ психической жизни такое важное значеніе, что мыслительные процессы, процессы сравниванія, сопоставленія къ ней сводятся. Эти опыты еще не закончены, но, повидимому, оказывается, что это далеко не такъ. Мы имѣемъ много ассоціацій по сходству, которыя являются такими же внѣшними, поверхностными, какъ и ассоціаціи по смежности. Напр., звуковыя ассоціаціи по сходству: „встать — перестать“ „бѣжать — нажать“ и т. д. Эти ассоціаціи не имѣютъ между собой никакой связи по смыслу, но по внѣшнему созвучію сходятся. Здѣсь нельзя говорить о мыслительномъ процессѣ, а между тѣмъ они являются ассоціаціями по сходству. Опыты показываютъ, что мыслительные процессы являются чѣмъ-то значительно болѣе сложнымъ, чѣмъ процессы ассоціаціи вообще и ассоціаціи сходства въ частности. Нельзя свести мыслительные процессы къ тому или иному виду ассоціаціи; а разъ это такъ, то и самый споръ о томъ, первиченъ ли процессъ ассоціаціи сходства или процессъ ассоціаціи смежности, утрачиваетъ свое существенное значеніе, и для насъ дѣлается довольно безразличнымъ, какой изъ этихъ видовъ ассоціаціи является первичнымъ и какой вторичнымъ.

Выше я указалъ на то, что процессъ узнаванія вызывается наличностью ассоціацій, остающихся за порогомъ сознанія. Этотъ фактъ и нѣкоторые другіе побудили психологовъ заняться изслѣдованіемъ безсознательныхъ ассоціацій и, прежде всего, вопросомъ

о томъ, дѣйствительно ли такія безсознательныя ассоціаціи существуютъ. Въ этомъ отношеніи интересно, прежде всего, наблюденіе Баумгартена. Однажды, когда онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, у него возникло воспоминаніе о старикѣ и дѣвушкѣ, съ которыми онъ встрѣтился въ Швейцаріи во время своего лѣтняго путешествія. Это воспоминаніе не имѣло ничего общаго съ его работой. Послѣ нѣкоторыхъ поисковъ удалось найти причину: на столѣ передъ нимъ стоялъ букетъ цвѣтовъ, среди которыхъ находились и такіе, какіе были въ швейцарской долинѣ, гдѣ онъ встрѣтилъ старика и дѣвушку. Такимъ образомъ, здѣсь произошла ассоціація по смежности, но посредствующее звено, именно—запахъ цвѣтовъ, оставалось ниже порога сознанія.

Съ возникновеніемъ экспериментальной психологіи стали пытаться и вопросъ о безсознательныхъ ассоціаціяхъ подвергнуть экспериментальной провѣркѣ. Опыты ставились такимъ образомъ: испытуемому давались карточки, на каждой изъ которыхъ было написано по одному какому-нибудь слову. Слова были написаны крупнымъ шрифтомъ и посрединѣ карточки. Въ углу каждой карточки былъ написанъ значекъ на японскомъ языкѣ очень мелкимъ тонкимъ шрифтомъ. Испытуемаго просили не обращать вниманіе ни на что, кромѣ слова, написаннаго посредины карточки. Черезъ извѣстный промежутокъ времени испытуемому давались другія 10 карточекъ, на которыхъ были написаны десять другихъ словъ; но кромѣ нихъ на каждой карточкѣ были тѣ же самые японскіе значки, которые были на первыхъ карточкахъ. Оказалось, что въ большемъ %, чѣмъ это можно было бы объяснить простой случайностью, испытуемый, когда ему показывали слово, ассоціировалъ другое слово изъ прежняго ряда, и именно то самое, которое соотвѣтствовало тому же японскому значку. Очевидно, посредствующимъ звеномъ явился значекъ японскаго письма. Когда испытуемаго спрашивали, почему онъ припоминалъ именно данное слово, онъ не могъ дать отвѣта; слѣдовательно, онъ самъ не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что значекъ послужилъ

посредствующимъ звеномъ ассоціаціи. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ, слѣдовательно, явленіе безсознательной ассоціаціи, установленной чисто экспериментальнымъ путемъ.

Эти опыты были подвергнуты провѣркѣ заграницей и у насъ, въ Россіи (въ лабораторіи Нечаева), и въ результатѣ оказалось, что дѣйствительно такого рода безсознательныя ассоціаціи существуютъ. Повидимому, безсознательныя ассоціаціи играютъ очень важную роль въ нашей психической жизни.

Очень поучительнымъ въ этомъ отношеніи представляется опытъ съ двумя кубышками одинаковаго вѣса, но различной величины. При послѣдовательномъ взвѣшиваніи ихъ на рукѣ почти у всѣхъ испытуемыхъ получается впечатлѣніе, что меньшая кубышка тяжелѣе, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онѣ одного вѣса.

Здѣсь происходитъ иллюзія, которая вызвана слѣдующимъ обстоятельствомъ. Кубышки сдѣланы изъ одного матеріала, но одна изъ нихъ по величинѣ больше другой. Собираясь поднять кубышки, я подготовляюсь къ этому движенію, напрягая въ извѣстной степени свои мускулы. Извѣстно, что, когда мнѣ надо поднять напр. пудовую гирю, я напрягаю свои мускулы сильнѣе, чѣмъ тогда, когда мнѣ надо поднять пустой стаканъ. Мы всегда заранѣе приспобляемъ мышечное усиліе къ той работѣ, которую нужно произвести. Точно такъ же и въ данномъ случаѣ; такъ какъ одна изъ кубышекъ меньше, то я ожидаю, что она будетъ и болѣе легкой, чѣмъ другая, и поэтому напрягаю мышцы менѣе сильно. Оказывается, что напряженіе нужно больше, чѣмъ я ожидалъ. Поэтому я сразу вдаюсь въ противоположную крайность—переоцѣниваю движеніе, и эта меньшая кубышка кажется мнѣ болѣе тяжелой, чѣмъ вторая.

Наши испытуемые (опытъ продѣланъ передъ аудиторіей) ничего подобнаго не подозрѣвали, и тѣмъ не менѣе съ ними произошла эта иллюзія.

Слѣдовательно, весь описанный мной сложный ассоціативный процессъ происходилъ за порогомъ сознанія и тѣмъ не менѣе вы видите, какъ онъ вліялъ на наши воспріятія. Интересно то, что эта иллюзія у маленькихъ дѣтей не сразу устанавливается. До 5—6 лѣтняго

возраста она обычно отсутствуетъ. Только послѣ этого возраста, когда у дѣтей начинаютъ устанавливаться прочныя ассоціаціи между зрительными впечатлѣніями и тѣми движеніями, которыя должны имъ соотвѣтствовать, появляется и эта иллюзія; у отсталыхъ же дѣтей, по наблюденіямъ Демора, этой иллюзіи совсѣмъ не бываетъ.

Вы видѣли, какое значеніе имѣютъ ассоціаціи и въ частности безсознательныя ассоціаціи въ нашей психической жизни. Онѣ опредѣляютъ собой въ значительной степени наши воспріятія, направляютъ въ значительной степени наше вниманіе и наши интересы въ ту или другую сторону. Напр., когда вы произносите слово „корень“, то, если бы среди васъ присутствовалъ садовникъ, въ его представленіи возникъ бы корень дерева, у математика появится представленіе о квадратномъ или кубическомъ корнѣ, у человѣка, который только передъ этимъ обсуждалъ какое-нибудь сложное соціальное явленіе, возникнетъ, быть можетъ, представленіе о причинѣ, лежащей „въ корнѣ“ этого явленія, и т. д. Спрашивается, въ чемъ заключается причина того, что одно и то же слово было понято различнымъ образомъ, возбудило различныя представленія? очевидно, въ томъ, что предварительный запасъ безсознательныхъ образовъ и ассоціацій у этихъ лицъ былъ различенъ. Вы видите, такимъ образомъ, что на теченіе нашихъ ассоціацій въ значительной степени вліяетъ содержаніе какъ сознательной, такъ и безсознательной, сферы въ данный моментъ. Это вліяніе всей совокупности представленій на теченіе даннаго процесса Цигенъ называетъ констелляціей.

Кромѣ констелляціи, на теченіе нашихъ ассоціацій вліяютъ еще и другіе факторы. Однимъ изъ этихъ факторовъ являются чувствованія. Когда я нахожусь въ хорошемъ настроеніи, у меня возникаютъ пріятныя мысли, а когда человѣкъ плохо настроенъ, ему вспоминаются, преимущественно, непріятныя вещи.

Кромѣ того, на теченіе нашихъ ассоціацій вліяетъ также то, что мы выше назвали апперцепціей. Общая

организація человѣка, особенности его душевнаго склада, преобладающіе интересы, все это, несомнѣнно, отражается на теченіи ассоціацій. Вы замѣчаете, что у одного человѣка мысль работаетъ преимущественно въ направленіи отвлеченныхъ вопросовъ; въ его сознаніи преобладаютъ представленія, относящіяся главнымъ образомъ къ этой области. У другихъ, наоборотъ, преобладаютъ конкретные образы, конкретныя воспоминанія. Третій человѣкъ направляетъ свое вниманіе на изученіе предметовъ окружающей дѣйствительности, и съ этимъ, главнымъ образомъ, и связаны его мысли и ассоціаціи. Четвертый—мечтатель, фантазеръ; его мысли витаютъ далеко, ассоціаціи онъ черпаетъ изъ отдаленной области, не имѣющей ничего общаго съ окружающей дѣйствительностью. Всѣ эти особенности въ теченіи ассоціацій вызываются въ значительной степени тѣмъ личнымъ факторомъ, который мы называемъ апперцепціей, и который находится въ тѣснѣйшей связи съ общей психической организаціей даннаго человѣка.

Наконецъ, на теченіи ассоціацій отражаются также и воспріятія человѣка въ каждый данный моментъ. Напр., вчера я произвелъ въ аудиторіи коллективный опытъ: сказалъ слово „стѣна“ и просилъ дать первую пришедшую въ голову ассоціацію. Очень многіе изъ слушателей отвѣтили: „бѣлая“ и объяснили это тѣмъ, что видѣли передъ собой бѣлую стѣну. Здѣсь, слѣдовательно, воспріятіе даннаго момента опредѣлило собой теченіе ассоціаціи. Кромѣ того, на ассоціаціи вліяетъ также частое повтореніе. Когда я произношу слово „молнія“, часто возникаетъ ассоціація грома; это зависитъ оттого, что воспріятіе молніи часто связывалось съ представленіемъ о громѣ. Чѣмъ чаще повторяется сочетаніе какихъ-нибудь двухъ явленій, тѣмъ больше шансовъ для того, чтобы они возникали въ сознаніи вмѣстѣ. Однако, одной только частотой дѣло не исчерпывается. Тотъ факторъ, который называютъ апперцепціей и который опредѣляетъ собой преобладающее направленіе вниманія въ каждый данный моментъ, играетъ и здѣсь также очень важную роль.

Очень поучительнное наблюденіе было произведено въ нашей психической лабораторіи. Опытъ состоялъ въ томъ, что испытуемому дается рядъ словъ, не связанныхъ по смыслу. Испытуемый эти слова долженъ повторять очень много разъ подрядъ, читая ихъ все время по тетрадкѣ, какъ можно быстрѣе, въ теченіи 8—9 минутъ, но не стараясь ихъ запомнить. Вы видите, что повтореніе чрезвычайно многократное. Тѣмъ не менѣе, послѣ одного такого опыта, произведеннаго надо мной, когда я вышелъ изъ лабораторіи и попытался повторить эти слова на память, оказалось, что нѣкоторыя слова я позабылъ. Между тѣмъ, при опытахъ съ заучиваніемъ дѣло идетъ у меня обычно довольно хорошо. Это наблюденіе показываетъ, что одного только совмѣстнаго повторенія недостаточно для прочнаго ассоціированія представленій: здѣсь участвуютъ также и сосредоточеніе вниманія въ извѣстномъ направленіи, и сознательное, произвольное комбинированіе воспринимаемыхъ впечатлѣній и другіе факторы, о которыхъ говорилось выше.

Изъ всего только что сказаннаго о процессѣ ассоціаціи вы можете видѣть, что процессъ ассоціаціи въ значительной степени можно противопоставить тому процессу, который я назвалъ апперцепціей. Главныя отличія состоятъ въ слѣдующемъ. Прежде всего, ассоціація, если мы будемъ ее разсматривать, какъ простую ассоціацію смежности или сходства, всегда является чѣмъ-то болѣе внѣшнимъ, менѣе связаннымъ съ личностью, съ собственнымъ „я“ человѣка. Вѣдь возникновеніе всякой ассоціаціи обусловливается тѣмъ, что данныя представленія обычно слѣдуютъ другъ за другомъ или сходны другъ съ другомъ или обычно встрѣчаются одновременно. Всѣ эти условія зависятъ не столько отъ моего „я“, отъ моей личности, сколько отъ той или иной конфигураціи дѣйствующихъ на меня внѣшнихъ возбудителей. Такимъ образомъ, вы видите, что причина процесса ассоціаціи лежитъ, главнымъ образомъ, во внѣшней средѣ, и самый процессъ является чѣмъ-то внѣшнимъ. Въ связи съ этимъ находится и то, что ассоціація часто ведетъ къ образова-

нію привычныхъ сочетаній, привычныхъ движеній, вродѣ тѣхъ, которыя я приводилъ выше. Привычка есть всегда нѣчто болѣе внѣшнее, не подчиненное моему произвольному выбору. Въ противоположность ассоціаціи, процессъ апперцепціи является болѣе индивидуальнымъ, зависящимъ отъ склада моего „я“, отъ моей личной организаціи.

Кромѣ того, ассоціація является болѣе пассивной. Въ опытѣ со словами, я просилъ васъ не стараться вліять на ваши мысли, а отдаться совершенно свободному теченію мыслей, между тѣмъ, какъ въ апперцепціи мы всегда принимаемъ активное участіе въ теченіи нашихъ душевныхъ процессовъ. Вотъ тѣ особенности, которыми отличаются оба названныхъ процесса, и которыя даютъ каждому изъ нихъ характерное мѣсто въ общемъ механизмѣ нашей психической жизни. Вся наша психическая жизнь складывается изъ взаимодѣйствія этихъ процессовъ—ассоціаціи и апперцепціи.

То существенное значеніе, которое процессъ ассоціаціи имѣетъ въ нашей психической жизни, повело къ тому, что многіе психологи, главнымъ образомъ, англійской школы, а вслѣдъ за ними и въ другихъ странахъ, начали переоцѣнивать значеніе процесса ассоціаціи, считая его основнымъ психическимъ процессомъ и сводя къ нему всѣ остальные процессы. Когда психологамъ этой школы противополагали апперцепцію, личный факторъ, они указывали на то, что „личный факторъ“ можно также объяснить въ значительной степени безсознательными ассоціаціями, тѣмъ усвоеннымъ ранѣе запасомъ образовъ и представленій, который вліяетъ на наши воспріятія, направляя ихъ въ ту или другую сторону. Я уже говорилъ о томъ, что, когда я понимаю такъ или иначе произнесенное слово (напр. „корень“), то здѣсь вліяетъ мой „личный“ факторъ, но этотъ личный факторъ сводится къ запасу ранѣе воспринятыхъ представленій, къ запасу ассоціацій. Гербартъ такъ и называетъ этотъ направляющій воспріятіе запасъ представленій—апперципцирующими массами, сводя, такимъ образомъ, явленія апперцепціи, въ сущности, къ тѣмъ же самымъ ассоціаціямъ.

Далѣе, при помощи ассоціаціи пытаются объяснить также и высшіе, комбинирующіе процессы, какъ мышленіе, творчество и др. Различаютъ ассоціаціи репрезантативныя или воспроизводящія, и ассоціаціи конститутивныя или творческія. Процессы мышленія и творчества относятся къ послѣдней группѣ, т. е. разсматриваются, какъ ассоціативные процессы, но только болѣе сложные.

Наконецъ, и чувства также пытаются свести къ процессу ассоціаціи. Разсуждаютъ такимъ образомъ. Я рѣшаю трудную задачу. Дѣло подвигается у меня хорошо, я испытываю чувство удовлетворенія. Когда же возникаетъ затрудненіе, то правильное, послѣдовательное теченіе представленій нарушается, и я испытываю неудовлетвореніе. Получается нѣчто подобное тому, когда рѣка, встрѣтившая на своемъ пути запруду, начинаетъ бурлить и течетъ уже не такъ спокойно, какъ раньше. Подобно этому и здѣсь временная задержка въ теченіи ассоціацій воспринимается мною, какъ чувство неудовольствія.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что то психологическое направленіе, которое называется ассоціаціонизмомъ, пытается всѣ психическія процессы сводить къ одному процессу—ассоціаціи представленій. Я не буду вдаваться въ критику этой теоріи ассоціацинизма, такъ какъ мнѣ придется къ этому вопросу возвращаться еще не разъ при изложеніи процессовъ мышленія, чувствованій и творчества. Скажу только, что, по моему мнѣнію, такое чрезмѣрное расширеніе значенія ассоціативныхъ процессовъ является не обоснованнымъ. Ассоціація представленій имѣетъ свое и очень важное мѣсто въ психической жизни, но чрезмѣрно расширять ее, сводя къ ней всѣ остальные психическіе процессы, безусловно нельзя.

Перейду теперь къ изложенію элементовъ интеллектуальной жизни человѣка, именно, къ ощущеніямъ.

VIII.

Ощущенія.

Общая характеристика ощущеній.

Ощущенія представляютъ собой отдѣлъ, стоящій на границѣ трехъ областей знанія, психологіи, физіологіи и физики, благодаря чему эту область разрабатывали съ одинаковымъ усердіемъ какъ физики, такъ физіологіи и психологи. Каждый процессъ ощущенія включаетъ въ себя эти три стороны. Возьмемъ, напр., слуховое ощущеніе, вызванное звукомъ камертона. Здѣсь мы имѣемъ прежде всего чисто физическій процессъ—колебанія частицъ воздуха, болѣе или менѣе частыя и интенсивныя; эти воздушныя волны передаются во всѣ стороны и достигаютъ нашего уха. Далѣе возникаетъ уже физіологическій процессъ возбужденія нервныхъ окончаній въ воспринимающемъ органѣ уха. Это возбужденіе передается головному мозгу; въ соотвѣтствующей части мозга возникаетъ центральный, корковый процессъ, который сопровождается извѣстнымъ сознательнымъ психическимъ переживаніемъ, носящимъ названіе ощущенія.

Эти три стороны—физическая, физіологическая и психическая—имѣются во всѣхъ случаяхъ возникновенія ощущеній. Это обстоятельство повело къ тому, что въ психологіи ощущеній излагается нерѣдко много такихъ фактическихъ данныхъ, которыя, собственно говоря, не относятся къ психологіи, а относятся къ физіологіи или физикѣ. Сюда слѣдуетъ причислить напр., опыты со смѣшеніемъ цвѣтовъ, изслѣдованіе оберъ-тоновъ и другихъ добавочныхъ тоновъ, возникающихъ наряду съ основными, и многое другое. Собственно же психологія ощущеній является отдѣломъ гораздо болѣе узкимъ,

чѣмъ ее принято обычно излагать. Въ нѣкоторыхъ учебникахъ по психологіи вы найдете, что ощущеніямъ посвященъ огромный отдѣлъ, въ которомъ подробно излагаются физическая и физіологическая стороны этихъ процессовъ. Я на всемъ этомъ останавливаться не буду, тѣмъ болѣе, что вы объ этомъ подробно услышите въ курсѣ психо-физіологіи органовъ чувствъ.

Если мы возьмемъ ощущенія съ ихъ психической стороны, то увидимъ, что отдѣльное, обособленное ощущеніе представляетъ собой, въ сущности говоря, абстракцію или результатъ нашего отвлеченія. Я уже говорилъ, что психологическіе процессы всегда представляютъ нѣчто сложное: никогда въ нашемъ сознаніи не бываетъ совершенно однородныхъ переживаній; напр., никогда я не могу сказать, чтобы въ моемъ сознаніи было одно какое-нибудь ощущеніе, напр., ощущеніе краснаго цвѣта. Когда я смотрю на красный цвѣтъ, то одновременно съ этимъ я воспринимаю окружающую среду. Если я сижу въ темной комнатѣ и свѣтъ сквозь щель падаетъ на красную бумагу, то на самомъ дѣлѣ красный цвѣтъ воспринимается мной вмѣстѣ съ окружающей темнотой, которая даетъ ощущеніе чернаго, и вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ комплексомъ моихъ переживаній: ощущеніями отъ моихъ внутреннихъ органовъ, осязательными ощущеніями отъ прикосновенія одежды и т. д. Такимъ образомъ, я могу только мысленно путемъ абстракціи выдѣлять отдѣльныя, совершенно обособленныя ощущенія. Тѣмъ не менѣе эта абстракція оказывается очень полезной въ цѣляхъ психологическаго анализа и построенія сложныхъ явленій психической жизни. Ощущеніе является элементомъ нашей умственной или интеллектуальной жизни. Такимъ же элементомъ въ области эмоціональныхъ переживаній, или въ области нашихъ чувствованій, является, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, чувственный тонъ ощущеній или простое чувство—удовольствія и неудовольствія; а въ области волевыхъ процессовъ — волевое усиліе. Ощущеніе представляетъ собой для нашего сознанія нѣчто элементарное, далѣе не разложимое. Когда я воспри-

нимаю красный или бѣлый цвѣтъ, то самое это цвѣтовое ощущеніе совершенно однородно для моего сознанія, и никакихъ другихъ элементовъ я выдѣлить изъ него не могу. Поэтому говорятъ, что ощущенія представляютъ собой тѣ единицы, изъ которыхъ складываются затѣмъ наши сложныя интеллектуальныя переживанія.

Если мы сравнимъ интеллектуальные элементы или ощущенія съ эмоціональными элементами или простѣйшими чувствованіями, то увидимъ здѣсь цѣлый рядъ отличій. Во-первыхъ, ощущенія представляютъ собой нѣчто болѣе объективное, нѣчто такое, что я отношу къ внѣшней дѣйствительности, въ то время какъ чувствованія, болѣе субъективныя, относятся мной непосредственно къ моей личности. Когда я слышу звукъ, то этотъ звукъ я отношу во внѣ, напр., къ звучащему колоколу; когда же я говорю, что этотъ звукъ мнѣ пріятенъ, то это уже есть моя личная оцѣнка этого звука.

Далѣе, ощущенія по сравненію съ чувствованіями представляются чѣмъ-то болѣе яснымъ и отчетливымъ. Когда я воспринимаю извнѣ комплексъ ощущеній, напр., когда я начинаю разбираться въ тѣхъ сложныхъ и разнообразныхъ комплексахъ ощущеній, которые доставляетъ мнѣ воспріятіе этого стола и того, что на немъ въ данный моментъ находится, то эти отдѣльныя ощущенія я могу очень точно разграничить другъ отъ друга; я совершенно ясно отличаю красную бумажку, выдѣляющуюся на бѣломъ фонѣ, я отдѣляю черную поверхность стола отъ нижней его части — желтой и т. д. Но когда я попытаюсь разобраться въ моихъ чувствахъ, которыя я переживаю въ данный моментъ, то тотчасъ же замѣчу, что анализировать и обособить ихъ другъ отъ друга представляется дѣломъ, далеко не столь легкимъ. Чувства, переживаемыя мною въ данный моментъ, представляютъ нѣчто слитное, и на фонѣ этого слитнаго комплекса только отъ времени до времени выдѣляется какое-нибудь болѣе отчетливое чувство, напр., удовольствія, когда я вижу, что мнѣ удалось ясно изложить трудную проблему, или неудовольствія, когда я чувствую, что въ данный моментъ

не могу подыскать подходящаго слова. Такимъ образомъ, характерной чертой ощущеній и представленій, т. е. вообще интеллектуальныхъ переживаній сознанія является то, что, по сравненію съ эмоціональными переживаніями, они обладаютъ гораздо большей отчетливостью.

Ощущенія обладаютъ различными свойствами и прежде всего тѣмъ, что Гельмгольцъ назвалъ модальностью ощущеній, т. е. принадлежностью тому или иному органу чувствъ: ощущенія зрительныя, слуховыя, осязательныя, обонятельныя и вкусовыя.

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть о такъ называемомъ законѣ специфической энергіи, установленномъ однимъ изъ основателей научной физіологіи—І. Мюллеромъ. Извѣстно, что, если мы будемъ раздражать зрительный нервъ какимъ угодно способомъ (фарадическимъ токомъ, или механическимъ ударомъ, или нарушая его цѣлость, какъ это бываетъ при операціяхъ), то въ результатѣ у даннаго человѣка получится одно и то же ощущеніе—свѣтовое; если мы будемъ различными способами раздражать осязательные нервы или чувствительные нервы кожи, то, въ концѣ концовъ, всегда получится тактильное или болевое ощущеніе и т. д. Исходя изъ этого, Мюллеръ установилъ, что тотъ или иной родъ получаемыхъ ощущеній зависитъ отъ специфическихъ особенностей проводящихъ нервовъ. Въ настоящее время законъ этотъ, повидимому, слѣдуетъ видоизмѣнить такимъ образомъ, что главную роль въ процессѣ возникновенія тѣхъ или иныхъ ощущеній играетъ не столько самый нервъ, который является, главнымъ образомъ, проводникомъ, сколько нервныя окончанія, центральныя и периферическія. Процессъ дифференціаніи ощущеній начинается, повидимому, въ периферическихъ, воспринимающихъ окончаніяхъ нервовъ. Этому соотвѣтствуетъ и самое устройство воспринимающихъ нервныхъ окончаній, различное для разныхъ органовъ чувствъ. Окончательное же завершеніе процессъ этотъ получаетъ тогда, когда возбужденіе достигаетъ соотвѣтствующаго участка мозговой коры; въ этотъ моментъ и возникаетъ ощущеніе.

Полную дифференціацію различнаго рода ощущеній мы встрѣчаемъ только на высшихъ ступеняхъ психическаго развитія. На низшихъ же ступеняхъ животнаго царства мы зачастую встрѣчаемъ одну и ту же реакцію на различнаго рода раздраженія. Здѣсь не дифференцировались тѣ органы, при помощи которыхъ животныя могутъ отличать, напр., свѣтовое раздраженіе отъ раздраженія осязательнаго, и только постепенно, по мѣрѣ развитія органовъ чувствъ, получается раздѣленіе ощущеній по ихъ модальности.

Но и въ развитой психикѣ мы встрѣчаемся съ явленіями, напоминающими о тѣсной взаимной связи нѣкоторыхъ родовъ ощущеній. Я имѣю въ виду такъ называемыя „синэстезіи“. Всѣмъ вамъ, вѣроятно, приходилось слышать выраженіе: „малиновый звонъ колокольчика“, яркій, сильный, возбуждающій звонъ колоколовъ на Пасху называютъ „краснымъ звономъ“; о звукѣ пѣвцовъ говорятъ: „у него круглый звукъ“ или „у него придавленный звукъ“. О звукѣ свистка часто говорятъ, что онъ „пронзительный“, какъ будто онъ пронизываетъ воздухъ, подобно острому тѣлу. Однимъ словомъ, на звуковое ощущеніе переносятъ тѣ свойства или качества, которыя присущи ощущенію зрительному или осязательному. Такая возможность примѣнять къ одного рода ощущеніямъ тѣ качества или признаки, которые свойственны другого рода ощущеніямъ, показываетъ, что между различными родами ощущеній существуетъ часто нѣчто общее, что они не такъ уже рѣзко раздѣлены другъ отъ друга, какъ это можно было бы подумать съ перваго взгляда.

Къ синэстезіямъ относятся также и явленія такъ называемаго „цвѣтного слуха“ (audition colorée). У нѣкоторыхъ лицъ замѣчается привычка связывать каждый звукъ или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые звуки съ извѣстными цвѣтами. Напр., въ прошломъ году одинъ изъ нашихъ слушателей имѣлъ возможность производить наблюденія надъ мальчикомъ, у котораго явленіе синэстезіи, по словамъ матери, наблюдалось съ 3—4 лѣтъ. Слушатель нашъ наблюдалъ у него эти явленія въ 8-милѣтнемъ возрастѣ, но они оказались такими

же, какъ и въ 3—4 года; слѣдовательно, результатъ наблюденій нельзя было приписать случайному капризу или фантазіи ребенка. Звукъ „до“ представлялся ему розовымъ, „фа“—бѣлымъ и т. д. Вообще низкіе звуки представлялись ему темными, высокіе—свѣтлыми. Нѣкоторыя буквы также въ его представленіи соединялись съ извѣстными цвѣтами, напр., а — свѣтло-коричневый; д — зеленоватый; у — темнокрасный. При комбинаціи звуковъ или буквъ, у него возникали смѣшанные или сложные цвѣта.

Такого рода явленія, какъ теперь оказывается, не представляются такой большой рѣдкостью, какъ это можно было бы думать вначалѣ. Когда стали анализировать эти явленія, то оказалось, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ привычными ассоціаціями. Напр., я знаю одного знакомаго, у котораго явленій синэстезіи не наблюдается, но имя „Михаилъ“ вызываетъ представленіе „шоколаднаго цвѣта“. Очевидно, здѣсь была случайная ассоціація смежности, почему-либо удержавшаяся и благодаря повторенію окрѣпшая; поводъ, благодаря которому ассоціація установилась, былъ забытъ, но самая ассоціація сохранилась. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда явленія синэстезіи распространяются на значительное число ощущеній, и когда извѣстныя связи повторяются неизмѣнно, тогда, повидимому, связь болѣе прочная и органическая. Отчего она зависитъ?—Въ настоящее время довольно распространеннымъ является объясненіе, которое, впрочемъ, едва ли можетъ намъ уяснить всѣ случаи, но къ нѣкоторымъ случаямъ подходитъ. Оно состоитъ въ слѣдующемъ: отдѣльные роды ощущеній сопровождаются въ нашемъ сознаніи извѣстными чувствами. Напр., высокій интенсивный звукъ, мажорный аккордъ оказываютъ возбуждающее дѣйствіе, а низкій, тихій звукъ или минорное сочетаніе несутъ на себѣ часто оттѣнки грусти, подавленности, угнетенія. Нѣкоторые цвѣта, какъ показали изслѣдованія, дѣйствуютъ возбуждающимъ образомъ (напр. красный), другіе же успокаивающимъ (фіолетовый). Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что мы склонны невольно ассоціировать возбуждающіе звуки,

напр., перезвонъ колокольчиковъ съ возбуждающимъ цвѣтомъ—съ краснымъ или малиновымъ.

Кромѣ модальности, существуютъ еще нѣсколько особенностей, присущихъ всѣмъ ощущеніямъ, къ какому бы роду они не принадлежали. Прежде всего, конечно, ощущенія различаются по качеству. Всѣ ощущенія имѣютъ то или иное качество; напр., качество слуховыхъ ощущеній составляетъ ихъ высота, качество зрительныхъ — ихъ цвѣтъ и т. д. Далѣе, всѣ ощущенія обладаютъ интенсивностью или силой, и экстенсивностью, т. е. пространственностью. Когда я воспринимаю ощущеніе, напр., краснаго цвѣта, то вмѣстѣ съ этимъ я воспринимаю, на какую поверхность оно распространяется—на большую или на меньшую? Слуховыя ощущенія, напр., стукъ я всегда могу локализировать, т. е. опредѣлить, въ какомъ мѣстѣ окружающаго пространства этотъ звукъ раздался. Точно такъ же возможна локализація и другихъ ощущеній: осязательныхъ, обонятельныхъ и т. д.

Эти три особенности, именно, качество, интенсивность и экстенсивность, свойственны всѣмъ ощущеніямъ безъ различія.

Ощущенія дѣлятся на внутреннія и внѣшнія, въ зависимости оттого, будутъ ли источники или раздражители, вызывающіе ощущеніе, находиться внѣ нашего организма или внутри его. Напр., ощущеніе звука отъ камертона будетъ внѣшнимъ ощущеніемъ, а ощущенія, получаемыя мною отъ органовъ моего тѣла, напр. сжатіе сердца или боль въ области печени, будутъ внутренними. Не слѣдуетъ смѣшивать это дѣленіе ощущеній на внѣшнія и внутреннія съ другимъ случаемъ, гдѣ эти же термины употребляются совершенно въ другомъ смыслѣ. Какъ вы помните, подъ явленіями внѣшняго міра мы разумѣли явленія физическія, воспринимаемыя при помощи органовъ чувствъ, а подъ явленіями внутренними — психическія, воспринимаемыя путемъ самонаблюденія. Я предостерегаю васъ отъ смѣшенія этихъ двухъ различныхъ способовъ употребленія однихъ и тѣхъ же терминовъ. Разъ термины установлены, то мы должны принимать ихъ, но всегда

ясно отдавая себѣ отчетъ, въ какомъ именно смыслѣ употребляются они нами въ данный моментъ.

Кромѣ того, ощущенія по тѣмъ физіологическимъ процессамъ, съ которыми они связаны, дѣлятся на ощущенія химическаго и механическаго происхожденія. Напр., ощущенія прикосновенія или давленія—механическаго происхожденія, въ то время какъ ощущенія свѣтовыя, обонятельныя или вкусовыя будутъ ощущеніями химическими, такъ какъ они обязаны своимъ происхожденіемъ химическимъ процессамъ, происходящимъ въ сѣтчаткѣ глаза, въ языкѣ, въ окончаніяхъ обонятельнаго нерва и т. д.

Различные виды ощущеній.

Переходя къ краткой характеристикѣ отдѣльныхъ родовъ ощущеній, я остановлюсь, прежде всего, на тѣхъ ощущеніяхъ, съ которыми намъ часто придется встрѣчаться въ дальнѣйшемъ, именно—на осязательныхъ. Къ нимъ принадлежатъ прежде всего ощущенія прикосновенія и ощущенія давленія. Эти два рода ощущеній трудно разграничить другъ отъ друга, потому что, когда я прикасаюсь къ кожной поверхности слегка, то у меня возникаетъ ощущеніе прикосновенія, когда же я прикасаюсь сильнѣе, то это ощущеніе переходитъ въ ощущеніе давленія и трудно установить границу между ними. Для болѣе точнаго изслѣдованія этихъ ощущеній существуютъ различнаго рода приборы, изъ которыхъ особенно точнымъ представляются такъ называемые вѣсы Страттона.

Кромѣ ощущеній прикосновенія и давленія, мы различаемъ болевыя ощущенія. Они возникаютъ нерѣдко въ случаѣ чрезмѣрнаго усиленія тѣхъ или иныхъ ощущеній, а также въ тѣхъ случаяхъ, когда ткани организма такъ или иначе повреждаются. Напр., уколъ, сильное надавливаніе, всѣ они сопровождаются болевымъ ощущеніемъ. Разрушеніе тканей можетъ быть при этомъ настолько ничтожнымъ, что оно затѣмъ немедленно выравнивается, но все же оно было достаточно для возникновенія боли. Болевыя ощущенія не непре-

мѣнно связаны съ осязательными, они могутъ обладать также и извѣстной самостоятельностью. Такъ, при нѣкоторыхъ заболѣваніяхъ бываетъ, что на одномъ и томъ же участкѣ кожной поверхности осязательныя ощущенія утрачены, а болевыя сохранены; бываютъ также случаи сохраненія термическихъ ощущеній (ощущенія тепла и холода) при сохраненіи болевыхъ и наоборотъ. Вообще эти отдѣльные роды кожной чувствительности (ощущенія прикосновенія и давленія, температурныя и болевыя) обладаютъ извѣстной самостоятельностью какъ въ смыслѣ различія для нашего самонаблюденія, такъ и въ объективномъ смыслѣ, въ виду того, что они не всегда идутъ между собой параллельно.

Кромѣ этихъ родовъ осязательныхъ ощущеній, не менѣе важное значеніе имѣютъ такъ называемыя внутреннія осязательныя ощущенія, которыя иногда обозначаютъ названіемъ общаго чувства. Подъ этимъ терминомъ разумѣетъ ту совокупность осязательныхъ ощущеній, которыя получаются нами отъ внутреннихъ органовъ — отъ сердца, легкихъ, печени, селезенки и т. д. Эта совокупность ощущеній потому называется общимъ чувствомъ, что внутреннія ощущенія мы различаемъ и локализируемъ гораздо менѣе точно, чѣмъ внѣшнія. Когда я прикасаюсь къ поверхности руки концомъ булавки, то испытуемый можетъ довольно точно локализировать, въ какомъ мѣстѣ онъ почувствовалъ уколъ.

Производится опытъ съ локализаціей легкаго болеваго ощущенія.

Если же у насъ возникаетъ боль, напр. въ легкомъ то локализація уже гораздо менѣе совершенна; бываетъ, напр., что болѣзненный процессъ происходитъ въ верхушкѣ легкихъ, а между тѣмъ боль чувствуется въ боку. То же самое можно сказать относительно ощущеній, исходящихъ изъ другихъ внутреннихъ органовъ. Обычно бываетъ такъ, что отдѣльныя ощущенія, получаемыя изъ разныхъ внутреннихъ органовъ, сливаются въ одну общую массу, которую мы опредѣляемъ, какъ общее наше самочувствіе.

Еще болѣе важную роль въ психической жизни играетъ послѣдняя разновидность осязательныхъ ощущеній, именно, мышечныя ощущенія или такъ называемое мышечное чувство. Подъ мышечными ощущеніями мы подразумѣваемъ тѣ ощущенія, которыя получаются при сокращеніи мускуловъ. Въ каждомъ мускулѣ заложены нервныя чувствительныя окончанія; эти чувствительныя окончанія отъ сокращенія мускуловъ подвергаются раздраженію болѣе или менѣе сильному, въ зависимости отъ силы самого мышечнаго сокращенія, и въ результатѣ получается ощущеніе, дающее мнѣ до извѣстной степени знать о томъ, въ какомъ состояніи находится мускулъ. Мышечныя ощущенія входятъ важной составной частью въ такъ называемыя двигательныя представленія или представленія движеній.

Производится опытъ: испытуемый съ закрытыми глазами точно опредѣляетъ положеніе своей руки въ пространствѣ и измѣненія этого положенія.

Какимъ образомъ происходитъ процессъ воспріятія нами своихъ собственныхъ движеній? Анализъ показываетъ, что въ составъ ихъ входитъ цѣлый рядъ разнородныхъ элементовъ. Испытуемый ощущаетъ, какъ кожа въ сгибѣ руки сокращается или растягивается, какъ суставныя поверхносси костей трутся другъ о друга, и вся эта совокупность осязательныхъ ощущеній, соединяясь съ собственно мышечными ощущеніями и съ зрительными воспріятіями передвигающагося члена тѣла, даетъ намъ то, что мы называемъ двигательнымъ представленіемъ. Съ этими двигательными представленіями намъ придется встрѣчаться еще неоднократно.

Переходя къ зрительнымъ ощущеніямъ, я скажу о нихъ очень немного. Внѣшнимъ возбудителемъ зрительныхъ ощущеній являются колебанія свѣтового эфира, болѣе или менѣе частыя (отъ 300 до 700 билл. въ сек.). Въ зависимости отъ частоты колебаній возникаетъ ощущеніе того или иного цвѣта. Эти колебанія эфира вызываютъ въ сѣтчаткѣ нашего глаза своеобразные химическіе процессы, сосредоточивающіеся въ окончаніяхъ

нервныхъ волоконъ глаза, такъ называемыхъ палочкахъ и колбочкахъ. Возникшій вслѣдствіе этого процессъ нервнаго возбужденія, передаваясь въ кору головного мозга, ведетъ въ концѣ концовъ, къ возникновенію зрительнаго ощущенія.

Я не буду вдаваться въ подробное изложеніе физіологическихъ теорій свѣтовыхъ и цвѣтовыхъ ощущеній, именно теорій Юнга-Гельмгольца и Геринга, скажу только, что въ основу этихъ теорій положены отчасти и психологическія гипотезы. Юнгъ и Гельмгольцъ считаютъ, что основными цвѣтами, а слѣдовательно, и основными цвѣтовыми ощущеніями надо считать красное, зеленое и фіолетовое: изъ комбинацій этихъ трехъ основныхъ цвѣтовъ возникаютъ затѣмъ всѣ остальные. Въ противоположность этому, Герингъ считаетъ, что основными цвѣтовыми ощущеніями надо считать 3 слѣдующихъ пары: 1) бѣлое—черное, 2) красное—зеленое, 3) желтое—синее. Эти три пары цвѣтовыхъ ощущеній, по мнѣнію Геринга, соотвѣтствуютъ тремъ основнымъ химическксмъ процессамъ, совершающимся въ нашей сѣтчаткѣ. При этомъ въ каждомъ изъ названныхъ процессовъ стадія распаденія вещества соотвѣтствуетъ болѣе свѣтлому роду ощущеній (бѣлое, желтое, красное), а стадія возстановленія — болѣе темному (черное, синее, зеленое).

Теорія Геринга имѣетъ, повидимому, за себя больше данныхъ, такъ какъ она объясняетъ значительно большее число явленій. Обѣ теоріи интересны, между прочимъ, потому, что онѣ примыкаютъ къ двумъ различнымъ теченіямъ въ психофизіологіи ощущеній. Теорія Юнга и Гельмгольца примыкаетъ къ гипотезѣ специфической энергіи нервовъ и нервныхъ окончаній, въ томъ видѣ, какъ ее формулировалъ І. Миллеръ. Согласно ей, въ нашей сѣтчаткѣ существуетъ три рода нервныхъ окончаній—красновоспринимающія, зелено-и-фіолетово-воспринимающія. Это—гипотеза специфической энергіи различныхъ нервныхъ окончаній сѣтчатки. Всѣ остальные цвѣта представляютъ собой лишь результатъ комбинированнаго, совмѣстнаго дѣйствія этихъ основныхъ специфическихъ элементовъ. Между тѣмъ теорія

Геринга первое мѣсто отводитъ уже не специфичности нервныхъ окончаній, а различнымъ химическимъ процессамъ, совершающимся въ этихъ нервныхъ окончаніяхъ.

Кромѣ различія по качеству цвѣтовъ, зрительныя ощущенія различаются еще по насыщенности цвѣтовъ, а также по ихъ яркости. Что такое насыщенность цвѣта, это вы можете себѣ представить изъ слѣдующаго примѣра. Возьмемъ какое-нибудь красящее вещество, напр., насыщенный растворъ марганцево-кислаго калія, темно-пурпурнаго цвѣта. Этотъ растворъ разведите въ различномъ количествѣ частицъ воды. У васъ получится цѣлая скала насыщенности, отъ самаго блѣднаго, до самаго насыщеннаго. Кромѣ насыщенности, различаютъ еще яркость цвѣтовъ и большую или меньшую ихъ освѣщенность (интенсивность); эти двѣ особенности не совсѣмъ совпадаютъ, но все же онѣ настолько близки, что ихъ часто отождествляютъ другъ съ другомъ.

Въ звуковыхъ ощущеніяхъ такъ же, какъ и во всѣхъ остальныхъ можно различать качество ощущеній и ихъ интенсивность. Въ наиболѣе чистомъ видѣ качество слуховыхъ ощущеній можно изучать на тонахъ, получаемыхъ при помощи камертоновъ. Эти тоны и являются тѣми элементами, изъ которыхъ складываются слуховыя ощущенія. Тоны получаются въ томъ случаѣ, когда мы имѣемъ одно и тоже правильное, ритмичное звучаніе даннаго тѣла. Въ противномъ случаѣ возникаютъ такъ называемые шумы. Возьмемъ, напр., шуршанье, производимое кускомъ мѣла, когда я провожу имъ черту на доскѣ: частицы мѣла, прикасаясь къ различнымъ мѣстамъ, производятъ различнаго рода воздушныя колебанія, не ритмичныя, неправильныя; возникаетъ ощущеніе шума. Стукъ также принадлежитъ къ числу шумовъ.

Слуховыя ощущенія, какъ и всѣ другія, обладаютъ экстенсивностью, но ихъ локализація гораздо менѣе точна, чѣмъ локализація осязательныхъ и зрительныхъ ощущеній.

Производится опытъ надъ локализаціей слуховыхъ ощущеній. Испытуемый съ закрытыми глазами долженъ указать то мѣсто, откуда слышенъ стукъ.

Относительно обонятельныхъ и вкусовыхъ ощущеній слѣдуетъ сказать, что изслѣдованія этого рода ощущеній какъ съ качественной, такъ и съ количественной стороны представляются менѣе точными, чѣмъ изслѣдованія другихъ родовъ ощущеній. Когда вкусовое вещество наносится на языкъ, оно растворяется въ жидкой средѣ, расплывается, и такимъ образомъ, точная локализація невозможна. То же самое приходится сказать и о пахучихъ веществахъ. Кромѣ того, такъ какъ раздражитель здѣсь всегда попадаетъ въ жидкую среду, въ которой онъ растворяется, то и концентрація его сразу мѣняется, а потому точная количественная градуировка раздражителя также невозможна.

IX.

Измѣреніе ощущеній.

Методы изслѣдованія интенсивности ощущеній.

Переходя къ количественной сторонѣ ощущеній, (т. е., главнымъ образомъ, къ ихъ интенсивности) я, прежде всего, долженъ сказать, что изслѣдованіе интенсивности ощущеній въ теченіе очень долгаго времени привлекало къ себѣ огромный интересъ и психологи затратили массу энергіи на разработку этой области. Этотъ интересъ вполнѣ понятенъ. Дѣло въ томъ, что именно въ области ощущеній возможно наиболѣе точное измѣреніе внѣшнихъ раздражителей, дѣйствующихъ на нашу психику. Поэтому именно въ этой области были впервые сдѣланы попытки ввести математику и измѣреніе въ область психологіи.

Еще Кантъ во второй половинѣ XVIII-го столѣтія не допускалъ возможности, чтобы психологія могла когданибудь сдѣлаться точной наукой въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы примѣняемъ этотъ терминъ къ естественнымъ наукамъ. Главное основаніе онъ видѣлъ въ томъ, что въ психологіи невозможно измѣреніе. Въ то время какъ внѣшніе предметы имѣютъ два измѣренія—во времени и въ пространствѣ, психологическіе процессы, какъ считалъ Кантъ, могутъ протекать только во времени. Пространственности психическія явленія не имѣютъ и, слѣдовательно, измѣренію они недоступны. Но уже въ началѣ XIX-го столѣтія нѣмецкій философъ Гербартъ предпринимаетъ подробно разработанную и теоретически обоснованную попытку ввести въ область психологіи измѣреніе и, слѣдовательно, дать психологіи возможность сдѣлаться точной наукой. У Гербарта эта попытка носитъ еще чисто теоритическій, умозритель-

ный характеръ. Впослѣдствіи же, благодаря работамъ Вебера и изслѣдованіямъ Фехнера, явилась возможность фактическаго обоснованія этихъ предположеній, и именно путемъ приложенія къ измѣренію психическихъ явленій экспериментальнаго метода.

Такъ какъ въ теченіе очень продолжительнаго времени попытки ввести измѣреніе въ психологіи ограничивались почти исключительно областью ощущеній и простѣйшихъ воспріятій, то я и остановлюсь, прежде всего, на методахъ, примѣнявшихся къ изслѣдованію ощущеній.

Первымъ методомъ является методъ постепенныхъ измѣненій или методъ едва замѣтныхъ разницъ.

Я уже демонстрировалъ вамъ этотъ методъ въ опытѣ съ часами: испытуемый сидитъ, обернувшись спиной къ экспериментатору; экспериментаторъ, держащій въ рукѣ карманные часы, отходитъ отъ него на такое разстояніе, что тиканіе часовъ не слышно ему, затѣмъ постепенно приближается къ нему, пока испытуемый не скажетъ, наконецъ, что слышитъ едва замѣтное тиканіе часовъ. Этимъ путемъ устанавливается минимальный порогъ раздраженія, или та минимальная интенсивность раздражителя, которая еще можетъ быть воспринята испытуемымъ. Затѣмъ, экспериментаторъ подходитъ еще ближе и проситъ сказать, когда ощущеніе станетъ чуть-чуть больше, т. е. старается установить разностный порогъ раздраженія, соотвѣтствующій едва замѣтному приросту ощущенія.

Въ смыслѣ точности опытъ съ часами, конечно, примитивенъ; для болѣе точныхъ изслѣдованій существуютъ особые приборы, гдѣ постепенный приростъ раздражителя можетъ быть точно измѣренъ и выраженъ въ цифрахъ. Методъ едва замѣтныхъ различій можетъ примѣняться не только въ области слуховыхъ, но и въ области всѣхъ остальныхъ родовъ ощущеній. Вы можете взять картонный экранъ, въ срединѣ котораго вставленъ кружокъ изъ промасленной бумаги. Находящійся сзади источникъ свѣта постепенно придвигается къ экрану, и испытуемый долженъ отмѣтить тотъ моментъ, когда онъ, наконецъ, замѣтилъ приростъ интенсивности освѣщенія. Мѣриломъ раздра-

жителя служитъ разстояніе, на которое пришлось передвинуть источникъ свѣта (разностный порогъ раздраженія).

При подобнаго рода изслѣдованіяхъ необходимо производить не только опыты съ постепеннымъ увеличеніемъ раздраженія, но также и опыты съ постепеннымъ его уменьшеніемъ (напр., отодвигая отъ испытуемаго источникъ свѣта или звука). Обычно ставятъ нѣсколько повторныхъ изслѣдованій съ постепеннымъ усиленіемъ раздражителя, а затѣмъ съ постепеннымъ его ослабленіемъ; записываютъ тѣ и другіе результаты и берутъ среднюю величину.

Второй методъ—это такъ называемый методъ истинныхъ и ложныхъ случаевъ.

Производится соотвѣтствующій опытъ съ приборомъ акад. Бехтерева для изслѣдованія слуховыхъ ощущеній. Экспериментаторъ даетъ одинъ за другимъ два раздраженія (напр., два звука), отличающіеся другъ отъ друга на величину, нѣсколько меньшую, чѣмъ разностный порогъ, испытуемый долженъ сказать, которое раздраженіе было сильнѣе. Опытъ повторяется много разъ и затѣмъ результатъ вычисляется по формулѣ $\frac{r}{n}$, т. е., берется отношеніе числа вѣрныхъ отвѣтовъ (r) къ общему числу опытовъ (n). Обычно принимаютъ, что, если число правильныхъ отвѣтовъ больше половины, то мы уже имѣемъ извѣстные шансы за то, что здѣсь была не простая случайность, а извѣстное распознаваніе. Если же число правильныхъ отвѣтовъ достигаетъ 75%, то процессъ различенія несомнѣнно здѣсь происходитъ. Существуютъ сложныя формулы для того, чтобы изъ результатовъ, полученныхъ при помощи метода истинныхъ и ложныхъ случаевъ, получить непосредственно величину разностнаго порога для даннаго случая. Но эти сложные пріемы имѣютъ значеніе лишь для спеціальныхъ изслѣдованій, почему я и не буду здѣсь о нихъ распространяться.

Третій методъ—это методъ средней ошибки.

Производится опытъ съ приборомъ д-ра Владимірскаго для изслѣдованія глазомѣра. Экспериментаторъ подвигаетъ справа налѣво черную нить, укрѣпленную вертикально, и проситъ испытуемаго сказать, когда эта линія будетъ находиться на срединѣ. На задней сторонѣ прибора нанесены дѣленія въ миллиметрахъ, и по этимъ дѣленіямъ можно судить о величинѣ сдѣ-

ланной испытуемымъ ошибки. Повторивши этотъ опытъ много разъ, вычисляютъ затѣмъ среднее изъ всѣхъ сдѣланныхъ въ томъ и другомъ направленіи ошибокъ, а также среднее колебаніе въ величинѣ этихъ ошибокъ.

Эти три метода наиболѣе часто употребляются при изслѣдованіи ощущеній, а также при изученіи отношеній, существующихъ между ощущеніями и соотвѣтствующими имъ раздражителями. Этотъ послѣдній вопросъ—объ отношеніи между интенсивностью ощущенія и интенсивностью раздраженія—былъ впервые подробно изслѣдованъ нѣмецкимъ физіологомъ Э. Г. Веберомъ. Поэтому и установленный имъ законъ извѣстенъ подъ именемъ закона Вебера.

Законъ Вебера и Фехнера; его значеніе для психологіи.

Веберъ работалъ надъ воспріятіемъ длины линій и надъ пространственными ощущеніями кожи, изслѣдуя эти послѣднія при помощи прикосновенія двумя концами циркуля къ кожѣ. Опыты эти показали, что приростъ ощущенія не прямо пропорціоналенъ приросту раздраженія, но что — чѣмъ больше абсолютная величина раздраженія, тѣмъ большій нуженъ приростъ для того, чтобы онъ былъ воспринятъ испытуемымъ. Напр., на коллективномъ опытѣ съ падающими шариками я показалъ вамъ, что на такомъ уровнѣ, когда звукъ сравнительно слабый, извѣстная разница ясно ощущается большинствомъ испытуемыхъ, но, когда мы производимъ тотъ же опытъ на болѣе высокомъ уровнѣ, взявъ ту же самую разницу въ интенсивности звуковъ, то огромное большинство отвѣтовъ уже не соотвѣтствуетъ дѣйствительности: для полученія того же количества правильныхъ отвѣтовъ, какъ и раньше, приходится значительно увеличить разницу между двумя звуками.

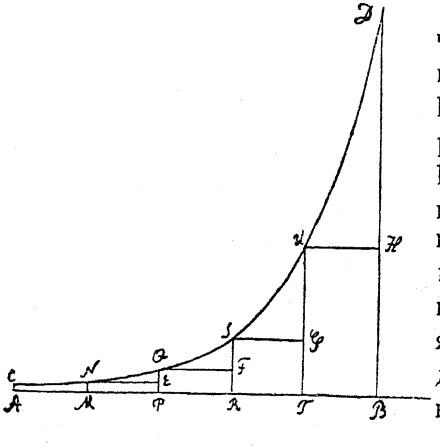
Веберъ установилъ, что величина нужнаго прироста раздраженія находится въ извѣстномъ постоянномъ отношеніи къ абсолютной величинѣ раздраженія. Для ощущеній давленія и для звуковыхъ ощущеній это отношеніе равняется $^1/_3$; такъ, напр., если мы имѣемъ на рукѣ тяжесть въ 9 грам. и будемъ изслѣдовать по ме-

тоду минимальныхъ измѣненій, какой приростъ нуженъ, чтобы испытуемый почувствовалъ едва замѣтный приростъ ощущенія, то увидимъ, что надо довести тяжесть до 12 гр. Если основная тяжесть = 60 грам., то надо увеличить ее на 20 грам. и т. д. Для свѣтовыхъ ощущеній величина прироста должна равняться $^1/_{100}$ основного раздраженія, а для ощущеній мышечнаго чувства $^1/_{17}$. Итакъ, законъ Вебера состоитъ въ слѣдующемъ: для полученія едва замѣтнаго прироста ощущенія раздражитель долженъ возрастать такимъ образомъ, чтобы величина прироста находилась къ величинѣ раздражителя всегда въ одномъ и томъ же отношеніи, при чемъ для каждаго опредѣленнаго рода ощущеній это отношеніе остается постояннымъ.

Впослѣдствіи Фехнеръ воспользовался этимъ закономъ, видоизмѣнивъ его извѣстнымъ образомъ, для того, чтобы доказать возможность примѣненія математики къ психологіи.

Если мы обозначимъ едва замѣтный приростъ ощущенія черезъ K, абсолютную величину раздраженія черезъ R, а приростъ его черезъ $\triangle R$, то вышеозначенное положеніе представится въ видѣ слѣдующей формулы: $K = C\frac{\triangle R}{R}$, причемъ C обозначаетъ постоянную величину.

Это можно изобразить графически.



На рисункѣ видно, что, при одинаковыхъ приростахъ ощущенія K (AM, MP, PR и т. д.) раздраженіе R (AC, MN, PQ, RS и т. д.) должно каждый разъ увеличиваться на все большую и большую величину, при чемъ эта величина является строго опредѣленной, оставаясь все время въ одномъ и

томъ же отношеніи къ абсолютной величинѣ имѣющагося налицо раздраженія. Отсюда вытекаетъ слѣдующая формулировка закона Вебера: ощущенія возрастаютъ въ ариѳметической прогрессіи, въ то время какъ раздраженія—въ геометрической.

Законъ Вебера, провѣренный и подробно разработанный Фехнеромъ, сыгралъ огромную роль въ развитіи экспериментальной психологіи вообще и, въ частности, въ вопросѣ о возможности примѣненія математики къ психологіи. Фехнеръ придалъ ему слѣдующую математическую формулировку. Если мы примемъ, что отношеніе, установленное Веберомъ: $K = C\frac{\triangle R}{R}$ приложимо также и къ безконечно-малымъ различіямъ ощущеній и раздраженій, то K превращается въ дифференціальную величину dE (E—ощущеніе), а $\triangle R$—въ dR (R—раздраженіе) и получается дифференціальное уравненіе: $dE = C\frac{dR}{R}$. Интегрируя его и принимая раздраженіе, соотвѣтствующее минимальному порогу ощущенія, равнымъ 1, получаемъ, въ концѣ концовъ, формулу: $E = C\log natR$, ощущеніе равняется логариѳму раздраженія, названную Фехнеромъ психофизической формулой.

Основываясь на законѣ Вебера, Фехнеръ, далѣе, пытался доказать возможность точнаго измѣренія въ области психическихъ величинъ. Онъ основывался на томъ, что психическія величины могутъ быть измѣряемы въ двухъ направленіяхъ: во-первыхъ—во времени, во-вторыхъ — въ своей интенсивности. Обыкновенно противъ возможности количественнаго измѣренія ощущеній выставляются слѣдующія возраженія. Когда я измѣряю протяженность, вѣсъ и другія свойства физическаго тѣла, то я всегда имѣю извѣстную мѣрку, единицу измѣренія (граммъ, аршинъ и пр.), однородную съ измѣряемымъ тѣломъ и его свойствами. Благодаря этому можно сказать, что единица измѣренія столько-то разъ содержится въ длинѣ или вѣсѣ измѣряемаго тѣла. Между тѣмъ, при измѣреніи ощущеній такой

*

мѣрки не можетъ быть, такъ какъ физическій раздражитель не однороденъ съ вызываемыми имъ ощущеніями. И вотъ Фехнеръ сдѣлалъ первое допущеніе, именно, онъ принялъ за такую единицу измѣренія — едва замѣтную величину ощущенія или порогъ ощущенія: тотъ минимальный звукъ, который мы еще воспринимаемъ при полной тишинѣ, то чрезвычайно слабое свѣтовое ощущеніе, которое мы еще можемъ воспринять на абсолютно черномъ фонѣ, напр., въ полной темнотѣ, на черномъ очень слабо освѣщенномъ бархатѣ и т. д.

Далѣе, Фехнеръ сдѣлалъ еще и второе допущеніе обозначивши едва замѣтные приросты ощущеній (или такъ наз. разностные пороги ощущеній) также черезъ 1 и, такимъ образомъ, приравнявши ихъ другъ къ другу и къ минимальному порогу ощущенія. Послѣ такого допущенія является уже дѣйствительно возможнымъ измѣрять ощущенія различной интенсивности совершенно въ томъ же смыслѣ, въ какомъ мы измѣряемъ физическія явленія. Такъ напр., ощущеніе яркаго свѣта, мы будемъ разсматривать, какъ состоящее изъ большого числа едва замѣтныхъ ощущеній. Пушечный выстрѣлъ будемъ приравнивать по интенсивности столькимъ-то ружейными выстрѣлами и т. д.

Не довольствуясь одними теоретическими разсужденіями, Фехнеръ, путемъ огромнаго количества опытовъ, произведенныхъ имъ надъ различными родами ощущеній, подтвердилъ законъ Вебера и доказалъ приложимость его почти ко всѣмъ родамъ нашихъ ощущеній. Въ виду этого онъ назвалъ законъ Вебера основнымъ психофизическимъ закономъ. Фехнеръ предположилъ, что законъ этотъ имѣетъ основное значеніе для всей нашей психической жизни, что онъ выражаетъ собой то отношеніе, которое существуетъ вообще между дѣйствующими на насъ внѣшними раздражителями и тѣми психическими переживаніями, которыя возникаютъ подъ вліяніемъ этихъ раздражителей. И дѣйствительно, факты показываютъ, что законъ Вебера, математически формулированный Фехнеромъ, имѣетъ

чрезвычайно широкое распространеніе въ нашей психической жизни. Приведу нѣсколько примѣровъ, указанныхъ самимъ Фехнеромъ. Когда мы сидимъ въ очень тихой обстановкѣ, то слышимъ малѣйшій звукъ; наоборотъ, когда въ комнатѣ шумно, тогда надо говорить громко, чтобы быть услышаннымъ, то есть, прибавка слухового раздраженія къ уже имѣющемуся должна быть гораздо болѣе значительной. Другой примѣръ, изъ области зрительныхъ ощущеній. Почему мы днемъ не видимъ звѣздъ на небѣ? Не потому, чтобъ ихъ днемъ тамъ не было, а потому что днемъ яркій солнечный свѣтъ образуетъ для нихъ слишкомъ свѣтлый фонъ; необходимъ значительный приростъ свѣтового раздражителя для того, чтобы вызвать ощущеніе свѣтлаго пятна на этомъ фонѣ. И мы, дѣйствительно, видимъ, что нѣкоторыя очень яркія кометы бываютъ видны также и днемъ. Наоборотъ, ночью, въ особенности когда нѣтъ луны, освѣщеніе неба настолько незначительно, что звѣзды воспринимаются отчетливо.

Но не только въ области ощущеній, а и въ области чувствованій, мы имѣемъ также отношенія, напоминающія собой законъ Вебера. Такъ человѣкъ много натерпѣвшійся горя, воспринимаетъ малѣйшее облегченіе, малѣйшую радость или проявленіе участія гораздо интенсивнѣе, чѣмъ человѣкъ избалованный судьбой. У перваго радостныхъ ощущеній въ жизни очень мало, и потому малѣйшій приростъ въ этомъ направленіи чувствуется имъ совершенно отчетливо; наоборотъ, второй большую часть своей жизни проводитъ въ удовольствіи, и потому ему надо что-нибудь экстраординарное, чтобы вызвать въ немъ приростъ удовольствія.

Такое широкое распространеніе даннаго отношенія въ психической жизни человѣка и заставило Фехнера придать этому закону основное значеніе и считать его основнымъ психо-физическимъ закономъ; математическая же формулировка даннаго отношенія и тѣ допущенія, которыя онъ счелъ возможнымъ сдѣлать, дали ему возможность предположить, что именно въ этомъ пунктѣ мы имѣемъ возможность точно формулировать

отношеніе между психическими и физическими процессами.

Однако, какъ математическая формула Фехнера, такъ и въ особенности сдѣланные изъ нея выводы встрѣтили рядъ возраженій и при томъ очень существенныхъ. При этомъ самый законъ Вебера, въ первоначальной его формѣ, почти никѣмъ не оспаривался, возраженіе же вызывало, главнымъ образомъ, то распространенное толкованіе, которое далъ ему Фехнеръ. Прежде всего, указывали на то, что законъ этотъ приложимъ не ко всѣмъ ощущеніемъ въ одинаковой мѣрѣ. Наиболѣе точныя данныя получаются въ ощущеніяхъ давленія и вообще въ осязательныхъ, а также въ ощущеніяхъ свѣта и звука. Что же касается ощущеній обонятельныхъ, вкусовыхъ и термическикъ, то здѣсь мы имѣемъ дѣло съ болѣе смутными и неясными данными и о такой правильности, какъ сейчасъ мы указали, тамъ не можетъ быть рѣчи. Далѣе, законъ этотъ примѣнимъ только къ средней интенсивности ощущеній; тамъ же, гдѣ рѣчь идетъ объ очень слабомъ или очень сильномъ раздражителѣ, тамъ законъ этотъ, какъ показали изслѣдованія, уже теряетъ свою силу.

Такимъ образомъ, прежде всего со стороны фактической, законъ этотъ встрѣчаетъ значительныя ограниченія, и уже это одно заставляетъ сомнѣваться въ томъ, можно ли считать его основнымъ психо-физическимъ закономъ, имѣющимъ значеніе для всѣхъ нашихъ психическихъ переживаній. Но и со стороны теоретической противъ Фехнера былъ выдвинутъ цѣлый рядъ существенныхъ возраженій. Я остановлюсь на одномъ изъ нихъ, наиболѣе важномъ.

Фехнеру возражали, что его основное допущеніе, дававшее ему возможность построить всю гипотезу измѣримости психическихъ явленій, въ корнѣ своемъ неправильно. Когда мы измѣряемъ столъ, прилагая къ нему единицу измѣренія—аршинъ, то мы можемъ это дѣлать потому, что столъ, какъ физическій предметъ, дѣйствительно состоитъ изъ отдѣльныхъ единицъ. Мы можемъ этотъ столъ разрѣзать на куски, и каждый кусокъ будетъ равенъ по своей длинѣ этой измѣритель-

ной единицѣ. То же самое съ измѣреніемъ вѣса. Мы можемъ всякій данный предметъ раздѣлить на куски такимъ образомъ, чтобы каждый кусокъ равнялся одному фунту. Ничего подобнаго мы не можемъ сдѣлать въ психическомъ мірѣ, въ мірѣ ощущеній. Я не могу, напр., ощущенія яркаго свѣта разбить на части такимъ образомъ, чтобы каждая изъ этихъ частей равнялась бы слабому свѣтовому ощущенію. Я могу, правда, источникъ свѣта, напр., лампу, замѣнить нѣсколькими болѣе слабыми лампочками, но здѣсь рѣчь идетъ о физическомъ предметѣ, о его дѣленіи, а не о дѣленіи психическаго явленія, т. е. ощущенія. Это дало поводъ цѣлому ряду психологовъ и физіологовъ утверждать, что ощушенія не могутъ быть измѣряемы въ томъ смыслѣ, какъ измѣряются физическіе предметы.

Спрашивается, каково дѣйствительное значеніе закона Вебера и той математической формулировки, которую ему придалъ Фехнеръ? или, другими словами, какое же значеніе могутъ имѣть наши измѣренія въ области психической жизни? Мнѣ уже приходилось раньше упоминать о томъ, что однимъ изъ важнѣйшихъ моментовъ, подвинувшихъ въ послѣднее время изученіе и анализъ психическихъ явленій было именно приложеніе къ нимъ математики, т. е. измѣренія, подсчета, статистики и т. д. Одно изъ преимуществъ экспериментальнаго метода передъ другими именно въ томъ и заключается, что онъ во многихъ случаяхъ облегчаетъ примѣненіе математики къ психологіи. Не служитъ ли приведенное выше возраженіе кореннымъ препятствіемъ ко всему этому?

Вундтъ указалъ на то, что можно примѣнять математику къ психологіи и не становясь на точку зрѣнія Фехнера, т. е. не считая возможнымъ разсматривать интенсивное ощущеніе, какъ состоящее изъ ряда другихъ, меньшихъ единицъ. Мы можемъ измѣрять измѣняющуюся величину раздражителей и сопоставлять съ ней ту или иную интенсивность нашихъ ощущеній. Наблюдая или изучая путемъ самонаблюденія свои ощущенія, я констатирую различную ихъ интенсивность. Я замѣчаю, далѣе, что по своей интенсивности ощущенія

одного и того же рода, напр., свѣтовыя или звуковыя, могли быть расположены въ видѣ извѣстнаго ряда, при чемъ въ этомъ ряду интенсивность даннаго ощущенія всѣ болѣе и болѣе возрастаетъ, увеличиваясь каждый разъ на едва замѣтную величину. Далѣе, я сопоставлю члены этого ряда (ряда ощущеній) съ членами другого ряда (ряда раздраженій) и вижу, что члены этого второго ряда растутъ въ извѣстной прогрессіи, именно— геометрической. Такого рода примѣненіе математики къ психологіи является вполнѣ допустимымъ.

Положимъ далѣе, что я хочу изслѣдовать, какимъ образомъ измѣняются ощущенія подъ вліяніемъ утомленія. Опытъ показываетъ, что въ состояніи утомленія для того, чтобы получить ощущеніе извѣстной интенсивности, приходится взять уже не прежній членъ ряда раздраженій, а другой, болѣе значительный. Точно то же самое можно сказать и относительно измѣренія индивидуальныхъ различій: примѣняя къ другимъ людямъ раздражители, вызывающіе у меня минимальное ощущеніе или разностный порогъ ощущенія, я констатирую, что у нихъ сила этихъ раздражителей должна быть различнымъ образомъ измѣнена, и выражаю эти измѣненія въ числахъ.

Такимъ образомъ, примѣненіе математики къ психологіи все равно остается возможнымъ и плодотворнымъ и въ томъ случаѣ, если мы не будемъ стоять на точкѣ зрѣнія Фехнера, а примемъ, что измѣреніе интенсивности ощущеній или психическихъ процессовъ должно производиться инымъ путемъ, чѣмъ это дѣлается въ области физическихъ явленій.

Спрашивается теперь, какимъ образомъ слѣдуетъ объяснять тѣ явленія, которыя наблюдалъ Веберъ, и которыя были точно формулированы Фехнеромъ? Какова причина того, что ощущеніе возрастаетъ только въ ариѳметической прогрессіи, въ то время какъ раздраженіе растетъ въ геометрической? Этому факту давались различныя объясненія. Самъ Фехнеръ, сдѣлавшій первую попытку истолковать его, считалъ, что въ основѣ его лежитъ процессъ „психо-физическаго движенія“, возникающій всегда въ тѣхъ случаяхъ,

когда тотъ или иной мозговой процессъ сопровождается извѣстными психическими переживаніями. Это объясненіе въ настоящее время никѣмъ уже не раздѣляется. Установлено съ несомнѣнностью, что законъ Вебера имѣетъ лишь ограниченную область примѣненія и, слѣдовательно, не можетъ считаться основнымъ общезначущимъ психо-физическимъ закономъ въ томъ смыслѣ, какъ это думалъ Фехнеръ.

Другое истолкованіе, чисто физіологическое, заключается въ слѣдующемъ. Когда какое-либо раздраженіе, дѣйствующее на наши органы чувствъ, вызываетъ, въ концѣ концовъ, соотвѣтствующій процессъ въ корѣ головного мозга, то процессъ этотъ для своего возникновенія, долженъ преодолѣть извѣстное сопротивленіе. Это сопротивленіе будетъ тѣмъ больше, чѣмъ больше абсолютная величина раздражителя, что и влечетъ за собой отношенія, формулированныя закономъ Вебера. Объясненіе это представляетъ собой гипотезу, очень мало обоснованную фактическими данными. Мы еще такъ мало знаемъ о природѣ нервныхъ процессовъ, совершающихся въ корѣ головного мозга, что исходить изъ этихъ нашихъ познаній для истолкованія столь тонкихъ психическихъ явленій представляется весьма рискованнымъ.

Наиболѣе правдоподобнымъ слѣдуетъ считать, на мой взглядъ, объясненіе предложенное Вундтомъ, который много занимался изученіемъ и провѣркой закона Вебера-Фехнера какъ со стороны фактической, такъ и со стороны теоретическаго его истолкованія. Вундтъ считаетъ, что формула Вебера является лишь частичнымъ выраженіемъ болѣе общаго психическаго закона, именно, закона относительности. Въ нашей душевной жизни мы постоянно наблюдаемъ, что всякія психическія переживанія оцѣниваются нами не отдѣльно, а въ связи со всѣми другими переживаніями. Если я, напр., вышелъ изъ темной комнаты на улицу, то свѣтъ мнѣ здѣсь кажется гораздо болѣе ослѣпительнымъ, чѣмъ если бы я вышелъ изъ освѣщенной комнаты. Человѣку, привыкшему къ шуму и движенію большого рода, тихія улицы захолустнаго городка кажутся совсѣмъ вымершими и

т. д. Законъ Вебера представляетъ собой разновидность этого общаго закона относительности: когда въ моемъ сознаніи раньше было уже большое раздраженіе, то мнѣ нуженъ и большій приростъ, такъ какъ я его оцѣниваю не отдѣльно, а въ связи съ предшествовавшимъ раздраженіемъ.

Такого рода объясненіе, съ одной стороны, позволяетъ намъ понять, почему законъ Вебера имѣетъ такое широкое распространеніе во всей психической жизни человѣка, а съ другой—всетаки указываетъ ему извѣстную, ограниченную область примѣненія, дѣлая понятными тѣ отступленія и несоотвѣтствія, о которыхъ упоминалось выше.

X.

Процессъ воспріятія.

Общая характеристика процесса; его составные элементы.

Перейдемъ теперь къ изложенію болѣе сложнаго, по сравненію съ ощущеніями, процесса, а именно— процесса воспріятія. Но прежде чѣмъ начать говорить объ этомъ процессѣ, я покажу нѣкоторые опыты, свидѣтельствующіе какъ объ элементахъ, изъ которыхъ слагается процессъ воспріятія, такъ и о сложности самаго процесса.

Опытъ съ картономъ Бинэ состоитъ въ томъ, что испытуемому показывается въ теченіи 10—15 секундъ картонъ, на которомъ укрѣплены нѣкоторые предметы и рисунки. Послѣ этого картонъ убирается, и испытуемому предлагаютъ какъ можно подробнѣе и точнѣе описать все, что онъ видѣлъ и запомнилъ. Затѣмъ относительно каждаго предмета испытуемому предлагается цѣлый рядъ вопросовъ.

Изъ опыта выясняется, что въ общемъ испытуемый воспроизвелъ довольно вѣрно, но при болѣе подробномъ опросѣ сдѣлалъ цѣлый рядъ очень характерныхъ ошибокъ. Такъ, запомнилось главнымъ образомъ лишь то, на что было обращено вниманіе, остальное осталось невоспринятымъ. Далѣе, замѣчено было, что при воспроизведеніи совершилась нѣкоторая переработка, измѣненіе воспринятыхъ впечатлѣній, переносъ отдѣльныхъ качествъ съ одного предмета или съ одной части предмета на другія и т. д. Наконецъ, нѣкоторыя ошибки обязаны были своимъ происхожденіемъ, повидимому, сложному процессу, напоминающему процессъ умозаключенія, но оставшемуся, однако, неосознаннымъ: напр., испытуемый, припомнивши, что цифра на листкѣ отрывного календаря была краснаго цвѣта, отвѣчаетъ затѣмъ на вопросъ о днѣ недѣли: „воскресенье“ (между тѣмъ какъ былъ другой, праздничный день), утверждая, будто ясно видѣлъ это слово напечатаннымъ красными буквами.

Итакъ, изъ этого опыта вы могли наглядно убѣдиться, что наши воспріятія отнюдь не представляютъ собой простого отпечатка внѣшнихъ впечатлѣній. Совершенно неправильно было бы думать, что процессъ воспріятія происходитъ аналогично простому фотографическому отпечатку, что внѣшнія раздраженія, получаемыя въ сѣтчаткѣ глаза и передающіяся затѣмъ въ центры мозговой коры, воспринимаются нами, какъ простая фотографія внѣшней дѣйствительности. Воспринимая внѣшнія впечатлѣнія, мы, въ тотъ же самый моментъ воспріятія, подвергаемъ ихъ переработкѣ, иногда очень сложной. Однако, вся эта переработка совершается въ большинствѣ случаевъ помимо нашего сознанія, и въ результатѣ получается только процессъ воспріятія въ его окончательной формѣ.

Другой опытъ—съ тахистоскопомъ. Сквозь быстро промелькнувшую щель испытуемый видитъ въ теченіи очень короткаго времени какой-нибудь рисунокъ, слово, число и т. п., и долженъ сказать или нарисовать то, что онъ видѣлъ. Показанъ былъ рисунокъ стола. При воспроизведеніи испытуемый сдѣлалъ характерную ошибку: онъ нарисовалъ столъ съ четыреугольникомъ внизу, какіе обычно мы встрѣчаемъ, но котораго на рисункѣ не было.

Изъ этого опыта можно видѣть, что очень часто нами воспроизводятся предметы не такими, какими они нами воспринимаются, а какими они были нами прежде, восприняты и сохранились въ нашемъ сознаніи. Воспріятія даннаго момента непроизвольно и безсознательно дополняются нами на основаніи воспріятій предшествовавшихъ.

Опыты съ тахистоскопомъ при анализѣ процесса воспріятія даютъ много интересныхъ данныхъ, и потому я остановлюсь нѣсколько подробнѣе на изложеніи того, что обычно получается въ этихъ случаяхъ.

Бываетъ, что испытуемый воспроизводитъ какой-нибудь рисунокъ, напр. рисунокъ ключа, въ обратномъ, перевернутомъ видѣ; ему указываютъ его ошибку, но онъ не хочетъ вѣрить и убѣжденъ, что воспринялъ въ томъ же положеніи, въ ка-

комъ воспроизводитъ. И здѣсь, слѣдовательно, видно, что наши воспріятія не представляютъ простого отпечатка внѣшней дѣйствительности. Очевидно, что содержаніе рисунка и расположеніе этого содержанія въ пространствѣ—не одно и то же. Это два разныхъ элемента, которые могутъ обособляться другъ отъ друга.

Бываютъ и такіе случаи: испытуемому показываютъ изображеніе мухи; онъ правильно воспроизводитъ это изображеніе. Затѣмъ ему показываютъ изображеніе руки; онъ говоритъ: „это тоже какое-то насѣкомое“ и рисуетъ нѣчто среднее—между личинкой насѣкомаго и видѣннымъ на самомъ дѣлѣ рисункомъ. При болѣе раздвинутой щели испытуемый наконецъ, замѣчаетъ, что изображена не муха, а рука. Вы видите изъ этого примѣра, что объекты, воспринятые нами раньше, вліяютъ на дальнѣйшее воспріятіе, направляя содержаніе воспріятій въ извѣстную сторону.

Приведу еще одинъ примѣръ: испытуемой была показана картина, на которой былъ изображенъ левъ. Испытуемой показалось, что это корова и она рисуетъ настоящую корову, какъ на поваренной книгѣ. Когда ей показали рисунокъ при болѣе раздвинутой щели, она узнаетъ, что это левъ. На вопросъ, почему она прежде нарисовала корову, она сказала, что ей представилась корова изъ поваренной книги; когда я сталъ спрашивать ее подробно, что, можетъ быть, она не ясно разглядѣла нѣкоторыя подробности, она отвѣтила, что всѣ подробности рисунка она представляла себѣ совершенно ясно. Здѣсь, слѣдовательно, можно прослѣдить одно явленіе, очень характерное для процесса воспріятія: испытуемая восприняла нѣкоторые элементы показаннаго рисунка въ общихъ чертахъ, затѣмъ дополнила ихъ представленіями, полученными изъ прошлыхъ опытовъ, именно представленіемъ коровы, воспринятой изъ поваренной книги, а затѣмъ уже воспринятые элементы воспроизвела, соединивъ въ одинъ цѣльный образъ съ прежде полученными воспріятіями,—и образъ этотъ оказался настолько цѣльнымъ, что въ немъ уже нельзя было различить тѣхъ элементовъ, которые были дѣйствительно восприняты, отъ тѣхъ элементовъ, которые были воспроизведены: всѣ они слились въ одинъ цѣльный, нераздѣльный образъ.

Теперь я въ нѣсколькихъ словахъ подведу итоги тому, что вы видѣли въ этихъ опытахъ, и что харак-

теризуетъ собой процессъ воспріятія. Вы видѣли, что процессъ этотъ сложенъ. Въ немъ участвуютъ, прежде всего, внѣшніе, объективные элементы, именно ощущенія и ихъ комплексы. Эти воспринятые извнѣ объективные элементы дополняются субъективными, именно воспроизведенными образами или представленіями. Вся эта совокупность элементовъ объединяется нами въ одно цѣлое, при чемъ сліяніе это оказывается настолько тѣснымъ, органическимъ, что въ получившемся у него образѣ человѣкъ уже не можетъ обособить отдѣльныхъ элементовъ другъ отъ друга.

Еще одна, также очень существенная, сторона процесса воспріятія: всѣ эти сложные комплексы, составленные изъ ощущеній и воспроизведенныхъ образовъ и объединенные нами въ процессѣ воспріятія, объективируются нами, относятся нами во внѣ. Испытуемая, увидѣвъ въ тахистоскопѣ рисунокъ коровы, который былъ въ большей части созданъ ею самой, тѣмъ не менѣе не считала это своимъ представленіемъ о коровѣ, а оцѣнивала, какъ объективное воспріятіе, считала, что рисунокъ этотъ находится внѣ ея. Это есть процессъ объективаціи воспринятыхъ впечатлѣній. Онъ также является чрезвычайно характернымъ для процесса воспріятія. Онъ, главнымъ образомъ, и отличаетъ воспринятыя представленія отъ воспроизведенныхъ образовъ, отъ продуктовъ нашего воображенія. Воспроизведенные образы отличаются отъ воспринятыхъ, прежде всего, тѣмъ, что они обыкновенно бываютъ болѣе тусклыми, неясными. Когда я вижу передъ собой человѣка, или когда вспоминаю о немъ, то, конечно, воспроизведенный образъ будетъ болѣе блѣднымъ, чѣмъ воспринятый. Однако, это отличіе не особенно характерно: бываютъ воспроизведенные образы, отличающіеся чрезвычайной яркостью и тѣмъ не менѣе они нами не объективируются.

Признакъ объективности присущъ не только воспріятіямъ, но уже и отдѣльнымъ элементамъ, входящимъ въ процессъ воспріятія, именно—ощущеніямъ; тѣмъ не менѣе онъ въ значительной степени усили-

вается, благодаря совмѣщенію въ одномъ сложномъ воспріятіи ощущеній, получаемыхъ при помощи различныхъ органовъ чувствъ, напр., идя вечеромъ въ темнотѣ, я замѣчаю смутно какой-то предметъ. Я не увѣренъ въ томъ, дѣйствительно ли я вижу предметъ или мнѣ это только кажется. Когда же я подхожу на столько близко къ предмету, что могу касаться его и ощупать его неясныя формы, то у меня больше не остается сомнѣнія въ томъ, что передо мной дѣйствительно дерево или какой-нибудъ другой предметъ. Комбинація разнаго рода ощущеній придала смутному образу объективную реальность.

Очень поучительными въ смыслѣ выясненія психологіи разбираемаго нами процесса представляются также тѣ ошибки воспріятій, которыя носятъ названіе иллюзій и галлюцинацій. Подробно съ этими явленіями вы познакомитесь въ курсѣ общей психопатологіи, я же скажу здѣсь о нихъ лишь постольку, поскольку они непосредственно относятся къ психологіи процесса воспріятія.

Объ иллюзіи мы говоримъ въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣется на лицо внѣшній раздражитель, вызывающій процессъ воспріятія, но субъективныя дополненія въ этомъ послѣднемъ настолько преобладаютъ, что воспріятіе совершенно не отвѣчаетъ дѣйствительности. Напр., опытъ съ рисункомъ льва, въ которомъ испытуемая увидѣла корову, есть несомнѣнно иллюзія, возникшая благодаря слишкомъ неблагопріятнымъ условіямъ воспріятія.

Иногда иллюзіи возникаютъ вслѣдствіе того, что какое-нибудь чувство, напр., чувство страха, направляетъ наше вниманіе въ извѣстную сторону и благопріятствуетъ возникновенію извѣстныхъ представленій. Положимъ, что я иду ночью по кладбищу и вдругъ близко замѣчаю какую-то фигуру. Я вздрагиваю, но, подходя ближе, вижу, что это береза. Чувство жуткости, невольно возникающее въ этой обстановкѣ, повело къ тому, что въ подсознательной сферѣ стали преобладать соотвѣтствующія представленія. Увидѣвъ поэтому смутно какой-то предметъ, я дополняю его преобладающими

въ данный моментъ субъективными образами, и мнѣ представляется покойникъ въ саванѣ и т. п. Иногда въ данномъ случаѣ играетъ роль ожиданіе и другіе факторы. Во всякомъ случаѣ въ процессѣ иллюзіи всегда есть извѣстный внѣшній объектъ, который мы только дополняемъ субъективными элементами.

Въ противоположенность этому, въ процессѣ галлюцинаціи внѣшній раздражитель совершенно отсутствуетъ. Здѣсь появляются исключительно субъективные образы, весьма яркіе, благодаря ненормально повышенному возбужденію коры головного мозга, такъ что больные считаютъ ихъ дѣйствительно существующими.

XI.

Память.

Біологическія и психологическія основы памяти.

Памятью называютъ способность запечатлѣвать извѣстныя внѣшнія раздраженія, сохранять ихъ въ теченіе болѣе или менѣе долгаго времени и затѣмъ воспроизводить ихъ въ сознаніи, причемъ это воспроизведеніе сопровождается узнаваніемъ или локализаціей воспроизведенныхъ впечатлѣній въ прошломъ. Я запоминаю какую-нибудь фразу, услышанную мной, затѣмъ временно забываю ее, но она не изглаживается совершенно изъ моей психики,—она остается въ безсознательной или въ подсознательной сферѣ. Спустя большій или меньшій промежутокъ времени, случайно или по собственному желанію, я воспроизвожу эту фразу, или же, услышавши ее отъ другихъ, узнаю ее, какъ знакомую. При этомъ я могу сказать, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ я слышалъ ее, т. е. локализирую ее въ извѣстномъ времени и пространствѣ.

Какъ и всякій психическій процессъ, память имѣетъ свою физіологическую основу, которая, однако въ настоящее время еще мало изучена. Мы еще не можемъ сказать съ достовѣрностью, какими именно физіологическими измѣненіями въ нашей нервной системѣ сопровождаются тѣ явленія, которыя мы называемъ запоминаніемъ, сохраненіемъ, воспроизведеніемъ и узнаваніемъ. Тѣмъ не менѣе въ жизни всякаго организма и вообще во всякой организованной матеріи мы находимъ цѣлый рядъ явленій, близко напоминающихъ тѣ процессы, которые въ нашей психической жизни мы называемъ про-

цессами памяти. Даже внѣ организованной матеріи нѣкоторые склонны находитъ явленія, аналогичныя памяти. Напр., указываютъ на то, что, если скомкать листокъ бумаги, то, какъ бы мы ни расправляли его, всегда эти складки останутся, т. е., если мы захотимъ второй разъ скомкать, то большинство складокъ будетъ на прежнемъ мѣстѣ. То же самое мы замѣчаемъ тогда, когда надѣваемъ впервые новую одежду: сначала она какъ будто и не прилегаетъ плотно, и какъ будто жметъ, но мало-по-малу на ней образуются складки, помогающія лучше прилегать къ нашему тѣлу, и эти складки, благодаря привычному напряженію, пріобрѣтаютъ постоянный видъ, благодаря чему одежда, въ концѣ концовъ, дѣлается для насъ удобной. Она какъ бы пріучается сохранять ту форму, какая для насъ является болѣе подходящей. Конечно, эта аналогія очень отдаленная. Отъ этихъ явленій неорганической матеріи, сохраняющей разъ приданную ей форму, до психическихъ явленій—запечатлѣванія, сохраненія, воспроизведенія и узнаванія—конечно, еще очень далеко.

Но переходя къ міру организованному, мы встрѣчаемъ уже явленія, гораздо ближе подходящія къ явленіямъ памяти. Возьмемъ, напр., процессъ образованія привычныхъ сложныхъ движеній. Всякое новое движеніе, сколько-нибудь сложное, обычно вначалѣ совершается не достаточно ловко. Мало-по-малу, благодаря повторенію, оно совершенствуется, ненужныя побочныя движенія, вначалѣ присоединявшіяся къ нему, отпадаютъ, и, въ концѣ концовъ, человѣку уже не приходится обращать вниманіе на свои руки или пальцы, совершающіе данное движеніе. Оно выполняется какъ-бы само собой. Здѣсь, слѣдовательно, нервные центры пріучаются, благодаря многократному повторенію, совершать необходимые импульсы съ такой силой и въ такой послѣдовательности, какъ это необходимо для даннаго движенія. Сознаніе въ концѣ перестаетъ участвовать въ процессѣ. Нервные центры какъ бы запоминаютъ то, что намъ надо сдѣлать, и воспроизводятъ какъ разъ такъ, какъ надо.

Сюда-же должно отнести явленія наслѣдственности.

Мы знаемъ, что очень часто по наслѣдству передаются какъ крупныя особенности организма, такъ иногда детали, вродѣ формы носа, цвѣта глазъ, цвѣта волосъ и т. д., и при томъ иногда съ чрезвычайной точностью. Здѣсь мы имѣемъ органическую память, т. е., способность извѣстныя выработанныя рядомъ поколѣній особенности сохранять и передавать потомству.

Наконецъ, сюда можно отнести и явленія, извѣстныя подъ именемъ регенераціи или возрожденія живыхъ тканей организма. Когда у рака оторвутъ клешню, то она выростаетъ совершенно въ такомъ же самомъ видѣ, только въ уменьшенныхъ размѣрахъ. Когда у извѣстнаго рода червей отрѣжутъ часть тѣла, то эта часть тѣла снова выростаетъ. Здѣсь, слѣдовательно, въ организмѣ сохранилась извѣстная склонность или предрасположеніе къ выращиванію извѣстныхъ частей, и органы эти воспроизводятся въ прежнемъ ихъ видѣ.

Всѣ эти факты очень близко стоятъ къ тѣмъ явленіямъ запоминанія, сохраненія и воспроизведенія, которыя мы наблюдаемъ въ нашей психикѣ, и позволяютъ думать, что, если въ настоящее время самый физико-химическій механизмъ явленій памяти еще и неизвѣстенъ, то нельзя считать невозможнымъ выясненіе его въ будущемъ.

Переходя теперь къ психической сторонѣ явленій памяти, т. е. къ даннымъ самонаблюденія, мы прежде всего должны отмѣтить то, что процессы памяти могутъ быть или болѣе элементарными или болѣе сложными. Объ элементарной памяти можно говорить въ томъ случаѣ, когда я воспринимаю какое-нибудь простѣйшее раздраженіе, напр., звукъ, свѣтъ, осязательное раздраженіе, и затѣмъ узнаю это простѣйшее раздраженіе среди другихъ или воспроизвожу его въ томъ же видѣ, въ какомъ оно было мнѣ дано (узнаваніе тоновъ извѣстной высоты, повтореніе движеній опредѣленнаго размѣра и т. д.). Каковъ механизмъ этихъ элементарныхъ запоминаній и воспроизведеній, и въ чемъ заключается ихъ основа?

Для того, чтобы лучше выяснить этотъ вопросъ, я напомню вамъ явленіе, которое можно назвать „непо-

средственнымъ всплываніемъ“ отдѣльныхъ, обособленныхъ образовъ и представленій. Вѣроятно, со всякимъ изъ васъ бывали такіе случаи, когда вдругъ, неожиданно, въ памяти всплываютъ какіе-нибудь мотивы, зрительные образы и т. п,, при чемъ вы сами не можете отдать себѣ отчета, почему они вдругъ возникли. При опытахъ съ заучиваніемъ безсмысленныхъ слоговъ, о чемъ мнѣ придется дальше еще говорить, наблюдали случаи, когда какой-нибудь слогъ изъ заученныхъ раньше вдругъ всплываетъ въ памяти безъ всякаго видимаго повода въ обстановкѣ, не имѣвшей ничего общаго съ опытами. Эта способность разъ воспринятыхъ впечатлѣній воспроизводиться въ нашемъ сознаніи самопроизвольно, безъ какихъ-либо постороннихъ, вспомогательныхъ возбудителей и составляетъ основу памяти. Она именно и аналогична той органической способности запечатлѣнія и воспроизведенія, о которыхъ я говорилъ выше.

Какъ же мы должны представить себѣ эти процессы? Очевидно, что въ процессѣ воспріятія происходитъ извѣстное сформированіе какихъ-нибудь образовъ, элементарныхъ или болѣе сложныхъ, какъ объ этомъ я говорилъ выше. Затѣмъ эти образы или процессы (всякое психическое переживаніе есть не что иное, какъ длительный психофизіологическій процессъ) ослабѣваютъ, но не прекращаются совершенно; они сохраняются въ скрытомъ видѣ („безсознательными“), и соотвѣтственно этому въ нашемъ мозгу также происходитъ извѣстное ослабленіе физико-химическаго процесса, соотвѣтствующаго данному впечатлѣнію. Этотъ ослабленный, „безсознательный“, но все же длящійся психо-физіологическій процессъ называется предрасположеніемъ. Мы говоримъ, что извѣстное впечатлѣніе исчезло изъ нашего сознанія, но продолжаетъ сохраняться въ видѣ предрасположенія. Но вотъ обстоятельства измѣнились — мы попадаемъ въ прежнюю обстановку или передъ нами опять появляется прежній раздражитель. Тогда впечатлѣнія, оттѣсненныя на время другими, болѣе яркими, снова оживаютъ и выступаютъ въ нашемъ сознаніи. При этомъ они или сливаются съ

новыми впечатлѣніями, похожими на нихъ, ассимилируются съ ними, и происходитъ процессъ узнаванія, или же, если нѣтъ полнаго сходства, а есть только близкое отношеніе, тогда происходитъ процессъ воспроизведенія, воспоминанія.

Такимъ образомъ, воспоминаніе есть не что иное, какъ усиленіе тѣхъ слѣдовъ прежнихъ впечатлѣній, которые въ теченіе болѣе или менѣе долгаго времени сохранились въ нашей безсознательной сферѣ въ качествѣ предрасположеній. Это усиленіе можетъ происходить, какъ я сейчасъ говорилъ, благодаря появленію новыхъ возбудителей, сходныхъ съ тѣми, которые раньше на насъ дѣйствовали. Иногда же оно происходитъ благодаря различнаго рода внутреннимъ условіямъ, прежде всего органическимъ. Напр., выученное днемъ стихотвореніе вы къ ночи уже успѣли въ значительной степени позабыть; однако, утромъ, когда сонъ возстановилъ ваши умственныя силы, стихотвореніе снова безъ труда воспроизводится вами. Отдохнувшій мозгъ усиливаетъ свою дѣятельность, и ослабѣвшіе было психо-физіологическіе процессы снова начинаютъ дѣлаться замѣтными.

Наконецъ, третій, тоже очень важный, факторъ въ процессѣ воспроизведенія составляютъ ассоціаціи. Здѣсь мы переходимъ уже къ болѣе сложнымъ процессамъ памяти, именно къ тѣмъ ея разновидностямъ, когда дѣло идетъ не о простомъ запечатлѣніи и самопроизвольномъ всплываніи образовъ, а объ ихъ комбинированіи, облегчающемъ для насъ какъ запоминаніе, такъ и воспроизведеніе.

Когда я говорилъ вамъ о процессѣ воспріятія, я указывалъ на ту огромную роль, которую играютъ въ немъ воспроизведенные, ассоціированные образы. Они помогаютъ намъ истолковывать тѣ, въ большинствѣ случаевъ, неточныя и неполныя впечатлѣнія, которыя мы получаемъ отъ предметовъ внѣшняго міра. Чѣмъ значительнѣе дополненіе воспринятыхъ ощущеній ассоціированными образами, тѣмъ лучше воспринятыя извнѣ впечатлѣнія усваиваются нами, сливаясь со всей нашей психикой. У взрослыхъ людей, какъ мы увидимъ впо-

слѣдствіи, память лучше, чѣмъ у дѣтей; это происходитъ отъ того, что у взрослыхъ запасъ опыта гораздо богаче, чѣмъ у ребенка, и всякое новое впечатлѣніе онъ сейчасъ же относитъ къ извѣстному классу представленій, узнаетъ его, связываетъ съ прежними своими познаніями и, благодаря этому, гораздо лучше запоминаетъ.

Точно также и процессы воспроизведенія и узнаванія значительно облегчаются благодаря ассоціаціямъ. Напр., я смотрю на рисунокъ рѣдко встрѣчающагося животнаго и никакъ не могу вспомнить, гдѣ я видѣлъ это животное. Въ моемъ воображеніи смутно мелькаютъ, переплетаясь между собою, воспоминаніе о клѣткѣ, въ которой я видѣлъ это животное, воспоминаніе о зоологическомъ садѣ, гдѣ все это происходило, объ особенностяхъ этого сада; вспоминаю рѣшетку сада, его ворота... и вдругъ совершенно отчетливо вспоминаю что видѣлъ это животное въ парижскомъ jardin des plantes.

Такимъ образомъ, схема процесса узнаванія въ данномъ случаѣ будетъ такова: къ отдѣльнымъ ощущеніямъ, которыя я воспринялъ, присоединяются нѣкоторые ассоціированные образы; образы эти становятся все болѣе и болѣе многочисленными, и, въ концѣ концовъ, когда ихъ наберется достаточно, я, наконецъ, узнаю данное впечатлѣніе, т. е., воспроизвожу всю обстановку, при которой я его получилъ. Джемсъ сравниваетъ ассоціаціи съ крючками, при помощи которыхъ мы вытаскиваемъ какой-нибудь предметъ, напр., неводъ, погрузившійся въ воду. Чѣмъ больше крючковъ, тѣмъ легче вытащить неводъ; чѣмъ больше ассоціацій, тѣмъ легче запомнить или воспроизвести тѣ или иныя впечатлѣнія.

Однако, благодаря ассоціаціямъ могутъ возникать также и ошибки въ процессѣ памяти, въ частности — ошибки узнаванія. Примѣръ такого рода ошибки приводитъ Ал. Толстой въ одномъ изъ своихъ стихотвореній. Онъ ѣдетъ по плотинѣ мимо водяной мельницы. Дорогой этой онъ никогда раньше не проѣзжалъ, и окрестный пейзажъ видитъ впервые: тѣмъ не менѣе, все кругомъ кажется ему знакомымъ; „все это ужъ

видѣлъ когда-то, но только не помню когда"... Подобные случаи, наблюдающіеся нерѣдко въ совершенно нормальномъ состояніи, могутъ достигать максимальнаго развитія у душевно-больныхъ. Бываютъ случаи, когда больному кажется, что все, что онъ видитъ, слышитъ, уже раньше съ нимъ было: больному кажется, будто его уже раньше привозили въ это учрежденіе (хотя на самомъ дѣлѣ онъ находится здѣсь впервые), будто тотъ же врачъ уже разговаривалъ съ нимъ, и даже будто онъ уже разсказывалъ ему однажды о томъ, что раньше это съ нимъ бывало.

Причина подобныхъ ошибокъ узнаванія, повидимому, заключается въ слѣдующемъ. При видѣ извѣстнаго предмета или группы предметовъ, у человѣка возникаетъ рядъ ассоціацій, сходныхъ, но не тождественныхъ. Однако, въ силу различныхъ условій (неясности воспоминаній, недостаточнаго сосредоточенія вниманія, болѣзненныхъ разстройствъ нервной системы и т. д.) разница между воспринятымъ и воспроизведеннымъ не замѣчается. Авторъ приведеннаго выше стихотворенія раньше видѣлъ много разъ мельницу, плотину, такую же точно обстановку. Все это было такъ похоже на настоящія его воспріятія, все это вспоминается имъ такъ смутно и неясно, что различіе ускользаетъ отъ его сознанія, и воспроизведенные образы совершенно сливаются съ образами, воспринимаемыми въ данный моментъ. Происходитъ ложное отождествленіе или ложное узнаваніе.

Способы запоминанія.

Дѣленіе процессовъ памяти на болѣе элементарные и болѣе сложные отражается и на способахъ нашего запоминанія. Запоминаніе можетъ быть или сравнительно простымъ, когда извѣстное впечатлѣніе запоминается нами, главнымъ образомъ, благодаря яркости впечатлѣній и ихъ многократному повторенію, или болѣе сложнымъ—съ участіемъ ассоціацій и другого рода высшихъ умственныхъ процессовъ.

Въ связи съ этимъ можно различать три главныхъ

способа заучиванія: механическій, ассоціативный и раціональный. Зубрежка есть не что иное, какъ элементарное, чисто механическое запоминаніе; благодаря многократному повторенію однихъ и тѣхъ же впечатлѣній, образуется рядъ соотвѣтствующихъ предрасположеній, достигшихъ значительной интенсивности. Это механическое запоминаніе усложняется въ томъ случаѣ, если мы начинаемъ устанавливать ассоціативную связь между отдѣльными частями воспринятыхъ впечатлѣній.

Производится коллективный опытъ съ запоминаніемъ ряда, состоящаго изъ 10 несвязанныхъ между собою словъ. Путемъ послѣдовательнаго опроса выясняется значительная роль ассоціацій въ процессѣ запоминанія; въ большинствѣ случаевъ ассоціаціи помогали запоминанію и воспроизведенію, но иногда и мѣшали, отвлекая вниманіе и вызывая ошибки воспроизведенія.

Значеніе ассоціацій въ процессахъ памяти пытались использовать болѣе систематически, при помощи пріемовъ такъ наз. мнемоники. Мнемоника — это такой способъ, который рекомендуетъ для улучшенія памяти пріучаться устанавливать извѣстныя искусственныя ассоціаціи между отдѣльными частями сложнаго запоминаемаго объекта. Такъ, напр., для того, чтобы запомнить расположеніе нерва, вены и артеріи въ подколѣнной ямкѣ (нервъ — вена — артерія), запоминаютъ слово „Нева“, т. е., вставляютъ букву е между начальными буквами названій вышеприведенныхъ частей. Въ отдѣльныхъ случаяхъ такого рода мнемоническіе пріемы дѣйствительно помогаютъ запоминанію. Но когда вы станете вводить эти пріемы въ систему, какъ это предлагаютъ нѣкоторые „профессора мнемоники“, то нерѣдко получается абсурдъ.

Одинъ изъ такихъ мнемонистовъ предлагаетъ для облегченія заучиванія стихотворенія пріучаться вставлять между отдѣльными стихами извѣстныя фразы, связывающія между собой отдѣльныя части стихотворенія. Напр.. въ поэмѣ Пушкина „Цыгане“ для того, чтобы связать окончаніе одной строфы ..... и огни разложены“ и начало другой: „Здравствуй, счастливое племя!“ пред-

лагается слѣдующій пріемъ: въ словѣ „разложены“ слышится слово „жены“; жена и мужъ—представители племени; отсюда слѣдующій стихъ: Здравствуй, счастливое племя“. Такіе пріемы, какъ вы сами видите, могутъ только усложнить процессъ запоминанія, внося ненужный баластъ, обременяющій память. Кромѣ того, очевидно, что здѣсь дѣло идетъ не объ улучшеніи памяти, какъ способности запоминанія въ собственномъ смыслѣ этого слова, а просто о нѣкоторыхъ вспомогательныхъ ассоціаціяхъ, цѣнность которыхъ бываетъ иногда болѣе чѣмъ сомнительна.

Наконецъ, третій, высшій способъ запоминанія и воспроизведенія составляетъ такъ называемая раціональная память, состоящая въ томъ, что для облегченія запоминанія извѣстныхъ впечатлѣній, мы группируемъ ихъ по сходству или различію, объединяя ихъ въ извѣстные классы и устанавливая между этими классами извѣстное соотношеніе или зависимость. Затѣмъ, встрѣчая какіе-нибудь новые факты, помѣщаемъ ихъ въ соотвѣтственные группы, и такимъ образомъ устанавливаемъ цѣлую систему воспоминаній.

Такого рода память, конечно, требуетъ уже развитого интеллекта, способности къ группировкѣ и обобщеніямъ, вообще—къ мыслительнымъ актамъ. Научныя познанія потому именно и улучшаютъ память и облегчаютъ запоминаніе, что они, съ одной стороны, развиваютъ мыслительныя способности, а съ другой—даютъ уже готовыя группы явленій, готовыя категоріи, подъ которыя можно подводить всякіе новые встрѣчающіеся факты. Кювье, основатель сравнительной анатоміи, слѣдующимъ образомъ объяснялъ свою феноменальную память, которой всѣ удивлялись. Въ его сознаніи постоянно имѣется нѣчто вродѣ огромнаго дерева съ большимъ количествомъ развѣтвленій. Дерево это—животное царство; развѣтвленія—классы, виды, разновидности. Каждую вновь встрѣчающуюся разновидность онъ подвѣшиваетъ на опредѣленную вѣтку или вѣточку и, благодаря этому, запоминаетъ во всѣхъ подробностяхъ.

Развитіе памяти въ разныхъ возрастахъ.

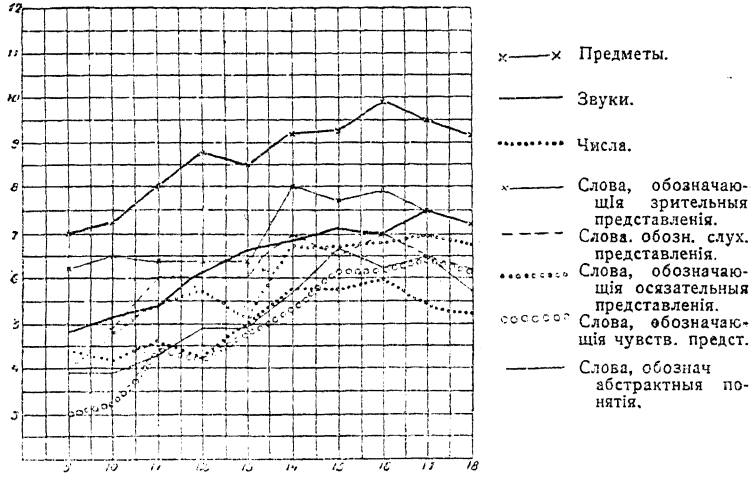
Наблюдая развитіе памяти по возрастамъ, мы видимъ, что въ разныхъ возрастахъ преобладаютъ различные виды памяти.

Въ прежнее время было распространено мнѣніе, что у дѣтей память лучше, чѣмъ у взрослыхъ. Указывали на то, что въ первые годы жизни ребенокъ усваиваетъ огромное количество впечатлѣній. Для него все ново: ему нужно научиться языку, а иногда и нѣсколькимъ языкамъ; ему нужно ознакомиться съ окружающей обстановкой, съ предметами, людьми, животными; ему нужно усвоить огромное количество разнообразныхъ дѣйствій и поступковъ, выучиться ходить, говорить, бѣгать, совершать всевозможныя дѣйствія, — и все это онъ выучиваетъ одновременно и въ сравнительно короткій промежутокъ времени—въ нѣсколько лѣтъ. Съ другой стороны, часто въ юношескомъ возрастѣ, въ періодѣ возмужалости, приходится слышать отъ молодыхъ людей, что у нихъ память „раньше была хорошая, а теперь начинаетъ слабѣть". Въ чемъ тутъ дѣло? дѣйствительно ли у дѣтей память сильнѣе, чѣмъ у взрослыхъ?

Прежде всего, приходится отмѣнить то обстоятельство, что память дѣтей и взрослыхъ различна по своему составу. Въ то время, какъ у дѣтей преобладаетъ механическая память, у взрослыхъ преобладаетъ память ассоціативная и раціональная. Ребенокъ иногда безъ конца повторяетъ какой-нибудь звукъ или движеніе, запечатлѣвая ихъ въ своей памяти. Прейеръ говоритъ, что его ребенокъ однажды 72 раза подрядъ открывалъ и закрывалъ крышку кофейника, какъ бы задалбливая у себя въ памяти этотъ звукъ. Не имѣя достаточнаго опыта, обладая лишь незначительнымъ количествомъ ассоціацій, ребенокъ вынужденъ пользоваться преимущественно механической памятью, между тѣмъ какъ взрослые, идя другимъ путемъ, достигаютъ болѣе значительныхъ результатовъ.

Проф. А. П. Нечаевъ продѣлалъ рядъ опытовъ въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ надъ дѣтьми различ-

наго возраста, между 8 и 16 годами. Онъ давалъ имъ въ каждомъ отдѣльномъ опытѣ рядъ обособленныхъ, не связанныхъ между собой впечатлѣній: 12 словъ, 12 звуковъ, (напр. паденіе гороха, звукъ разбитаго стекла, шумъ разрываемой матеріи), или показывалъ одинъ за другимъ 12 предметовъ. Ученики каждый разъ должны были воспроизвести и записать то, что они восприняли. Оказалось, что количество правильныхъ воспроизведеній растетъ вмѣстѣ съ возрастомъ. *).



Память у мальчиковъ (по А. П. Нечаеву),

Наряду съ общимъ повышеніемъ способности къ умственной работѣ, здѣсь, очевидно, важную роль играетъ также и то обстоятельство, что взрослый уже много разъ раньше воспринималъ аналогичныя впечатлѣнія, они ему хорошо знакомы, въ его памяти воскресаетъ большое количество ассоціацій, связанныхъ съ данными впечатлѣніями, благодаря чему онъ и запоминаетъ ихъ лучше. У ребенка этого прошлаго опыта гораздо меньше, такъ что процессъ усвоенія происходитъ съ бо́льшимъ трудомъ.

Конечно, бываютъ случаи, когда у взрослыхъ память начинаетъ ослабѣвать; въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ

*) См. А. П. Нечаевъ. Очеркъ психологіи для учителей и воспитателей. Оттуда же взяты и нѣкоторые изъ приведенныхъ выше примѣровъ.

прежде всего, обратить вниманіе на то, нѣтъ ли здѣсь какихъ-нибудь болѣзненныхъ разстройствъ: неврастеніи, малокровія, переутомленія и т. д. Въ другихъ случаяхъ такое кажущееся ослабленіе памяти можетъ явиться слѣдствіемъ того, что человѣкъ отвыкаетъ пользоваться какимъ-нибудь видомъ памяти, напр., механической памятью. Чѣмъ старше мы дѣлаемся, тѣмъ больше мы пріучаемся пользоваться ассоціативной и раціональной памятью и тѣмъ больше отвыкаемъ отъ простой механической зубрежки. О преимуществахъ раціональной памяти уже достаточно говорилось выше; но, съ другой стороны, не всегда и не вездѣ мы можемъ прибѣгать къ памяти раціональной. Бываютъ случаи, когда намъ во что бы то ни стало нужна механическая память, напр., при изученіи терминовъ, цифровыхъ датъ, при усвоеніи корней языка и т. д.; здѣсь часто приходится пользоваться чисто механической памятью, и тутъ сказывается наше отвыканіе отъ пользованія ею. Это отвыканіе даетъ намъ впечатлѣніе кажущагося упадка памяти.

Настоящій, дѣйствительный упадокъ памяти, какъ психо-физіологической способности запечатлѣнія, сохраненія и воспроизведенія наступаетъ въ старческомъ возрастѣ. Здѣсь дѣйствительно память ослабѣваетъ, при чемъ это разстройство памяти въ старческомъ возрастѣ носитъ своеобразный, очень характерный отпечатокъ. Въ ненормально увеличенномъ видѣ это явленіе выступаетъ въ тѣхъ психозахъ, которые извѣстны подъ назнаніемъ старческаго слабоумія. Въ такихъ случаяхъ упадокъ памяти характеризуется тѣмъ, что новыя впечатлѣнія запоминаются съ большимъ трудомъ, между тѣмъ какъ старыя сохраняются сравнительно хорошо. И въ нормальномъ состояніи старики обыкновенно любятъ разсуждать, главнымъ образомъ, о прежнемъ о годахъ своей молодости, о давно прожитыхъ дняхъ Разсказывая подробно о томъ, что съ ними случилось когда имъ было 10—15 лѣтъ отъ роду, они забываютъ зачастую событія послѣднихъ дней. Въ болѣзненныхъ же случаяхъ дѣло доходитъ иногда до того, что больной, разсказывающій довольно удовлетворительно событія своей молодости, не помнитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, обѣ-

далъ ли онъ сегодня, съ кѣмъ онъ сегодня видѣлся и т. д.

Причина такого своеобразнаго разстройства памяти въ старческомъ возрастѣ заключается, повидимому, въ слѣдующемъ. Запоминаніе представляетъ собою процессъ очень сложный; здѣсь рѣчь идетъ не о простомъ запечатлѣніи внѣшнихъ раздраженій, а объ ихъ переработкѣ, о сліяніи ихъ съ результатами прежнихъ опытовъ, однимъ словомъ—о сложной умственной работѣ. Когда-же процессъ усвоенія законченъ, тогда сохраненіе готовыхъ образовъ въ памяти уже не представляетъ собой чего-нибудь особенно сложнаго и труднаго. И вотъ въ старческомъ возрастѣ мы видимъ, что сохраненіе прежде усвоенныхъ воспріятій, какъ болѣе легкій процессъ, производится правильно, усвоеніе же новаго матеріала представляется затрудненнымъ.

XII.

Память.

(Окончаніе).

Различные виды памяти.

Когда мы говорили о памяти, какъ о способности запечатлѣнія, сохраненія, воспроизведенія и узнаванія нашихъ прежнихъ психическихъ состояній, то, очевидно, здѣсь рѣчь могла идти не только о представленіяхъ, интеллектуальныхъ образахъ, но также и о чувствованіяхъ и двигательно-волевыхъ процессахъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь всякое психическое состояніе можетъ нами переживаться впервые, усваиваться, затѣмъ повторяться и воспроизводиться. Поэтому, наряду съ памятью представленій, мы имѣемъ также и память чувствованій или такъ называемую аффективную память, а также память движеній и волевыхъ дѣйствій. На этомъ вопросѣ слѣдуетъ остановиться нѣсколько подробнѣе.

Рибо, впервые подробно описавшій явленіе аффективной памяти, отличаетъ ее отъ памяти интеллектуальной. По его словамъ, у нѣкоторыхъ людей этотъ родъ памяти почти совершенно отсутствуетъ или развитъ очень слабо. Такіе люди, вспоминая какое-нибудь происшествіе, сильно взволновавшее ихъ въ свое время, вспоминаютъ его совершенно хладнокровно. Рибо приводитъ разсказъ одного господина, котораго, нѣсколько лѣтъ тому назадъ морской приливъ засталъ далеко отъ берега, на песчаной отмели; вода стала его настигать, и ему едва удалось спастись. Онъ помнитъ, что тогда сильно испугался, помнитъ подробно, какъ все это случилось, какъ настигали его бурно вздымавшіяся волны, помнитъ малѣйшія ощущенія, которыя онъ тогда испытывалъ, но воспоминаніе обо всемъ этомъ носитъ у

него чисто интеллектуальный характеръ. Въ данный моментъ онъ не переживаетъ никакого чувства страха. У другихъ людей бываетъ наоборотъ—эмоціональное воспоминаніе преобладаетъ, т. е. воспоминанія о чувствахъ возникаютъ, какъ повтореніе самихъ чувствъ. Одна больная, много лѣчившаяся, разсказываетъ, что стоитъ ей только вспомнить обстановку пріемной у врача, стоитъ представить себя сидящей въ креслѣ въ ожиданіи пріема, какъ она сейчасъ же начинаетъ чувствовать тупое сжатіе въ сердцѣ, ею овладѣваетъ то же самое волненіе, хотя и въ болѣе слабой степени, которое она испытывала тогда.

Рибо справедливо указываетъ на то, что наличность такой аффективной памяти или ея отсутствіе оказываетъ очень существенное вліяніе на все вообще поведеніе человѣка. Положимъ, что человѣкъ со слабой аффективной памятью совершилъ какой-нибудь дурной поступокъ, послѣдствія котораго заставили его пережить много непріятностей. Спустя извѣстное время, несмотря на то, что интеллектуальное воспоминаніе объ этомъ поступкѣ у него сохранилось, острота непріятнаго чувства уже успѣла сгладиться; а въ связи съ этимъ невольно возникаетъ мысль, что въ концѣ концовъ совершенный имъ поступокъ былъ вовсе не такъ плохъ, какъ это ему казалось. Отсюда недалеко и до повторенія такого же поступка.

Вернемся теперь снова къ интеллектуальной памяти. Существуетъ цѣлый рядъ разновидностей памяти, въ зависимости какъ отъ способа, какимъ происходило воспріятіе, такъ и отъ тѣхъ объектовъ, которые были запомнены. Впечатлѣнія внѣшняго міра мы воспринимаемъ при помощи различныхъ органовъ чувствъ. Соотвѣтственно этому различаютъ три главныхъ типа памяти (или типа воспроизведенныхъ образовъ): зрительный, слуховой и моторный или двигательный.

Впервые ученіе о типахъ памяти было выдвинуто знаменитымъ французскимъ невропатологомъ Шарко который описалъ очень рельефно случай потери зрительной памяти. Больной, по профессіи негоціантъ, очень

образованный человѣкъ, говорившій и читавшій на нѣсколькихъ языкахъ, недурно рисовавшій, вначалѣ обладалъ прекрасной зрительной памятью. Онъ велъ обширную дѣловую переписку; при этомъ, отвѣчая на письма, онъ никогда не справлялся съ ними, такъ какъ всѣ эти письма онъ мысленно представлялъ себѣ со всѣми деталями. Онъ зналъ наизусть цѣлые отрывки изъ Иліады и Одиссеи; произнося ихъ, онъ мысленно видѣлъ передъ собой печатную страницу, дойдя же до конца ея, мысленно перевертывалъ и читалъ дальше Онъ часто путешествовалъ, зналъ много мѣстностей и хорошо въ нихъ оріентировался. Однажды, послѣ нервнаго заболѣванія, больной сталъ испытывать настолько рѣзкое нарушеніе умственныхъ операцій, что ему показалось, будто онъ сходитъ съ ума. Способность оріентироваться въ окружающей средѣ въ первое время послѣ заболѣванія была рѣзко разстроена. При изслѣдованіи оказалось, что зрительная память у него почти совершенно утратилась. Теперь, уѣхавши по дѣламъ изъ родного города, онъ, по возвращеніи, никакъ не могъ въ немъ оріентироваться, и съ удивленіемъ осматривался, чувствуя себя такъ, какъ будто бы впервые въѣзжалъ въ него. Онъ не узнавалъ улицъ, не узнавалъ домовъ, хотя по прежнему хорошо зналъ названія улицъ, дома, расположенные на каждой улицѣ и т. д.: онъ все это зналъ, но не видѣлъ мысленно передъ собой. Больной, по его словамъ, хорошо зналъ, что у его жены черные волосы, но совершенно не могъ представить себѣ цвѣта этихъ волосъ. Рисунки его стали крайне примитивными и несовершенными. Интересна еще одна подробность: больной замѣтилъ, что чувства его стали какъ бы менѣе возбудимы. Напр., когда онъ получилъ извѣстіе о болѣзни родственниковъ жены, то оно на него подѣйствовало гораздо слабѣе, чѣмъ это было бы раньше; теперь онъ не представлялъ себѣ такъ отчетливо всей обстановки семейнаго несчастія,—и оно его не такъ трогало. Въ первое время послѣ заболѣванія больной почти совершенно не могъ оріентироваться въ своихъ дѣлахъ и въ окружающей обстановкѣ. Затѣмъ, мало-по-малу, онъ сталъ замѣчать, что утраченное

зрительное воображеніе начало замѣняться у него слуховыми образами: вспоминаемыя имъ слова и фразы какъ бы звучали въ его ушахъ.

Такое различіе типовъ воспроизведенныхъ образовъ Шарко поставилъ въ связь съ явленіями такъ наз. а ф а з і и, т. е. съ разстройствами рѣчи и письма, зависящими отъ пораженія различныхъ мозговыхъ центровъ: зрительнаго, слухового и двигательнаго. Онъ полагалъ, что въ основѣ того или иного типа лежитъ преобладающее развитіе у даннаго человѣка соотвѣтствующаго корковаго цвѣта.

Это ученіе о типахъ памяти очень заинтересовало педагоговъ, въ результатѣ чего явился цѣлый рядъ изслѣдованій, имѣющихъ цѣлью опредѣлить, какое значеніе разные типы памяти имѣютъ въ вопросахъ школьнаго обученія. Вѣдь обученіе у насъ и до сихъ поръ носитъ преимущественно словесный характеръ: знанія усваиваются и вспоминаются въ значительной степени при помощи словъ. Поэтому можно было ожидать, что различіе въ типѣ словесныхъ образовъ можетъ оказать вліяніе на самый процессъ запоминанія. При изслѣдованіи этихъ вопросовъ стали примѣнять экспериментальный методъ, при чемъ поступали двоякимъ путемъ — путемъ употребленія различныхъ таблицъ или путемъ опроса.

Производится коллективный опытъ: запоминаніе таблицъ съ нанесенными на нихъ печатными буквами (на каждой 12 буквъ) первую таблицу предлагаютъ запомнить чисто зрительнымъ образомъ, вторую — зрительно моторнымъ, (шевеля беззвучно губами и языкомъ), третью — чисто слуховымъ. То же продѣлывается затѣмъ съ рядами словъ.

Сравнивая, какъ происходило запоминаніе во всѣхъ трехъ случаяхъ, можно судить о томъ, какой способъ является для даннаго испытуемаго наиболѣе подходящимъ, а слѣдовательно— и о типѣ его памяти. Важное значеніе имѣютъ въ этомъ случаѣ также ошибки (преобладаніе ошибокъ по начертанію или по созвучію и т. д.) Методъ о п р о с а заключается въ томъ, что цѣлой группѣ лицъ, напр., ученикамъ какого-нибудь класса или взрослымъ задаютъ рядъ вопросовъ, вродѣ слѣдующихъ:

Какимъ образомъ вы лучше запоминаете, читая вслухъ или про себя, или слушая чье-нибудь чтеніе? когда вы припоминаете какой нибудь текстъ, можете-ли вы указать, на какой страницѣ и въ какомъ мѣстѣ находилась такая-то фраза? когда вы запоминаете что-либо, читая про себя, то не шевелите ли вы при этомъ губами? и т. д.

Опытъ показалъ, что чистые типы (напр., чисто зрительный или чисто слуховой) встрѣчаются сравнительно рѣдко: всего отъ 1 до 3%. Въ огромномъ же большинствѣ случаевъ мы имѣемъ дѣло со смѣшанными типами — зрительно-моторныхъ, моторно-слуховыхъ и т. д. Наконецъ, около 1/3 случаевъ приходится на долю неопредѣленнаго типа, т. е. когда человѣкъ не можетъ сказать, какимъ способомъ онъ лучше запоминаетъ.

Одно время вопросомъ о типахъ памяти очень интересовались, ему было посвящено много изслѣдованій. Въ концѣ концовъ, однако, приходится прійти къ заключенію, что здѣсь очень большое вліяніе оказываетъ практика предшествующей жизни. Едва ли можно свести преобладаніе того или иного типа памяти исключительно къ органическимъ причинамъ, именно, къ большему развитію соотвѣтствующихъ центровъ мозговой коры, какъ это думалъ Шарко. Повидимому, тутъ гораздо большее значеніе имѣетъ привычка къ тому или иному способу занятій. Это мнѣніе подтверждается и тѣмъ, что типъ памяти можетъ измѣняться подъ вліяніемъ упражненія. Бываютъ также случаи, когда у одного и того же человѣка преобладаетъ зрительная память по отношенію къ однимъ впечатлѣніямъ, и слуховая—по отношенію къ другимъ. Напр., человѣкъ привыкъ постоянно читать про себя, т. е. зрительно, но въ то же время у него очень хорошая память на мелодіи, онъ любитъ музыку и, хотя самъ не играетъ, но часто слушаетъ музыку и довольно хорошо усваиваетъ мотивы.

Ученіе о типахъ памяти или о типахъ воспроизведенныхъ образовъ имѣетъ значеніе не только въ примѣненіи къ словесной памяти, т. е. къ запоминанію словъ и буквъ, но и въ примѣненіи къ предметной

памяти. У нѣкоторыхъ людей запоминается преимущественно зрительная сторона событій, у другихъ слуховая и т. д. Интересному опросу были подвергнуты нѣкоторые французскіе драматурги съ цѣлью узнать, что и какъ представляютъ они себѣ, когда пишутъ пьесу. Оказалось, что одинъ, напр., представляетъ себѣ всегда сидящимъ посреди нѣ партера и смотрящимъ на сцену. Онъ какъ-бы видитъ передъ собой персонажей, представляетъ себѣ ихъ игру и списываетъ съ нея свою пьесу. Другой, наоборотъ, представляетъ себѣ рѣчи дѣйствующихъ лицъ, ихъ разговоръ, интонаціи, такъ что у него представленія носятъ слуховой характеръ и пр.

Наряду съ типами памяти, зависящими отъ того или иного способа воспріятія внѣшнихъ впечатлѣній, можно различать еще виды памяти, т. е. преобладаніе въ воспоминаніяхъ тѣхъ или иныхъ объектовъ, тѣхъ или иныхъ сторонъ окружающей дѣйствительности. Такъ, существуетъ память на числа, на геометрическія фигуры, на цвѣта, на слова, на имена и т. д.,—при чемъ эти различные виды памяти далеко не всегда бываютъ у даннаго человѣка одинаково развиты. Экспериментъ, позволяющій дифференцировать сложные психическіе процессы, выдѣляя изъ нихъ отдѣльныя части, даетъ возможность и здѣсь обособить и въ отдѣльности изслѣдовать различные виды памяти.

Ставится рядъ коллективныхъ опытовъ въ этомъ направленіи. Память на числа. Даютъ испытуемому одно за другимъ нѣсколько чиселъ, увеличивающихся каждый разъ на одну цифру, и требуютъ воспроизвеети ихъ. Память на геометрическія фигуры (методъ Бернштейна). Показываютъ испытуемому одновременно на плоскости нѣсколько (напр. 9) геометрическихъ фигуръ, а затѣмъ просятъ отыскать ихъ среди большого количества (напр. 25) фигуръ. Память на цвѣта. Можно предлагать цвѣта или въ видѣ цвѣтныхъ фигуръ, или въ видѣ отдѣльныхъ оттѣнковъ цвѣтовъ. Въ первомъ случаѣ поступаютъ слѣдующимъ образомъ: испытуемому показываютъ рядъ различно окрашенныхъ фигуръ, просятъ запомнить цвѣта, а потомъ изъ числа вновь разложенныхъ фигуръ указать фи-

гуры, окрашенныя въ аналогичные цвѣта. Во второмъ случаѣ поступаютъ слѣдующимъ образомъ: показываютъ цвѣтную бумажку какого-нибудь оттѣнка и затѣмъ, предложивши цѣлый рядъ оттѣнковъ того же цвѣта, просятъ указать среди нихъ показанный. Память на слова и предметы. Предлагаютъ испытуемому тѣмъ или инымъ способомъ (см. выше о типахъ памяти) рядъ словъ или показываютъ ему рядъ небольшихъ предметовъ и просятъ воспроизвести ихъ.

Эти различные виды памяти извѣстны также и въ общежитіи. Всѣ вы, вѣроятно, наблюдали, что однимъ людямъ легко запоминать, напр., хронологію и трудно — цвѣта и формы, другимъ — наоборотъ. Сюда же относится память на лица, пейзажи, мѣстности и т. д. Но это уже болѣе сложные виды, которые обычно можно бываетъ разложить на ихъ элементы. Напр., память на лица: сюда входитъ запоминаніе формы лица, чертъ лица, цвѣта волосъ и пр., далѣе сюда же входитъ то, что мы называемъ выраженіемъ лица, и что представляетъ собой нѣчто еще болѣе сложное, связанное уже съ психическими свойствами даннаго человѣка. Точно также и память на пейзажи и мѣстности представляетъ собою сложные комплексы.

Какъ наблюденія, такъ и эксперименты показываютъ, что у однихъ и тѣхъ же людей различные виды памяти бываютъ развиты неодинаково: напр., память на числа или на слова можетъ быть развита плохо, въ то время какъ память на краски и цвѣта или на формы развита очень хорошо, или наоборотъ. Это несовпаденіе различныхъ видовъ памяти у одного и того же человѣка доходитъ иногда до такой степени, что нѣкоторые авторы считали даже возможнымъ утверждать, что мы не можемъ говорить о памяти вообще, а должны говорить о различныхъ видахъ памяти, причемъ эти виды памяти представляютъ изъ себя отдѣльныя, самостоятельныя психо-физіологическія функціи. Я думаю, однако, что подобное мнѣніе есть излишнее увлеченіе. Мы всегда можемъ, наряду съ преобладаніемъ у человѣка тѣхъ или иныхъ видовъ памяти, различать также и общій уровень памяти, какъ способности за-

печатлѣнія и воспроизведенія. Во всякомъ случаѣ, вопросъ этотъ требуетъ еще дальнѣйшихъ изслѣдованій.

Результаты важнѣйшихъ экспериментальныхъ изслѣдованій.

Процессы памяти сравнительно легко доступны экспериментальному изслѣдованію. Поэтому въ этой области психологіи экспериментаторы много работали и достигли уже нѣкоторыхъ точныхъ результатовъ. Относящіяся сюда изслѣдованія можно раздѣлить на двѣ группы: работы, относящіяся къ явленіямъ памяти въ ихъ простѣйшемъ видѣ, и во-вторыхъ, изслѣдованіе болѣе сложныхъ проявленій памяти.

Опыты надъ памятью простѣйшихъ впечатлѣній показали, прежде всего, что невозможно точное отдѣленіе воспріятій отъ воспоминаній. Оказалось, что всякое ощущеніе оставляетъ въ насъ въ теченіе короткаго времени слѣдъ, занимающій среднее положеніе между воспріятіемъ и воспоминаніемъ. Нѣчто подобное получается, когда смотрятъ въ теченіе нѣкотораго времени на ярко свѣтящуюся точку. Отвернувшись и закрывъ глаза, мы нѣкоторое время сохраняемъ полученное впечатлѣніе, которое лишь постепенно блѣднѣетъ и исчезаетъ. Это такъ называемый послѣдовательный образъ. Эти послѣдовательные образы возможны какъ въ области зрительныхъ ощущеній, такъ и въ области слуховыхъ. Если испытуемый въ теченіе нѣкотораго времени слышитъ постепенно ослабѣвающее звучаніе камертона, то звуковое ощущеніе продолжается нѣкоторое время и послѣ того, какъ колебанія камертона прекратились. Всѣмъ извѣстно, что внезапный рѣзкій крикъ долго послѣ того еще „звучитъ въ ушахъ“.

Фехнеръ показалъ, что, если въ тотъ моментъ, когда послѣдовательный образъ еще не успѣлъ исчезнуть, постараться представить себѣ объектъ, вызвавшій его, то воспоминаніе объекта будетъ ярче, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда послѣдовательный образъ успѣлъ уже

исчезнуть. Напр., вы смотрите на освѣщенное окно. У васъ остается послѣдовательный образъ. Если вы въ тотъ моментъ, пока онъ не исчезъ, постараетесь вспомнить окно и вызвать въ памяти то, что черезъ него было видно, то это представленіе будетъ болѣе яркимъ, чѣмъ впослѣдствіи, когда послѣдовательный образъ исчезнетъ. Наличность послѣдовательнаго образа усиливаетъ интенсивность представленія.

Такимъ образомъ, послѣдовательные образы являются до извѣстной степени посредствующимъ звеномъ между воспринятыми и воспроизведенными образами.

Изслѣдованія надъ памятью простѣйшихъ воспріятій были произведены цѣлымъ рядомъ авторовъ. Приведу лишь нѣкоторыя изъ нихъ.

Проф. А. В. Герверъ изслѣдовалъ память зрительныхъ впечатлѣній при помощи изобрѣтеннаго имъ прибора, напоминающаго фотометръ. Опыты ставились слѣдующимъ образомъ: испытуемому показывали только тѣнь, а источника свѣта онъ не видѣлъ. Затѣмъ онъ отворачивался и спустя нѣкоторое время (5 сек., 1,5 или 10 мин.) его опять просили посмотрѣть на тѣнь и сказать, измѣнилась ли интенсивность тѣни. Во время же промежутка экспериментаторъ придвигалъ или отодвигалъ источникъ свѣта или оставлялъ его безъ измѣненія. Такимъ образомъ, изслѣдовалась память на простѣйшія зрительныя воспріятія, именно, на воспріятіе свѣта и тѣни. Вольфъ изслѣдовалъ память на слуховыя воспріятія. Онъ давалъ испытуемому тонъ извѣстной высоты и силы, затѣмъ, спустя нѣкоторое время, повторялъ его въ томъ же видѣ, или измѣнивши его высоту; испытуемый долженъ былъ указать, одинаковы ли оба тона, и если нѣтъ, то который выше. При подсчетѣ результатовъ какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ принимается во вниманіе отношеніе правильныхъ отвѣтовъ къ общему числу опытовъ (методъ истинныхъ и ложныхъ случаевъ).

Опыты показали, какъ и слѣдовало ожидать, что память на простѣйшія воспріятія постепенно падаетъ и сравнительно довольно быстро, такъ что по истеченіи нѣсколькихъ минутъ воспоминаніе уже почти исче-

заетъ. Интересенъ, между прочимъ, слѣдующій фактъ, относящійся одинаково какъ къ слуховымъ, такъ и къ зрительнымъ впечатлѣніямъ: если второе впечатлѣніе, будетъ-ли оно слуховое или свѣтовое, дается тотчасъ вслѣдъ за первымъ, то сравненіе въ данномъ случаѣ происходитъ хуже, чѣмъ если второе впечатлѣніе дается черезъ нѣкоторый небольшой промежутокъ времени, черезъ 2—3 сек. Это явленіе слѣдуетъ, повидимому, объяснить сложностью процесса воспріятія. Воспринятое впечатлѣніе вызываетъ у насъ въ памяти прежнее такое же впечатлѣніе, мы ихъ сравниваемъ, отождествляемъ (ассимиляція) или различаемъ, однимъ словомъ, это процессъ сложный, и нужно нѣкоторое время, чтобы онъ завершился.

Въ лабораторіи Мюллера былъ произведенъ рядъ изслѣдованій надъ памятью по методу Эббингауса (заучиваніе ряда безсмысленныхъ слоговъ — см. ниже). Въ числѣ другихъ результатовъ оказалось, что, если испытуемый, заучивъ рядъ безсмысленныхъ слоговъ, тотчасъ же приступитъ къ заучиванію второго ряда, то онъ хуже сохранитъ ихъ въ памяти, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда пройдетъ извѣстный промежутокъ времени между заучиваніемъ перваго и второго ряда. Получается нѣчто аналогичное тому, что говорилось только что относительно памяти простѣйшихъ впечатлѣній. Подобныя наблюденія имѣютъ значеніе и для практической жизни: когда вы что-нибудь заучиваете, то не слѣдуетъ сейчасъ же по окончаніи первой работы приниматься за вторую; нуженъ небольшой промежутокъ времени, чтобы заученное успѣло укрѣпиться въ памяти.

Укажу еще одно наблюденіе, которое представляетъ нѣкоторый интересъ. При сравненіи двухъ элементарныхъ впечатлѣній (зрительнаго, слухового или какого-нибудь другого) замѣчается тенденція второе впечатлѣніе считать болѣе интенсивнымъ. Это объясняется, повидимому, тѣмъ, что воспроизведенные образы постепенно блѣднѣютъ, и то впечатлѣніе, которое было послѣднимъ, меньше утратило свою интенсивность,

чѣмъ предыдущее. Поэтому мы его зачастую и переоцѣниваемъ.

Далѣе изслѣдовали также память на линіи: показывали испытуемому линію извѣстной длины и, убравъ ее, тотчасъ же, вслѣдъ за ней, показывали другую. Въ данномъ случаѣ также получалась кривая паденія памяти на линіи. Нашли, что при сравненіи линій получилось: черезъ три секунды — 77% вѣрныхъ отвѣтовъ, а черезъ 10 сек.—только 48%, такъ что паденіе памяти и въ данномъ случаѣ довольно быстрое. Замѣчено было, кромѣ того, что память на линіи возрастаетъ съ возрастомъ испытуемыхъ. Напр., въ одной изъ работъ указано было, что въ элементарныхъ классахъ память на линіи даетъ 73% ошибокъ, въ среднихъ 69%, а въ старшихъ только 5%. Конечно, тутъ возможны колебанія въ зависимости отъ условій опыта, контингента испытуемыхъ и т. д.

Изъ этихъ немногихъ данныхъ, которыя я привелъ только для иллюстраціи того, въ какихъ направленіяхъ производились изслѣдованія надъ памятью простѣйшихъ воспріятій, вы видите, что въ сущности эти изслѣдованія только выяснили намъ нѣсколько точнѣе, какъ происходитъ процессъ забыванія, и указали на нѣкоторыя детали въ ходѣ этого процесса.

Большій интересъ представляютъ изслѣдованія надъ памятью болѣе сложныхъ психическихъ процессовъ. Здѣсь въ особенности обращаетъ на себя вниманіе методъ, который далъ очень значительное число работъ въ этой области, а именно методъ Эббингауса съ заучиваніемъ лишенныхъ смысла слоговъ. Этодъ методъ явился вообще первымъ шагомъ въ экспериментальномъ изслѣдованіи болѣе сложныхъ психическихъ процессовъ. До 80-хъ годовъ занимались почти исключительно изслѣдованіями ощущеній и чувственныхъ воспріятій; дальше экспериментальная психологія тогда не шла. Въ 1885 году Эббингаусъ выпустилъ свою книгу о памяти. Онъ рѣшилъ изслѣдовать явленія памяти естественно-научнымъ методомъ, при помощи пріемовъ, приближающихся къ пріемамъ естественныхъ наукъ и допускающихъ вычисленія и математическій подсчетъ.

Для этого необходимо было, прежде всего, получить однородный матеріалъ для запоминанія, потому что, если бы испытуемому давали матеріалъ для запоминанія не однородный, а разной степени трудности, то тогда нельзя было бы сравнивать и подсчитывать полученные при этомъ результаты. Въ качествѣ такого матеріала Эббингаусъ сталъ примѣнять безсмысленные слоги; онъ составилъ большое число слоговъ, изъ которыхъ каждый состоялъ изъ двухъ согласныхъ и одной гласной: tik, men, disch, lat и т. д. Безсмысленные слоги были взяты для того, чтобы изслѣдовать память въ ея простѣйшей, механической формѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда изслѣдованіе производится надъ запоминаніемъ фразъ или предложеній, къ механическому запечатлѣнію примѣшивается цѣлый рядъ болѣе сложныхъ умственныхъ процессовъ (осмысливаніе, различіе интересовъ и т. д.), что сильно осложняетъ опыты и ихъ истолкованіе; здѣсь же этого ничего нѣтъ.

Опыты ставятся слѣдующимъ образомъ. Берутся ряды слоговъ (напр., по 12 слоговъ въ каждомъ рядѣ). Испытуемый долженъ заучивать каждый рядъ, повторяя его отъ начала до конца до тѣхъ поръ, пока не выучитъ наизустъ. Число повтореній отмѣчается, а также отмѣчается время, потраченное для заучиванія рядовъ.

Но память не ограничивается однимъ заучиваніемъ; въ нее входитъ также сохраненіе въ памяти и воспроизведеніе. Поэтому черезъ извѣстный промежутокъ времени испытуемый долженъ опять заучивать тотъ же самый рядъ словъ, при чемъ снова отмѣчается число повтореній, потребовавшееся для повторнаго заучиванія, и время, потраченное для этого. Такъ какъ данный рядъ былъ испытуемому уже знакомъ, то во второй разъ ему, очевидно, потребуется меньше число повтореній и меньше время. Получается, такимъ образомъ, извѣстное с б е р е ж е н і е. Напр., если въ первый разъ для заучиванія ряда было употреблено 15 повтореній, а во второй разъ 6 повтореній, то эта разница въ 9 повтореній представляетъ собой сбереженіе и выражаетъ собой количественно слѣды, оставшіеся въ памяти послѣ перваго заучиванія.

Спрашивается, почему Эббингаусъ выбралъ такой сложный путь? Не проще ли было бы просто взять рядъ слоговъ, дать прочесть и затѣмъ, сейчасъ же или черезъ извѣстный промежутокъ времени, воспроизвесть и записать, сколько слоговъ было воспроизведено? Такой методъ впослѣдствіи сталъ примѣняться и въ настоящее время тоже практикуется. Онъ проще, естественнѣе и удобопримѣнимѣе, чѣмъ методъ Эббингауса, но онъ имѣетъ также и свои недостатки по сравненію съ методомъ сбереженія. Одинъ изъ важнѣйшихъ недостатковъ заключается въ томъ, что при простомъ воспроизведеніи нельзя учесть всѣхъ слѣдовъ, сохранившихся въ памяти. Оказывается иногда, что методъ сбереженія даетъ положительные результаты тамъ, гдѣ испытуемому кажется, что онъ почти совершенно забылъ заученное. Это объясняется тѣмъ, что въ памяти сохранились слѣды отъ воспринятыхъ впечатлѣній, но эти слѣды не настолько прочны, чтобы сдѣлать возможнымъ произвольное воспроизведеніе. Между тѣмъ, методъ сбереженія позволяетъ учесть не только то, что можетъ быть воспроизведено сознательно, но и безсознательные слѣды, такъ какъ при процессѣ повторнаго заучиванія эти слѣды будутъ помогать и увеличатъ % сбереженія.

Благодаря такому пріему Эббингаусъ получилъ кривую забыванія, т. е. кривую, выражающую собой постепенное изглаживаніе слѣдовъ изъ нашей памяти. Кривая эта показываетъ, что вначалѣ забываніе идетъ быстро, а затѣмъ все медленѣе и медленнѣе, такъ что между нѣсколькими сутками и цѣлымъ мѣсяцемъ разница сравнительно невелика. То, что не успѣло забыться въ первое время, сохраняется затѣмъ уже въ теченіе долгаго времени. Эббингаусъ обратилъ вниманіе на то, что эта кривая очень напоминаетъ собой въ обратномъ видѣ кривую закона Вебера и Фехнера. Эббингаусъ даже считаетъ возможнымъ формулировать свой законъ забыванія такимъ образомъ: коэффиціентъ забыванія возрастаетъ обратно пропорціонально логариѳму времени. Трудно сказать, насколько точно такая формула отвѣчаетъ дѣйстви-

тельности. Во всякомъ случаѣ, благодаря примѣненію этого метода, явилась впервые возможность примѣнить математику къ изученію явленій памяти.

Мюллеръ видоизмѣнилъ методъ Эббингауса. Онъ также давалъ испытуемымъ заучивать безсмысленные слоги, но попарно. Черезъ нѣкоторое время называли одинъ изъ этихъ слоговъ и просили воспроизвесть другой слогъ, связанный съ нимъ. Такой методъ попарнаго воспроизведенія удобенъ для изученія ассоціативныхъ связей, устанавливающихся при процессѣ усвоенія между отдѣльными членами запоминаемаго ряда.

Опыты показали, однако, что, наряду съ ассоціативнымъ запоминаніемъ и воспроизведеніемъ отдѣльныхъ слоговъ, существуетъ также и прямое, непосредственное воспроизведеніе отдѣльныхъ слоговъ, безъ помощи ассоціацій, т. е. самопроизвольное всплываніе этихъ слоговъ въ сознаніи испытуемаго. При этомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ самый тщательный анализъ не даетъ возможности установить, чтобы здѣсь играла роль какая-нибудь ассоціація. Это наблюденіе вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что выше было сказано относительно памяти, какъ способности запечатлѣнія и воспроизведенія. Каждое полученное впечатлѣніе сохраняется затѣмъ въ видѣ предрасположенія или длительнаго процесса, очень слабаго и поэтому протекающаго за порогомъ сознанія. При благопріятныхъ же условіяхъ (общее повышеніе умственной дѣятельности, устраненіе задержки со стороны другихъ процессовъ и т. д.) процессъ усиливается, и впечатлѣніе снова появляется въ нашемъ сознаніи.

Болѣе подробное изложеніе результатовъ, полученныхъ при помощи экспериментальныхъ изслѣдованій въ области памяти, не можетъ входить здѣсь въ наши задачи.

XIII.

Воображеніе.

Воспроизводящее (репродуктивное) воображеніе.

Въ близкомъ отношеніи къ процесамъ памяти стоитъ такъ называемое воображеніе. Подъ этимъ терминомъ объединяютъ рядъ процессовъ, далеко не всегда между собой сходныхъ. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ различать двѣ главныхъ группы: воображеніе воспроизводящее или репродуктивное и воображеніе творческое или продуктивное. Творческое воображеніе называютъ нерѣдко фантазіей, хотя терминъ „фантазія“ относится иногда и къ воспроизводящему воображенію.

Въ особой близости къ процессу памяти находится репродуктивное воображеніе; часто нельзя бываетъ даже провести рѣзкой границы между тѣмъ и другимъ. Тѣмъ не менѣе, есть существенные признаки, которые въ большинствѣ случаевъ позволяютъ намъ отличить образы воспоминанія отъ образовъ фантазіи. Именно, въ процессахъ памяти существуетъ локализація въ прошломъ или узнаваніе, между тѣмъ какъ въ процессѣ воспроизводящаго воображенія она обычно отсутствуетъ. Я приведу нѣсколько примѣровъ. Положимъ, я читаю описаніе путешествія. Въ моемъ воображеніи мелькаютъ смутные образы, смѣняющіеся по мѣрѣ того, какъ я читаю дальше, и находящіеся въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ причитаннымъ. Путешественникъ описываетъ, какъ онъ подвигался впередъ по пустынямъ Африки, по первобытнымъ дѣвственнымъ лѣсамъ, и въ моемъ воображеніи встаютъ смутные образы о путешественникѣ, о безконечномъ горизонтѣ, о пустынѣ, о первобытныхъ, дѣвственныхъ лѣсахъ съ карликовыми жителями и т. д.

Всѣ эти образы я, очевидно, воспринялъ раньше.

Они не могутъ у меня возникнуть сами собой. Я ихъ раньше видѣлъ на какомъ-нибудь рисункѣ или читалъ какое-нибудь подробное описаніе или слышалъ что-нибудь подобное, но гдѣ и когда все это было мной воспринято, я въ данный моментъ не помню и не стараюсь припоминать. Эти образы мелькаютъ въ моемъ воображеніи, смѣняя другъ друга, чтобы иллюстрировать читаемое мною.

Бываетъ иногда и такъ, что между образами воображенія вдругъ всплываетъ какое-нибудь воспоминаніе, сопровождающееся очень яркимъ и отчетливымъ чувствомъ узнаванія, и мы локализируемъ его въ прошломъ. Напр., въ только что приведенномъ примѣрѣ можетъ иногда случиться, что я вдругъ совершенно отчетливо вспоминаю хотя бы тотъ рисунокъ, который еще на дняхъ видѣлъ въ книгѣ по географіи и который изображаетъ дѣвственный лѣсъ. Словомъ, существуетъ цѣлый рядъ переходныхъ ступеней между процессами памяти и воображенія.

Съ другой стороны, не легко бываетъ отграничить процессъ воспроизводящаго воображенія отъ творческаго, не легко бываетъ сказать, представляется ли тотъ или другой образъ только воспроизведеннымъ или созданнымъ мной. Я уже говорилъ о томъ, что въ психическихъ переживаніяхъ, какъ, впрочемъ, и во всей вообще органической жизни ни одинъ процессъ не повторяется абсолютно въ такомъ же видѣ, какъ онъ былъ раньше. Причина заключается въ томъ, что условія, внутреннія и внѣшнія, сопровождающія каждое явленіе, постоянно мѣняются, что ведетъ также къ измѣненію самаго явленія. Далѣе, въ воспроизводящемъ воображеніи, благодаря отсутствію точнаго узнаванія и локализаціи, образы получаютъ извѣстную неустойчивость. Они ни съ чѣмъ прежнимъ не связаны, никакія ассоціативныя зависимости не заставляютъ ихъ сохранять свою опредѣленную форму, и поэтому они гораздо легче могутъ видоизмѣняться. Поэтому, въ дѣятельности воображенія, хотя бы даже и воспроизводящаго, обычно бываетъ такъ, что смѣняющіеся въ моемъ сознаніи образы, съ одной сторо-

ны, напоминаютъ что-то уже пережитое мною раньше, а съ другой—измѣняются извѣстнымъ образомъ подъ давленіемъ впечатлѣній даннаго момента. Мы знаемъ, что очень часто такое состояніе мечтательности мало-по-малу приводитъ уже къ процессу настоящаго творчества, когда начинаютъ возникать совершенно новые образы, никогда не переживавшіеся раньше.

Находясь въ тѣсной связи съ процессами памяти, воспроизводящее воображеніе такъ же, какъ и память, можетъ идти различными путями. Здѣсь также возможны различные типы воспроизведенныхъ образовъ—зрительные, слуховые, моторные, смѣшанные и т. д. Когда мы говоримъ о фантазіи, то обычно представляемъ себѣ этотъ процессъ въ видѣ смѣны зрительныхъ образовъ, но это бываетъ не всегда. Люди музыкальные очень часто мечтаютъ слуховыми образами. Я припоминаю, напр., изъ „Войны и мира“ то состояніе мечтательности, въ которомъ находился Петя Ростовъ наканунѣ сраженія. Ночью онъ сидѣлъ на дворѣ и слушалъ, какъ казакъ оттачивалъ саблю; эти звуки взвизгивающаго клинка, смѣшивающіеся съ шумомъ капель дождя, вызывали въ его воображеніи цѣлый рядъ гармоническихъ сочетаній и мелодій, какихъ-то смутныхъ, неясныхъ, но очень красивыхъ хоровъ, которые наполняли его сознаніе и вызывали очень живое чувство наслажденія. У людей, спеціально занимающихся музыкой, эта слуховая фантазія бываетъ, конечно, развита еще больше.

Возможно воображеніе и моторнаго характера. Люди, принадлежащіе къ этому типу, представляя себѣ что-нибудь, непремѣнно воспроизводятъ—конечно, въ зачаточномъ видѣ, въ видѣ двигательныхъ импульсовъ—какія-нибудь движенія, напр., рѣчевыя, движенія ходьбы и т. д.; если они попытаются подавить въ себѣ эти импульсы, то и самые образы стушевываются, становятся блѣдными, смутными и неясными.

Процессъ воспроизводящаго воображенія имѣетъ важное значеніе въ жизни и въ педагогикѣ, потому что, представляя себѣ что-нибудь, мы обычно мыслимъ не сухими схемами, а конкретными образами. Въ осо-

бенности это имѣетъ значеніе для дѣтей, у которыхъ абстрактное мышленіе развито слабо, и которымъ надо всегда иллюстрировать тѣ мысли, которыя стараются имъ излагать. Когда мы читаемъ что-нибудь, то наше пониманіе читаемаго было бы несравненно менѣе совершеннымъ, если бы чтеніе не сопровождалось возникающими въ сознаніи образами. То же слѣдуетъ сказать и о возникающихъ у насъ чувствованіяхъ: всѣ вообще наши чувства находятся въ тѣснѣйшей связи съ дѣятельностью воображенія и, безъ болѣе или менѣе яснаго представленія объектовъ, вызывающихъ данное чувство, мы бы далеко не могли чувствовать такъ живо и интенсивно. Примѣромъ можетъ служить хотя бы приведенный мною выше случай Шарко, когда больной, потерявшій зрительное воображеніе, сталъ замѣчать, что его чувства стали менѣе живыми, чѣмъ прежде.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ различіяхъ, которыя существуютъ между воспринимаемыми извнѣ впечатлѣніями, съ одной стороны, и воспроизведенными образами—съ другой.

Прежде всего, воспринятыя впечатлѣнія болѣе ярки, чѣмъ воспроизведенные образы. Но этотъ признакъ оказывается вовсе не такъ характернымъ, какъ можно было бы думать. Иногда воспріятія бываютъ не ясны, смутны, а воспроизведенные образы гораздо ярче и отчетливѣе. Если, напр., человѣкъ, сидя въ сумеркахъ въ темной, тихой комнатѣ, мечтаетъ о яркомъ солнечномъ днѣ и веселомъ, шумномъ обществѣ, то хотя эти образы гораздо живѣе, и ярче, чѣмъ окружающая его обстановка, однако, онъ ни на минуту не сомнѣвается въ томъ, что это только работа его фантазіи. Слѣдовательно, дѣло не только въ яркости и отчетливости.

Можно отмѣтить еще другой признакъ, отличающій воображеніе отъ воспріятій. Это—подчиненіе волѣ. Воспріятія не подчинены волѣ. Если глаза фиксированы въ одну точку, то до тѣхъ поръ, пока не произойдетъ измѣненія во внѣшней средѣ, полученныя впечатлѣнія остаются неизмѣнными. И какъ бы я, напр., ни старался отогнать отъ себя впечатлѣніе часовъ, висящихъ на

противъ меня на стѣнѣ аудиторіи, я не могу этого сдѣлать, пока не отведу глаза въ сторону. Въ противоположность этому на образы воображенія смотрятъ обыкновенно, какъ на такіе, которые всецѣло подчинены нашей волѣ. Однако, и здѣсь опытъ показываетъ, что далеко не всегда бываетъ такъ въ дѣйствительности. Французскій психологъ Бине производилъ опыты такого рода. Онъ просилъ испытуемаго представить себѣ какой-нибудь зрительный образъ, напр., образъ прохожаго, затѣмъ испытуемый долженъ былъ постараться видоизмѣнить свой умственный образъ, напр., заставить прохожаго остановиться, снять шляпу и т. д. Оказалось, какъ это подтвердили и дальнѣйшіе изслѣдователи, что человѣку далеко не во всѣхъ случаяхъ удается путемъ произвольнаго усилія воли мѣнять образы своей фантазіи. Очень часто въ этихъ случаяхъ усиліе, направленное на измѣненіе образа, ведетъ только къ тому, что образъ расплывается и дѣлается неяснымъ. Слѣдовательно, и этотъ признакъ, отличающій образы фантазіи отъ воспринятыхъ впечатлѣній, не можетъ считаться самъ по себѣ рѣшающимъ.

Указываютъ еще на одно обстоятельство, какъ на лежащее въ основѣ того сознанія объективной реальности, которое отличаетъ воспринятыя впечатлѣнія отъ воспроизведенныхъ. Это именно—связываніе въ одно цѣлое впечатлѣній, относящихся къ различнымъ органамъ чувствъ. Всѣ вы слыхали, что, когда человѣкъ, видящій что-нибудь необыкновенное, хочетъ провѣрить, не во снѣ ли это представляется ему, онъ начинаетъ ощупывать себя и провѣряетъ путемъ осязанія, правильны ли его зрительныя впечатлѣнія. И если онъ услышитъ, что отъ даннаго зрительнаго образа исходятъ извѣстные звуки, которые онъ можетъ связать съ зрительнымъ впечатлѣніемъ, то реальность его становится очевидной.

Совокупность перечисленныхъ отличій ведетъ къ тому, что воспроизведенные образы мы относимъ къ нашимъ внутреннимъ переживаніямъ, тогда какъ воспринятыя впечатлѣнія о б ъ е к т и в и р у е м ъ в о в н ѣ, относя ихъ къ окружающей насъ дѣйствительности.

Творческое (продуктивное) воображеніе.

Переходя теперь къ творческому воображенію, приходится прежде всего сказать, что процессъ этотъ представляетъ собой одинъ изъ наименѣе разработанныхъ отдѣловъ психологіи. Имѣя огромное значеніе въ искусствѣ и въ практической жизни, творческое воображеніе, однако, въ теченіе долгаго времени какъ-то игнорировалось психологами, разрабатывавшими психологію, какъ научную дисциплину. Одна изъ причинъ заключалась, на нашъ взглядъ, въ томъ, что психологія, будучи тѣсно связана съ философіей, до послѣдняго времени отличалась раціоналистическими тенденціями этой послѣдней: то, что не можетъ быть подвергнуто ясному и отчетливому логическому расчлененію, привлекало къ себѣ меньше интереса, и изученіе его отодвигалось на второй планъ. Вы видѣли, напр., что въ классификаціи способностей Вольфа въ XVIII-омъ столѣтіи фантазія относилась къ низшимъ родамъ психической дѣятельности, а высшимъ проявленіемъ душевной жизни считалось мышленіе. Въ настоящее время точки зрѣнія измѣнились, и психологія занимается творческой дѣятельностью съ не меньшимъ интересомъ, чѣмъ и другими психическими процессами. Однако, надо сказать, что, несмотря на растущій интересъ къ этому вопросу, мы не можемъ похвастаться большими знаніями въ этой области, и въ настоящее время творческое воображеніе представляетъ одну изъ наименѣе разработанныхъ проблемъ психологіи.

Для того, чтобы отдать себѣ отчетъ въ томъ, что представляетъ изъ себя тотъ или иной процессъ, надо, прежде всего, изучить условія, при которыхъ онъ обычно возникаетъ, и тѣ процессы, съ которыми онъ находится въ болѣе или менѣе тѣсной связи. Что касается условій возникновенія творческаго процесса, то въ своей наиболѣе интенсивной и яркой формѣ, именно въ процессахъ художественнаго творчества, онъ возникаетъ обычно болѣе или менѣе внезапно и помимо нашей воли. Припомните стихотвореніе Пушкина, гдѣ онъ говоритъ о томъ, что въ обычномъ состояніи поэтъ часто ничѣмъ

не отличается отъ другихъ людей. „Но лишь божественный глаголъ до уха чуткаго коснется, душа поэта встрепенется, какъ пробудившійся орелъ". У него внезапно возникаютъ какіе-то импульсы, въ которыхъ онъ не можетъ отдать себѣ отчета, и это настолько сильно, что заставляетъ его удалиться отъ людей и отдаваться творчеству.

Эта внезапность возникновенія процессовъ творчества и независимость ихъ отъ воли настолько характерна, что въ древности творчество считали дѣломъ духа, вселявшагося на время въ человѣка. Впослѣдствіи, хотя это мнѣніе и было оставлено, но все же творческую дѣятельность обособляли отъ всей остальной психической жизни человѣка, считали ее подчиненной своимъ, особымъ законамъ, а обладателей ея, людей геніальныхъ—совершенно особенными людьми, непохожими на остальныхъ. И только, въ послѣднее время, съ развитіемъ психологическаго анализа и стремленія подвести всѣ психическіе процессы подъ дѣйствіе однихъ и тѣхъ же законовъ, найти во всѣхъ явленіяхъ душевной жизни нѣчто общее, стали пытаться и дѣятельность творчества также поставить въ связь со всей остальной психической жизнью человѣка.

Здѣсь, прежде всего, слѣдуетъ отмѣтить тѣснѣйшую связь процессовъ творчества съ аффективной сферой. Связь эта подтверждается характеромъ и особенностями психическаго склада художниковъ, артистовъ и вообще тѣхъ людей, у которыхъ фантазія и творчество проявляется въ наиболѣе яркомъ видѣ. Аффективность у нихъ можетъ проявляться въ видѣ общаго повышенія возбудимости чувствованій или въ видѣ періодически возникающихъ аффектовъ, но, во всякомъ случаѣ, она всегда у нихъ есть налицо. Мыслители, абстрактные ученые, въ особенности тѣ, которые заняты не столько составленіемъ новыхъ гипотезъ и теорій, сколько изученіемъ фактическихъ данныхъ, обычно бываютъ гораздо спокойнѣе и уравновѣшеннѣе. Кромѣ того, мы замѣчаемъ, что порывы творчества нерѣдко съ особой яркостью обнаруживаются въ болѣе молодомъ возрастѣ. Кто-то сказалъ, что жизнь великихъ людей часто

представляетъ изъ себя лишь послѣдовательное осуществленіе того творческаго порыва, который явился у нихъ въ юности. А мы знаемъ, что именно молодость отличается болѣе значительной аффективной возбудимостью, такъ что и здѣсь связь между обоими названными процессами выступаетъ отчетливо.

Еще одна особенность творческаго процесса, которую необходимо отмѣтить, это—значительное участіе безсознательной сферы. Уже та внезапность и непроизвольность творческаго процесса, о которой говорилось выше, его возникновеніе, какъ чего-то внѣшняго, даннаго человѣку, заставляетъ думать о значительномъ участіи безсознательныхъ элементовъ.

Здѣсь, однако, необходимо сдѣлать одну существенную оговорку. Когда мы начинаемъ подробнѣе анализировать творческій процессъ и ту связь, въ которой онъ находится съ прежними переживаніями даннаго человѣка, то обычно удается установить, что весь этотъ творческій процессъ, казалось-бы, внезапно вылившійся въ моментъ вдохновенія, на самомъ дѣлѣ былъ подготовленъ предшествующей, очень длительной работой. У нѣкоторыхъ художниковъ, поэтовъ и мыслителей (мы увидимъ дальше, что и въ научныхъ работахъ творческій процессъ зачастую также играетъ важную роль) эта предшествующая подготовительная стадія творческаго процесса менѣе замѣтна, у другихъ она выступаетъ на первый планъ. Обычно начинается съ того, что у человѣка возникаетъ какая-нибудь неясная, смутная мысль или предположеніе. Заинтересованный ими, онъ начинаетъ собирать матеріалы для разработки этого вопроса. Художникъ начинаетъ наблюдать соотвѣтсвующія стороны жизни, ученый собираетъ фактическій матеріалъ и т. д. Въ теченіи болѣе или менѣе долгаго времени эти наблюденія представляются разрозненными, попытки объединить ихъ являются случайными и неполными. Тѣмъ не менѣе, собираніе матеріала продолжается,—а вмѣстѣ съ тѣмъ идетъ и одновременная безсознательная переработка его, подготовляющая его къ тому окончательному синтезу, который дается творчествомъ. И вотъ, когда подготовка

достигла болѣе или менѣе значительной степени, тогда случайно или благодаря какому-нибудь внѣшнему толчку возникаетъ то, что называютъ вдохновеніемъ, т. е. состояніе общаго психическаго возбужденія, съ интенсивнымъ напряженіемъ всѣхъ душевныхъ силъ,— и созидательный процессъ заканчивается. Правда, индивидуальныя особенности въ этомъ случаѣ играютъ очень значительную роль: въ однихъ случаяхъ на первый планъ выступаетъ сознательная дѣятельность, въ другихъ—безсознательная. Но, во всякомъ случаѣ, приписывать безсознательному фактору исключительную преобладающую роль, по нашему мнѣнію, нельзя, такъ какъ процессъ окончательнаго синтеза всегда происходитъ при полномъ участіи сознанія.

Слѣдуетъ отмѣтить, далѣе, тѣ внѣшнія физіологическія проявленія, которыми сопровождается зачастую творческій процессъ. Сюда слѣдуетъ отнести усиленный приливъ крови къ головѣ, похолоданіе конечностей, сердцебіеніе, состояніе двигательнаго возбужденія и т. д. Всѣ эти физіологическія проявленія, вѣроятно, находятся въ тѣсной связи какъ съ сильнымъ напряженіемъ мозговой дѣятельности, такъ и съ тѣми аффективными спутниками творческаго процесса, о которыхъ я говорилъ раньше. Аффекты всегда сказываются болѣе или менѣе отчетливо физіологическими проявленіями, а между тѣмъ въ процессѣ творчества аффективныя состоянія достигаютъ значительной степени.

Въ связи съ этимъ находятся такъ называемыя странности великихъ людей. Напр., Шиллеръ, говорятъ, работалъ особенно интенсивно тогда, когда у него въ письменномъ столѣ лежали гнилыя яблоки, запахъ которыхъ возбуждающимъ образомъ дѣйствовалъ на него. Нѣкоторые писатели во время работы курятъ, пьютъ крѣпкій кофе, принимаютъ наркотики. Руссо, какъ разсказываютъ, охотно размышлялъ, расхаживая съ обнаженной головой подъ палящими лучами лѣтняго солнца, что, очевидно, способствовало приливу крови къ головѣ, и т. д.

Всѣ эти факты могутъ, между прочимъ, служить косвеннымъ подтвержденіемъ того, что процессъ твор-

чества, подобно всѣмъ остальнымъ душевнымь явленіямъ, есть процессъ психо-физіологическій, т. е., имѣющій свой опредѣленный физіологическій коррелатъ.

Здѣсь кстати будетъ разсмотрѣть теорію Ломброзо, который утверждаетъ, что геніальные люди не болѣе, какъ дегенераты, вырождающіеся высшаго порядка. Психіатры замѣтили, что среди вырождающихся встрѣчаются нерѣдко люди съ яркими проблесками ума и таланта, люди, у которыхъ вспышки дѣятельности и творчества смѣняются рѣзкимъ упадкомъ настроенія и умственной подавленностью. Съ другой стороны біографіи знаменитыхъ людей содержатъ въ себѣ очень часто указанія на наличность у этихъ людей различнаго рода невропатическихъ симптомовъ (навязчивыя идеи, импульсивныя дѣйствія и др.), во многихъ случаяхъ и на прямое заболѣваніе ихъ той или иной нервной или душевной болѣзнью (въ особенности эпилепсіей, явной или скрытой). Это дало поводъ высказать пародоксальное предположеніе, что геніальность есть одинъ изъ видовъ помѣшательства. Ученіе это возбудило противъ себя много возраженій, и, дѣйствительно, въ чистомъ своемъ видѣ едва ли можетъ быть защищаемо. Слишкомъ ярко бросается въ глаза разница, существующая между людьми геніальными, съ одной стороны, и дегенератами, хотя бы и „высшими“,—съ другой. У этихъ послѣднихъ вспышки творчества являются лишь кратковременными проблесками, счастливыми исключеніями среди огромнаго количества заурядныхъ, а еще чаще—прямо патологическихъ проявленій. Между тѣмъ у людей геніальныхъ мы видимъ зачастую, какъ большая часть ихъ жизни, если не вся жизнь, бываетъ посвящена разработкѣ тѣхъ идей, которыя ихъ занимаютъ, достиженію тѣхъ цѣлей, которыя ихъ привлекаютъ. Такой настойчивости, такого постояннаго возвращенія къ одной и той же цѣли высшаго порядка вы никогда не встрѣтите у дегенератовъ. У этихъ послѣднихъ психика отличается чрезвычайной пестротой, разрозненностью, отсутствіемъ согласованія между отдѣльными входящими въ составъ ея элементами. Такая неустойчивость, противорѣчивость ихъ характера является од-

ной изъ отличительныхъ ихъ чертъ и сказывается на всемъ ихъ поведеніи. Между тѣмъ геніальныя натуры всегда отличаются извѣстной гармоничностью, цѣльностью, единствомъ въ направленіи своей дѣятельности.

Конечно, можно насчитать не мало людей талантливыхъ и геніальныхъ, страдавшихъ тѣми или иными нервными и душевными разстройствами. Но вѣдь нѣтъ ничего невозможнаго и въ томъ, что болѣзнь не повышала, а понижала ихъ продуктивность, и что безъ нея они дали бы еще больше. Съ другой стороны, мы имѣемъ цѣлый рядъ людей геніальныхъ, у которыхъ нѣтъ никакихъ болѣзненныхъ симптомовъ: Л. Толстой, Гете, Пушкинъ и много другихъ. Слѣдовательно, условія геніальности лежатъ не въ невропатическомъ предрасположеніи, а въ чемъ-то другомъ.

Я лично смотрю на геніальность, и, въ частности, на процессъ творчества, какъ на проявленіе высшаго, максимальнаго развитія личности. Только люди, душевная жизнь которыхъ достигла очень высокой степени (въ смыслѣ своего богатства и напряженности), могутъ давать намъ въ жизни нѣчто новое, могутъ не только приспособляться къ внѣшней средѣ, но и приспособлять ее въ какомъ-нибудь новомъ направленіи. Это приспособленіе можетъ быть различно въ зависимости отъ общаго склада индивидуальности, отъ преобладанія въ ней мышленія, дѣятельности, чувствованій, тѣхъ или иныхъ типовъ воспріятія и т. п. Рибо описываетъ различные виды творчества: творчество въ области научной или практической жизни, творчество въ художественной области, раздѣляющееся въ свою очередь на болѣе конкретное, пластическое, какъ въ живописи или скульптурѣ, и мистическое, какъ въ музыкѣ,—и т. п.

Въ послѣднее время совершенно правильно указываютъ на то, что и въ области науки творчество также крайне необходимо. Оно проявляется въ созданіи гипотезъ и теорій, которыя необходимы для движенія всякой науки. Рядовые ученые могутъ и не обладать процессомъ творчества; для нихъ достаточны точное изученіе и анализъ. Но для людей, создающихъ науч-

ныя гипотезы, объединяющихъ накопленный ранѣе матеріалъ и указывающихъ новыя перспективы,—для нихъ необходимо соединеніе точнаго ума съ развитымъ воображеніемъ.

Что касается теоріи Ломброзо, то мнѣ кажется, что она, быть можетъ, права въ одномъ отношеніи: въ нѣкоторыхъ случаяхъ невропатическая неуравновѣшенность можетъ способствовать большей яркости проявленій. Тамъ, гдѣ человѣкъ болѣе осторожный, разсчетливый, воздержится отъ того или другого поступка изъ постороннихъ соображеній изъ житейскаго расчета и т. п.,—тамъ люди неуравновѣшанные, не владѣющіе собой и не заботящіеся о послѣдствіяхъ, выскажутъ все, что ихъ въ данный моментъ волнуетъ, и, такимъ образомъ, ярче и интенсивнѣе заявятъ свое мнѣніе. А это иногда бываетъ нужно для болѣе интенсивнаго воздѣйствія на окружающихъ. Тѣмъ не менѣе, необходимо признать, что въ концѣ концовъ талантливый человѣкъ дѣйствуетъ не отдѣльными вспышками, какъ бы ярки онѣ не были, а общей суммой своей дѣятельности, дѣломъ всей своей жизни. И въ этомъ отношеніи, конечно, невропатъ всегда будетъ стоять далеко позади по сравненію съ одинаково одареннымъ, но здоровымъ человѣкомъ.

Что касается методовъ экспериментальнаго изслѣдованія воображенія, то нужно сказать, что эти методы въ настоящее время не настолько еще разработаны, какъ методы экспериментальнаго изслѣдованія ощущеній, памяти, вниманія и т. п. Какъ на одну изъ особенностей примѣняющихся здѣсь методовъ слѣдуетъ указать, что эти методы болѣе приближаются къ естественнымъ пріемамъ, педагогическимъ и др. Одинъ изъ часто примѣняющихся методовъ изслѣдованія воображенія у дѣтей—это сочиненія въ иномъ нѣсколько видѣ, чѣмъ это обыкновенно предлагается въ классѣ. Дается, напр., картина, гдѣ изображено нападеніе стаи волковъ на путниковъ; подъ картиной подпись: „Напали“. Или даютъ послѣдовательное развитіе какой-либо темы въ рядѣ рисунковъ. Напр.: „Умъ лошади“. На первой картинѣ нарисована лошадь съ пустой телѣгой, которая быстро ѣдетъ по улицѣ; вторая картина: на дорогѣ сидитъ маленькій ребенокъ,

копается въ пыли и, повидимому, не подозрѣваетъ опастности; третья: лошадь объѣзжаетъ мимо; четвертая: мужикъ держитъ этого ребенка и что-то разсказываетъ.

Въ подобнаго рода сочиненіяхъ отражаются какъ общія особенности дѣтскаго творчества, такъ и индивидуальныя особенности каждаго изъ дѣтей. Чтобы составить по рисункамъ разсказъ, ребенокъ долженъ осмыслить рисунки, установить связь между ними, дополнить образы своей фантазіей и тогда уже составить цѣлое сочиненіе. Для той же цѣли можно употребить и еще одинъ пріемъ. Даютъ нѣсколько словъ и по нимъ просятъ составить разсказъ, въ которомъ бы встрѣтились эти слова. Напр.: изба, ребенокъ, пожаръ, или: дорога, колосья, путникъ. Методъ этотъ также даетъ, въ общемъ, не дурные результаты.

XIV.

Мышленіе.

Образованіе общихъ представленій и отвлеченныхъ понятій.

Въ психической жизни, какъ я уже говорилъ, существуютъ извѣстныя ступени или градаціи, позволяющія намъ различать низшіе или болѣе элементарные процессы и высшіе, которые вмѣстѣ съ тѣмъ представляются обычно и болѣе сложными. Къ числу низшихъ процессовъ интеллектуальной жизни можно отнести ощущенія и тѣ комплексы ощущеній и воспроизведенныхъ образовъ, которые мы называемъ воспріятіями. Слѣдующую ступень составляютъ воспроизведенные образы, т. е. воспоминанія и образы фантазіи. Наконецъ, еще болѣе высокая ступень интеллектуальной жизни, которую мы встрѣчаемъ только у высоко развитыхъ существъ, у нѣкоторыхъ животныхъ и, главнымъ образомъ, у человѣка, заключаетъ въ себѣ творческое воображеніе и мыслительную дѣятельность.

Главное отличіе мыслительныхъ процессовъ отъ воспріятій, памяти и ассоціацій состоитъ въ томъ, что въ то время какъ тамъ мы болѣе или менѣе пассивно воспринимаемъ внѣшнія впечатлѣнія, усваиваемъ ихъ и затѣмъ повторяемъ или воспроизводимъ, здѣсь преобладаетъ, наоборотъ, активное отношеніе: въ мыслительныхъ процессахъ эти впечатлѣнія комбинируются, объединяются, извѣстнымъ образомъ перерабатываются, и возникаютъ тѣ сложные продукты умственной дѣятельности, которые мы называемъ отвлеченными понятіями, умозаключеніями и т. п. Всю обширную область мыслительныхъ процессовъ можно разбить на двѣ большія группы, или, вѣрнѣе, во всякомъ мыслительномъ

процессѣ можно выдѣлить двѣ различныя стороны, которыя обычно бываютъ связаны между собой и идутъ рука объ руку: во-первыхъ, образованіе общихъ представленій и отвлеченныхъ понятій, во-вторыхъ, образованіе сужденій и умозаключеній. Остановлюсь на первомъ процессѣ.

Когда я назову слово „человѣкъ“, или „береза“, или „лошадь“, то обыкновенно при этомъ у васъ возникаетъ въ представленіи не какая-нибудь опредѣленная лошадь или не какой-нибудь опредѣленный человѣкъ, а болѣе общій образъ. Какъ мы увидимъ дальше, процессъ, происходящій при этомъ въ сознаніи, можетъ быть въ различныхъ случаяхъ различенъ. Иногда при этомъ въ сознаніи смутно возникаетъ цѣлый рядъ сходныхъ другъ съ другомъ конкретныхъ образовъ, причемъ наше вниманіе останавливается главнымъ образомъ на ихъ общихъ, сходныхъ чертахъ. Въ другихъ случаяхъ возникаютъ своеобразныя схематическія представленія; напр., когда я говорю: „дерево“, я представляю себѣ смутно схему ствола и вѣтвей или стволъ и кору дерева, покрытаго листьями и т. д. Такое смутное, неясное представленіе, служащее замѣстителемъ цѣлаго ряда конкретныхъ впечатлѣній, видѣнныхъ, слышанныхъ, вообще воспринятыхъ мной въ разное время, называется общимъ представленіемъ.

Очень удачно его сравниваютъ съ такъ называемой сборной фотографіей. Производили опыты такого рода: брали цѣлый рядъ портретовъ близкихъ родственниковъ, похожихъ другъ на друга и снимали на одну и ту же фотографическую пластинку. Въ результатѣ получали снимки очень неясные, расплывчатые, но на этихъ снимкахъ отчетливо выдѣлялись тѣ черты, которыя у всѣхъ этихъ портретовъ были сходны, напр., характерная форма носа, или характерный овалъ лица и т. д.

Итакъ, общія представленія являются уже извѣстной ступенью обобщенія: здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ обособленными предметами и ихъ образами, а съ чѣмъ-то болѣе общимъ. Дальнѣйшей ступенью обобщенія является отвлеченное понятіе. Въ противо-

положность общимъ представленіямъ, здѣсь происходитъ уже сознательное, планомѣрное выдѣленіе признаковъ, которые для даннаго рода предметовъ представляются особенно существенными. Въ общемъ представленіи отдѣльныя его части всплываютъ въ моемъ сознаніи какъ бы сами собой, безъ особеннаго контроля съ моей стороны, просто потому, что представленія механически накладывались одно на другое. Составъ общихъ представленій зависитъ отъ многихъ чисто случайныхъ причинъ: или мнѣ приходилось особенно часто наблюдать извѣстнаго рода деревья, или незадолго передъ этимъ я видѣлъ именно данное дерево, или именно данная часть дерева мнѣ бросилась въ глаза и теперь эта часть всплываетъ въ моемъ сознаніи и т. д. Между тѣмъ, когда рѣчь идетъ объ отвлеченномъ понятіи, то въ сознаніи возникаетъ только совокупность тѣхъ признаковъ, которые я считаю наиболѣе существенными для даннаго объекта.

Спрашивается, какимъ образомъ эти признаки выдѣлились и обособились? Составляя и сравнивая между собой нѣсколько родственныхъ объектовъ или явленій, я путемъ анализа выдѣляю изъ нихъ тѣ признаки, которые у нихъ являются сходными; эти сходные признаки я соединяю вмѣстѣ (синтезъ) и образую такимъ путемъ отвлеченное понятіе. Понятія эти могутъ имѣть различную степень абстрактности, или отвлеченности, могутъ быть болѣе близкими къ конкретнымъ и болѣе далекими отъ нихъ. Такія понятія, какъ „сила“, „справедливость“, „вѣчность“ чрезвычайно удалены отъ конкретныхъ образовъ, и наша анализирующая и синтезирующая мысль должна была продѣлать очень трудную и сложную работу, чтобы выработать эти понятія и установить отношеніе между ними и остальнымъ запасомъ нашихъ представленій. Въ большей или меньшей степени это можно сказать о всѣхъ вообще отвлеченныхъ понятіяхъ: каждое изъ нихъ является результатомъ сложной логической работы.

При образованіи какъ общихъ представленій, такъ и отвлеченныхъ понятій слѣдуетъ отмѣтить еще одинъ, очень важный психологическій моментъ, именно—со-

средоточеніе вниманія на тѣхъ признакахъ, которые я выдѣляю или обособляю. Когда я сравниваю видѣнное мной дерево съ другимъ и говорю, что у всѣхъ ихъ есть, напр., стволъ, то это можетъ произойти только такимъ образомъ, что я сосредоточиваю свое вниманіе на нѣкоторыхъ признакахъ, игнорируя остальные; затѣмъ я мысленно пересматриваю, повторяются ли эти признаки у всѣхъ сравниваемыхъ предметовъ, и, соотвѣтственно этому, включаю или не включаю ихъ въ составъ общаго представленія или отвлеченнаго понятія.

Спрашивается теперь, какимъ образомъ мыслятся отвлеченныя понятія уже въ готовомъ, законченномъ видѣ? Этотъ вопросъ имѣлъ чрезвычайно важное значеніе въ исторіи психологіи и въ исторіи философіи. Онъ служилъ порогомъ, раздѣлявшимъ въ теченіи долгаго времени (да и теперь еще раздѣляющимъ) различныя философскія школы и придающимъ имъ тотъ или иной отпечатокъ.

Одни утверждали, что общія понятія могутъ мыслиться нами сами по себѣ, отдѣльно отъ конкретныхъ образовъ, что они существуютъ въ нашей психической жизни, какъ отдѣльныя, обособленныя единицы. Когда я мыслю „добро“, или „справедливость“, то я дѣйствительно представляю себѣ нѣчто доброе и справедливое, какъ концептъ, какъ отвлеченное понятіе, не сводящееся къ сопутствующимъ ему конкретнымъ образамъ.

Въ противоположность этому другое философское направленіе—эмпиризмъ—утверждаетъ, что на самомъ дѣлѣ никакихъ общихъ представленій въ нашемъ сознаніи не существуетъ, что, когда я мыслю, напр., о справедливости, то я себѣ представляю или извѣстнаго мнѣ справедливаго человѣка, или опредѣленный справедливый поступокъ, видѣнный или слышанный мной въ теченіе моей жизни и т. п. Съ точки зрѣнія эмпиризма невозможно представить себѣ, напр., треугольникъ, какъ отвлеченное понятіе, такъ чтобы этотъ треугольникъ не былъ ни равностороннимъ, ни равнобедреннымъ, ни тупоугольнымъ, а вообще треугольни-

комъ. Мы всегда мыслимъ себѣ нѣчто конкретное, и это конкретное является въ нашемъ сознаніи замѣстителемъ извѣстнаго отвлеченнаго понятія.

Наконецъ, третье направленіе—номинализмъ—придаетъ первенствующую роль въ мышленіи словамъ или словеснымъ образамъ, которые служатъ для насъ символами, обозначающими совокупность сходныхъ представленій или сходныхъ мыслей. По мнѣнію М. Мюллера, отвлеченное понятіе есть, прежде всего, слово. Слѣдовало бы ввести въ нашъ языкъ нѣчто аналогичное греческому слову „логос“, обозначающему одновременно слово и разумъ, потому что мыслить—это значитъ представлять себѣ слова. Человѣкъ именно тѣмъ и отличается отъ животнаго, именно потому и способенъ къ такому широкому развитію, что у него есть способность рѣчи. У животныхъ этой способности нѣтъ, поэтому у нихъ нѣтъ и способности мыслить.

Вы видите, такимъ образомъ, что эти три направленія различнымъ образомъ объясняютъ психологическую природу отвлеченныхъ понятій. Одно сводитъ ихъ къ чистымъ отвлеченнымъ переживаніямъ, другое придаетъ первенствующую роль конкретнымъ замѣстителямъ, и третье выдвигаетъ на первый планъ слова.

Въ послѣднее время вопросъ этотъ подвергнутъ экспериментальной провѣркѣ, и экспериментъ до извѣстной степени выяснилъ основу этихъ разнорѣчій. Оказывается, что огромную роль играютъ здѣсь, прежде всего, индивидуальныя особенности мыслящаго субъекта. Для иллюстраціи я продѣлаю здѣсь нѣсколько опытовъ.

Опыты заключаются въ томъ, что испытуемымъ дается одно за другимъ нѣсколько словъ, обозначающихъ общія представленія и отвлеченныя понятія, и испытуемые должны послѣ произнесенія каждаго слова, подробно описать все, что возникло у нихъ въ сознаніи. Ставится опытъ со слѣдующими словами: животное, справедливость, безконечность. Первое слово вызвало у одного испытуемаго конкретный образъ кошки, которую онъ видѣлъ у своихъ квартирныхъ хозяевъ: у другого—слово „животное“, написанное на сѣровато-бѣломъ фонѣ; у третьяго—

образъ осѣдланной лошади; у четвертаго—рядъ смутныхъ, полусхематическихъ образовъ разныхъ животныхъ, при чемъ эти образы были лишены какой бы то ни было окраски. Слово „справедливость“ вызвало у одного испытуемаго сложную, не поддающуюся ясному анализу совокупность чувствъ и мыслей, связанныхъ съ однимъ злободневнымъ событіемъ. Слово „безконечность“ вызвало у одного испытуемаго конкретный образъ степи, безконечно раскинувшейся во всѣ стороны, у другого—представленіе безъ конца тянущейся линіи, у третьяго—математическій значекъ ∞, служащій символомъ безконечности.

Вы видите, такимъ образомъ, что опыты относительно психологической природы общихъ представленій и отвлеченныхъ понятій указываютъ, прежде всего, на существованіе очень значительныхъ индивидуальныхъ особенностей. Кромѣ того, и у одного и того же лица въ разное время и при разныхъ условіяхъ психологическій составъ ихъ можетъ быть различенъ. И однако, несмотря на все различіе образовъ, возникавшихъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, всегда было на лицо ясное сознаніе, что эти образы являются лишь выразителями мысли, между тѣмъ какъ вниманіе въ этихъ случаяхъ неизмѣнно направлено въ сторону общаго, и эта тинденція къ обобщенію и составляетъ характерную, отличительную особенность всего процесса.

Бинэ, продѣлавшій цѣлый рядъ подобныхъ опытовъ, установилъ, что главная основа абстрактнаго мышленія заключается не въ конкретномъ содержаніи, имѣющемся въ сознаніи въ данный моментъ, а въ ясномъ, отчетливомъ сознаваніи того, что мыслительный процессъ устанавливается въ извѣстномъ направленіи. Положеніе это было подтверждено дальнѣйшими экспериментальными изслѣдованіями, также свидѣтельствующими, что наше мышленіе нельзя свести исключительно къ представленіямъ и ихъ комбинаціямъ. Когда я говорилъ о памяти и воспроизводящемъ воображеніи, то указывалъ, что во всѣхъ этихъ процессахъ играютъ главную роль конкретные образы. Въ мышленіи мы встрѣчаемъ процессъ высшаго порядка, въ которомъ образы хотя тоже часто участвуютъ,

но все-таки существенный элементъ мышленія состоитъ не въ нихъ, а въ способѣ ихъ комбинированія и въ той своеобразной дѣятельности сознанія, которая указываетъ направленіе нашей мысли и опредѣляетъэто направленіе.

Когда я говорилъ о словесномъ типѣ мышленія, я указывалъ на то, что слова играютъ очень важную роль въ мыслительныхъ процессахъ, такъ что существуетъ даже мнѣніе, согласно которому наше мышленіе всецѣло сводится къ словамъ. Это, конечно, крайность. Но все же языкъ въ высшей степени важенъ для мышленія. Образованіе общихъ представленій и отвлеченныхъ понятій происходитъ такимъ образомъ, что изъ цѣлаго ряда явленій отвлекаются извѣстные элементы, болѣе или менѣе существенные, и затѣмъ эти элементы объединяются и группируются. Слово какъ разъ и помогаетъ намъ объединить эти элементы различныхъ представленій, слово служитъ какъ бы спайкой, центромъ, вокругъ котораго эти элементы группируются.

Напр., ребенокъ знаетъ, что такое карманные часы—ему ихъ нѣсколько разъ показывали—онъ уже знаетъ, что это предметъ тикающій, имѣющій круглую форму и т. д. Кромѣ того, онъ знаетъ, что этотъ предметъ называется „часы“. Но вотъ онъ видитъ другой предметъ, который также называется „часы“. У него возникаетъ мысль, что это что-то похожее, и, находя общіе признаки того и другого предмета, онъ уже гораздо скорѣе объединяетъ ихъ, разъ у него есть эта словесная спайка. Тѣмъ болѣе важна она, когда рѣчь идетъ объ очень отвлеченныхъ понятіяхъ, какъ „безконечность“, „сила“, „сохраненіе энергіи“, или объ установленіи причинной зависимости между сложными процессами, о формулировкѣ той или иной теоріи, очень общей и отвлеченной и т. д. Здѣсь слово является прямо необходимымъ, и зачастую весь процессъ мышленія дѣйствительно происходитъ какъ будто бы только на словахъ. Это не значитъ, однако, что онъ заключается только въ словахъ.

Слова являются только конкретнымъ выраженіемъ того мыслительнаго процесса, который въ данный моментъ имѣется въ сознаніи: мысль течетъ въ извѣст-

номъ направленіи и слова только помогаютъ развитію этой мысли. Наблюденія надъ дѣтьми и взрослыми показали, что бываютъ процессы несомнѣнно мыслительные, но происходящіе безъ участія рѣчи. У дѣтей такіе процессы приходится наблюдать часто. Вотъ примѣръ, приводимый Прейеромъ. Онъ наблюдалъ за ребенкомъ, которому хотѣлось достать игрушку, стоявшую на шкапу. Сначала ребенокъ тянется къ ней, но не можетъ ее достать. Онъ озирается безпомощно кругомъ и, увидѣвши скамейку, подставляетъ ее и достаетъ игрушку. Подобныхъ дѣйствій данный ребенокъ раньше не совершалъ, такъ что это не было простое механическое повтореніе по ассоціаціи, это есть новая комбинація. Ребенокъ сопоставилъ нѣкоторые элементы, которые у него раньше были, напр., высоту шкапа, воспоминаніе о томъ, какъ приставляли скамейку, чтобъ прикрѣпить картину или гардину, и вотъ, вспомнивши эти сходныя представленія и процессы, онъ связалъ ихъ по новому для извѣстной опредѣленной цѣли. Между тѣмъ, этотъ ребенокъ еще не могъ говорить, не зналъ словъ: „скамейка“, „достать“ и т. д. Такимъ образомъ, здѣсь мы имѣемъ мыслительный процессъ безъ его словеснаго выраженія. Точно также и у взрослыхъ людей мы нерѣдко встрѣчаемся съ процессами сужденія и умозаключенія, происходящими безъ помощи словъ. Примѣромъ можетъ служить, хотя бы игра въ шахматы. Шахматистъ очень часто дѣлаетъ сложныя комбинаціи относительно дальнѣйшаго; многіе шахматисты расчитываютъ впередъ на 5—6 ходовъ, совершая при этомъ цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ комбинацій, сужденій и умозаключеній,—и все это почти безъ помощи словъ.

Для изученія мышленія очень поучительно бываетъ сравнить мыслительные процессы у взрослыхъ и у дѣтей. Прежде всего у взрослыхъ конкретные образы являются болѣе богатыми, яркими, полными и отчетливыми. Изслѣдованіе дѣтскихъ рисунковъ показываетъ, что дѣти представляютъ себѣ окружающую дѣйствительность очень неполно. Когда вы, напр., попросите маленькаго ребенка нарисовать человѣка, то онъ зачастую рисуетъ его такимъ образомъ:

голова въ профиль, а на лицѣ помѣщаетъ два глаза, потомъ квадратное туловище, приставленное прямо къ головѣ, безъ шеи, затѣмъ двѣ руки и двѣ ноги въ видѣ палочекъ. Такое несоотвѣтствіе рисунка дѣйствительности происходитъ не оттого, что ребенокъ не владѣетъ техникой рисованія, т. е. не умѣетъ держать карандаша и т. д., а потому что онъ просто смутно представляетъ себѣ фигуру человѣка, и, кромѣ того, совершенно не думаетъ о томъ, что, если голова поставлена на бокъ, то и туловище должно быть поставлено такимъ же образомъ.

Можно привести много примѣровъ, когда дѣтскіе рисунки обнаруживаютъ, что образы у дѣтей гораздо менѣе точны и полны, чѣмъ у взрослыхъ. Это отражается и на мышленіи и на рѣчи дѣтей. Напр. ребенокъ часто однимъ и тѣмъ же словеснымъ символомъ называетъ различныя представленія, такъ или иначе связанныя между собой. Одинъ мой знакомый ребенокъ называлъ словомъ „но-но“ лошадь, кучера и прогулку, потому что нѣсколько разъ, когда онъ гулялъ со взрослыми, они брали извощика и катались. Отчасти это объясняется недостаточнымъ запасомъ словъ, но часто это бываетъ также и оттого, что ребенокъ не анализируетъ сходныхъ или связанныхъ между собой впечатлѣній, не достаточно обособляетъ отдѣльные элементы и сливаетъ ихъ въ своемъ воображеніи.

Итакъ, это одна особенность мышленія у взрослыхъ: конкретные образы становятся полнѣе, опредѣленнѣе и болѣе соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Другая особенность состоитъ въ томъ, что усиливается способность къ абстрактному мышленію. Въ то время, какъ ребенокъ можетъ составлять лишь примитивныя умозаключенія, въ то время, какъ общія представленія у него еще неясны, а отвлеченныя понятія и вовсе не существуютъ, у взрослаго все это происходитъ гораздо правильнѣе и систематичнѣе. На-дняхъ, напр., одинъ отсталый ребенокъ 13-ти лѣтъ сообщилъ мнѣ, какихъ онъ знаетъ собакъ. Оказывается, что онъ знаетъ пу-

деля, ньюфаундленскую собаку и Бобку (собака его знакомыхъ); Бобка въ его представленіи особая разновидность собачьяго рода. Взрослый такой ошибки не сдѣлаетъ.

Въ послѣднее время большое вниманіе среди психологовъ возбудили экспериментальныя изслѣдованія мышленія, производившіяся въ Вюрцбургской школѣ.

Опыты ставились такимъ образомъ. Испытуемому давалась какая-нибудь сложная задача и онъ долженъ былъ рѣшить ее и дать отвѣтъ. Напр., ему говорили: „воздавать каждому свое, значитъ стремиться къ справедливости — вѣрно ли это? Испытуемый долженъ былъ, подумавши, отвѣтить на это, а затѣмъ подробно описать, какимъ образомъ протекали процессы въ его сознаніи, когда онъ старался такъ или иначе дать отвѣтъ на заданный вопросъ. Иногда вопросы носили еще болѣе трудный и сложный характеръ: „можемъ ли мы обнять своей мыслью сущность самого мышленія?“ Надо сказать, что опыты производились надъ людьми интеллигентными, обладающими спеціальнымъ философскимъ образованіемъ, такъ что испытуемые ясно понимали, что отъ нихъ требуютъ, и могли обстоятельно описать, какіе процессы происходили въ ихъ сознаніи, когда они старались отвѣтить на заданный вопросъ.

Однако, методика этихъ опытовъ вызвала также и существенныя возраженія. Изслѣдователямъ ставили въ упрекъ то, что здѣсь берется сразу чрезвычайно сложный процессъ, тогда какъ выгода эксперимента заключается именно въ томъ, что мы можемъ изолировать процессъ и изслѣдовать его въ изолированномъ видѣ. Кромѣ того, благодаря близкому знакомству испытуемыхъ съ задачами опытовъ, самовнушеніе здѣсь могло играть и, несомнѣнно, играло большую роль—что опять таки противорѣчитъ требованіямъ экспериментальнаго метода. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія методики опыты эти нельзя назвать безупречными. Тѣмъ не менѣе они дали интересные результаты. Оказалось, что наряду съ мыслительными процессами, отчетливо сознаваемыми и поддающимися ясному анализу и расчлененію, существуетъ также „неформулированное мышленіе“

неясное, нерасчленимое, но, тѣмъ не менѣе, приводящее къ извѣстнымъ заключеніямъ. Далѣе, опыты показали, что наряду съ изобразительными элементами мышленія или представленіями не менѣе, если еще не болѣе, важную роль играютъ также неизобразительные элементы, какъ то: сознаніе извѣстной связи, извѣстнаго направленія мыслительнаго процесса и т. д.

Процессы сужденія и умозаключенія.

Въ психологіи мышленія до послѣдняго времени боролись, да и теперь еще борются между собой два большихъ теченія. Одно теченіе, тѣсно связанное съ ассоціативной психологіей, утверждаетъ, что мыслительные процессы и, въ частности, процессы сужденія и умозаключенія всецѣло сводятся къ различнаго рода ассоціаціямъ представленій, къ тѣмъ или инымъ комбинаціямъ конкретныхъ образовъ. Другое направленіе, наоборотъ, указываетъ, что мыслительные процессы въ своей основѣ своеобразны и не могутъ быть сведены къ представленіямъ и ихъ комбинаціямъ. Когда я высказываю, напр., сужденіе: „этотъ столъ черенъ“, то можно ли сказать, что это сужденіе и воспріятіе чернаго стола представляетъ собой два одинаковыхъ процесса? Очевидно, нѣтъ. Для того, чтобы высказать только что приведенное мной сужденіе, я долженъ прежде всего проанализировать впечатлѣніе, полученное отъ этого стола, т. е. выдѣлить изъ него нѣкоторые элементы. Впечатлѣніе это сложно. Оно включаетъ въ себя такія составныя части, какъ четыреугольная форма (представляющая изъ себя, въ сущности, также сложный комплексъ ощущеній и представленій), черный цвѣтъ поверхности, извѣстныя мускульныя ощущенія и ощущенія давленія, ощущеніе нѣсколько пониженной температуры отъ холодной крышки стола и т. д. Въ данномъ случаѣ, изъ всего этого комплекса впечатлѣній, соединенныхъ въ общемъ воспріятіи стола, я сознательно и произвольно выдѣляю при-

знакъ черноты стола; противопоставляю этотъ признакъ всѣмъ остальнымъ элементамъ, соединеннымъ въ одно цѣлое, и утверждаю, что этотъ столъ черенъ. Такое утвержденіе будетъ уже не простой ассоціаціей. Здѣсь есть на лицо уже нѣчто новое, присоединенное мной къ данному впечатлѣнію, и это новое состоитъ въ томъ, что я относительно стола утверждаю нѣчто: я утверждаю, что этотъ столъ имѣетъ признакъ черноты и это утвержденіе, это сознательное связываніе даннаго элемента со всѣми другими сторонами и есть то новое, что присоединилось благодаря процессу сужденія.

Сужденіе всегда заключаетъ въ себѣ утвержденіе чего-то дѣйствительно существующаго. Когда представленія связываются у меня по ассоціаціи, то въ этихъ связяхъ могутъ получиться такіе элементы, которые являются совершенно фантастическими, и я знаю, что они совершенно фантастичны и такой связи не существуетъ въ окружающей жизни. Но когда я высказываю сужденіе, касающееся хотя бы даже и такого фантастческаго комплекса (напр., утверждаю, что драконъ представляется мнѣ всегда съ пламенемъ, вылетающимъ изо рта), то въ немъ я уже констатирую ту связь между отдѣльными элементами даннаго представленія, которая дѣйствительно существуетъ въ моемъ воображеніи.

Представленія и ассоціаціи необходимо входятъ въ процессъ сужденія, какъ его матеріалъ. Человѣкъ, у котораго нѣтъ достаточнаго запаса представленій, воспріятій и ассоціацій, не способенъ былъ бы мыслить. Но его мышленіе состоитъ не изъ однихъ только перечисленныхъ сейчасъ элементовъ, а включаетъ въ себя также еще и нѣчто новое, добавочное.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда два или нѣсколько сужденій, имѣющихъ общіе элементы, сопоставляются нами для полученія конечнаго вывода, процессъ носитъ названіе умозаключенія. Излагать составъ и различныя формулы умозаключенія, точно такъ же, какъ и вдаваться въ разборъ различныхъ формъ сужденія, мы

здѣсь не будемъ, такъ какъ это составляетъ уже задачу логики, а не психологіи. Вообще слѣдуетъ точно различать задачи обѣихъ этихъ наукъ. Въ процессахъ мышленія задача логики состоитъ въ томъ, чтобы указать тѣ способы и пріемы мышленія, при которыхъ мы можемъ съ наименьшей затратой силъ достигнуть точнаго познанія. Логика пересматриваетъ различные сознательные процессы и выбираетъ тѣ изъ нихъ, которые являются наиболѣе пригодными для тѣхъ или иныхъ познавательныхъ цѣлей, для той или иной отрасли науки, для рѣшенія тѣхъ или иныхъ вопросовъ. Затѣмъ логика разсматриваетъ ошибки мышленія, устанавливаетъ причины ихъ возникновенія и способы исправленія. У психологіи совершенно другія задачи. Она изслѣдуетъ мыслительные процессы, какъ психологическіе процессы. Для нея совершенно одинаково интересны, какъ правильныя, такъ и неправильныя умозаключенія; она изслѣдуетъ ихъ составъ, устанавливаетъ ту или иную зависимость между входящими въ нихъ элементами, пытается такъ или иначе объяснить эту зависимость и т. д. Конечно, задачи логики и психологіи соприкасаются, но по существу онѣ различны.

Далѣе, необходимо отличать грамматическую форму сужденія отъ психологической основы сужденія. Съ грамматической точки зрѣнія въ составъ сужденія обычно входятъ подлежащее, сказуемое, и иногда связка. Психологически же сужденія, какъ я уже говорилъ, могутъ быть выражены даже безъ помощи словъ, причемъ это относится не только къ простымъ, единичнымъ сужденіямъ, но также и къ очень сложнымъ ихъ комбинаціямъ. Иногда отдѣльныя сужденія могутъ быть выражены мимикой, простымъ жестомъ, знакомъ, кивкомъ головы и т. п. „Нравится ли вамъ эта картина?“ киваю головой и этого достаточно: сужденіе высказано.

Слѣдуетъ еще обратить ваше вниманіе на то, что сужденіе не есть актъ чисто интеллектуальный. Сужденіе не состоитъ изъ однихъ только представленій и ихъ комбинацій, а содержитъ въ себѣ всегда также

еще и нѣкоторые волевые элементы. Для того, чтобы проанализировать данное впечатлѣніе, отвлечь нѣкоторые признаки его и сопоставить ихъ съ другими, я долженъ, во-первыхъ, сосредоточиться на этомъ впечатлѣніи и его отдѣльныхъ сторонахъ, а во-вторыхъ, употребить нѣкоторое усиліе, волевое напряженіе. Процессы сужденія, а тѣмъ болѣе умозаключенія всегда включаютъ въ себя волевое усиліе. Это обстоятельство также является характерной чертой, отличающей мыслительные процессы отъ ассоціативныхъ, протекающихъ всегда болѣе или менѣе пассивно.

XV.

Вниманіе.

Общая характеристика процесса; его разновидности.

Въ началѣ этого курса я разбиралъ рядъ вопросовъ, имѣющихъ общее значеніе для всей нашей психической жизни. Таковы вопросы о сознаніи и безсознательномъ, о психическомъ и физическомъ и ихъ отношеніи другъ къ другу и т. д. Сюда же слѣдуетъ отнести и вопросъ о вниманіи. Вниманіе можно опредѣлить какъ процессъ, посредствомъ котораго извѣстное впечатлѣніе вводится въ фиксаціонную точку сознанія; въ этомъ именно и заключается одинъ изъ важнѣйшихъ признаковъ или результатовъ сосредоточенія вниманія. Въ связи съ этимъ объекты, на которыхъ мы сосредоточиваемъ вниманіе, становятся для насъ болѣе ясными и отчетливыми, а также болѣе яркими, интенсивными.

Положимъ, что у васъ рука лежитъ на какой-нибудь шероховатой поверхности, напр., на неровной поверхности скатерти, или на разсыпанныхъ по столу крошкахъ. Когда вы заняты разговоромъ или увлечены какими-нибудь мыслями или чтеніемъ, вы можете совершенно не замѣчать осязательныхъ ощущеній, получаемыхъ отъ этого неравномѣрнаго давленія на отдѣльныя части кожной поверхности; но какъ только вы отвлечетесь отъ того, что васъ занимаетъ и обратите вниманіе на свою руку, то тотчасъ же осязательныя ощущенія выступаютъ гораздо болѣе отчетливо. Точно также, когда у васъ передъ глазами находится какой-нибудь сложный орнаментъ и когда вы бѣгло и разсѣянно

взглядываете на него, или вниманіе ваше занято чѣмъ-нибудь другимъ, то этотъ орнаментъ кажется вамъ чѣмъ-то смутнымъ. Сейчасъ я смотрю передъ собой на аудиторію, но я занятъ тѣмъ, что слѣжу за своей мыслью стараясь возможно болѣе ясно изложить ее; поэтому вся аудиторія сливается по временамъ для меня въ смутную, неясную массу. Но какъ только я отвлекусь отъ своихъ мыслей, масса проясняется, выступаютъ отдѣльныя лица, отдѣльныя фигуры и впечатлѣніе дѣлается гораздо раздѣльнѣй и отчетливѣй.

Итакъ, сосредоточеніе вниманія дѣлаетъ ощущенія болѣе ясными и отчетливыми. Кромѣ того оно дѣлаетъ ихъ болѣе интенсивными. Когда у васъ болитъ зубъ, то часто, какъ это всѣмъ вамъ извѣстно, отвлеченіе вниманія успокаиваетъ эту боль, или, по крайней мѣрѣ, дѣлаетъ ее менѣе значительной, но какъ только вы перестали отвлекаться, сосредоточились на этой боли, какъ тотчасъ же она принимаетъ значительные размѣры и иногда дѣлается невыносимой.

Кромѣ вліянія на отчетливость и интенсивность воспріятій, сосредоточеніе вниманія вліяетъ и на теченіе представленій. Прежде всего, сосредоточивая вниманіе на какомъ-нибудь впечатлѣніи, мы этимъ самымъ выдвигаемъ данное впечатлѣніе на первый планъ по сравненію съ другими. Я уже говорилъ вамъ о томъ, что отдѣльныя представленія постоянно борятся въ нашемъ сознаніи за обладаніе фиксаціонной точкой сознанія; вниманіе помогаетъ имъ въ этой борьбѣ. Далѣе, сосредоточеніе вниманія ускоряетъ наши умственные процессы и придаетъ имъ большую равномѣрность и согласованность. Въ этомъ отношеніи очень поучительны опыты съ измѣреніемъ скорости простыхъ и сложныхъ реакцій (см. ниже). Оказывается, что, когда испытуемый недостаточно сосредоточенъ, то, во первыхъ, время реакціи удлинняется, а, во-вторыхъ, колебанія ея (вычисляемыя по методу средней варіаціи) дѣлаются болѣе значительными. Да и всѣ мы знаемъ изъ опыта обыденной жизни, что чѣмъ больше вниманія сосредоточено на работѣ, тѣмъ быстрѣе и равномѣрнѣе она совершается.

Если мы теперь разсмотримъ, какимъ образомъ со-

вершается процессъ сосредоточенія вниманія, то увидимъ, что можно различать нѣсколько видовъ вниманія. Прежде всего, вниманіе можетъ быть внутреннимъ и внѣшнимъ. Внутреннимъ вниманіемъ мы называемъ сосредоточеніе вниманія на своихъ внутреннихъ или субъективныхъ переживаніяхъ. Когда человѣкъ углубленъ въ свои мысли, онъ зачастую бываетъ почти недоступенъ или мало доступенъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ. Возникаетъ часто то, что называютъ не совсѣмъ правильно разсѣянностью. Вниманіе при этомъ можетъ быть крайне сосредоточеннымъ,—но только на своихъ собственныхъ переживаніяхъ; внѣшнія впечатлѣнія (напр., рѣчи окружающихъ людей) лишь механически воспринимаются, не будучи какъ слѣдуетъ сознаны и осмыслены, не вызвавши всего того ряда мыслей и образовъ, который они должны были бы вызвать. Этого рода разсѣянность нужно отличать отъ другой, т. е. отъ неспособности вообще сосредоточиться на чемъ-нибудь. Перваго рода разсѣянность можетъ быть свойственна людямъ очень высокаго интеллекта: ученымъ, мыслителямъ, иногда мечтателямъ, игрокамъ, которые, углубившись въ свое занятіе, не замѣчаютъ окружающаго и т. д. Второго рода разсѣянность, т. е. неспособность сосредоточиваться на чемъ бы то ни было свидѣтельствуетъ уже о пониженной психической жизни, объ извѣстной умственной и психической отсталости, или, во всякомъ случаѣ, не особенно высокомъ уровнѣ умственной жизни. Что касается внѣшняго вниманія, то оно можетъ сосредоточиваться на впечатлѣніяхъ различнаго рода: зрительныхъ, слуховыхъ, осязательныхъ и т. д., въ зависимости отъ чего нѣкоторые психологи и различаютъ соотвѣтствующіе виды вниманія: зрительное, слуховое, осязательное, двигательное или моторное и проч.

Болѣе важнымъ представляется различіе между вниманіемъ непосредственнымъ и опосредствованнымъ. Непосредственнымъ вниманіе будетъ тогда, когда извѣстное впечатлѣніе или представленіе привлекаетъ насъ само по себѣ, безъ всякихъ промежуточныхъ звеньевъ. Напр., сильная внезапная боль заста-

вляетъ человѣка сосредоточиться на ней совершенно независимо отъ какихъ-нибудь побочныхъ мотивовъ; сильное чувство удовольствія, ожиданіе чего-нибудь очень пріятнаго заставляетъ меня сосредоточиться на соотвѣтствующемъ представленіи. Яркое внезапное впечатлѣніе, напр. яркій свѣтъ, блеснувшій въ темнотѣ, или сильный звукъ, раздавшійся среди тишины, также привлекаетъ мое вниманіе совершенно непосредственно, независимо отъ постороннихъ соображеній.

Итакъ, причинами непосредственнаго сосредоточенія вниманія является, съ одной стороны, интенсивность и внезапность раздраженій, а, съ другой стороны, связь этихъ раздраженій съ какими-либо чувствами, пріятными или непріятными.

Въ противоположность этому, опосредствованное вниманіе будетъ въ томъ случаѣ, когда не самое впечатлѣніе привлекаетъ насъ къ себѣ, а тѣ мысли, воспоминанія и т. д., которыя такъ или иначе съ нимъ связаны. Напр., я иду по улицѣ и среди многочисленныхъ, иногда очень интенсивныхъ, звуковъ (звонки и грохотъ трамвая, стукъ колесъ по мостовой, крики газетчиковъ и пр.) слышу сравнительно негромкій звукъ голоса, который заставляетъ меня обернуться и сосредоточить на себѣ вниманіе, потому что это голосъ моего знакомаго, называющаго меня по имени. Очевидно, здѣсь меня привлекаетъ не интенсивность звука, а тѣ представленія, которыя связаны съ этимъ звукомъ: я знаю, что назвать мое имя на улицѣ можетъ лишь человѣкъ, который меня знаетъ, разговоръ съ которымъ можетъ быть для меня интересенъ и т. д. Студентъ, разсѣянно слушающій лекцію, тотчасъ сосредоточивается, какъ только услышитъ фразу, напоминающую ему о чемъ-нибудь для него близкомъ или интересномъ. Онъ сосредоточился не потому, что фраза сама по себѣ была для него важна и интересна, а потому, что эта фраза вызвала въ немъ рядъ мыслей, воспоминаній и чувствованій, для него близкихъ.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще о третьемъ, также очень существенномъ дѣленіи процессовъ вниманія—на произвольные и непроизвольные.

Произвольнымъ вниманіемъ мы называемъ такое, при которомъ сосредоточеніе нашего сознанія на извѣстномъ впечатлѣніи происходитъ подъ вліяніемъ нашего волевого усилія, и мы ясно сознаемъ, что именно наше собственное усиліе сосредоточиваетъ насъ на этомъ впечатлѣніи. Это можетъ быть достигнуто двоякимъ путемъ. Въ однихъ случаяхъ я непосредственно напрягаю свою волю и, благодаря этому, заставляю себя сосредоточиваться на данномъ впечатлѣніи. Положимъ, напр., то мнѣ хочется обдумать тему предстоящаго разговора или приготовиться къ лекціи, но рядомъ со мной ведется громкій разговоръ, мѣшающій мнѣ сосредоточиться; тогда я сдѣлаю надъ собою усиліе и путемъ этого усилія совершенно непосредственно выдвигаю въ фиксаціонную точку сознанія тѣ мысли и представленія, которыя мнѣ нужны въ данномъ случаѣ. Но бываютъ случаи, когда одного волевого усилія оказывается недостаточно и приходится идти окольнымъ путемъ: я ухожу въ другую комнату, и въ тишинѣ мнѣ удается сосредоточиться на томъ, что мнѣ нужно; или же, если рѣчь идетъ о средоточеніи на какомъ-нибудь внѣшнемъ впечатлѣніи, я отодвигаю отъ себя все, что можетъ отвлекать меня и наоборотъ приближаю тотъ предметъ, на которомъ мнѣ надо сосредоточиться. Вообще, я стараюсь создать условія, болѣе удобныя для воспріятія даннаго впечатлѣнія, и этимъ путемъ достигаю лучшей концентраціи вниманія.

Какъ бы то ни было, во всѣхъ этихъ случаяхъ воздѣйствіе волевого усилія на процессъ сосредоточенія вниманія несомнѣнно. Наоборотъ, въ другихъ случаяхъ это волевое усиліе или совершенно отсутствуетъ или, по крайней мѣрѣ, его дѣйствіе гораздо менѣе замѣтно. Такое вниманіе мы называемъ непроизвольнымъ *). Въ этихъ случаяхъ внѣшнее впечатлѣніе само захватываетъ насъ и мы отдаемся ему совершенно непроизвольно,

*) Терминъ „непроизвольное“ вниманіе слѣдуетъ предпочесть термину „пассивное“, такъ какъ психическая активность, лежащая въ основѣ всѣхъ вообще нашихъ душевныхъ проявленій, имѣется на лицо также и въ процессѣ непроизвольнаго вниманія.

иногда даже помимо своего желанія. Пронзительный крикъ, раздавшійся сзади меня, заставляетъ меня обернуться, совершенно независимо отъ того, хочу ли я оборачиваться или нѣтъ; захватывающая сцена въ театрѣ сосредотачиваетъ меня на себѣ, а не я сосредоточиваюсь на ней. Уже въ самомъ этомъ способѣ выраженія—„увлекаетъ, захватываетъ, сосредоточиваетъ на себѣ"—вы видите, что центръ тяжести перемѣщается съ моего волевого усилія на то впечатлѣніе, которое меня къ себѣ притягиваетъ; поэтому мы въ данномъ случаѣ и употребляемъ терминъ „непроизвольное вниманіе".

Обычно принимаютъ, что въ непроизвольномъ вниманіи особенно важную роль играютъ эмоціональные элементы. Въ то время, какъ произвольное вниманіе обычно совершается болѣе или менѣе разсудочно, человѣкъ ясно и отчетливо сознаетъ, что ему нужно сосредоточиться на какомъ-нибудь впечатлѣніи и заставляетъ себя это сдѣлать,- -при непроизвольномъ вниманіи этого нѣтъ, впечатлѣнія захватываютъ насъ главнымъ образомъ благодаря тому, что они возбуждаютъ въ насъ болѣе или менѣе сильное чувство. Пронзительный крикъ—вызываетъ въ насъ смутное чувство безпокойства, театральное представленіе возбуждаетъ цѣлый комплексъ различнаго рода чувствованій и т. д.

Наконецъ еще одна особенность произвольнаго вниманія, отличающая его отъ вниманія непроизвольнаго. Это то, что при произвольномъ вниманіи въ нашемъ сознаніи имѣются обычно извѣстныя направляющія мысли или представленія. Для того, чтобы заставить себя сосредоточиться на чемъ-нибудь, я долженъ предварительно знать, на чемъ именно мнѣ нужно сосредоточиться; тогда я уже заранѣе приспособляю весь механизмъ моей душевной дѣятельности къ извѣстному центру. Положимъ, что мнѣ нужно найти книжку на библіотечной полкѣ. Я гораздо легче сдѣлаю это въ томъ случаѣ, когда заранѣе мысленно представляю себѣ и буду все время удерживать въ своемъ сознаніи корешекъ книги и то, что напечатано на этомъ корешкѣ.

Гельмгольцъ произвелъ такого рода опытъ. Испытуемый долженъ былъ смотрѣть въ темный ящикъ

сквозь небольшое отверстіе, фиксируя все время свой взглядъ въ центрѣ зрительнаго поля. Въ ящикъ пропускали электрическую искру и при этомъ моментальномъ освѣщеніи предъ испытуемымъ внезапно на очень короткое время выступали на задней стѣнкѣ ящика помѣщенныя тамъ буквы; освѣщеніе было настолько кратковременно, что испытуемый обычно не могъ уловить всѣхъ буквъ, а только нѣкоторыя изъ нихъ. И вотъ оказывалось, что, если испытуемый, готовясь къ воспріятію, заранѣе сосредоточивалъ мысленно свое вниманіе на какой-нибудь одной сторонѣ зрительнаго поля, то онъ воспринималъ именно тѣ буквы, которыя находились въ этомъ углу. Этотъ фактъ, какъ мы увидимъ далѣе, имѣетъ важное значеніе для теоріи вниманія.

Колебанія вниманія.

Теперь намъ необходимо коснуться еще одного вопроса, выдвинутаго главнымъ образомъ благодаря экспериментальнымъ изслѣдованіямъ, именно—вопроса о колебаніяхъ вниманія. Наблюденія обыденной жизни показываютъ, что наше вниманіе никогда не сосредоточивается въ теченіи долгаго времени на чемъ-нибудь одномъ. Мы постоянно переходимъ отъ одного предмета къ другому, останавливаясь на каждомъ сравнительно короткое время. У дѣтей эти колебанія значительно чаще, чѣмъ у взрослыхъ, такъ какъ вниманіе дѣтей вообще болѣе неустойчиво; впрочемъ и среди взрослыхъ въ этомъ отношеніи существуютъ большіе индивидуальныя различія. Экспериментальному изслѣдованію колебанія вниманія были подвергнуты впервые въ связи съ простѣйшими слуховыми воспріятіями. Замѣчено было, что, когда испытуемому дается звучащій тонъ, то этотъ тонъ слышится имъ и послѣ того, какъ звучаніе камертона прекратилось. Кромѣ того, наблюденія показали, что это постепенно прекращающееся послѣдовательное звучаніе періодически то усиливается, то ослабѣваетъ, пока не замретъ окончательно. Впослѣдствіи были продѣланы опыты надъ слабыми, доносящимися издалека слуховыми раздраженіями: шумомъ падающей

струи воды, звукомъ тикающихъ карманныхъ часовъ и т. д.

Продѣлывается соотвѣтствующій опытъ съ карманными часами. Оказывается, что испытуемый періодически слышитъ доносящійся до него звукъ то болѣе сильнымъ, то болѣе слабымъ, хотя разстояніе его отъ часовъ все время одинаково.

Вы видите, что эти колебанія интенсивности особенно ясно выступаютъ тогда, когда ощущеніе очень слабо, когда оно находится на порогѣ или близъ порога. Подобнаго рода опыты производились и съ зрительными впечатлѣніями. Для опыта брался бѣлый картонный кружокъ, на которомъ отъ центра къ периферіи наносилась прерывистая линія одинаковой толщины. Если этотъ кружокъ вращать, то получается рядъ темныхъ колецъ, при чемъ кольца эти будутъ становиться все блѣднѣе по мѣрѣ приближенія отъ центра къ периферіи (благодаря смѣшенію темной полоски со все большимъ и большимъ количествомъ бѣлаго цвѣта). Близъ самаго края кружка ощущеніе сѣраго будетъ едва замѣтнымъ. Если испытуемый сосредоточится на этомъ едва замѣтномъ сѣромъ кольцѣ, то у него получается впечатлѣніе, что кольцо періодически то выступаетъ отчетливо, то совсѣмъ исчезаетъ. Въ основѣ этой періодичности лежатъ, повидимому, также колебанія вниманія.

Нѣкоторые пытались объяснить эти явленія чисто органическими колебаніями напряженія, происходящими въ периферическихъ воспринимающихъ органахъ—въ глазу, въ ухѣ и т. д. Однако есть факты, говорящіе въ пользу того, что эти колебанія обязаны своимъ происхожденіемъ болѣе центральнымъ факторамъ, т. е. колебаніямъ вниманія, связаннымъ, быть можетъ, съ колебаніями въ теченіи мозговыхъ процессовъ. Такъ, установлено, что для различныхъ органовъ чувствъ эти колебанія имѣютъ различную продолжительность. При этомъ опыты показали, что, если мы примѣняемъ одновременно два раздраженія, дающія каждое въ отдѣльности различную амплитуду колебаній, напр., слуховое и зрительное, тогда получается приспособленіе нашего

воспріятія къ этимъ впечатлѣніямъ и колебанія сливаются въ одну общую кривую. Этого не было бы, если бы эти колебанія были обязаны своимъ происхожденіямъ периферическимъ причинамъ, такъ какъ согласованіе и объединеніе процессовъ, происходящихъ въ глазу, ухѣ и т. д. представляется возможнымъ лишь при участіи центральнаго фактора, именно — головного мозга.

Колебанія вниманія имѣютъ важное значеніе для всей нашей психической жизни. Воспитаніе человѣка въ значительной степени заключается именно въ томъ, чтобы сдѣлать его вниманіе болѣе устойчивымъ, постояннымъ, способнымъ къ болѣе длительной концентраціи. Эта устойчивость вниманія можетъ достигаться различнымъ путемъ: или путемъ напряженія волевого усилія, или же косвеннымъ путемъ, при помощи старанія сдѣлать самый объектъ болѣе интереснымъ и привлекательнымъ. Джемсъ, напр., слѣдующимъ образомъ объясняетъ устойчивость вниманія у людей талантливыхъ и геніальныхъ, заставляющую ихъ иногда въ теченіи многихъ лѣтъ доискиваться рѣшенія какой-нибудь проблемы или трудиться надъ созданіемъ какого-нибудь произведенія. Онъ указываетъ, прежде всего, на обиліе интересовъ и богатство душевной жизни у даровитыхъ людей. Талантливый человѣкъ, благодаря разносторонности своей натуры, находитъ въ каждомъ предметѣ цѣлый рядъ интересныхъ сторонъ, смотритъ на каждый новый предметъ съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія, зачастую недоступныхъ обычному среднему дарованію. Благодаря этому, его вниманіе имѣетъ гораздо больше шансовъ быть привлеченнымъ къ одному и тому же объекту съ разныхъ сторонъ и потому оно гораздо дольше и устойчивѣе можетъ концентрироваться на одномъ и томъ же объектѣ. Тотъ же самый принципъ можно проводить также въ воспитаніи и обученіи. Когда мы хотимъ заставить дѣтей сосредоточиться болѣе долгое время на одномъ и томъ же объектѣ, то мы начинаемъ трактовать его различнымъ образомъ: какое-нибудь растеніе или животное рисуютъ,

лѣпятъ его изъ глины, пишутъ о немъ сочиненіе, разбираютъ его на урокѣ естественной исторіи и т. д.

Кромѣ колебаній вниманія, слѣдуетъ отмѣтить еще одно явленіе въ этой области, именно—возможность такъ называемаго раздвоенія вниманія, т. е., одновременнаго сосредоточенія на нѣсколькихъ объектахъ. Вы видите, что уже по самой постановкѣ вопроса онъ является тѣсно связаннымъ съ вопросомъ объ объемѣ сознанія. Когда я говорилъ вамъ о сознаніи, я указывалъ на то, что сознаніе можетъ одновременно вмѣщать въ себѣ нѣсколько впечатлѣній, при чемъ индивидуально эта способность у различныхъ людей колеблется—у однихъ людей объемъ вниманія шире, у другихъ уже. Затѣмъ, объемъ сознанія можетъ колебаться также въ зависимости отъ условій, отъ содержанія воспринимаемыхъ объектовъ. То же самое можно сказать и о раздвоеніи вниманія.

Продѣлывается опытъ, состоящій въ томъ, что испытуемому предлагается производить одновременно двѣ разныхъ работы, напр., вычеркиванье значковъ или ариѳметическія дѣйствія (сложеніе и вычитаніе однозначныхъ чиселъ) и счетъ вслухъ ударовъ метронома.

Изслѣдованія показываютъ, что индивидуальныя особенности здѣсь играютъ большую роль. Нѣкоторыя лица способны къ раздвоенію вниманія въ очень широкихъ предѣлахъ, другіе, наоборотъ, не обладаютъ этимъ свойствомъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ сосредоточеніе вниманія бываетъ всегда одностороннимъ: когда испытуемый хочетъ, напр., правильно производить вычеркиваніе, онъ начинаетъ ошибаться въ счетѣ и наоборотъ. Вообще же говоря, вниманіе всегда стремится къ концентраціи; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда мы стараемся его раздвоить, мы чувствуемъ, что это раздвоеніе является чѣмъ-то искусственнымъ: стоитъ ослабить наблюденіе надъ собой—и мы невольно снова сосредоточиваемся на чемъ-нибудь одномъ.

Для изслѣдованія вниманія употребляются еще и другіе пріемы: счетъ кружковъ или точекъ, мысленный счетъ, осложненный какими-нибудь трудностями и т. д.

Я не буду останавливаться на всѣхъ пріемахъ, такъ какъ они столь же разнообразны, какъ и многочисленны. Дѣло въ томъ, что вниманіе не есть какой-нибудь изолированный, самостоятельный процессъ, оно всегда сопровождаетъ собой какіе-нибудь другіе процессы, оно есть спутникъ другихъ психическихъ переживаній, необходимая общая сторона ихъ. Мы никогда не изслѣдуемъ вниманія въ его чистомъ видѣ, а всегда въ связи съ другими процессами. Напр., при счетѣ кружковъ вы должны не только сосредоточиваться, но также воспринимать и различать отдѣльные кружки и сохранять въ памяти то, что уже сосчитано; при вычеркиваніи значковъ вы должны постоянно сохранять въ памяти указанные вамъ значки и узнавать ихъ среди всѣхъ остальныхъ (процессъ отождествленія). Здѣсь, слѣдовательно, имѣются сложные психическіе процессы, но при всѣхъ ихъ вниманіе должно быть напряжено въ очень значительной степени; вотъ почему эти пріемы и рекомендуются для изслѣдованія сосредоточенія вниманія.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію физіологической стороны процесса вниманія, и прежде всего къ его внѣшнимъ проявленіямъ. Когда человѣкъ на чемъ-нибудь усиленно сосредоточивается, то онъ обыкновенно дѣлается неподвижнымъ, происходитъ задержка всѣхъ ненужныхъ, постороннихъ движеній, которыя могутъ помѣшать сосредоточенію вниманія, отвлекая человѣка въ другую сторону. Дѣти иногда потому именно и не могутъ сосредоточиться, что они слишкомъ подвижны, и благодаря этой подвижности процессъ ихъ воспріятія не можетъ быть сколько-нибудь продолжительнымъ и устойчивымъ. Кромѣ того, и сами эти движенія, будучи воспринимаемы въ качествѣ мышечныхъ ощущеній, мѣшаютъ процессу сосредоточенія.

Одновременно съ задержкой ненужныхъ движеній происходитъ усиленіе иннервації нѣкоторыхъ мышцъ, именно тѣхъ, которыя связаны съ концентраціей нашихъ органовъ чувствъ на воспринимаемыхъ впечатлѣніяхъ. Глаза пристально устремлены на тотъ предметъ,

который мы разсматриваемъ, ухо наше направлено къ воспринимаемому звуку благодаря тому, что наше тѣло и наша голова комбинированнымъ сокращеніемъ мышцъ повернуты въ эту сторону и т. д. Далѣе, экспериментальныя изслѣдованія показали, что при процессѣ сосредоточиванія вниманія дыханіе наше также измѣняется: оно всегда дѣлается болѣе поверхностнымъ и неравномѣрнымъ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно замедляется, въ другихъ же (при напряженной умственной работѣ) ускоряется. И въ обыденной жизни говорятъ, что, когда человѣкъ, напр., напряженно прислушивается къ чему-нибудь, то онъ дѣлаетъ это, „затаивши дыханіе“, по окончаніи же процесса сосредоточенія онъ „вздохнетъ съ облегченіемъ“.

Наконецъ, процессъ сосредоточенія вниманія, какъ показали наблюденія, сопровождается усиленнымъ приливомъ крови къ головному мозгу. Являясь спутникомъ всякой вообще напряженной умственной работы, процессъ вниманія предполагаетъ усиленную дѣятельность мозга, а слѣдовательно и усиленный притокъ къ нему крови. При этомъ концентрація вниманія, вѣроятно, соотвѣтствуетъ сосредоточенію всей мозговой дѣятельности въ извѣстномъ направленіи, напр., на дѣятельности опредѣленныхъ корковыхъ центровъ (слухового, зрительнаго и пр.) или опредѣленныхъ системъ головного мозга.

Теоріи вниманія.

Что касается теорій вниманія, то большинство разнообразныхъ мнѣній, высказывавшихся по этому вопросу, можно объединить въ двѣ главныя группы: одни видятъ основу процесса сосредоточенія въ волевомъ усиліи; другіе — въ ассоціативной дѣятельности. Остановимся сперва на первомъ взглядѣ.

Съ этой точки зрѣнія вниманіе и воля тождественны, и во всякомъ безъ исключенія процессѣ сосредоточенія вниманія волевое усиліе является необходимымъ элементомъ. Такъ, Вундтъ считаетъ, что дѣленіе вниманія на активное и пассивное, т. е., произволь-

ное и непроизвольное, неправильно; на самомъ дѣлѣ, по его мнѣнію, всякое вниманіе активно. Даже въ рѣзко выраженныхъ случаяхъ такъ называемаго пассивнаго вниманія, когда возбудителемъ является, напр., внезапный яркій свѣтъ или звукъ, извѣстное напряженіе все же нами чувствуется, причемъ оно бываетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ значительнѣе концентрація. Такимъ образомъ и здѣсь говорить о полной пассивности не приходится. Вундтъ считаетъ, что между активнымъ и пассивнымъ вниманіемъ разница только въ степени сложности. Когда я буду дальше говорить о волевыхъ процессахъ, мнѣ придется указывать на то, что волевые процессы бываютъ простые и сложные. Простые— это тѣ, въ которыхъ извѣстный мотивъ или побужденіе тотчасъ же, безъ всякихъ колебаній, влечетъ за собой соотвѣтствующее дѣйствіе, внутреннее или внѣшнее. Въ противоположность этому, сложными волевыми процессами называются такіе, въ которыхъ дѣйствію предшествуетъ борьба нѣсколькихъ мотивовъ, причемъ, въ концѣ концовъ, верхъ одерживаетъ наиболѣе сильный изъ нихъ. По мнѣнію Вундта, вся разница между произвольнымъ и непроизвольнымъ вниманіемъ сводится именно къ этой разницѣ между сложнымъ и простымъ волевымъ актомъ. Непроизвольное вниманіе—это простой волевой актъ: услышанный внезапный рѣзкій крикъ тотчасъ вызываетъ побужденіе повернуться и посмотрѣть въ эту сторону, что мы безъ всякаго колебанія и дѣлаемъ. Въ случаяхъ же волевого вниманія, когда я, напр., сосредоточиваю вниманіе на непріятной мнѣ работѣ только потому, что выполнить эту работу мнѣ необходимо, мы встрѣчаемся уже съ борьбой мотивовъ: желаніе заняться чѣмъ-нибудь болѣе пріятнымъ побѣждается мыслью о связанныхъ съ этимъ непріятныхъ послѣдствіяхъ, — и въ результатѣ возникаетъ волевое усиліе, вытѣсняющее изъ сознанія всѣ постороннія мысли.

Такимъ образомъ, согласно этой теоріи, вниманіе всегда будетъ произвольно, и волевое усиліе составляетъ основу и ядро всего процесса вниманія. Что же касается различныхъ представленій, направляющихъ на-

ше вниманіе въ ту или другую сторону, то они играютъ только дополнительную роль, являясь лишь мотивами даннаго поступка (т. е. сосредоточенія вниманія), но не составляя его основы.

Въ противоположность этому мнѣнію, существуетъ другая теорія, стоящая въ связи съ ассоціаціонной психологіей, которая центръ тяжести процесса вниманія перемѣщаетъ на ассоціативные процессы, на тотъ или иной способъ сочетанія представленій. Я уже указывалъ въ прошлый разъ, какую важную роль играетъ въ процессѣ вниманія предварительная подготовка нашего сознанія, или, вѣрнѣе, подсознательной сферы. Тѣ представленія, которыя были раньше нами восприняты и совокупность которыхъ одни называютъ „констелляціей", другіе—„апперцепирующими массами", направляютъ наше вниманіе въ ту или другую сторону. Чувствуемое же нами въ процессѣ вниманія напряженіе сводится, съ этой точки зрѣнія, исключительно только къ различнымъ двигательнымъ процессамъ, усиленію ихъ, задержкѣ и т. д.

Своеобразная теорія вниманія въ этомъ направленіи была построена Н. Н. Ланге. Для поясненія ея произведу предварительно одинъ опытъ *).

Всѣхъ присутствующихъ просятъ смотрѣть въ теченіи нѣкотораго времени въ центръ рисунка, представляющаго соединеніе двухъ крестовъ—прямого и косого. Оказывается, что у многихъ составъ воспріятія какъ бы колеблется: то одинъ, то другой крестъ выступаетъ на первый планъ. Въ случаѣ желанія произвольно регулировать эту смѣну, достаточно бываетъ сдѣлать небольшое движеніе глазами отъ центра въ ту или другую сторону.

Ланге сопоставляетъ эти колебанія воспріятій съ колебаніями вниманія, о которыхъ я говорилъ раньше. Онъ наблюдалъ, что подобныя же колебанія замѣчаются и въ области представленій: если мысленно представлять себѣ какой-нибудь образъ, то можно замѣтить, что этотъ образъ періодически то кажется яснѣе,

*) Н. Н. Ланге беретъ для аналогичнаго опыта другую фигуру, но суть дѣла отъ этого не мѣняется.

то, наоборотъ, тускнѣетъ, причемъ эти колебанія по времени приблизительно соотвѣтствуютъ колебаніямъ, установленнымъ для процессовъ вниманія. На этомъ основаніи Ланге вывелъ заключеніе, что главную, наиболѣе существенную роль въ процессѣ вниманія играютъ тѣ направляющіе образы или представленія, о которыхъ говорилось раньше. Когда въ приведенномъ опытѣ я хочу сосредоточиться, напр., на косомъ крестѣ, то для этого я мысленно вызываю у себя представленіе косого креста и, благодаря сліянію этого мысленнаго образа съ извѣстными частями воспринимаемой фигуры, я поддерживаю свое вниманіе именно на этихъ частяхъ ея. Но представленія наши подвержены колебаніямъ, направляющія представленія мало-по-малу тускнѣютъ, тогда и вниманіе мое мѣняетъ свое направленіе, на очередь выдвигается болѣе яркое впечатлѣніе.

Однимъ словомъ, явленія колебанія вниманія Ланге сводитъ къ колебаніямъ умственныхъ образовъ и ихъ комбинацій. Я уже указывалъ на то, что наше сознаніе никогда не бываетъ сколько-нибудь постоянно, всегда замѣчается въ немъ движеніе, и вотъ это движеніе, это перемѣщеніе представленій отъ фиксаціонной точки къ порогу сознанія и обратно и обусловливаетъ собой колебанія вниманія и перемѣщеніе концентраціи въ различныхъ направленіяхъ.

Что же касается волевого усилія, то, согласно разбираемой точкѣ зрѣнія, оно всецѣло сводится либо къ мышечнымъ движеніямъ, либо къ задержкѣ ихъ. Въ только что приведенномъ опытѣ вы видѣли, что при желаніи выдѣлить своимъ вниманіемъ ту или иную часть фигуры ясно ощущается напряженіе въ глазахъ, а иногда также и движенія глазъ въ ту или другую сторону. Аналогично этому полагаютъ, что такого рода двигательные импульсы имѣютъ мѣсто не только при внѣшнихъ воспріятіяхъ, при сосредоточиваніи вниманія на внѣшнихъ объектахъ, но и тогда, когда мы сосредоточиваемъ его на внутреннихъ образахъ. Напр., мнѣ хочется вспомнить забытый рисунокъ, а между тѣмъ въ сознаніи неотвязно звучитъ только что слышанный мотивъ. Для того, чтобы сосредоточиться на

рисункѣ, я дѣлаю усиліе: припоминаю фигуру, отдѣльныя части этого рисунка, мысленно какъ бы отталкиваю отъ себя ненужный мотивъ и, напротивъ, обвожу глазами мысленно контуры рисунка, однимъ словомъ, произвожу если не движенія, то двигательные импульсы. Эти импульсы и составляютъ, по мнѣнію ассоціаціонной психологіи, то, что мы называемъ волевымъ усиліемъ въ процессѣ вниманія.

Спрашивается теперь, какой же точки зрѣнія мы будемъ придерживаться? Мнѣ кажется, что, если принять во вниманіе всю совокупность фактовъ, входящихъ въ составъ сложнаго процесса вниманія, то придется прежде всего остановиться на томъ, что сосредоточеніе вниманія есть въ то же время сосредоточеніе всей сознательной, а зачастую и безсознательной дѣятельности въ одномъ направленіи. Это есть концентрація всей психической жизни въ данный моментъ въ одну сторону. Въ этой концентраціи волевое усиліе можетъ, конечно, играть извѣстную роль, но далеко не всегда преобладающую: слишкомъ часто, все таки, встрѣчаются случаи рѣзко выраженнаго непроизвольнаго вниманія, т. е., такіе случаи, гдѣ дѣйствительно человѣкъ прикованъ къ извѣстному объекту, гдѣ онъ, помимо своей воли и желанія, привлеченъ извѣстнымъ впечатлѣніемъ и сосредоточенъ на немъ, такъ что иной разъ опомнится лишь тогда, когда замѣтитъ, что уже цѣликомъ ушелъ въ это впечатлѣніе. Ставить эти процессы на одну доску съ процессами произвольнаго вниманія, когда человѣкъ заранѣе начерталъ себѣ извѣстный путь и направляетъ свое вниманіе путемъ постояннаго напряженія волевого усилія, мнѣ кажется, большая натяжка. Волюнтаризмъ въ этомъ отношеніи неправъ такъ же, какъ и крайній ассоціаціонизмъ: волевое усиліе здѣсь имѣетъ значеніе, но не большее и не меньшее, чѣмъ ассоціація представленій.

Вообще нельзя сводить процессъ вниманія односторонне ни къ волевому усилію, ни къ ассоціаціи. Это процессъ своеобразный, который такъ же, какъ, напр., сознаніе, присущъ всѣмъ рѣшительно психическимъ процессамъ—и умственнымъ, и волевымъ, и эмоціо-

нальнымъ. Можно ли сознаніе свести къ волѣ, чувству или представленіямъ? Нельзя, потому что сознательность, при извѣстныхъ условіяхъ, присуща всѣмъ этимъ процессамъ, а между тѣмъ мы видѣли, что вниманіе родственно сознанію: сосредоточеніе вниманія и вхожденіе въ фиксаціонную точку сознанія--одно и то же; мы знаемъ, что гдѣ нарушается вниманіе, тамъ нарушается и сознательная дѣятельность. Все это заставляетъ меня думать, что процессъ вниманія или концентрація всей психо-физіологической дѣятельности въ извѣстномъ направленіи представляетъ собой своеобразный процессъ, еще недостаточно выясненный, но, тѣмъ не менѣе, не сводимый къ какому-нибудь одному роду психическихъ элементовъ или къ ихъ связи.

Едва ли также можно сводить актъ произвольнаго вниманія, какъ это дѣлаетъ ассоціаціонная школа, къ мышечному напряженію или къ задержкѣ мышечныхъ движеній. Мы знаемъ людей, которые способны къ очень сильнымъ мышечнымъ напряженіямъ, но которые совершенно не способны къ произвольному вниманію. Дальше мнѣ придется еще говорить о томъ, что попытки свести волевое усиліе къ двигательнымъ импульсамъ или ихъ задержкѣ слѣдуетъ вообще признать несостоятельными. А разъ это такъ, то то же самое придется сказатьи относительно процесса произвольнаго вниманія.

XVI.

Пространство и время.

Представленіе о пространствѣ. Нативизмъ и эмпиризмъ

Пространство и время составляютъ тѣ формы, въ которыхъ воспринимается все наше психическое содержаніе. Нѣтъ такихъ душевныхъ переживаній, которыя не содержались бы во времени, нѣтъ такого воспріятія внѣшняго міра, которое не относилось бы къ тому или иному пространству. И вотъ является вопросъ, представляютъ ли собой представленія о пространствѣ и времени такія же психическія переживанія, какъ и все остальное, или же они являются чѣмъ-то своеобразнымъ, по существу отличающимся отъ всѣхъ остальныхъ явленій психической жизни?

Прежде всего, однако, необходимо дать себѣ отчетъ въ томъ, что понятія времени и пространства могутъ трактоваться съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія. Здѣсь происходитъ нѣчто аналогичное тому, что мы имѣемъ въ геометріи. Возьмемъ, напр., понятіе линіи. Какъ вамъ хорошо извѣстно, математическая линія, это—нѣчто, имѣющее только одно измѣреніе, именно длину, между тѣмъ какъ линія, проведенная на бумагѣ или на доскѣ, имѣетъ, кромѣ того, ширину и даже вышину; точно также и математическая точка, не имѣющая ни одного измѣренія, отличается отъ точки, данной въ опытѣ. Говоря о пространствѣ и времени, также приходится отличать абстрактныя понятія математики и астрономіи отъ данныхъ повседневнаго опыта. Для математики пространство безконечно и во всѣхъ своихъ частяхъ совершенно тождественно. Между тѣмъ наше непосредственное представленіе о простран-

ствѣ, какъ оно дается намъ въ опытѣ, обладаетъ зачастую совершенно другими свойствами. Если я въ любой моментъ попытаюсь мысленнымъ взоромъ охватить окружающее меня пространство, то невольно то, что вблизи, представляется мнѣ болѣе яснымъ, пространственныя соотношенія здѣсь болѣе отчетливо выражены, то же, что находится вдали, постепенно сокращается, сливается по закону преспективы и въ концѣ концовъ очень отдаленное пространство кажется мнѣ смутнымъ, неяснымъ и притомъ въ уменьшенномъ видѣ. Въ данный моментъ, напр., наиболѣе объемистыми представляются мнѣ аудиторія, видъ изъ окна—вообще все, что меня окружаетъ. Затѣмъ, когда я пытаюсь охватить мысленно дальнѣйшее, я представляю себѣ смутно, полусхематически Петербургъ, затѣмъ Россію, уже въ видѣ географической карты, ближайшія страны Европы и смутно что-то болѣе отдаленное. Вы видите, здѣсь совсѣмъ нѣтъ той тождественности различныхъ частей пространства, какую мы имѣемъ въ математикѣ или астрономіи. Я, конечно, прекрасно знаю, что одна верста протяженія на этомъ мѣстѣ и гдѣ-нибудь возлѣ южнаго полюса совершенно одинаковы. Но психологически, для моего непосредственнаго воспріятія, онѣ совсѣмъ не одинаковы.

Далѣе, представляя себѣ мысленно пространство, я его рисую не въ видѣ безконечности, а въ видѣ конечной, ограниченной, скорѣе всего неправильно шарообразной фигуры, въ центрѣ которой нахожусь въ данный моментъ и я самъ, и которая спереди кажется больше, чѣмъ сзади, потому что сзади я представляю пространство болѣе смутнымъ и укороченнымъ. Безконечности въ чистомъ видѣ я себѣ представить не могу, а могу ее мыслить,—а это далеко не одно и то же. Какъ мы увидимъ дальше, многіе научныя понятія могутъ нами только мыслиться, но не представляться непосредственно, въ сознаніи въ этихъ случаяхъ обычно имѣются лишь замѣстители этихъ понятій и при томъ замѣстители далеко не совершенные и въ большинствѣ не адэкватные, не точно отвѣчающіе тѣмъ понятіямъ, которыя они замѣщаютъ.

Какъ извѣстно, пространство (не только математическое, но и психологическое) имѣетъ три измѣренія: длину, ширину и высоту. Спрашивается, какимъ образомъ мы воспринимаемъ эти три измѣренія и вообще, какимъ образомъ у насъ составляется представленіе о пространствѣ. По этому вопросу существуютъ двѣ противоположныя точки зрѣнія: нативистическая и эмпирическая. Эти двѣ точки зрѣнія играли очень важную роль въ развитіи ученія о пространствѣ и борьба ихъ создала все то, что мы знаемъ въ настоящее время о психологіи пространства. Кромѣ того, онѣ тѣснѣйшимъ образомъ связаны также и съ основными направленіями философской мысли, такъ какъ въ философіи и, въ частности, въ теоріи познанія, вопросы о происхожденіи пространства и времени принадлежатъ къ числу основныхъ проблемъ.

Нативистическая теорія можетъ быть поставлена въ извѣстную связь съ ученіемъ Канта, согласно которому время и пространство представляютъ собой апріорныя формы всякаго созерцанія, проявляющіяся въ опытѣ, но не заимствованныя изъ опыта. Согласно нативистической теоріи каждое отдѣльное ощущеніе, воспринимаемое нами извнѣ, обладаетъ уже свойствами протяженности. Красный, синій цвѣта, звуки, осязательныя впечатлѣнія не только обладаютъ каждое своимъ специфическимъ свойствомъ, но также еще и свойствомъ протяженности. Это послѣднее обусловливается психо-физіологической организаціей человѣка, своеобразнымъ устройствомъ воспринимающихъ нервныхъ аппаратовъ. Мы знаемъ, что окончанія зрительнаго нерва расположены по плоскости, образующей такъ называемую сѣтчатку. При передвиженіи объекта раздражаются сначала одни, затѣмъ другіе элементы воспринимающаго органа, благодаря чему получается ощущеніе, уже отличное отъ прежняго, но не по качеству (такъ какъ цвѣта остаются одни и тѣ же), а по своему пространственному расположенію. Такимъ образомъ пространственное расположеніе является какъ бы сопутствующимъ свойствомъ зрительнаго ощущенія. То же самое

слѣдуетъ сказать и относительно всѣхъ другихъ ощущеній (осязательныхъ, слуховыхъ и пр.).

Въ противоположность нативистической теоріи другая теорія—эмпирическая—утверждаетъ, что всѣ наши пространственныя и временныя впечатлѣнія выводятся нами изъ опыта. Первично въ опытѣ мы имѣемъ непространственные элементы, и только изъ различныхъ комбинацій и всевозможныхъ связей этихъ непространственныхъ элементовъ возникаетъ качество пространственности, или протяженности, возникаетъ то, что мы называемъ пространствомъ. Здѣсь на первый планъ выдвигается процессъ ассоціаціи. Положимъ, напр., что я провожу рукой отъ одной точки до другой, для того чтобы изслѣдовать длину предмета.

Продѣлывается опытъ съ сравненіемъ длины нѣсколькихъ небольшихъ дощечекъ.

Вы закрываете глаза, кладете палецъ на уголъ и проводите отъ одного угла до другого. То же самое вы продѣлываете съ другой дощечкой и говорите, что она меньше. Въ данномъ случаѣ у васъ получились двоякаго рода ощущенія—осязательныя и мышечныя. Но кромѣ нихъ въ составъ возникшаго пространственнаго представленія входятъ также и зрительные образы: я вѣдь раньше смотрѣлъ на эти дощечки и теперь, ощупывая ихъ, я мысленно представляю себѣ ихъ и невольно присоединяю эти зрительные элементы къ тѣмъ осязательнымъ и двигательнымъ, о которыхъ говорилось выше. Эмпиристы подчеркиваютъ этотъ важный фактъ, заключающійся въ томъ, что всѣ наши пространственныя впечатлѣнія и представленія являются чѣмъ-то сложнымъ. Отмѣчая эту сложность, они склонны видѣть въ ней основу возникновенія пространственныхъ образовъ.

Положимъ, что я воспринялъ рядъ осязательныхъ ощущеній въ извѣстномъ направленіи и связалъ этотъ рядъ съ извѣстнымъ мышечнымъ напряженіемъ, съ цѣпью двигательныхъ ощущеній; когда я повторяю это движеніе въ обратномъ порядкѣ, то получаю рядъ осязательныхъ ощущеній, обратно расположенныхъ, и сое-

диняю ихъ съ мышечными напряженіями обратнаго характера. Затѣмъ, когда я связываю эти двѣ группы мышечно-осязательныхъ ощущеній съ зрительными образами, то я замѣчаю, что эти двѣ различныя группы должны быть отнесены къ одному и тому же зрительному образу. Получается полное представленіе о матеріальномъ тѣлѣ, обладающемъ качествомъ пространственности. Кромѣ того, возникаетъ мысль о томъ, что различныя по содержанію комбинаціи ощущеній, если только онѣ въ извѣстной послѣдовательности слѣдуютъ другъ за другомъ, должны быть относимы къ однимъ и тѣмъ же пространственнымъ расположеніямъ.

Итакъ, эмирическая теорія склонна разсматривать представленія о пространствѣ, какъ результатъ ассоціированія разнородныхъ ощущеній, главнымъ образомъ зрительныхъ, осязательныхъ и двигательныхъ. Слуховыя ощущенія также играютъ извѣстную роль въ происхожденіи пространственныхъ представленій, но роль эта уже значительно меньше. Согласно эмпирической теоріи всѣ три пространственныхъ измѣренія—ширина, высота и глубина (отдаленность)—должны быть выведены точно такимъ же образомъ изъ непространственныхъ элементовъ. Между тѣмъ нативисты различаютъ эти три разныхъ измѣренія по степени ихъ первичности. Нѣкоторые считаютъ, что человѣкъ рождается только съ двумя пространственными измѣреніями, именно, что ребенокъ въ моментъ своего рожденія видитъ все какъ бы расположеннымъ на плоскости, т. е., имѣющимъ только высоту и ширину, между тѣмъ, какъ представленіе о глубинѣ или отдаленности вырабатываются уже впослѣдствіи. И дѣйствительно, наблюденія надъ дѣтьми показываютъ, что ширину и высоту предметовъ, т. е. плоскостныя измѣренія ребенокъ научается различать очень скоро, между тѣмъ какъ представленіе объ отдаленности развивается значительно позже. Прейеръ разсказываетъ объ одномъ маленькомъ ребенкѣ, который, стоя внизу трехъэтажнаго дома, протягивалъ руку, желая схватить отца, выглядывавшаго изъ окна третьяго этажа. Но и для взрослыхъ людей измѣреніе глубины представляется, какъ пока-

зали экспериментальныя изслѣдованія, болѣе трудно опредѣлимымъ.

Опыты этого рода могутъ быть производимы съ большой точностью. Они состоятъ въ томъ, что испытуемому предоставляется однимъ или двумя глазами глядѣть въ длинный ящикъ, въ которомъ передвигается вертикально натянутый волосъ или струна, и требуется опредѣлить, приближается къ нему эта струна, или удаляется.

Если проанализировать психо-физіологическій составъ представленій о глубинѣ или отдаленности, то мы увидимъ, что въ него входитъ цѣлый рядъ разнородныхъ ощущеній: съ одной стороны, здѣсь вы имѣете процессы и аккомодаціи конвергенціи, съ другой—разнообразныя сокращенія глазныхъ мышцъ. Всѣ эти мускульныя движенія воспринимаются нами, давая въ совокупности представленіе о передвиженіи тѣла въ пространствѣ. Кромѣ того, важную роль играетъ также различное расположеніе и передвиженіе изображеній объекта на обѣихъ сѣтчаткахъ: если изображенія на обѣихъ сѣтчаткахъ передвигаются въ одну и ту же сторону, то мы заключаемъ, что объектъ движется въ плоскости; при удаленіи же или приближеніи объекта изображенія его на сѣтчаткахъ движутся въ разныя стороны. Итакъ, съ точки зрѣнія эмпирической теоріи воспріятія глубины или отдаленности представляетъ собой результатъ сочетанія разнородныхъ ощущеній сѣтчатковыхъ, мышечныхъ и другихъ.

Какъ я уже сказалъ, возникновеніе этихъ двухъ теорій—эмпирической и нативистической—связано, какъ и большинство психологическихъ теорій, съ борьбой различныхъ философскихъ школъ. Въ то время какъ одни считаютъ пространство и время апріорными формами всякаго созерцанія, другіе смотрятъ на пространство и время какъ на результатъ сочетанія данныхъ опыта.

Эти взгляды пытались, между прочимъ, подвергнуть провѣркѣ на одномъ родѣ случаевъ, гдѣ природа сама совершаетъ своего рода экспериментъ: производили наблюденія надъ слѣпорожденными, подвергшимися

операціи, послѣ которой они стали видѣть. Казалось бы, что этотъ опытъ долженъ быть въ данномъ случаѣ рѣшающимъ. Зрительныя представленія въ вопросѣ о пространствѣ играютъ наиболѣе важную роль, такъ какъ мы обычно представляемъ себѣ пространство зрительнымъ путемъ. И вотъ было интересно прослѣдить, какимъ образомъ слѣпорожденный, которому возвращено зрѣніе, будетъ составлять зрительныя представленія о пространствѣ и согласовать ихъ съ тѣми пространственными представленіями, которыя онъ уже создалъ себѣ ранѣе на основаніи осязательныхъ, слуховыхъ и другихъ впечатлѣній. Однако, надо сказать, что эти наблюденія надъ оперированными слѣпорожденными дали довольно противорѣчивые результаты, въ которыхъ какъ нативисты, такъ и эмпиристы пробовали искать подтвержденіе своимъ взглядамъ. Все же они говорятъ скорѣе въ пользу эмпирической теоріи. Бывали случаи, что оперированные слѣпорожденные въ первую минуту совершенно теряли способность ориентироваться въ окружающей средѣ; они, напр., считали шаръ за кругъ, т. е. представляли его себѣ въ двухъ измѣреніяхъ, они такъ-же, какъ дѣти, тянулись къ далеко находящимся предметамъ, или боялись сдѣлать нѣсколько шаговъ, чтобъ не натолкнуться на далеко отъ нихъ находящуюся стѣну,—и только мало-по-малу, путемъ опыта, возникала у нихъ правильная пространственная оцѣнка зрительныхъ впечатлѣній.

Спрашивается теперь, дѣйствительно ли противорѣчіе между эмпирической и нативистической точками зрѣнія настолько велико, что согласованіе ихъ представляется дѣломъ совершенно невозможнымъ?

Я уже говорилъ выше, что нѣкоторые нативисты разсматриваютъ представленіе о глубинѣ (отдаленности) какъ сложное и производное, и только два пространственныхъ измѣренія, плоскостныя, разсматриваютъ какъ первичныя. Это уже есть шагъ къ примиренію. Если же мы станемъ на эволюціонную точку зрѣнія, то разногласіе между этими двумя теоріями утрачиваетъ всю свою остроту. Мы можемъ разсматривать представленія о времени и пространствѣ, какъ

прирожденныя и обусловленныя организаціей современнаго намъ человѣка (или вообще высоко организованныхъ живыхъ существъ), — и въ то же время этимъ нисколько не исключается возможность того, что въ процессѣ эволюціи эти особенности нашей психо-физической организаціи развились лишь постепенно, путемъ опыта и приспособленія. Очень возможно, что на первыхъ ступеняхъ жизни представленіе о пространствѣ или вовсе не существовало или же носило иной характеръ, чѣмъ теперь.

Представленіе о времени.

Подобно пространственнымъ представленіямъ, представленіе времени, какъ оно складывается въ нашемъ сознаніи на основаніи непосредственнаго воспріятія, нужно отличать отъ того понятія о времени, съ которымъ имѣетъ дѣло математика и астрономія. Для астронома время есть нѣчто безконечное, всегда текущее въ одномъ направленіи, т. е., отъ прошлаго къ будущему, никогда не повторяющееся, никогда не возвращающееся; настоящій моментъ есть безконечно малая величина, которой нельзя уловить, такъ какъ она немедленно смѣняется другой—слѣдующимъ моментомъ. Лучше всего это можетъ быть изображено при помощи прямой линіи, которую мы представляемъ себѣ безконечно тянущеюся въ одномъ и томъ же направленіи. На этой линіи всегда есть одна точка, которая для насъ имѣетъ особенное значеніе, — это именно настоящій моментъ; эта точка непрерывно и съ постоянной скоростью перемѣщается въ одну сторону. Вотъ астрономическое и математическое понятіе о времени.

Но подобно тому, какъ это было съ понятіемъ о пространствѣ, и здѣсь также мы въ нашихъ непосредственныхъ переживаніяхъ имѣемъ обычно далеко не то же самое. Когда я пытаюсь отдать себѣ отчетъ въ настоящемъ моментѣ, какъ я его себѣ представляю, то обыкновенно оказывается, что чрезвычайно трудно бываетъ отдѣлить самое понятіе настоящаго момента отъ всего того, что его сопровождаетъ, отъ всѣхъ тѣхъ

представленій, чувствованій, ощущеній и т. д., которыя съ нимъ связаны. Если я сравниваю, напр., настоящій моментъ и тотъ моментъ, который былъ нѣкоторое время тому назадъ, то въ моемъ сознаніи возникаетъ вовсе не какое-нибудь абстрактное понятіе, а наоборотъ, сложная конкретная совокупность психическихъ переживаній. Настоящій моментъ для меня это — видъ аудиторіи со слушателями, чувство напряженія, которое я испытываю, стараясь изложить лекцію возможно яснѣе; прошедшее—то, что я поднимался по лѣстницѣ въ аудиторію, мысли, которыми я былъ тогда занятъ, лица, которыхъ я встрѣчалъ по пути, мышечное напряженіе, испытывавшееся мною при восхожденіи на лѣстницу, и т. д. Какъ живописно выражается Джемсъ, настоящій моментъ, какъ мы его непосредственно переживаемъ, не есть какая-то точка, раздѣляющая прошлое отъ будущаго, а скорѣе широкое сѣдло, на которомъ мы сидимъ, глядя впередъ, и отъ времени до времени озираясь назадъ. Этимъ онъ какъ разъ хочетъ сказать, что каждый данный моментъ составляется для насъ изъ сложной совокупности различныхъ переживаній.

Попытаемся теперь проанализировать, какимъ образомъ возникаетъ у насъ представленіе о времени, о различныхъ его промежуткахъ и о послѣдовательной смѣнѣ событій во времени. Какимъ образомъ отдѣльныя представленія, смѣняющія послѣдовательно другъ друга, связываются между собою, образуя одну общую цѣпь, которую мы называемъ временемъ? Происходитъ это въ значительной степени благодаря слѣдующему. Обычно мы никогда не воспринимаемъ впечатлѣній совершенно обособленно, такъ какъ наше сознаніе всегда вмѣщаетъ въ себя нѣсколько впечатлѣній одновременно. И вотъ, слѣдя за собой, мы замѣчаемъ, что въ то время, какъ одни изъ этихъ впечатлѣній смѣняются, прекращаются, уступая мѣсто другимъ, другія, наоборотъ, остаются въ сознаніи болѣе долгое время. Такимъ образомъ, первыя, болѣе короткія, слѣдуютъ другъ за другомъ, имѣя за собой какъ бы длительный фонъ, съ которымъ мы и сравниваемъ эти смѣняющіяся

впечатлѣнія. Напр., я говорю, что такое-то и такое-то происшествіе случилось со мной сегодня днемъ. Сегодня днемъ я имѣлъ дѣловой разговоръ, потомъ ѣхалъ въ трамваѣ, шелъ противъ сильнаго, порывистаго вѣтра въ Институтъ и т. д. Всѣ эти смѣняющіяся воспоминанія имѣютъ своимъ спутникомъ одно болѣе длительное воспоминаніе, воспоминаніе о свѣтломъ днѣ, который все время былъ мной воспринимаемъ. Исходя изъ этого сочетанія воспоминаній, я и говорю, что всѣ упомянутыя событія произошли со мной сегодня днемъ или въ теченіи дня.

Опытъ показываетъ, что наши измѣренія времени и вообще оцѣнка временныхъ промежутковъ, дѣйствительно, бываютъ возможны лишь благодаря смѣнѣ заполняющихъ эти промежутки представленій; отъ количества и отъ содержанія этихъ представленій въ значительной степени зависитъ и наша оцѣнка времени. Всѣмъ извѣстно, какъ долго тянутся минуты и часы, когда намъ скучно, и, наоборотъ, какъ быстро летитъ время, когда мы заняты чѣмъ-нибудь интереснымъ. Съ другой стороны, если вы попытаетесь вспомнить и приблизительно оцѣнить уже прошедшій промежутокъ времени, то вы увидите, что здѣсь оцѣнка будетъ совершаться, какъ разъ противоположнымъ образомъ. Попытайтесь вспомнить мѣсяцъ, проведенный вами гдѣ-нибудь въ уединеніи, безъ дѣла, въ скучной, однообразной обстановкѣ, и вы увидите, что онъ представится вамъ совсѣмъ короткимъ: вамъ нечѣмъ будетъ его вспомнить; наоборотъ, время, наполненное событіями, волновавшими васъ, или принесшее вамъ большое количество разнообразныхъ впечатлѣній—это время въ воспоминаніи представляется очень длительнымъ. Я помню, что послѣ событій 1905 года, когда я началъ припоминать прошлое, то мнѣ казалось, что предшествующіе годы—1903-4-й—отодвинулись уже далеко-далеко въ прошлое.

Интересны въ этомъ отношеніи также самонаблюденія лицъ, принимавшихъ большія дозы гашиша. Извѣстно, что подъ вліяніемъ этого средства воображеніе начинаетъ усиленно работать, возникаетъ большое ко-

личество необычайно яркихъ и быстро смѣняющихъ другъ друга образовъ, странныхъ, необычныхъ, иногда чудовищныхъ. И вотъ оказывается, что потомъ, при воспоминаніи объ этомъ, человѣку зачастую кажется, будто онъ въ эти немногія минуты пережилъ тысячелѣтія. Это обстоятельство опять таки указываетъ на то, какое огромное значеніе при оцѣнкѣ времени имѣетъ количество и содержаніе представленій, заполняющихъ данный промежутокъ, ихъ аффективная окраска, ихъ разнообразіе и т. д.

Извѣстно, что обширное, но совершенно пустое, ничѣмъ не заполненное пространство (степь, море) мы склонны считать меньшимъ, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ (горы, виднѣющіяся вдали, кажутся намъ близкими и т. д.); когда же оно заполнено какими нибудь вѣхами, предметами (дома, рощи), дѣлящими его на извѣстные промежутки, то оцѣнка становится болѣе правильной. Подобно этому и промежутки времени воспринимаются гораздо отчетливѣе и яснѣе, когда мы имѣемъ вѣхи, раздѣляющія эти промежутки, а такими вѣхами являются различныя психическія переживанія, смѣняющія другъ друга.

Надо сказать, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ не непремѣнно о впечатлѣніяхъ, получаемыхъ извнѣ: чрезвычайно важную роль играютъ здѣсь также и внутренія ощущенія. Я напомню факты, о которыхъ вамъ всѣмъ, конечно, приходилось слышать. Нѣкоторые люди обладаютъ способностью, легши спать, проснуться затѣмъ въ заранѣе назначенное время. Я знаю людей, которые могли продѣлывать надъ собой подобный экспериментъ на любые промежутки времени: они могли просыпаться черезъ полчаса или черезъ нѣсколько часовъ и т. д. Экспериментальныя изслѣдованія также подтвердили правильность этихъ наблюденій. Слѣдовательно, оцѣнка времени, отсчитываніе его промежутковъ можетъ происходить у насъ не только въ полномъ сознаніи, когда мы воспринимаемъ рядъ внѣшнихъ впечатлѣній, но также и безсознательно въ полной тишинѣ, даже во время сна.

Спрашивается, какія же впечатлѣнія служатъ тогда

мѣриломъ времени? Повидимому здѣсь приходится особенно важную роль отвести различнаго рода органическимъ ощущеніямъ. Извѣстно, что при отсчитываніи времени большое значеніе всегда имѣетъ ритмъ, т. е., равномѣрное повтореніе одного и того же впечатлѣнія черезъ равные промежутки: тиканье часовъ, смѣна дня и ночи—все это ритмическіе процессы. И въ нашемъ организмѣ также имѣются процессы съ ритмическимъ характеромъ: сердцебіеніе, дыханіе, движенія при ходьбѣ и т. д. Разсказываютъ, что Ньютонъ установилъ одинъ изъ своихъ законовъ (законъ качанія маятника), пользуясь, вмѣсто часовъ, сосчитываніемъ ударовъ своего пульса. Говоря о вниманіи, я указывалъ вамъ на то, что и колебанія вниманія также въ значительной степени имѣютъ ритмическій характеръ. Вотъ эта ритмитчность процессовъ, происходящихъ въ нашемъ организмѣ, имѣетъ повидимому существенное значеніе для оцѣнки промежутковъ времени.

До сихъ поръ рѣчь шла о наблюденіяхъ. Теперь я продѣлаю одинъ опытъ, который дастъ вамъ представленіе о способахъ экспериментальнаго изслѣдованія чувства времени.

Опытъ состоитъ въ томъ, что экспериментаторъ, слѣдя за стрѣлкой секундомѣра, даетъ одинъ за другимъ три одинаковыхъ стука, причемъ промежутокъ, раздѣляющій первые два стука, будетъ или болѣе, или менѣе, или равенъ промежутку, раздѣляющему второй стукъ отъ третьяго; испытуемые должны сказать, который промежутокъ былъ длиннѣе.

Тотъ же самый опытъ можетъ быть обставленъ гораздо болѣе точно. Для этой цѣли служитъ особый аппаратъ, представляющій изъ себя кругъ съ дѣленіями; по этому кругу движется, при помощи особаго механизма, стрѣлка, замыкающая на своемъ ходу электрическіе контакты, помѣщенные въ разныхъ мѣстахъ круга; при каждомъ замыканіи раздается короткій, отрывистый звукъ. Перемѣщая контакты, вы можете любымъ образомъ установить промежутки времени между звуками, причемъ, благодаря дѣленіямъ круга, эти промежутки могутъ быть совершенно точно регулируемы.

На ряду съ упомянутыми выше факторами мы можемъ пользоваться для оцѣнки времени также еще символическими образами и представленіями. Въ особенности важное значеніе пріобрѣтаютъ эти символы при оцѣнкѣ очень большихъ промежутковъ времени, напр., когда вы хотите представить себѣ цѣлое столѣтіе, тысячелѣтіе и т. д. Промежутокъ времени въ 5 минутъ или въ полчаса, я могу представить довольно отчетливо, но непосредственно представить себѣ промежутокъ времени, напр., въ 700 лѣтъ очень трудно. Продѣлаемъ небольшой опытъ.

Экспериментаторъ проситъ представить XVIII вѣкъ, т. е. промежутокъ времени между 1700-мъ и 1800-мъ годами. Изъ послѣдующаго затѣмъ опроса выяснилось, что нѣкоторымъ представилось начало 18-го вѣка, именно—войны русскихъ со шведами; у одного изъ опрошенныхъ для каждаго столѣтія имѣются линіи, 18-й вѣкъ—линія болѣе тусклая и темная, чѣмъ 19-й; другому представилась французская революція; третьему—большой клубокъ съ разматывающимися извилистыми лентами и между извилинами мелькаютъ происшествія этого вѣка.

Я думаю, если бы я сталъ разспрашивать дальше, то получилъ бы безконечное разнообразіе отвѣтовъ. Вы видите, что въ то время, какъ измѣреніе короткихъ промежутковъ времени отличалось значительнымъ однообразіемъ, здѣсь такого однообразія уже не наблюдается. Это зависитъ оттого, что здѣсь мы не можемъ представлять себѣ непосредственно всего огромнаго промежутка времени, мы должны замѣнять его различными символическими изображеніями: либо римскими цифрами, либо смутнымъ представленіемъ о событіяхъ и т. д. На первомъ съѣздѣ по педагогической психологіи одинъ изъ докладчиковъ разсказывалъ, какъ представляли себѣ годъ двѣ ученицы епархіальнаго училища. Онъ имъ казался въ видѣ длинной ленты, раскрашенной въ разныхъ мѣстахъ разными цвѣтами: масляница была желтая, лѣто зеленое со смутными рисунками деревьевъ, осень сѣрая; при этомъ праздники выдѣлялись на лентѣ въ видѣ красноватыхъ пятнышекъ.

Итакъ, изъ всего сказаннаго видно, что ощущенія,

воспріятія, представленія и ихъ смѣна играютъ огромную роль въ оцѣнкѣ промежутковъ времени. Спрашивается, однако, можно ли свести всѣ наши воспріятія времени именно на эти комбинаціи смѣняющихся ощущеній и представленій, можно ли въ духѣ строго эмперической теоріи разматривать вопросъ такимъ образомъ, что наши представленія о времени есть ни что иное, какъ совокупность различныхъ ощущеній и умственныхъ образовъ?

Я напомню одинъ изъ результатовъ сегодняшняго опыта. Когда я давалъ довольно длинный промежутокъ времени, то нѣкоторые испытуемые прибѣгали къ различнаго рода вспомогательнымъ пріемамъ: считали пульсъ, дыханіе, словомъ—пытались раздѣлить этотъ промежутокъ на меньшіе равные промежутки. Но, спрашивается далѣе, какимъ же образомъ они измѣряли и сравнивали между собой эти меньшіе промежутки, какъ судили о томъ, равны ли они? Задавая подобный вопросъ, мы, въ концѣ концовъ, всегда дойдемъ до такого предѣла, гдѣ придется сказать: это дѣлалось совершенно непосредственно, само собой. Другими словами, мы, въ концѣ концовъ, и здѣсь, какъ и въ представленіяхъ о пространствѣ, приходимъ къ тому выводу, что наши психическія переживанія обладаютъ уже сами по себѣ качествомъ временности (подобно тому, какъ всѣ ощущенія и внѣшнія воспріятія—качествомъ экстенсивности или пространственности), и это качество временности составляетъ, въ концѣ концовъ, основу всѣхъ нашихъ сложныхъ представленій о времени и различныхъ его промежуткахъ. Выводъ этотъ, приближающійся, какъ вы видите, скорѣе къ нативистической теоріи, нисколько, однако, не исключаетъ того огромнаго значенія, которое имѣютъ при образованіи нашихъ сознательныхъ представленій о времени всякаго рода комбинаціи ощущеній и представленій.

XVII.

Чувство (общая характеристика).

Отношеніе чувствованій къ другимъ психическимъ процессамъ.

Приступая къ изложенію психологіи чувствованій, приходится отмѣтить прежде всего слабую разработанность всей этой области. Можно сказать, что чувства представляютъ собой наименѣе изученный отдѣлъ психологіи. Причина этого заключается въ самой природѣ того, что мы называемъ чувствомъ. Мнѣ уже приходилось упоминать о томъ, что чувства представляютъ собой наиболѣе субъективную сторону нашей психической жизни. Въ то время, какъ ощущенія и воспріятія связаны тѣсно съ внѣшними раздраженіями, благодаря чему мы можемъ, измѣняя эти внѣшнія раздраженія, измѣнить и самыя воспріятія и, такимъ образомъ, изучать ихъ, чувства гораздо менѣе доступны такому непосредственному внѣшнему воздѣйствію. Припомните ту біологическую схему, которую я приводилъ, говоря о подраздѣленіи психическихъ явленій: чувства занимаютъ въ ней какъ разъ центральное мѣсто. Ощущенія и воспріятія составляютъ центростремительную часть этой схемы, движенія, дѣйствія, волевые поступки—центробѣжную. Первыя являются результатомъ воздѣйствія внѣшняго міра на насъ, вторыя—результатъ нашего воздѣйствія на внѣшній міръ. И въ томъ, и въ другомъ родѣ процессовъ мы такъ или иначе соприкасаемся съ окружающей средой, почему изслѣдованіе обоихъ этихъ процессовъ при помощи тѣхъ или иныхъ измѣненій внѣшней среды и является болѣе возможнымъ. Между тѣмъ чувства представляютъ собой нѣчто центральное; это есть наши субъективныя реакціи на ощу-

щенія и впечатлѣнія, это есть тотъ исходный пунктъ, изъ котораго вытекаютъ наши желанія и влеченія. Въ силу этого обстоятельства, чувства гораздо труднѣе поддаются изученію. Мы можемъ вліять на чувства человѣка косвеннымъ путемъ, давая ему тѣ или иныя впечатлѣнія, воспріятія, съ которыми связаны извѣстныя чувствованія. Съ другой стороны, можно изучать чувства по мышечнымъ проявленіямъ: двигательнымъ, вазомоторнымъ и другимъ; но это опять-таки косвенный путь, а не прямой.

Можно возразить, что для изученія чувствъ такъ же, какъ и для изученія другихъ душевныхъ процессовъ, есть совершенно иной, прямой путь, именно путь самонаблюденія и самоанализа. Дѣйствительно, самонаблюденію чувства поддаются такъ же непосредственно, какъ и всѣ другіе душевные процессы; однако и здѣсь они представляются объектомъ болѣе неблагопріятнымъ для изученія, чѣмъ другіе. Причина заключается прежде всего въ томъ, что чувства, какъ я уже говорилъ, болѣе субъективны, болѣе тѣсно связаны съ нашимъ „я“. Между тѣмъ, всякое изученіе всегда требуетъ извѣстнаго отдѣленія объекта отъ субъекта, противопоставленія ихъ другъ другу. Чтобы что-нибудь наблюдать, нужно противопоставить это что-то своему „я“,—только тогда возможно его точное, объективное, систематическое разсмотрѣніе. Естественно, что то, что является болѣе объективнымъ для нашего сознанія, именно ощущенія и дѣйствія, легче поддается объективному изслѣдованію, чѣмъ чувства, которыя очень трудно бываетъ обособить отъ нашего „я“.

Другая причина заключается въ томъ, что чувства, по сравненію хотя бы съ воспріятіями, отличаются крайней смутностью и неясностью. Когда я хочу анализировать свое внѣшнее воспріятіе или какое-нибудь воспоминаніе, то анализъ этотъ для меня не представляетъ особенныхъ затрудненій. Я легко могу различать ощущенія, входящія въ составъ хотя бы, напр., воспріятія этого стола: черное отъ бѣлаго, форму, цвѣтъ, величину, давленіе, температурныя ощущенія, и т. д. Точно также, когда я произвожу какое-нибудь движеніе или

измѣненіе во внѣшнемъ мірѣ, то эти двигательные или волевые импульсы тотчасъ же болѣе или менѣе ясно различаются и анализируются мной, въ особенности если принять во вниманіе тѣ измѣненія, которыя они производятъ во внѣшнемъ мірѣ. Между тѣмъ попробуйте анализировать свои чувствованія въ данный моментъ: здѣсь такъ много смутнаго, неяснаго, ускользающаго отъ вашего самоанализа, что разобраться въ нихъ очень трудно.

Всѣ эти причины ведутъ къ тому, что отдѣлъ чувствованій въ настоящее время является наименѣе разработаннымъ въ психологіи. Кромѣ того, эти причины повлекли за собой еще и другое слѣдствіе, о которомъ я уже говорилъ, именно—что только въ недавнее сравнительно время стали выдѣлять чувства, какъ самостоятельный родъ психическихъ элементовъ, наряду съ другими элементами — интеллектуальными и волевыми. Раньше же чувства обыкновенно считали сложными комплексами, составленными изъ комбинацій другого рода психическихъ элементовъ — ощущеній, представленій и проч. И въ настоящее время взгляды на природу чувствованій еще не вполнѣ установились.

Такъ, нѣкоторые (напр., Н. О. Лосскій) называютъ чувствами всѣ вообще недостаточно опознанные и проанализированные психическіе процессы. Все полусознательное, смутное, неясное относится къ этой рубрикѣ. Послѣ же того, какъ данное психическое переживаніе будетъ нами отчетливо представлено, осознано, подвергнуто анализу, оно перестаетъ быть чувствомъ.

Далѣе, существуетъ взглядъ на чувство, какъ на результатъ взаимодѣйствія представленій. Съ этой точки зрѣнія чувство удовольствія есть лишь выраженіе того, что наши умственные процессы, напр., ассоціаціи, протекаютъ гладко, связно, не встрѣчая препятствій въ своемъ теченіи; какъ только встрѣтилось препятствіе, возникаетъ торможеніе, задержка, и, какъ ихъ выраженіе, чувство неудовольствія. Напр., пока я рѣшаю задачу успѣшно, я испытываю чувство удовольствія, но какъ только встрѣтилось затрудненіе, мысль моя остановилась, мои усилія распутать образовавшійся узелъ

не ведутъ ни къ чему,—и субъективно всѣ эти затрудненія испытываются какъ чувство неудовольствія. И здѣсь, слѣдовательно, чувство также разсматривается не какъ какой-то особый процессъ, а лишь какъ отраженіе того или иного теченія умственныхъ процесовъ.

Наконецъ, раньше пользовалась значительнымъ распространеніемъ еще одна точка зрѣнія, крайне интеллектуалистическая, которая въ настоящее время совершенно почти оставлена. Согласно ей чувства суть не что иное, какъ смутныя, неясныя сужденія. Когда мы испытываемъ, напр., удовольствіе при созерцаніи какого-нибудь художественнаго произведенія, то это лишь значитъ, что у насъ возникаютъ мысли вродѣ слѣдующихъ: „да, это сдѣлано хорошо“, „да, это соотвѣтствуетъ нашимъ потребностямъ, взглядамъ, природѣ, дѣйствительности“, и т. д. Только мы не выговариваемъ себѣ этихъ мыслей отчетливо, и благодаря этой смутности, неотчетливости сужденій, они нами сознаются въ своеобразной формѣ чувствованій. Нечего и говорить, что этому послѣднему взгляду непосредственное самонаблюденіе противорѣчитъ слишкомъ рѣзко: часто мы бываемъ охвачены сильнѣйшимъ чувствомъ прежде, чѣмъ успѣетъ возникнуть какое бы то ни было сужденіе, и тамъ, гдѣ это сужденіе мы даже и не въ состояніи себѣ составить.

Въ противоположность всѣмъ этимъ взглядамъ, мы будемъ, вмѣстѣ съ большинствомъ современныхъ психологовъ, придерживаться той точки зрѣнія, которая повидимому наиболѣе соотвѣтствуетъ даннымъ самонаблюденія и опыта, именно — будемъ разсматривать чувство какъ самостоятельный элементъ психической жизни.

Подобно всѣмъ вообще психическимъ переживаніямъ, чувства бываютъ простыми или элементарными и сложными. Наиболѣе простыя чувства связаны обыкновенно съ ощущеніями и носятъ названіе „чувственаго тона“ ощущеній; напр., ощущеніе сладкаго вкуса или ярко-краснаго цвѣта сопровождается пріятнымъ чувственнымъ тономъ. Однако, этотъ чувственный тонъ ощущеній нельзя разсматривать, какъ простое качество

ощущенія, такое же качество, какъ цвѣтъ, высота звука и т. д. Чувственный тонъ ощущеній является чѣмъ-то совершенно своеобразнымъ, несводимымъ къ качеству. Мы часто встрѣчаемся съ такими случаями, когда одно и то же ощущеніе можетъ сопровождаться различными чувственными тонами. Такъ, напр., ощущеніе горькаго обычно для насъ непріятно, однако въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ примѣсь къ какому-нибудь кушанью, оно можетъ намъ нравиться: не даромъ горчица входитъ въ число излюбленныхъ приправъ къ нѣкоторымъ кушаньямъ. Ощущеніе боли, обычно непріятное, иногда, наоборотъ, сопровождается пріятнымъ чувственнымъ тономъ, какъ это бываетъ во время расчесыванія при сильномъ зудѣ. Ощущенія, сопровождающія куреніе табаку, для начинающихъ бываютъ зачастую крайне тягостны, а затѣмъ, по мѣрѣ привыканія, начинаютъ доставлять большое наслажденіе.

Бываетъ также, что одно и то же длительное ощущеніе, вначалѣ пріятное, потомъ, мало-по-малу, дѣлается непріятнымъ или индифферентнымъ; такъ напр., какой-нибудь звукъ или аккордъ вначалѣ можетъ вамъ нравиться, но когда онъ тянется слишкомъ долго, или раздается очень часто, то въ концѣ концовъ дѣлается для васъ безразличнымъ, а потомъ надоѣдаетъ, т. е., начинаетъ сопровождаться непріятнымъ чувственнымъ тономъ. Всѣ эти обстоятельства указываютъ на то, что чувственный тонъ ощущеній представляетъ собой самостоятельную сторону ощущеній, присоединяющуюся къ нимъ и опредѣляемую не только содержаніемъ ощущенія, но еще и другими факторами.

Самостоятельность чувственнаго тона ощущеній станетъ понятной, если мы припомнимъ біологическое значеніе чувствованій въ нашей психической жизни. Я говорилъ уже вамъ, что чувство представляетъ собой ту субъективную реакцію, которой наша нервно-психическая организація отвѣчаетъ на внѣшнія впечатлѣнія и раздраженія. Если воспринимаемое въ данный моментъ внѣшнее раздраженіе соотвѣтствуетъ всему складу нашей психики, оно сопровождается пріятнымъ чувственнымъ тономъ, въ противномъ случаѣ — непріятнымъ.

Такимъ образомъ, чувство стоитъ какъ бы на стражѣ организма, охраняя его отъ всякаго рода неблагопріятныхъ внѣшнихъ раздраженій; непріятное чувство служитъ своего рода сигналомъ, указывающимъ на то, что не все обстоитъ благополучно: „обрати вниманіе и измѣни условія“.

На это можно возразить, что иногда чувства насъ обманываютъ, что иногда пріятное чувство сопровождаетъ раздраженіе, завѣдомое вредное для организма. Напр., хроническій алкоголикъ испытываетъ большое наслажденіе, выпивая рюмку за рюмкой, хотя алкоголь является для него ядомъ; опій и другіе яды также бываютъ пріятны. Получается какъ-будто противорѣчіе тому, что только что было сказано. Однако, это противорѣчіе только кажущееся; оно объясняется тѣмъ, что упомянутые яды имѣютъ различныя фазы своего дѣйствія. Первоначальная фаза зачастую не только не вредна, но иногда бываетъ даже полезна: всякій знаетъ, что алкоголь оказываетъ вначалѣ возбуждающее дѣйствіе, повышая нервную дѣятельность, усиливая кровообращеніе; не даромъ алкоголь даютъ часто съ лѣчебною цѣлью. Кромѣ того, нѣкоторые яды, при введеніи ихъ въ небольшомъ количествѣ черезъ ротъ, оказываютъ слегка раздражающее дѣйствіе на слизистую оболочку рта, ея железы и нервныя окончанія, обусловливая собой пріятныя вкусовыя ощущенія. Но затѣмъ, при дальнѣйшемъ дѣйствіи яда на организмъ, картина рѣзко мѣняется: разрушительное его дѣйствіе всегда сопровождается цѣлымъ рядомъ крайне непріятныхъ, а зачастую и мучительныхъ ощущеній.

Занимая, такимъ образомъ, своего рода центральное положеніе въ нашей психикѣ, чувства, очевидно, должны быть тѣснѣйшимъ образомъ связаны какъ съ центростремительными сторонами ея—ощущеніями и воспріятіями, такъ и съ центробѣжными — движеніями, желаніями и волевыми дѣйствіями. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ: чувства никогда не бываютъ въ нашей психической жизни изолированными, всегда они связаны съ какими-нибудь другими элементами, прежде всего—съ интеллектуальными. Правда, бываютъ слу-

чаи, когда чувство возникаетъ какъ бы самостоятельно, безъ всякихъ ощущеній и представленій. Вы замѣчаете, напр., что васъ что-то тревожитъ, безпокоитъ, но не можете отдать себѣ отчета—что именно. Однако, и въ этихъ случаяхъ, понаблюдавши за собой, порывшись въ своей памяти, зачастую можно бываетъ доискаться причины безпокойства: воспоминаніе о случившейся наканунѣ непріятности, какое-нибудь неясное опасеніе и т. д. Въ данномъ случаѣ, слѣдовательно, представленія, связанныя съ чувствомъ, также есть на лицо, но они настолько слабы, что не сознаются нами, а сознаются только связанныя съ ними чувства. Не менѣе тѣсна связь чувствованій съ желаніями и волевыми дѣйствіями. Можно сказать, что въ основѣ всякаго поступка лежитъ какое-нибудь чувство; безъ чувства не можетъ быть желанія. Человѣкъ, у котораго чувства значительно ослаблены, является вялымъ, апатичнымъ, неспособнымъ къ сколько-нибудь энергичному напряженію волевого усилія.

Основные виды чувства.

Основными видами чувства, какъ я уже говорилъ, являются удовольствіе и неудовольствіе. Нѣкоторые психологи считаютъ возможнымъ даже утверждать, что всѣ чувствованія, въ концѣ концовъ, сводятся къ этимъ двумъ разновидностямъ, что область чувствованій далеко не представляетъ такого огромнаго разнообразія, какъ область ощущеній и воспріятій. Всякое удовольствіе, точно такъ же, какъ и всякое неудовольствіе, будто бы, всегда совершенно тождественны, все же огромное разнообразіе нашихъ чувствованій сводится, согласно этому взгляду, къ разнообразію связанныхъ съ чувствомъ представленій. И дѣйствительно, мы знаемъ, что чувства могутъ быть связаны съ самыми различными интеллектуальными образованіями: съ ощущеніями—составляя чувственный тонъ ощущеній, съ представленіями—образуя эмоціональную или чувствовательную окраску представленій, наконецъ, съ понятіями и сужденіями, потому что по-

нятія и сужденія также могутъ сопровождаться извѣстными чувствованіями. Тѣмъ не менѣе, я думаю, что это обстоятельство еще не даетъ намъ права всякое различіе между отдѣльными чувствами и ихъ разновидностями (напр., между высшими, идейными чувствами и низшими, связанными съ ощущеніями) сводить исключительно только къ различію ихъ интеллектуальныхъ элементовъ. Наше непосредственное сознаніе слишкомъ ясно говоритъ въ пользу того, что, напр., эстетическое наслажденіе, получаемое нами при созерцаніи картины или при слушаніи музыкальнаго произведенія, рѣзко отличается отъ того чувства удовольствія, которое мы испытываемъ при насыщеніи. Правда, и въ составъ эстетическаго чувства входятъ также нѣкоторыя болѣе элементарныя удовольствія: яркій цвѣтъ, гармоничный аккордъ могутъ намъ нравиться совершенно такъ же, какъ нравится вкусная пища. Но вѣдь искусство не состоитъ только изъ однихъ чувственныхъ наслажденій, а включаетъ въ себя также и другія, высшія чувствованія. Чувство, возникающее въ насъ при видѣ безконечно раскинувшагося небеснаго свода съ разсѣянными на немъ звѣздами, далеко не исчерпывается тѣмъ удовольствіемъ, которое доставили бы намъ желтыя точки, нанесенныя на темно-синюю поверхность. Здѣсь присоединяется нѣчто другое, и, конечно, очень трудно утверждать, что это чувство высшаго порядка совершенно тождественно по своей природѣ съ другими видами удовольствія или неудовольствія.

Кромѣ упомянутыхъ двухъ основныхъ видовъ чувства, Вундтъ устанавливаетъ еще двѣ пары эмоціональныхъ элементовъ, которые онъ считаетъ столь же основными и неразложимыми, какъ и чувства удовольствія и неудовольствія: во первыхъ, чувства возбужденія и успокоенія, и во вторыхъ — чувства напряженія и облегченія. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ удовольствіемъ и неудовольствіемъ, у него получается три пары „главныхъ направленій“, въ которыя можно группировать всѣ наши чувствованія. Каждое сложное чувство, испытываемое человѣкомъ,

обычно совмѣщаетъ въ себѣ элементы, соотвѣтствующіе по крайней мѣрѣ двумъ, а то и всѣмъ тремъ основнымъ направленіямъ. При этомъ чувства, соотвѣтствующія удовольствію и неудовольствію, а также чувства возбуждающія и успокаивающія могутъ возникать въ связи съ простыми ощущеніями (напр., боль непріятна, красный цвѣтъ возбуждаетъ, голубой успокаиваетъ); „чувствованія же, соотвѣтствующія состояніямъ напряженія и облегченія, связаны всегда съ процессами, протекающими во времени: при ожиданіи чувственнаго впечатлѣнія, напримѣръ, можно замѣтить чувствованіе напряженія, при наступленіи ожидавшагося событія—чувствованіе облегченія“ (Очеркъ психологіи“, стр. 100). Свое дѣленіе Вундтъ пытался обосновать также и физіологически, на основаніи наблюденій надъ тѣмъ, какъ измѣняется пульсъ при каждомъ изъ упомянутыхъ главныхъ родовъ чувствованій: такъ, чувство удовольствія, по его словамъ, замедляетъ и усиливаетъ пульсъ, неудовольствіе—ускоряетъ и ослабляетъ, возбужденіе—только усиливаетъ и т. д.

Предложенное Вундтомъ дѣленіе вызвало очень серьезныя возраженія. Указывали на то, что вновь вводимыя двѣ пары основныхъ видовъ чувства (возбужденіе—успокоеніе, напряженіе—облегченіе) должны быть отнесены, въ сущности, вовсе не къ эмоціональной, а скорѣе къ двигательной сферѣ, такъ какъ бываютъ связаны всегда съ сокращеніемъ или разслабленіемъ мышцъ и съ наличностью или отсутствіемъ различнаго рода двигательныхъ импульсовъ. Кромѣ того, изученіе измѣненій пульса при разныхъ видахъ чувства далеко не позволяетъ установить группировку этихъ послѣднихъ съ такой правильностью и опредѣленностью, какъ это принимаетъ Вундтъ. Во всякомъ случаѣ, для окончательнаго сужденія объ этой теоріи необходимо подождать еще дальнѣйшихъ изслѣдованій.

Переходя къ разсмотрѣнію болѣе сложныхъ чувствованій, слѣдуетъ остановиться прежде всего на одномъ своеобразномъ психическомъ образованіи, которое, собственно говоря, даже нельзя назвать особымъ

видомъ чувства: скорѣе оно образуетъ собой какъ-бы общій фонъ, на которомъ совершается вся наша остальная эмоціональная жизнь. Это—такъ называемое настроеніе.

Настроеніе.

Настроеніе, какъ мы всѣ знаемъ, можетъ быть пріятнымъ или непріятнымъ, возбужденнымъ или подавленнымъ, радостнымъ или печальнымъ, досадливымъ или благодушнымъ, — однимъ словомъ, настроеніе имѣетъ цѣлый рядъ различныхъ оттѣнковъ, и эти оттѣнки настолько переходятъ другъ въ друга и переплетаются между собой, что ихъ трудно сколько-нибудь рѣзко отграничить одинъ отъ другого. Другой характерной особенностью настроенія является то, что въ немъ обыкновенно очень трудно бываетъ разобраться, трудно бываетъ зачастую сказать, почему мы сейчасъ настроены такъ, а не иначе. Причина заключается въ томъ, что настроеніе не есть какое-нибудь отдѣльное, обособленное чувствованіе, это есть сложный и притомъ неясный комплексъ, въ составъ котораго входитъ большое количество разнообразныхъ ощущеній, а иногда и представленій, сопровождаемыхъ различными чувственными тонами. Очень важную роль здѣсь играютъ органическія ощущенія. Мы всѣ знаемъ, что настроеніе часто зависитъ отъ состоянія здоровья, отъ того, хорошо-ли человѣкъ выспался, не усталъ ли онъ, сытъ-ли онъ, не боленъ-ли... Всѣ эти состоянія организма, вызывающія цѣлый рядъ ощущеній, исходящихъ изъ внутреннихъ органовъ, мышцъ, стѣнокъ кровеносныхъ сосудовъ и т. д., бываютъ связаны также съ самыми разнообразными чувствованіями. Въ результатѣ получается тотъ сложный комплексъ, который мы и называемъ настроеніемъ. Я уже говорилъ, что эти органическія ощущенія очень трудно поддаются анализу; въ то время, какъ ощущенія, получаемыя нами извнѣ (зрительныя, слуховыя и т. п.), сравнительно не трудно расчленить и противопоставить другъ другу, органическія ощущенія, наоборотъ, гораздо труднѣе поддаются расчлененію. Это обстоятельство въ

значительной степени является причиной того большого вліянія, которое настроеніе оказываетъ на всю нашу душевную дѣятельность. Все то, въ чемъ мы можемъ разобраться, отдать себѣ отчетъ, легче поддается нашему контролю. По отношенію же къ тому полубезсознательному комплексу, который называется настроеніемъ, мы оказываемся, именно въ силу его трудной разложимости, зачастую безсильными, благодаря чему оно такъ и отражается на теченіи нашихъ умственныхъ и другихъ психическихъ процессовъ.

Въ составъ настроенія входятъ не только чувства, связанныя съ органическими ощущеніями. Здѣсь можно бываетъ различить также остатки тѣхъ, болѣе сложныхъ чувствъ высшаго порядка, которыя возникли ранѣе, въ связи съ какими-либо мыслями или представленіями, а затѣмъ отступили на периферію сознанія или сдѣлались безсознательными, но, тѣмъ не менѣе, продолжаютъ вліять на наши сознательныя переживанія. Положимъ, что со мной два дня тому назадъ случилась какая-нибудь непріятность; въ данный моментъ я могу о ней уже не думать,—и тѣмъ не менѣе, она оставила въ моемъ сознаніи какой-то смутный, непріятный длительный осадокъ, другими словами—повліяла и продолжаетъ вліять на мое настроеніе. Вотъ изъ этихъ двухъ составныхъ элементовъ—чувствъ, связанныхъ съ органическими ощущеніями и чувствъ, связанныхъ съ безсознательными или полубезсознательными воспоминаніями,—и образуется то, что мы называемъ настроеніемъ и что придаетъ общій фонъ нашей психической жизни.

XVIII.

Аффекты.

Отличительныя особенности аффектовъ.

Переходя теперь къ дальнѣйшему описанію отдѣльныхъ чувствованій, приходится остановиться подробнѣе на такъ называемыхъ аффектахъ. Аффектами мы называемъ горе, радость, гнѣвъ, страхъ, изумленіе, вообще—такія эмоціональныя состоянія, которыя хотя бы на короткое время потрясаютъ организмъ и психику человѣка и сопровождаются обильными внѣшними, физіологическими проявленіями. Если мы попытаемся отдать себѣ отчетъ въ томъ, въ какомъ отношеніи аффекты стоятъ къ другимъ эмоціональнымъ переживаніямъ, то прежде всего придется сказать, что аффекты очень тѣсно соприкасаются съ настроеніемъ, до того тѣсно, что между ними зачастую нельзя провести рѣзкой границы. Такъ, напр., хорошее настроеніе, если оно почему-либо усиливается, называется уже радостью; аффектъ гнѣва и досадливое, ворчливое настроеніе опять-таки постепенно переходятъ другъ въ друга. Съ другой стороны, аффекты бываютъ связаны также и съ другими чувствами, о которыхъ болѣе подробно придется говорить дальше.

Въ отличіе отъ настроенія и другихъ видовъ чувствованій,—аффекты характеризуются извѣстными особенностями своего теченія. Аффектъ обычно начинается остро, взрывомъ: человѣкъ „вспыхиваетъ отъ гнѣва“, „пораженъ удивленіемъ“ и т. д. Затѣмъ онъ продолжается съ большей или меньшей силой въ теченіи извѣстваго времени и прекращается или такъ же внезапно, какъ наступилъ, или постепенно. Иногда аф-

фектъ, не прекращаясь, переходитъ въ длительное чувство (нѣкоторые называютъ его страстью) или въ болѣе или менѣе долго длящееся настроеніе, напр., первый взрывъ горя у человѣка прошелъ, но грустное настроеніе у него осталось на болѣе или менѣе продолжительное время.

Вторая характерная особенность аффектовъ — это сильное вліяніе на умственные процессы. Чувства вообще вліяютъ болѣе или менѣе сильно на наши воспріятія, воспоминанія и сужденія: когда человѣкъ высказываетъ о комъ-нибудь пристрастное мнѣніе, то въ большинствѣ случаевъ это значитъ, что сужденіе испытываетъ на себѣ вліяніе того или иного чувства. Напр., мать, которая въ своемъ сынѣ видитъ только хорошія стороны и не замѣчаетъ дурныхъ, находится подъ вліяніемъ чувства любви къ сыну. Это чувство выдѣляетъ, усиливаетъ и выдвигаетъ въ фиксаціонную точку сознанія тѣ воспріятія и тѣ воспоминанія, которыя съ нимъ связаны, и наоборотъ, заставляетъ игнорировать все остальное. Вообще говоря, человѣкъ невольно останавливается на тѣхъ переживаніяхъ, которыя ему пріятны. Вѣдь пріятныя впечатлѣнія обычно находятся въ соотвѣтствіи съ общимъ складомъ нашей психической организаціи, — вотъ почему мы невольно стараемся задержаться на нихъ, выбираемъ ихъ изъ окружающей среды, и часто благодаря этому дѣлаемъ ошибки.

Вліяніе чувствованій на наши воспріятія и сужденія въ значительной степени усиливается въ томъ случаѣ, когда чувство достигаетъ значительной интенсивности, а это бываетъ именно при аффектахъ. Недаромъ въ судебной практикѣ человѣка, совершившаго преступленіе подъ вліяніемъ аффекта, разсматриваютъ или какъ невмѣняемаго, или, по крайней мѣрѣ, какъ заслуживающаго снисхожденія, признавая, что сильный аффектъ рѣзко измѣняетъ теченіе психическихъ процессовъ. Въ лабораторіи проф. Бехтерева докторомъ Срезневскимъ были продѣланы опыты относительно вліянія испуга на память и на скорость психическихъ процессовъ. Опыты производились такимъ образомъ, что испытуемому давалось запомнить нѣсколько словъ, а затѣмъ, когда

онъ собирался воспроизвести эти слова, въ сосѣдней комнатѣ внезапно раздавался выстрѣлъ, вызывавшій обычно у испытуемаго довольно сильный испугъ; при продолженіи опыта оказывалось, что словъ въ памяти осталось уже значительно меньше. Въ среднемъ безъ выстрѣла испытуемые воспроизводили 71 % данныхъ имъ словъ, а послѣ выстрѣла — лишь 42 %. Аналогичнымъ образомъ поставленные опыты съ измѣреніемъ скорости умственныхъ процессовъ (при помощи хроноскопа) указали на значительное ихъ замедленіе подъ вліяніемъ испуга. Всѣ эти данныя являются очень поучительными для выясненія хотя бы, напр., психологіи экзаменовъ.

Наконецъ, третью отличительную особенность аффектовъ составляетъ обиліе внѣшнихъ физіологическихъ проявленій. Сюда слѣдуетъ отнести прежде всего измѣненія дыханія и серцебіенія, а также спазмъ или разслабленіе сосудистыхъ стѣнокъ, вызывающіе покраснѣніе или поблѣдненіе кожныхъ и слизистыхъ покрововъ. Всѣ эти внѣшнія проявленія аффектовъ изслѣдованы были въ послѣднее время при помощи различныхъ точныхъ записывающихъ приборовъ. Я приведу здѣсь нѣкоторыя данныя изъ опытовъ, производившихся мною надъ загипнотизированными субъектами. Человѣку, находившемуся въ глубокомъ гипнотическомъ снѣ, внушаютъ, напр., что онъ идетъ по лѣсу и вдругъ на него бросается волкъ: сильный испугъ, рѣзкія измѣненія пульса и дыханія. Пульсъ дѣлается сильно учащеннымъ, неправильнымъ. Дыханіе также рѣзко измѣняется: вначалѣ обычно бываетъ сильный вдохъ, подобно тому, какъ это бываетъ при погруженіи въ холодную воду; затѣмъ слѣдуетъ неправильныя учащенныя дыхательныя движенія. Спустя $^1/_2$ минуты испытуемому внушалось, что все исчезло, ничего больше нѣтъ, — онъ успокаивался, и дыханіе и пульсъ довольно быстро возвращались къ нормѣ. Аналогичнымъ образомъ изслѣдовалось вліяніе гнѣва, радости и горя. Оказалось, что проявленія страха и гнѣва отличаются большей интенсивностью, чѣмъ горя и радости. Особенно слѣдуетъ отмѣтить вліяніе испуга, который вы-

зываетъ не только усиленіе дыханія и кровообращенія, но и неправильности, нарушенія въ ихъ дѣйствіи. Это слѣдуетъ помнить учителю, такъ какъ всякая педагогика, основанная только на страхѣ, непремѣнно отразится, въ концѣ концовъ, на нервной системѣ болѣе слабыхъ учениковъ. Что казается горя и радости, то ихъ проявленія менѣе интенсивны; однако, благодаря своей большей продолжительности, они также могутъ оказать на организмъ очень значительное вліяніе.

Кромѣ измѣненій пульса и дыханія, аффекты сопровождаются также различнаго рода движеніями. Эти движенія могутъ быть или безпорядочными, не имѣющими никакой опредѣленной цѣли и являющимися лишь результатомъ общаго возбужленія, или же они могутъ имѣть до извѣстной степени цѣлесообразный характеръ, будучи связаны съ тѣми или иными представленіями, напоминая тѣ или иныя дѣйствія; такъ, напр., при испугѣ руки протягиваются впередъ, какъ бы для защиты, при радости глаза расширяются, какъ будто бы мы стараемся лучше разглядѣть пріятный для насъ предметъ, и т. п. Такая связь нѣкоторыхъ внѣшнихъ проявленій съ представленіями, возбуждающими данный аффектъ, дала поводъ психологамъ построить различныя догадки относительно происхожденія этихъ внѣшнихъ проявленій. Здѣсь поддерживались, главнымъ образомъ, двѣ гипотезы, изъ которыхъ каждая имѣетъ за себя основательные доводы, и повидимому, содержитъ извѣстную долю истины.

Дарвинъ и Спенсеръ, стоя на эволюціонной точкѣ зрѣнія, считаютъ эти внѣшнія проявленія чувствованій рудиментами или остатками тѣхъ біологически-полезныхъ поступковъ, которые вызывались раньше этими чувствованіями. Почему, напр., мы при гнѣвѣ краснѣемъ, тяжело дышимъ, сжимаемъ кулаки, повышаемъ голосъ, иногда топаемъ ногой и т. д.? Потому что въ первобытныя времена гнѣвъ зачастую велъ непосредственно за собой физическое столкновеніе, требовавшее сильнаго напряженія всѣхъ мускуловъ тѣла; при рукопашной схваткѣ обмѣнъ веществъ рѣзко повышался, что вело къ усиленію дыханія и кровообращенія; часто

схватки сопровождались крикомъ, имѣющимъ цѣлью или устрашить противника, или извѣстить товарищей и сторонниковъ о грозящей опасности. Всѣ эти проявленія въ свое время имѣли очень важное біологическое значеніе и, благодаря этому, въ цѣломъ рядѣ поколѣній выработалась извѣстная привычка къ возникновенію ихъ въ моментъ гнѣва. Въ настоящее время какъ формы борьбы, такъ и ея пріемы измѣнились, но то, что было выработано тысячелѣтіями, не исчезаетъ такъ скоро, а остается въ видѣ рудиментовъ, хотя и не нужныхъ, но сохраняющихся въ силу наслѣдственности.

Принципомъ этимъ удачно объясняются очень многія внѣшнія проявленія чувствъ,—однако, далеко не всѣ, и если мы будемъ пытаться послѣдовательно провести эту точку зрѣнія съ цѣлью объяснить ею всѣ наши проявленія, то придется прибѣгнуть къ значительнымъ натяжкамъ. Такой натяжкой представляется мнѣ, напр., слѣдующее объясненіе нашей привычки хмурить брови при гнѣвѣ. Предполагается, что въ первобытное время, когда солнце во время борьбы свѣтило въ лицо, нуженъ былъ навѣсъ надъ глазами, и вотъ косматыя брови нашихъ предковъ, стоявшихъ на границѣ между человѣкомъ и обезъяной, служили именно для этой цѣли; теперь, хотя данный пріемъ и утратилъ свое значеніе, но пріобрѣтенная привычка хмурить брови при гнѣвѣ все-таки осталась. Къ такого рода искусственнымъ объясненіямъ намъ пришлось бы прибѣгать довольно часто, если бы мы захотѣли, исходя изъ одного только вышеупомянутаго принципа, объяснить всѣ безъ исключенія проявленія нашихъ аффектовъ.

Въ виду этого важное значеніе имѣетъ, наряду съ первымъ принципомъ, также второй, выдвинутый Пидеритомъ и Вундтомъ. Сравнивая различнаго рода чувствованія, мы встрѣчаемъ среди нихъ чувства, связанныя съ ощущеніями и воспріятіями, и чувства, связанныя съ представленіями и понятіями, или, другими словами, эмоціи болѣе чувственнаго и эмоціи болѣе

идейнаго характера. Съ эволюціонной точки зрѣнія первыя являются болѣе ранними: надо думать, что низшія, первобытныя существа способны были только на такія чувства, которыя были непосредственно связаны съ ихъ воспріятіями. Чувства эти сопровождались обычно извѣстными внѣшними дѣйствіями, предназначенными для лучшаго изученія даннаго объекта, а затѣмъ для его привлеченія или отталкиванія. Впослѣдствіи эти же дѣйствія были перенесены и на аналогичныя идейныя чувства, превратившись здѣсь въ такъ называемыя мимическія движенія.

Возьмемъ, напр., отвращеніе. Первобытное отвращеніе, конечно, было связано прежде всего съ пищей: пріятная пища вызывала движеніе, предназначенное для того, чтобы схватить эту пищу и удержать ее во рту; непріятная пища вызывала движенія, нужныя для удаленія пищи. Теперь возьмемъ гримасу отвращенія, хотя бы и моральнаго. Она состоитъ въ прищуриваніи глазъ, отворачиваніи головы (нежеланіе смотрѣть на данный объектъ), въ выдвиганіи нижней губы впередъ, какъ будто бы мы желали выплюнуть изо рта что-то непріятное. Наоборотъ, пріятныя чувства — восторгъ, радость, удовольствіе — сопровождаются широко раскрытыми глазами, полураскрытымъ ртомъ, движеніемъ впередъ къ данному объекту—все это носитъ характеръ противоположный тому, что мы наблюдаемъ при чувствѣ отвращенія. Здѣсь, слѣдовательно, механизмъ, выработанный для чувственныхъ воспріятій, былъ цѣликомъ перенесенъ затѣмъ и на болѣе идейные объекты. Мы знаемъ, что зачастую высокія идейныя чувства носятъ на себѣ отпечатокъ своего болѣе низкаго происхожденія. Объ этомъ свидѣтельствуютъ нерѣдко уже самые термины, употребляемые нами для обозначенія тѣхъ или иныхъ высшихъ чувствованій. Такъ, напр., мы говоримъ о *сладостной* надеждѣ, о *высокихъ* идеалахъ или *низкихъ* поступкахъ и т. д.

Итакъ, мы видимъ, что обѣ изложенныя теоріи освѣщаютъ, каждая съ своей стороны, вопросъ о происхожденіи внѣшнихъ проявленій аффектовъ. Повиди-

мому, каждая изъ нихъ заключаетъ въ себѣ извѣстную долю истины; самыя же явленія слишкомъ сложны для того, чтобы быть всецѣло объясненными однимъ какимъ-нибудь принципомъ.

Дѣленіе аффектовъ.

Аффекты подраздѣляются на нѣсколько различныхъ группъ, и прежде всего—въ зависимости отъ особенностей ихъ теченія. Я уже указывалъ на то, что всѣ вообще аффекты начинаются обыкновенно болѣе или менѣе внезапно; однако все же теченіе разныхъ аффектовъ бываетъ различно: иногда они, внезапно начавшись, внезапно же и оканчиваются; иногда бываютъ прерывисты, попеременно то усиливаясь, то ослабѣвая; бываетъ наконецъ, часто и такъ, что аффектъ, постепенно ослабѣвая, переходитъ, наконецъ, въ одно изъ тѣхъ длительныхъ аффективныхъ состояній, которыя мы называемъ настроеніемъ, влеченіемъ, страстью и т. д.

Кромѣ различія по теченію, аффекты различаются также по своимъ объектамъ, по тѣмъ представленіямъ и впечатлѣніямъ, съ которыми они связаны. Здѣсь можно различать прежде всего субъективные и объективные аффекты. Выше мнѣ уже приходилось говорить, что всякое чувство по существу своему субъективно; въ то же время, однако, одѣльныя чувства и аффекты могутъ быть сосредоточены или преимущественно на состояніяхъ самого субъекта, или же на какихъ-либо внѣшнихъ объектахъ. Такъ, напр., радость, печаль, горе съ этой точки зрѣнія будутъ болѣе субъективны, чѣмъ удивленіе, ожиданіе, надежда и т. п. Кромѣ того, представленіе, съ которымъ связанъ аффектъ, можетъ относиться къ настоящему или будущему, что также можетъ служить основаніемъ для соотвѣтствующей группировки аффектовъ.

Однако, гораздо большее значеніе какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніи имѣетъ дѣленіе аффектовъ на стеническіе и астеническіе по тому вліянію, которое они оказываютъ на нервно-мышечную нашу дѣятельность и на всѣ вообще

наши жизненныя проявленія. Стеническіе аффекты это тѣ, которые возбуждающимъ образомъ дѣйствуютъ на нашу нервную систему, усиливая тонусъ (напряженіе) мышцъ и повышая всѣ вообще жизненные процессы. Такіе стеническіе аффекты, какъ радость, надежда, не особенно сильный гнѣвъ, возбуждаютъ общую жизнедѣятельность человѣка, между тѣмъ какъ страхъ, печаль, угнетаютъ его и задерживаютъ теченіе процессовъ, совершающихся въ его организмѣ.

Надо сказать, однако, что всѣ только что приведенныя подраздѣленія нельзя считать совершенно категорическими. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, очень трудно бываетъ провести рѣзкія, опредѣленныя границы между отдѣльными рубриками. Даже дѣленіе аффектовъ на стеническіе и астеническіе все-таки допускаетъ извѣстныя отступленія. Такъ, напр., гнѣвъ при средней интенсивности является стеническимъ аффектомъ, но когда онъ достигаетъ крайней степени, человѣкъ ослабѣваетъ, движенія дѣлаются некоординированными, разсудокъ ослабѣваетъ, словомъ—аффектъ начинаетъ дѣйствовать астенически. При страхѣ средней силы человѣкъ пускается бѣжать, крайній же страхъ вліяетъ, наоборотъ, парализующимъ образомъ.

Теорія Джемса и Ланге.

Въ послѣднее время вопросъ о внѣшнихъ проявленіяхъ чувствъ былъ особенно выдвинутъ въ психологіи и подвергся обширнымъ обсужденіямъ отчасти въ связи съ тѣми физіологическими тенденціями, которыя присущи современной естественно-научной психологіи, а отчасти и потому, что выяснилась весьма существенная роль этихъ внѣшнихъ проявленій въ природѣ и возникновеніи самихъ чувствованій. Возникла теорія, утверждающая, что эти внѣшнія физіологическія проявленія составляютъ главную, даже единственную основу всякаго вообще чувства. Согласно этой теоріи, развитой патолого-анатомомъ Ланге и психологомъ Джемсомъ, субъективныя переживанія, испытываемыя нами при различныхъ аффектахъ, являются ничѣмъ инымъ, какъ

результатомъ или выраженіемъ объективныхъ процессовъ, совершающихся на периферіи организма. То, что раньше считалось слѣдствіемъ, дѣлается теперь причиной,—и наоборотъ. Джемсъ формулируетъ этотъ взглядъ слѣдующимъ образомъ: мы не потому смѣемся или плачемъ, что рады или огорчены, а потому рады, что смѣемся, потому огорчены, что плачемъ.

Въ подтвержденіе этого, на первый взглядъ парадоксальнаго мнѣнія приводится рядъ весьма существенныхъ доводовъ. Прежде всего указывается на то важное значеніе, которое имѣютъ такъ называемые внѣшніе спутники или проявленія въ самомъ аффективномъ процессѣ. Джемсъ предлагаетъ такого рода пріемъ. Представьте себѣ, что вы мысленно выдѣлили изъ чувства страха все то, что можно отнести къ его внѣшнимъ, физіологическимъ проявленіямъ: сердцебіеніе, стѣсненіе въ груди, задержку дыханія, морозъ, пробѣгающій по спинѣ и т. д. Если вы это сдѣлаете, то то, что мы называемъ страхомъ, исчезнетъ, и отъ него останется одно только совершенно холодное представленіе о томъ предметѣ или событіи, которое вызвало у насъ чувство страха. Точно то же, по мнѣнію Джемса, должно случиться при подобномъ пріемѣ и со всѣми другими аффектами.

Съ другой стороны Ланге указываетъ на то, что если не всѣ, то по крайней мѣрѣ важнѣйшіе, наиболѣе существенные аффекты можно группировать исключительно по ихъ внѣшнимъ проявленіямъ. Вотъ краткій перечень проявленій четырехъ главныхъ аффектовъ.

При печали человѣкъ говоритъ тихимъ голосомъ, всѣ вообще движенія его замедлены и ослаблены; напряженіе мышцъ лица уменьшается, вслѣдствіе чего нижняя челюсть слегка отвисаетъ и лицо вытягивается; углы рта опущены. О человѣкѣ, испытывающемъ сильное горе, говорятъ, что онъ подавленъ горемъ, что его гнететъ что-то. Далѣе, кожные сосуды сокращаются, благодаря усиленному возбужденію вазомоторовъ (нервовъ, которые иннервируютъ мышцы, заложенныя въ стѣнкахъ артерій); вслѣдствіе этого лицо слегка блѣднѣетъ, дѣлается какъ бы сѣроватымъ. Если печаль

тянется долго, напр., недѣли, мѣсяцы, то человѣкъ становится малокровнымъ, питаніе его ослабѣваетъ; поэтому длительная печаль предрасполагаетъ ко всякаго рода заболѣваніямъ. Всѣ эти симптомы указываютъ на то, что у человѣка при печали наступаетъ пониженіе двигательной иннерваціи, сопровождающееся спазмомъ вазомоторовъ.

При страхѣ повторяются тѣ же явленія: то же разслабленіе мускулатуры, тотъ же спазмъ сосудовъ; отсюда пониженное выдѣленіе слизи и слюны—сухость во рту, сиплый голосъ. Кромѣ того, при сильномъ страхѣ наблюдается еще нерѣдко спазматическое сокращеніе мышцъ внутреннихъ органовъ, ведущее за собой непроизвольное мочеиспусканіе и выдѣленіе кишечнаго содержимаго.

При радости мы наблюдаемъ какъ разъ противоположные симптомы: усиленіе двигательной иннерваціи—дѣти начинаютъ прыгать, визжать, взрослые говорятъ громкимъ голосомъ, держатся бодрѣе, выпрямляются, голова поднята кверху, лицо смѣющееся, однимъ словомъ—все указываетъ на повышенную двигательную иннервацію. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельность сердца усиливается, сосуды, расположенные на периферіи тѣла (главнымъ образомъ кожные сосуды) расширяются, кровь приливаетъ къ кожѣ и слизистымъ оболочкамъ, лицо краснѣетъ, выдѣленія нѣсколько усиливаются. Въ связи съ этимъ радость, хорошее настроеніе способствуютъ повышенію общей жизнедѣятельности организма. Всѣ эти симптомы прямо противоположны тѣмъ, какіе бываютъ при печали; они указываютъ, въ общемъ, на усиленіе двигательной иннерваціи и разслабленіе вазомоторовъ.

Наконецъ, проявленія гнѣва во многомъ сходны съ проявленіями радости. Здѣсь также имѣется усиленіе двигательной иннерваціи: человѣкъ повышаетъ голосъ, сжимаетъ кулаки, иногда стучитъ по столу. Наблюдается и расширеніе периферическихъ сосудовъ: человѣкъ краснѣетъ, иногда даже багровѣетъ отъ гнѣва, бываютъ приливы крови къ головѣ, которые у людей старыхъ могутъ дойти до кровоизліянія въ мозгъ. Вы-

дѣленія усиливаются, — извѣстно, что при сильномъ гнѣвѣ человѣкъ брызжетъ слюной. Кромѣ того, при сильномъ гнѣвѣ, доходящемъ до ярости, наблюдается еще одинъ симптомъ, именно—нарушеніе двигательной координаціи, взаимной согласованности движеній: при сильномъ гнѣвѣ человѣкъ начинаетъ задыхаться, путать слова, неясно произносить ихъ, безпорядочно размахивать руками, безъ всякой причины топать ногами, однимъ словомъ, цѣлесообразность движеній и правильное сочетаніе ихъ нарушается.

Вкратцѣ все это можно представить въ слѣдующей таблицѣ.

Печаль: пониженіе двигательной иннерваціи + суженіе сосудовъ.

Страхъ: пониженіе двигательной иннерваціи + суженіе сосудовъ + спазмъ органическихъ мускуловъ.

Радость: усиленіе двигательной иннерваціи + расширеніе сосудовъ.

Гнѣвъ, ярость: усиленіе двигательной иннерваціи + расширеніе сосудовъ + нарушеніе координаціи движеній.

Разумѣется, таблица эта не можетъ считаться совершенно точной во всѣхъ своихъ деталяхъ. Такъ напр., извѣстно, что при печали мы плачемъ, слѣдовательно, выдѣленіе изъ глазъ не только не уменьшается, но усиливается, — а это противорѣчитъ данной схемѣ. Можно было бы привести и нѣкоторыя другія детали, не согласующіяся съ данной группировкой. Тѣмъ не менѣе, въ основныхъ своихъ чертахъ схема соотвѣтствуетъ дѣйствительности, и это обстоятельство, повторяю, лишній разъ свидѣтельствуетъ о той важной роли, которую такъ называемыя внѣшнія проявленія играютъ въ самомъ механизмѣ аффектовъ.

Наряду съ этимъ, Ланге и Джемсъ указываютъ на то, что нѣкоторые аффекты возникаютъ чисто физіологически, совершенно независимо отъ какихъ бы то ни было психологическихъ причинъ, т. е. представленій или воспріятій. Извѣстно, напр., что алкоголь, морфій, опій и другіе яды могутъ вызвать чисто органическимъ путемъ извѣстныя настроенія и аффекты. Когда чело-

вѣкъ выпьетъ лишнее, то онъ, смотря по своей физической организаціи, или размякнетъ, дѣлается добродушнымъ, слезливымъ и разговорчивымъ, или же становится ворчливымъ, сердится, лѣзетъ въ драку. Во всѣхъ этихъ случаяхъ внѣшнія впечатлѣнія и возбужденія играютъ лишь роль повода: аффектъ уже заранѣе готовъ и ищетъ только, на чемъ бы ему можно было проявиться. Извѣстно далѣе, что у древнихъ скандинавовъ воины передъ тѣмъ, какъ идти въ сраженіе, принимали ядъ мухоморовъ: этотъ ядъ возбуждалъ въ нихъ бѣшенство и усиливалъ ихъ воинственныя наклонности.

Кромѣ того, въ пользу изложенной теоріи говоритъ также еще и слѣдующее обстоятельство. Многіе изъ васъ знаютъ, вѣроятно, по своему собственному опыту, что, вліяя на внѣшнія проявленія какого-либо аффекта, стараясь ихъ подавить или, по крайней мѣрѣ, задержать, мы можемъ этимъ самымъ въ значительной степени ослабить и самый аффектъ. Мудрое правило рекомендуетъ намъ, въ случаѣ если мы разсердимся, не разговаривать съ противникомъ раньше, чѣмъ мы сосчитаемъ до 50 въ полномъ молчаніи, оставаясь неподвижными: временная задержка проявленій ослабитъ аффектъ и дастъ намъ возможность обсудить дѣло болѣе хладнокровно.

Всѣ подобныя данныя, по мнѣнію Джемса и Ланге, позволяютъ намъ построить теорію аффектовъ совершенно на новыхъ основаніяхъ. По ихъ мнѣнію, аффекты возникаютъ слѣдующимъ образомъ. Человѣкъ воспринимаетъ какое-нибудь внѣшнее раздраженіе, сильно затрогивающее его интересы, его жизнедѣятельность, вообще—біологически для него важное. Это внѣшнее воспріятіе тотчасъ же, зачастую еще не дойдя до его сознанія, вліяетъ, благодаря прирожденному анатомо-физіологическому механизму, на его вазомоторы и на двигательную сферу. Тотчасъ же у него начинаетъ сильнѣе биться сердце, сокращаются мускулы, сжиматься или расширяться сосуды и т. д. Всѣ эти периферическіе процессы возбуждаютъ у человѣка огромное количество разнообразныхъ ощущеній: осязательныхъ, мышечныхъ, ощущеній внутренняго чувства и др. И

вотъ вся эта совокупность периферическихъ ощущеній, возникшихъ благодаря внѣшнимъ физіологическимъ проявленіямъ аффекта, достигаетъ до нашего сознанія въ видѣ смутной массы, слитаго комплекса. Этотъ комплексъ ощущеній и воспринимается, какъ чувство. Итакъ, по мнѣнію Джемся и Ланге, то, что мы называемъ чувствомъ, есть на самомъ дѣлѣ лишь смутная совокупность ощущеній, возникшихъ на периферіи нашего организма. Теорію эту можно поэтому охарактеризовать какъ сенсуалистическую (чувства сводятся къ ощущеніямъ) и периферическую—въ противоположность другимъ теоріямъ, связывающимъ чувствованія съ центральными процессами, непосредственно возникающими въ головномъ мозгу.

Однако, противъ этой теоріи можно выставить также и цѣлый рядъ весьма существенныхъ возраженій. Прежде всего группировка аффектовъ по ихъ внѣшнимъ проявленіямъ лишь отчасти совпадаетъ съ группировкой по ихъ содержанію. Схема Ланге обнимаетъ собой лишь немногіе аффекты, значительное же большинство ихъ (какъ надежду, ожиданіе, смущеніе, удивленіе и многіе другіе) очень трудно уложить въ намѣченныя рамки. Далѣе, теорія эта пытается объяснить природу чувствованій вообще,—а на самомъ дѣлѣ она приложима лишь къ аффектамъ. Что касается высшихъ, идейныхъ чувствованій (эстетическихъ, интеллектуальныхъ, моральныхъ, религіозныхъ), то они зачастую сопровождаются лишь ничтожными измѣненіями пульса, дыханія и мышечнаго тонуса,—а между тѣмъ эти чувства могутъ достигать крайней интенсивности и не только не меньше, а даже гораздо сильнѣе вліять на наши поступки и дѣйствія, чѣмъ тѣ аффекты, о которыхъ шла рѣчь.

Наконецъ, то обстоятельство, что различные яды могутъ чисто органическимъ путемъ вызывать въ насъ тѣ или иные аффекты, еще не говоритъ въ пользу периферическаго происхожденія этихъ аффектовъ. Вѣдь ядъ дѣйствуетъ не только на сердце, мускулы, сосуды и центры, ими завѣдующіе, онъ дѣйствуетъ на весь нашъ организмъ, въ томъ числѣ и на головной мозгъ; слѣдовательно, вполнѣ возможно сдѣлать и такое до-

пущеніе, что чувство связано съ извѣстными физіологическими процессами центральнаго характера, т. е. возникающими непосредственно въ головномъ мозгу и сопровождающими собой тѣ корковыя возбужденія, которыя лежатъ въ основѣ представленій и воспріятій. Я воспринимаю извѣстное впечатлѣніе, и если это впечатлѣніе будетъ неблагопріятное, тяжелое, то процессъ, протекающій въ корѣ, приметъ иной характеръ, чѣмъ въ противномъ случаѣ. А затѣмъ уже это своеобразное теченіе процесса вліяетъ на сердце, произвольные мускулы и т. д. и вызываетъ тѣ внѣшнія проявленія, о которыхъ идетъ рѣчь.

Все сказанное заставляетъ насъ придти къ тому выводу, что наиболѣе правильнымъ слѣдуетъ, повидимому, признать объясненіе, данное Вундтомъ и примиряющее обѣ изложенныя точки зрѣнія. Вундтъ считаетъ теорію Джемса и Ланге неправильной въ томъ отношеніи, что она всѣ чувства цѣликомъ сводитъ къ совокупности периферическихъ ощущеній. Физіологическую основу всякаго чувства составляетъ, прежде всего, центральный мозговой процессъ. Этотъ процессъ черезъ посредство центробѣжныхъ нервовъ вліяетъ на периферическіе органы, обусловливая возникновеніе въ нихъ тѣхъ или иныхъ внѣшнихъ проявленій чувства. Эти внѣшнія проявленія сопровождаются массой ощущеній—осязательныхъ, мышечныхъ и другихъ, — которыя, достигая сознанія и присоединяясь къ первоначально возникшему чувству, значительно усиливаютъ его интенсивность. Такимъ образомъ теорія Ланге и Джемса, не будучи права въ своихъ крайнихъ выводахъ, тѣмъ не менѣе, содержитъ въ себѣ извѣстную долю истины.

Изслѣдованіе внѣшнихъ проявленій аффектовъ, въ особенности пульса и дыханія, производится при помощи особыхъ приборовъ, позволяющихъ записывать пульсовыя и дыхательныя кривыя на законченномъ вращающемся барабанѣ. Но кромѣ пульса и дыханія большую важность представляетъ также изслѣдованіе кровенаполненія мелкихъ поверхностныхъ сосудовъ кожи, производящееся при помощи такъ наз. плетисмо-

графа. Приборъ этотъ, изобрѣтенный итальянскимъ физіологомъ Моссо, въ настоящее время значительно усовершенствованъ. Онъ состоитъ изъ стекляннаго, горизонтально-продолговатаго сосуда, въ который помѣщается рука. Затѣмъ отверстія закупориваются, и оставшееся пустымъ пространство заполняется водой. Сосудъ соединяется трубкой съ записывающимъ аппаратомъ. При расширеніи поверхностныхъ сосудовъ кожи кровь приливаетъ усиленно къ рукѣ, объемъ руки увеличивается, воздухъ вгоняется изъ сосуда въ трубку и перышко поднимается; наоборотъ, при спаденіи руки вслѣдствіе сжатія поверхностныхъ сосудовъ воздухъ входитъ обратно въ сосудъ и перышко опускается. Такимъ образомъ на барабанѣ получается кривая—плетисмографическая кривая,—которая можетъ указывать намъ на измѣненіе кровенаполненія сосудовъ руки при различныхъ аффектахъ.

XIX.

Важнѣйшіе виды сложныхъ чувствованій.

Общее подраздѣленіе сложныхъ эмоцій.

Теперь я перейду къ изложенію другихъ родовъ чувствованій, и прежде всего остановлюсь на ихъ раздѣленіи. Все огромное разнообразіе нашихъ чувствованій или эмоцій (оба эти термина почти равнозначны), мы можемъ классифицировать въ зависимости отъ того, съ какими интеллектуальными процессами связаны эти чувства. Многіе психологи, какъ я объ этомъ уже упоминалъ выше, даже пытались свести все различіе отдѣльныхъ чувствованій къ различію представленій, съ которыми они связаны, или, другими словами, къ различію объектовъ, на которые направлено чувство. Если выключить интеллектуальные элементы, то чувство наслажденія, испытываемое нами при какомъ-нибудь эстетическомъ переживаніи, совершенно тождественно, будто-бы, съ наслажденіемъ, которое мы испытываемъ при удовольствіяхъ органическаго характера: удовольствіе отъ красивой мелодіи тождественно съ удовольствіемъ отъ хорошей сигары.

Я думаю, однако, что такой взглядъ является слишкомъ схематическимъ, что онъ слишкомъ упрощаетъ то разнообразіе чувствованій, которое мы испытываемъ въ нашемъ сознаніи. Для всякаго непосредственнаго, непредубѣжденнаго сознанія слишкомъ рѣзкой и ясной представляется разница между отдѣльными представителями высшихъ и низшихъ чувствованій. Низшія чувства отличаются отъ высшихъ цѣлымъ рядомъ признаковъ, о которыхъ мнѣ придется сейчасъ еще говорить. Тѣмъ не менѣе, этотъ взглядъ, сближающій

между собою высшія, идейныя, и низшія, органическія, чувства, заставляетъ насъ обратить вниманіе на нѣкоторые факты, которыхъ нельзя не признать. Такъ, напр., очень трудно установить рѣзкую, замѣтную границу между низшими и высшими чувствованіями. Мы имѣемъ цѣлый рядъ переходовъ, какъ вы увидите изъ того подраздѣленія чувствованій, которое я вамъ сейчасъ дамъ, и относительно этихъ переходныхъ чувствованій зачастую очень трудно бываетъ рѣшить, отнести ли ихъ къ низшимъ или высшимъ. Повидимому, и здѣсь, какъ и въ умственныхъ процесахъ, приходится остановиться на эволюціонной точкѣ зрѣнія, признающей, наряду съ существованіемъ цѣлаго ряда постепенныхъ переходовъ, также и существованіе рѣзкихъ и стойкихъ различій между крайними представителями эволюціоннаго ряда.

Чѣмъ же отличаются высшія чувствованія отъ низшихъ? Прежде всего отличіе это заключается въ томъ, что высшія чувства связаны обычно съ представленіями, въ то время, какъ низшія чувства связаны съ ощущеніями и чувственными воспріятіями. Наслажденіе, испытываемое при чтеніи интересной книги, вызывается не зрительными воспріятіями читаемаго текста, а тѣми представленіями и мыслями, которыя возникаютъ при чтеніи; нравственное чувство при разсказѣ о справедливомъ поступкѣ связывается не съ слуховыми воспріятіями, а съ мыслями и образами, которыя возбуждаетъ въ насъ разсказъ. Между тѣмъ, удовольствіе отъ хорошей сигары, тонкаго блюда, теплой ванны или холоднаго душа связано всегда непосредственно съ ощущеніями, получаемыми нами въ каждомъ данномъ случаѣ. Это—первое и весьма важное отличіе высшихъ чувствъ отъ низшихъ.

Далѣе, высшія идейныя чувства обычно отличаются большей сложностью по сравненію съ низшими, органическими. Напр., чувство голода или ощущеніе пріятнаго отъ куренія сигары представляются простыми, несложными, однородными по своему составу и болѣе или менѣе одинаковыми у разныхъ людей. Между тѣмъ наслажденіе, испытываемое, напр., при чтеніи книги,

отличается значительно большей сложностью. Цѣлый рядъ разнообразныхъ чувствованій возникаетъ здѣсь одновременно: интересъ къ излагаемому предмету, согласіе или несогласіе съ мыслями автора, удовольствіе отъ какого-нибудь неожиданнаго, остроумнаго вывода,— всѣ эти разнообразныя эмоціональныя переживанія сливаются, образуя общее чувство интеллектуальнаго наслажденія. Точно также чувство долга, нравственное удовлетвореніе, эстетическія и другія чувства отличаются значительно большей сложностью и большимъ разнообразіемъ, чѣмъ простыя, элементарныя органическія чувства.

Довольно значительную роль при образованіи высшихъ чувствъ изъ низшихъ играетъ задержка тѣхъ или иныхъ низшихъ чувствованій. Зачастую идейныя эмоціи достигаютъ значительной интенсивности именно благодаря тому, что сопутствующія имъ органическія влеченія задерживаются или даже совершенно заглушаются. Возьмемъ, напр., любовную эмоцію. Низшія ея проявленія носятъ чисто чувственный характеръ, сводясь къ удовлетворенію полового инстинкта въ его неприкрытомъ, элементарномъ видѣ. Чѣмъ выше мы поднимаемся по эволюціоннной лѣстницѣ, тѣмъ больше присоединяются къ чисто чувственному наслажденію интеллектуальные элементы: эстетическое чувство, нѣжность, симпатія, и, наконецъ, мы встрѣчаемъ и такія чувствованія въ этой области, при которыхъ чувственные, органическіе элементы или подавляются совершенно, или, по крайней мѣрѣ, отступаютъ на второй планъ. Такъ называемая платоническая любовь хотя и включаетъ въ себя извѣстные чувственные элементы (совершенно лишеннымъ чувственныхъ элементовъ ни одно идейное чувство, повидимому, не бываютъ), но эти послѣдніе отходятъ на второй планъ, а преобладающую роль играютъ чувства, связанныя съ образами и отвлеченными понятіями.

Итакъ, высшія чувства развиваются изъ низшихъ путемъ усложненія, обогащенія идейными элементами и задержки чувственныхъ элементовъ. Иногда въ этихъ случаяхъ наблюдается

также своеобразное явленіе, которое можно было бы назвать переносомъ чувствованій съ одного объекта на другой. Возьмите, для примѣра, скупость или вообще эгоистическую эмоцію. При непосредственномъ эгоизмѣ — животнаго или маленькаго ребенка — всякаго рода чувственныя влеченія требуютъ немедленнаго удовлетворенія, послѣ чего они затихаютъ: голодное животное ищетъ пищи, хватаетъ ее, съѣдаетъ и успокаивается. У взрослаго же человѣка сюда присоединяется еще рядъ сложныхъ соображеній относительно того, что для удовлетворенія потребности въ пищѣ нужно предварительно выполнить цѣлый рядъ иногда очень сложныхъ дѣйствій: обзавестись деньгами, обезпечить себѣ извѣстные запасы и т. д. Мало-по-малу мы видимъ, что эти посредствующія, промежуточныя цѣли, которыя вначалѣ играютъ только роль средствъ къ удовлетворенію извѣстнаго влеченія, начинаютъ сами выдвигаться на первый планъ. Взрослый человѣкъ зачастую радуется не потому, что онъ сытъ или испытываетъ извѣстныя удобства, а потому, что накопилъ порядочно денегъ, которыя въ будущемъ, если бы онъ захотѣлъ, могутъ доставить ему обильную ѣду и удобство; а если онъ сдѣлается скупцомъ, то будетъ до самой смерти отказывать себѣ въ удобствахъ и сытной ѣдѣ, чтобы накопить побольше денегъ. Таково, повидимому, происхожденіе многихъ нашихъ эмоцій, въ томъ числѣ самолюбія, властолюбія и др.

Въ предшествовавшемъ изложеніи я неоднократно пользовался терминами „высшія“ и „низшія“ чувствованія. Терминъ этотъ, не совсѣмъ удобный тѣмъ, что онъ вноситъ въ объективное разсмотрѣніе эмоцій также и ихъ оцѣнку, тѣмъ не менѣе имѣетъ свое біологическое обоснованіе. Интересныя соображенія высказываетъ въ этомъ отношеніи Бэнъ. Онъ указываетъ прежде всего, на то, что низшія, органическія эмоціи (ѣда, половой инстинктъ и др.) послѣ своего полнаго удовлетворенія оставляютъ зачастую непріятную послѣдовательную реакцію, состоящую въ утомленіи, пресыщеніи и т. п. Между тѣмъ высшія, идейныя эмоціи не влекутъ за собой непремѣнно такой реакціи: послѣ инте-

реснаго чтенія, послѣ возвышающаго душу зрѣлища мы не только не испытываемъ пресыщенія или утомленія, но наоборотъ—извѣстный подъемъ духа, мы какъ-бы освѣжаемся и ободряемся. Кромѣ того, указывается на то, что самый способъ пользованія объектомъ, возбуждающимъ эмоцію, въ обоихъ случаяхъ является различнымъ. При наслажденіяхъ низшихъ, болѣе чувственнаго порядка, объектъ, возбуждающій эмоцію, или истребляется (какъ это бываетъ, напр., при ѣдѣ) или же требуется, чтобъ данный объектъ находился, хотя бы временно, въ полномъ распоряженіи даннаго индивида. Вспомните половую ревность, которая въ томъ и состоитъ, что обладаніе объектомъ даннаго чувства требуется какъ необходимый спутникъ чувственнаго наслажденія. Между тѣмъ чувства идейныя, высшаго порядка характеризуются, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, тѣмъ, что наслажденіе получается одинаково и въ томъ случаѣ, если объектъ доступенъ одновременно многимъ людямъ. Въ концертномъ залѣ могутъ присутствовать сотни людей, и отъ этого наслажденіе отдѣльныхъ слушателей не уменьшается; то же можно сказать о музеяхъ, библіотекахъ, картинныхъ галлереяхъ и т. д. Это обстоятельство въ значительной степени способствуетъ тому, что высшія, идейныя, чувства сближаютъ людей, между тѣмъ какъ чувственныя наслажденія зачастую раздѣляютъ ихъ, вызываютъ между ними борьбу за обладаніе даннымъ объектомъ.

Послѣ этой общей характеристики разнаго рода чувствованій я перейду къ описанію отдѣльныхъ ихъ видовъ. Сравнивая между собой отдѣльныя чувства, мы можемъ подраздѣлить ихъ на слѣдующія группы,—помня, однако, что между этими группами нельзя провести рѣзкой границы, что онѣ постепенно переходятъ одна въ другую. Прежде всего — органическія чувства, связанныя съ тѣми или иными органическими ощущеніями, влеченіями и потребностями. Сюда относятся, напр., чувство удовольствія (или неудовольствія) при удовлетвореніи голода, жажды, полового влеченія, потребности въ движеніи, во снѣ и т. д.; сюда же относятся нѣкоторыя чувственныя наслажденія

вторичнаго характера, создавшіяся путемъ привычки, какъ напр., удовольствіе, доставляемое различными возбуждающими или наркотическими веществами: алкоголь, табакъ и др. Слѣдующую ступень составляютъ чувства, относящіяся къ собственной личности, къ собственному „я“ человѣка: заботы о себѣ, о своихъ выгодахъ и удобствахъ — то, что называютъ эгоизмомъ, заботы о своемъ превосходствѣ надъ другими (самолюбіе, честолюбіе), о своемъ первенствѣ, главенствѣ надъ другими людьми (властолюбіе). Сюда слѣдуетъ причислить также и то, что называютъ въ послѣднее время эгоцентризмомъ, то есть постоянное, хотя бы и безкорыстное, сосредоточеніе вниманія на своей личности, на своихъ собственныхъ переживаніяхъ и связанное съ этимъ чувство удовольствія или неудовольствія. Дальнѣйшая ступень — это различнаго рода соціальныя чувствованія, — чувства, связанныя съ требованіями, предъявляемыми къ намъ родомъ, окружающей обстановкой, потребностями другихъ людей, такъ называемыя альтруистическія чувства, связанныя съ заботой о благосостояніи другихъ людей и объ ихъ судьбѣ. Сюда же въ значительной степени относится семейное чувство, хотя, какъ мы увидимъ дальше, оно представляется сложнымъ продуктомъ, составленнымъ изъ разнообразныхъ элементовъ. Наконецъ, еще болѣе высокую ступень составляютъ различнаго рода идейныя чувства, связанныя съ отвлеченными понятіями или съ общими представленіями идейнаго характера; чувства религіозныя, нравственныя, интеллектуальныя и эстетическія.

Органическія чувства.

Переходя теперь къ болѣе подробному изложенію отдѣльныхъ родовъ чувствованій, остановимся прежде всего на чувствахъ органическихъ. Совокупность этихъ чувствованій создаетъ то, что можно назвать чувствомъ жизни и что находится въ тѣсной связи съ настроеніемъ. Это общее чувство жизни можетъ быть повышено или понижено, пріятно или непріятно,

въ зависимости отъ здоровья и отъ состоянія нашего организма. Оно складывается изъ удовлетворенія или неудовлетворенія цѣлаго ряда органическихъ инстинктовъ: человѣкъ здоровъ, сытъ, мускулы его крѣпки, онъ двигается легко, дышетъ свободно — и онъ чувствуетъ себя хорошо, чувство жизни у него повышено. При противоположныхъ условіяхъ является, наоборотъ, неудовлетворенность, вялость и пониженіе жизненнаго тонуса. Такъ какъ ощущенія могутъ быть различны, то въ общемъ чувствѣ жизни мы можемъ различать отдѣльные элементы, связанные съ различнаго рода ощущеніями, внутренними и внѣшними. Сюда относятся голодъ, жажда, мышечныя ощущенія и многія другія. Значительную роль играютъ здѣсь также обоняніе, вкусъ и осязаніе. Вспомните, напр., какое важное біологическое значеніе имѣютъ гнилостныя ощущенія и связанное съ ними чувство отвращенія.

Что касается зрѣнія и слуха, то ощущенія, связанныя съ ними, обычно уже не входятъ въ составъ этого общаго чувства жизни: впечатлѣнія зрительныя и слуховыя обычно бываютъ настолько ясны, отчетливы, что онѣ уже не сливаются съ остальными ощущеніями въ одну общую массу, а выдѣляются, образуя отдѣльныя, обособленныя чувствованія, главнымъ образомъ эстетическія. Поэтому подробнѣе о нихъ будетъ сказано ниже. Здѣсь же я упомяну только о вліяніи цвѣтовыхъ ощущеній на наше настроеніе. Установлено, что различные цвѣта дѣйствуютъ повышающимъ или понижающимъ образомъ на жизненный тонусъ человѣка. Гете дѣлалъ опыты такого рода: онъ одѣвалъ цвѣтные очки и ходилъ въ нихъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, не снимая, чтобы видѣть весь міръ то въ желтомъ, то въ синемъ, то въ красномъ и т. д. цвѣтѣ. Аналогичные опыты были продѣланы въ послѣднее время различными изслѣдователями. Испытуемый помѣщался въ комнату, которая, благодаря цвѣтнымъ стекламъ, вставленнымъ въ раму окна, освѣщалась какими либо цвѣтными лучами; мѣняя раму, можно было освѣщать комнату любымъ цвѣтомъ. Затѣмъ онъ подвергался ряду экспериментовъ, имѣвшихъ цѣлью выяснить его

психическое состояніе. Оказывается, въ общемъ, что фіолетовые тона дѣйствуютъ на психику успокаивающимъ или угнетающимъ образомъ, тогда какъ красный тонъ оказываетъ, наоборотъ, возбуждающее дѣйствіе. Этимъ, быть можетъ, объясняется вліяніе сумерокъ, которыя своимъ сѣровато-фіолетовымъ освѣщеніемъ дѣйствуютъ такъ успокаивающе, навѣвая на насъ задумчивое, а иногда и грустное настроеніе. Съ другой стороны, извѣстно, напр., какое возбуждающее дѣйствіе оказываетъ красный цвѣтъ на нѣкоторыхъ животныхъ: въ Испаніи, во время боя быковъ, желая раздразнить животное машутъ передъ нимъ краснымъ платкомъ.

Чувства, относящіяся къ личности.

Переходя далѣе къ чувствамъ, связаннымъ съ личностью, приходится отмѣтить, что эти чувства могутъ возникнуть лишь въ томъ случаѣ, когда представленіе о своемъ „я“ у человѣка уже обособилось и можетъ быть противопоставлено другимъ представленіямъ и связаннымъ съ ними чувствамъ. У животныхъ и у маленькихъ дѣтей чувственныя влеченія бываютъ зачастую настолько сильны, что они всецѣло находятся во власти этихъ влеченій; тѣмъ не менѣе, сознательнаго эгоизма, въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы этотъ терминъ прилагаемъ ко взрослому человѣку, у нихъ нѣтъ. Этимъ обусловливается то обстоятельство, что мы не не относимся къ эгоистическимъ поступкамъ животнаго и маленькаго ребенка съ тѣмъ безусловнымъ осужденіемъ, какое вызвали бы въ насъ аналогичные поступки взрослаго человѣка. У животнаго и у маленькаго ребенка еще нѣтъ достаточно яснаго представленія о своемъ „я“ и о противоположности интересовъ этого „я“ съ интересами другихъ живыхъ существъ. Ребенокъ и животное въ этомъ отношеніи дѣйствуютъ полусознательно, стремясь къ непосредственному удовлетворенію своихъ инстинктовъ. Между тѣмъ взрослый эгоистъ, отнимающій, напр., у другого средства къ жизни, прекрасно сознаетъ, въ силу своего жизненнаго

опыта, чего именно онъ лишаетъ потерпѣвшаго, знаетъ, что удовлетворяя въ широкихъ размѣрахъ свои потребности, онъ въ то же время прямо нарушаетъ потребности другого человѣка и, тѣмъ не менѣе, идетъ на это, не колеблясь. Эта именно бо̀льшая сознательность и заставляетъ насъ провести рѣзкую границу между чувственными влеченіями ребенка и животнаго съ одной стороны, и эгоистическими влеченіями взрослаго человѣка—съ другой. Интересно, что такимъ образомъ сознательный эгоизмъ, стоящій въ психологическомъ отношеніи выше, чѣмъ непосредственныя чувственныя влеченія (большая сложность и идейность), вызываетъ въ насъ болѣе суровую моральную оцѣнку: одинъ изъ довольно частыхъ случаевъ несовпаденія психологической и этической точекъ зрѣнія.

Поднимаясь дальше по лѣстницѣ эгоистическихъ чувствованій, мы видимъ, что элементы представленій все болѣе и болѣе выдвигаются въ нихъ на первый планъ. Человѣкъ начинаетъ цѣнить не столько сами по себѣ чувственныя наслажденія, сколько все то, что дѣлаетъ личность болѣе сильной, могущественной и вообще ставитъ ее въ болѣе благопріятныя жизненныя условія. Такимъ путемъ возникаютъ самолюбіе, властолюбіе, тщеславіе, а также скупость, алчность и т. п. Вообще, дальнѣйшее повышеніе уровня чувствъ, связанныхъ съ личностью, тѣсно связано съ расширеніемъ представленія о своемъ „я“. Въ однихъ случаяхъ это представленіе сосредоточивается главнымъ образомъ на чисто чувственныхъ элементахъ здоровья, насыщенія, удовлетворенія органическихъ потребностей; въ другихъ—оно включаетъ въ себя мысль о превосходствѣ надъ другими, о соціальномъ положеніи даннаго человѣка, о той славѣ, которою онъ пользуется среди другихъ людей. Наконецъ, представленіе человѣка о своей личности можетъ получить еще болѣе идейный характеръ: подъ личностью своей человѣкъ можетъ подразумѣвать тѣ высшіе принципы, которые руководятъ его дѣятельностью, тѣ высшія чувства и способности, которыя ему доступны. Высоко развитой человѣкъ можетъ именно эти свои склонности или спо-

собности считать ядромъ своей личности и, заботясь о своемъ благѣ, онъ можетъ именно удовлетвореніе и развитіе этихъ склонностей считать наилучшимъ удовлетвореніемъ потребностей своего „я“. Въ этихъ случаяхъ приходится говорить уже не объ эгоизмѣ, въ обычномъ смыслѣ этого слова, а скорѣе объ эгоцентризмѣ, о сосредоточеніи всѣхъ интересовъ на своей личности, хотя бы эти интересы были высшаго порядка. Такого рода люди заботятся прежде всего о своемъ собственномъ развитіи и не жертвуютъ своимъ „я“ въ угоду извѣстнымъ соціальнымъ потребностямъ и запросамъ, какъ бы высоки эти послѣдніе ни были. Человѣкъ эгоцентрическаго склада не отдаетъ свою душу за своихъ ближнихъ, потому что свою душу онъ также любитъ и ея запросы и потребности онъ высоко цѣнитъ. Тѣмъ не менѣе, это не мѣшаетъ ему совершать цѣлый рядъ высоко соціальныхъ поступковъ, только разсматривая ихъ съ точки зрѣнія интересовъ своего высшаго, идейнаго „я“. Однимъ изъ основныхъ мотивовъ, заставившихъ Л. Толстого такъ круто измѣнить свое міросозерцаніе и приведшихъ его къ проповѣди любви и всепрощенія, былъ именно страхъ смерти, ужасъ передъ неизбѣжнымъ и полнымъ уничтоженіемъ своего „я“. Или возьмемъ какого-нибудь отшельника аскета, который уходитъ въ пустыню для того, чтобы въ уединеніи, путемъ всяческихъ лишеній и отреченія отъ чувственныхъ наслажденій спасти свою душу. Такой аскетъ асоціаленъ, такъ какъ онъ не заботится о другихъ людяхъ; онъ эгоцентрикъ, такъ какъ заботится только о своемъ „я“. Тѣмъ не менѣе, эти заботы носятъ настолько одухотворенный характеръ, что трудно сказать, что является болѣе высокимъ — удовлетвореніе различныхъ соціальныхъ требованій, связанное зачастую съ достиженіемъ и своихъ собственныхъ цѣлей и удовольствій, или же такого рода одухотворенный эгоцентризмъ. И здѣсь, слѣдовательно, опять подтверждается, какъ трудно бываетъ установить рѣзкую границу между высшими и низшими чувствованіями.

Соціальныя чувства.

Переходя далѣе къ чувствамъ соціальнымъ, связаннымъ съ тѣми или иными отношеніями къ другимъ людямъ, мы должны прежде всего остановиться на чувствѣ симпатіи, представляющемъ собой одинъ изъ главныхъ, основныхъ элементовъ альтруистическихъ чувствованій. Однако чувство симпатіи также не всегда однородно; оно можетъ носить различный характеръ въ зависимости отъ того, чему мы симпатизируемъ и съ чѣмъ мы связываемъ это чувство. Въ простѣйшей, наиболѣе элементарной формѣ мы наблюдаемъ его, напр., у дѣтей. Ребенокъ, видя, какъ близкій человѣкъ—няня, мать, сестра—плачутъ, или вообще видя передъ собой горько плачущаго человѣка, начинаетъ самъ хныкать и въ концѣ концовъ расплачется. Нѣчто подобное бываетъ иногда и со взрослыми людьми: видя сладко зѣвающаго или весело смѣющагося человѣка, мы сами зачастую не можемъ удержаться отъ зѣвоты или улыбки. Въ этой зачаточной формѣ процессъ симпатіи очень близокъ къ подражанію или внушенію и носитъ чисто двигательный характеръ. Но совершенно такимъ же путемъ могутъ возникать и различныя чувства и настроенія. Когда кругомъ человѣка весело, онъ не только смѣется, но и радуется, когда вокругъ него улыбаются, и у него дѣлается ясно на душѣ. Трудно сказать, какимъ путемъ это происходитъ; можетъ быть сначала человѣкъ невольно подражаетъ двигательнымъ, мимическимъ проявленіемъ другихъ людей, а затѣмъ движенія эти вызываютъ въ сознаніи и ассоціированныя съ ними чувства; можетъ быть видъ веселящихся людей вызываетъ въ памяти представленіе о радостныхъ событіяхъ; можетъ быть, наконецъ, — и это самое вѣроятное — весь сложный комплексъ, состоящій изъ представленій, настроенія и мимическихъ движеній, разомъ возникаетъ въ насъ при видѣ веселящейся толпы людей. Какъ бы то ни было, но чувство симпатіи носитъ въ данномъ случаѣ болѣе чувственный характеръ, будучи тѣсно связано съ тѣми внѣшними, двигательными проявленіями, которыми оно выражается.

Въ другихъ случаяхъ симпатія носитъ уже болѣе идейный характеръ. Когда человѣкъ разсказываетъ о своемъ горѣ, мы начинаемъ невольно ему сочувствовать, т. е. испытывать такое же чувство, какое испытываетъ онъ самъ. Нѣкоторые философы видѣли въ чувствѣ симпатіи основу всѣхъ вообще альтруистическихъ чувствованій, причемъ чувство симпатіи разсматривалось, какъ таинственное, мистическое сліяніе двухъ душъ между собою. Въ чувствѣ симпатіи мы какъ бы отождествляемся съ психическими переживаніями другого человѣка, какъ бы непосредственно сливаемся съ его „я“. Вы видите, что такого рода пониманіе чувства симпатіи совершенно выдѣляло бы это чувство изъ ряда всѣхъ остальныхъ психическихъ переживаній. Въ то время, какъ всѣ другія чувства возникаютъ у насъ въ связи съ внѣшними воспріятіями или воспоминаніями, въ то время, какъ относительно всѣхъ другихъ психическихъ переживаній считается твердо установленнымъ принципъ, что мы не можемъ непосредственно проникнуть въ душевную жизнь и сознаніе другого человѣка, относительно чувства симнатіи пришлось бы признать этотъ принципъ несостоятельнымъ. Мнѣ представляется совершенно неяснымъ, почему именно чувство симпатіи должно играть роль такого мистическаго объединителя между сознаніями отдѣльныхъ людей, тѣмъ болѣе, что другіе психологи и философы съ этой же цѣлью выдвигаютъ другія чувства (напр., эстетическія), а также иныя, неэмоціональныя психическія переживанія. Надо признать разъ навсегда, что непосредственно слиться съ сознаніемъ другого человѣка мы не можемъ, и что чувство симпатіи ничѣмъ не отличается въ этомъ отношеніи отъ всѣхъ остальныхъ психическихъ переживаній. Случаи интеллектуальной симпатіи приходится объяснить такимъ образомъ, что, если человѣку кто-нибудь разсказываетъ о своемъ горѣ, то этотъ разсказъ вызываетъ въ немъ извѣстные образы, ассоціативно связанные съ соотвѣтствующими чувствами, уже ранѣе имъ переживавшимися; и если данный человѣкъ по своему характеру очень аффективенъ, если у него, вообще говоря, преобладаютъ высшія идейныя эмоціи, то и данное

впечатлѣніе вызоветъ у него сильно выраженное чувство, аналогичное тому, которое испытываетъ разсказчикъ.

Особую группу альтруистическихъ чувствованій составляютъ нѣжность и доброжелательность, причемъ одной изъ наиболѣе интенсивныхъ разновидностей чувства нѣжности является материнская любовь; не менѣе значительной силы можетъ достигать чувство нѣжности въ половой любви. Эти двѣ эмоціональныя разновидности играютъ важную роль въ развитіи альтруистическихъ чувствъ вообще. Повидимому, альтруистическія чувства и способъ ихъ возникновенія не представляютъ собой чего-то простого, болѣе или менѣе однороднаго; напротивъ, здѣсь играютъ роль нѣсколько различныхъ факторовъ, что вполнѣ соотвѣтствуетъ принципу, уже упоминавшемуся ранѣе: чѣмъ выше чувство, тѣмъ оно сложнѣе. Прежде всего приходится отмѣтить здѣсь ту органическую связь, которая на низшихъ ступеняхъ жизни существуетъ между отдѣльными животными особями: мы имѣемъ колоніи полиповъ, колоніи грибковъ и т. д., въ которыхъ отдѣльныя органическія особи настолько тѣсно связаны между собой, что нарушеніе жизнедѣятельности одного непосредственно отражается на жизнедѣятельности другихъ. Здѣсь трудно сказать, гдѣ кончаются интересы одного и гдѣ начинаются интересы другого, потому что тѣ и другіе совпадаютъ, сливаются. Аналогично этому и на высшихъ ступеняхъ психической жизни мы встрѣчаемъ нѣкоторыя такія альтруистическія чувства, въ которыхъ трудно бываетъ обособить элементы эгоизма и альтруизма, настолько они переходятъ другъ въ друга. Ребенокъ любитъ зачастую свою игрушку и няню очень горячо, но, когда вы разбираетесь въ этой любви, то трудно сказать, что онъ больше любитъ,—няню или тѣ удовольствія, которыя онъ получаетъ благодаря ей; онъ любитъ также кошку, но играя съ ней, онъ ее дергаетъ, мучаетъ, потому что это доставляетъ ему удовольствіе. Когда маленькій ребенокъ или котенокъ—ихъ можно въ этомъ случаѣ сопоставить между собой—голоденъ или хочетъ получить отъ васъ что-нибудь, онъ очень нѣжно

ласкается къ вамъ, но послѣ того какъ желаемое получено, ему нѣтъ дѣла до васъ. Здѣсь опять-таки сказывается не только отсутствіе рѣзкой противоположности, но даже извѣстная связь между альтруистическими и эгоистическими чувствами.

Въ другихъ случаяхъ мы также имѣемъ связь между тѣмъ и другимъ родомъ чувствованій, но связь эта ведетъ мало-по-малу къ ихъ обособленію и къ полному преобладанію альтруистическихъ чувствованій, достигающихъ иногда чрезвычайной интенсивности. Я имѣю въ виду материнскую любовь. Ребенокъ для матери составляетъ часть ея собственнаго существа. Не только до тѣхъ поръ, пока онъ находится въ утробѣ матери, но и затѣмъ, когда мать его кормитъ, онъ еще какъ бы составляетъ часть ея организма. Мало-по-малу онъ обособляется, но первичныя ощущенія и чувства не забываются на всю жизнь—связь остается. Кромѣ того, мать потратила на ребенка такъ много своихъ силъ, здоровья, что она опять-таки чувствуетъ въ ребенкѣ часть себя самой. Здѣсь материнская любовь близко подходитъ къ той зависимости, которую испытываетъ человѣкъ между собой и своимъ собственнымъ созданіемъ. Книга, которую человѣкъ написалъ съ большимъ трудомъ, потративши на нее много энергіи и интереса, поле, обработанное имъ самимъ—все это онъ склоненъ разсматривать, какъ свое дѣтище, какъ часть своего „я“. Недаромъ мы зачастую испытываемъ къ продуктамъ своего творчества такую же нѣжность, какую мать испытываетъ къ своему ребенку. Наконецъ, сюда присоединяются и другіе элементы, какъ чувственные, такъ и идейные: нѣжныя ощущенія отъ мягкаго, теплаго тѣльца ребенка, сознаніе его безпомощности, эстетическое наслажденіе, когда ребенокъ хорошенькій,—все это соединяется въ одинъ сложный комплексъ, который мы называемъ материнскимъ чувствомъ.

Значительную роль въ происхожденіи альтруистическихъ чувствованій играетъ, вѣроятно, также и половая любовь, потому что и здѣсь зачастую чувственные элементы тѣсно сливаются съ элементами высшаго порядка: симпатіей, чувствомъ долга, извѣстными соці-

альными привычками и т. д. Наконецъ, извѣстное вліяніе на возникновеніе альтруистическихъ чувствованій имѣлъ, вѣроятно, также стадный инстинктъ, свойственный очень многимъ живымъ существамъ и выработавшійся путемъ приспособленія къ соотвѣтствующимъ жизненнымъ условіямъ; на почвѣ этого инстинкта могли зародиться и болѣе сознательныя, идейно-альтруистическія влеченія.

Итакъ, корни альтруистическихъ чувствованій различны, но общій характеръ ихъ одинъ и тотъ же: забота о благосостояніи другихъ живыхъ существъ (въ особенности людей) и чувства удовольствія и страданія, связаныя съ этой заботой.

XX.

Чувства эстетическія и интеллектуальныя.

Элементы эстетическаго чувства.

Переходя къ изложенію психологіи эстетическаго чувства, мнѣ хочется прежде всего отмѣтить, что въ настоящее время интересъ къ эстетикѣ все болѣе и болѣе растетъ, въ особенности по сравненію съ тѣмъ безразличнымъ и даже зачастую враждебнымъ отношеніемъ, которое было такъ распространено еще недавно. Въ наше время, наоборотъ, эстетическія чувства и эстетическія потребности выдвигаются нерѣдко чуть ли не на первый планъ, въ обществѣ проявляется усиленный интересъ къ вопросамъ искусства, возникаютъ цѣлыя міросозерцанія, въ основу которыхъ кладется эстетическое міропониманіе, идеалы создаются на основаніи эстетическихъ критеріевъ, и такимъ образомъ чувство прекраснаго разсматривается, какъ основная или, по крайней мѣрѣ, одна изъ основныхъ пружинъ, движущихъ развитіе человѣчества. Въ воспитаніи эстетическіе элементы опять-таки выдвигаются усиленно за послѣднее время. Указываютъ на то, что и въ школѣ, и въ жизни ребенка должна окружать не рутинно-однообразная обстановка современной школы съ ея корридорами и пустыми квадратными классами, а произведенія исскуства, изящная, хотя-бы и простая обстановка, вообще такая среда, которая смолоду развивала бы въ немъ радость жизни и чувство прекраснаго. Все это побуждаетъ меня подробнѣе остановиться на психологіи эстетическаго чувства.

Какъ и другія высшія чувствованія, эстетическое чувство является сложнымъ: въ составъ его входитъ цѣлый рядъ разнообразныхъ элементовъ. Начнемъ съ простѣйшихъ.

Если мы подвергнемъ анализу свои эстетическія переживанія, то очень часто встрѣтимся съ тѣмъ обстоятельствомъ, что уже отдѣльныя ощущенія, взятыя сами по себѣ, доставляютъ намъ удовольствіе. Намъ нравятся яркія или нѣжныя краски на картинѣ, мягкій звукъ волторны, чистый звукъ человѣческаго голоса. Вы вышли изъ комнаты въ солнечный лѣтній день: голубой цвѣтъ неба, ярко-зеленая листва дерерьевъ, чириканье птицъ, ароматъ воздуха, напоеннаго запахомъ травъ, всѣ эти ощущенія—зрительныя, слуховыя и обонятельныя—нравятся вамъ, входятъ составными элементами въ общее эстетическое переживаніе. Почему намъ нравится глядѣть на бархатъ и мраморъ? потому что видъ ихъ возбуждаетъ въ насъ воспоминаніе о томъ ощущеніи, которое получалось, когда мы проводили рукой по мягкому бархату и гладкому мрамору. Такимъ образомъ, хотя зрительныя и слуховыя ощущенія играютъ преимущественную роль въ эстетическихъ переживаніяхъ, тѣмъ не менѣе, не малое значеніе имѣютъ здѣсь также и другіе роды ощущеній. Интересно въ этомъ отношеніи заявленія, сдѣланное слѣпо-глухонѣмой дѣвушкой Эленъ Келлеръ. Лишенная отъ рожденія зрѣнія и слуха и потому не имѣвшая возможности выучиться рѣчи, она тѣмъ не менѣе, научилась читать, прошла курсъ средняго учебнаго заведенія, окончила даже университетъ, и все это при помощи одного только осязанія. Эстетическое чувство у Э. Келлеръ основано также на осязательныхъ и отчасти на обонятельныхъ ощущеніяхъ: она разсказываетъ, что, о щ у п ы в а я статуэтку Венеры Милосской, испытывала чрезвычайное наслажденіе. У нормальныхъ людей, обладающихъ всѣми органами чувствъ, обонятельныя и вкусовыя ощущенія имѣютъ, конечно, значительно меньшее эстетическое значеніе. Гастрономія и парфюмерія не могутъ быть названы самостоятельными искусствами. Но это не мѣшаетъ осязательнымъ, обонятельнымъ и вкусовымъ ощущеніямъ играть важную вспомогательную роль, входя въ сложное эстетическое переживаніе въ качествѣ добавочныхъ элементовъ.

Гораздо болѣе существенную роль играютъ въ произ-

веденіяхъ искусства сочетенія различныхъ ощущеній и отношенія между различными родами ощущеній. Какой-нибудь орнаментъ, въ которомъ обычные цвѣта—красный, желтый, зеленый и синій—и обычныя линіи—прямыя, ломаныя, кривыя—переплетены и скомбинированы въ сложное сочетаніе, можетъ произвести чарующее впечатлѣніе, гораздо болѣе сильное, чѣмъ произвели бы эти краски и линіи, взятыя порознь.

Пріятность или непріятность отдѣльныхъ ощущеній и ихъ простѣйшихъ комбинацій зависитъ въ значительной степени отъ условій чисто физіологическихъ. Возьмемъ, для примѣра, эстетическое впечатлѣніе, производимое различнаго рода линіями.

Аудиторіи предлагаются двѣ нарисованныя на таблицѣ линіи—ломаная и кривая, сходная по своему общему виду. Изъ опроса оказывается, что большинству нравится кривая.

Вообще говоря, кривыя линіи, округлыя формы обычно нравятся намъ больше, чѣмъ ломаныя, угловатыя. Причина, быть можетъ, заключается въ томъ, что наши члены движутся по кругу, благодаря выпукло-вогнутому устройству суставовъ. Для того чтобы совершить ломаное движеніе, нужно употребить извѣстное усиліе, необычное и потому непріятное. Съ другой стороны, тутъ могутъ примѣшаться и другіе, ассоціативные элементы, которые усиливаютъ или, наоборотъ, ослабляютъ данное впечатлѣніе. Такъ, напр., округлыя формы человѣческаго тѣла нравятся больше, чѣмъ костлявыя, еще и потому, что съ округлостью соединено представленіе о здоровьи. Иногда ассоціативныя факторы перемѣшиваются, и тогда намъ начинаютъ нравиться прямыя линіи (широкая, прямая аллея), острые углы (шпиль колокольни) и т. п.

Извѣстны, далѣе, физическія и физіологическія условія, лежащія въ основѣ пріятности звуковыхъ интерваловъ и музыкальныхъ аккордовъ: тѣ интервалы, въ которыхъ количества колебаній тоновъ относятся другъ къ другу, какъ простыя числа (1 : 2, 2 : 3 и пр.), нравятся намъ, и наоборотъ.

Важное значеніе имѣетъ также извѣстная правильность или порядокъ (иногда, правда, очень своеобразный) въ сочетаніи внѣшнихъ впечатлѣній. Въ зрительныхъ воспріятіяхъ намъ нравится симметрія: впечатлѣнія располагаются въ правильномъ порядкѣ, такимъ образомъ, что направо и налѣво мы имѣемъ одинаковыя группы. Сюда же относится удовольствіе ритма, т. е., отъ правильно, равномѣрно чередующихся впечатлѣній, каковы бы они ни были по своему содержанію: слуховыя—въ музыкальныхъ произведеніяхъ, осязательныя—въ ритмическихъ движеніяхъ танца или бѣга, зрительныя—когда вы смотрите на танцующаго или плавно движущагося человѣка и т. д. Цейзингомъ былъ продѣланъ цѣлый рядъ измѣреній надъ различными произведеніями искусства, надъ архитектурными памятниками, скульптурными произведеніями и т. д., и онъ установилъ, что въ значительномъ большинствѣ случаевъ красота извѣстнаго сооруженія или гармоническіе размѣры какой-нибудь фигуры обусловливаются математическими соотношеніями частей въ этихъ объектахъ. Особенно важную роль здѣсь играетъ такъ называемое правило золотого дѣленія, согласно которому цѣлое должно такъ относиться къ большей части, какъ большая часть относится къ меньшей. Несомнѣнно, что многія отношенія между элементами, входящими въ составъ эстетическихъ переживаній, подчинены извѣстной математически формулируемой закономѣрности, и очень возможно, что со временемъ удастся найти болѣе общій законъ, объединяющій всѣ эти отдѣльные виды эстетическихъ переживаній въ одно общее цѣлое.

Сопоставляя между собой приведенные выше примѣры эстетическихъ возбудителей, мы можемъ вывести одинъ принципъ, играющій очень важную роль въ эстетикѣ: намъ нравится единство въ разнообразіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ симметріи двѣ различныя стороны объекта объединены своимъ одинаковымъ отношеніемъ къ средней линіи; въ ритмѣ объединеніе достигается благодаря равномѣрно повторяющимся промежуткамъ между отдѣльными впечатлѣніями; въ правилѣ

золотого дѣленія разнородныя части также объединяются благодаря извѣстному опредѣленному отношенію другъ къ другу. Еще болѣе отчетливо выступаетъ названный принципъ въ сложныхъ эстетическихъ переживаніяхъ,— о чемъ будетъ рѣчь дальше.

Однако, пріятными ощущеніями и ихъ гармоническими сочетаніями еще не исчерпывается чувство прекраснаго. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то, что зачастую безобразное входитъ въ произведенія искусства. Достаточно вспомнить безобразныя маски, украшающія наши зданія (какъ хороши отвратительныя химеры въ соборѣ Парижской Богоматери!), вспомнить трагическое съ его страданіями, дающими зачастую поводъ къ созданію высокихъ произведеній искусства, вспомнить, что говоритъ Толстой о модныхъ картинкахъ, несомнѣнно красивыхъ, но которыя никто не назоветъ художественными произведеніями, и т. д. Причина заключается въ томъ, что въ большинствѣ эстетическихъ впечатлѣній наряду съ объективными факторами, о которыхъ я сейчасъ говорилъ и которые обусловливаютъ собой пріятныя ощущенія и сочетанія этихъ ощущеній, приходится отмѣтить также и другіе— ассоціативные или субъективные факторы, къ разсмотрѣнію которыхъ мы сейчасъ и перейдемъ.

Возьмемъ, напр., пріятное впечатлѣніе, производимое видомъ апельсина. Вамъ нравится его желтый цвѣтъ, круглая форма, пріятный запахъ. Но ко всему этому присоединяется также не менѣе пріятное воспоминаніе о его вкусѣ. Наконецъ, апельсинъ можетъ навести васъ на мысль о томъ краѣ, гдѣ онъ выросъ и когда вы представляете себѣ Италію съ ея голубымъ небомъ, рощами, моремъ и т. д., то эти представленія сливаются съ видомъ апельсина, находящагося у васъ передъ глазами, въ одно общее цѣлое. Когда мы видимъ старинный замокъ, то его формы могутъ быть не живописны, не изящны, его запахъ—гнили и разрушенія—можетъ быть прямо непріятенъ, и тѣмъ не менѣе общій видъ замка можетъ вызывать художественное наслажденіе, благодаря тому, что къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ (ощущеніямъ и ихъ комбинаціямъ)

присоединяются воспоминанія о прошломъ этого замка, героическихъ подвигахъ и трагическихъ происшествіяхъ, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ; все это вмѣстѣ, окутанное той дымкой мечтательности, которая свойственна воспоминаніямъ о прошломъ, даетъ сложное эстетическое переживаніе, тѣсно связанное съ видомъ замка, возбудившаго всѣ эти поэтическія воспоминанія.

Спрашивается теперь, насколько велика должна быть роль этого ассоціативнаго фактора въ эстетическихъ чувствахъ и не становимся ли мы здѣсь на невѣрный путь? Въ самомъ дѣлѣ, если идти по этому пути дальше, то можно придти къ выводу, что эстетическія наслажденія вызываются не формой художественныхъ произведеній, а тѣмъ смысломъ, содержаніемъ, которое въ нихъ вложено. Въ концѣ концовъ мы придемъ къ утилитарному взгляду на искусство, согласно которому значеніе произведенія искусства заключается только въ той пользѣ, которую оно можетъ принести человѣчеству, при чемъ, конечно, эту пользу можно разсматривать самымъ различнымъ образомъ, соотвѣтственно разнаго рода міросозерцаніямъ. Такъ, утилитаристы-шестидесятники признавали за художественными произведеніями значеніе лишь постольку, поскольку они могли способствовать улучшенію общественныхъ отношеній. Толстой цѣнитъ художественное произведеніе только тогда, когда оно съ особенной силой и яркостью вызываетъ чувство любви къ ближнимъ и къ Богу; специфически же эстетическія стороны произведенія отодвигаются здѣсь на второй планъ и въ лучшемъ случаѣ сводятся къ нѣкоторымъ формамъ, благодаря которымъ особенно удобно возбуждать въ людяхъ извѣстныя чувства. По мнѣнію Толстого, художественное дарованіе сводится къ умѣнью возбуждать въ другихъ то настроеніе, которое самъ художникъ въ данный моментъ переживаетъ, или какъ онъ говоритъ, заражать другого своимъ собственнымъ чувствомъ и настроеніемъ; разъ эта цѣль достигнута, то со стороны формы отъ художественнаго произведенія больше ничего и не требуется.

Съ этимъ взглядомъ, однако, едва ли можно согла-

ситься. Анализируя художественныя произведенія и возбуждаемыя ими эмоціи, можно въ нихъ отмѣтить такія стороны, которыя присущи эстетическому чувству самому по себѣ и не могутъ быть сведены къ другимъ чувствованіямъ и другимъ, побочнымъ цѣлямъ. Здѣсь прежде всего приходится отмѣтить тотъ самый принципъ, на который я уже указывалъ, говоря объ элементарныхъ составныхъ частяхъ эстетическаго чувства, именно: единство въ разнообразіи, гармонія частей, объединенныхъ въ одно общее цѣлое. Этотъ принципъ можно видоизмѣнить или, вѣрнѣе, расширить, включивши сюда гармонію между формой и содержаніемъ или соотвѣтствіе цѣли и средствъ. Когда какая нибудь поэма слишкомъ растянута, когда художникъ употребляетъ слишкомъ сильныя средства тамъ, гдѣ можно было бы достигнуть эффекта болѣе простыми пріемами, вы говорите, что произведеніе не художественно. Когда произведеніе искусства не соотвѣтствуетъ предназначенной цѣли, напр., человѣкъ строитъ дачный домъ, а между тѣмъ придаетъ ему такую величину и массивность, которыя не соотвѣтствуютъ дачнымъ потребностямъ, то здѣсь вы опять-таки находите антихудожественнымъ отсутствіе соотвѣтствія между основнымъ назначеніемъ объекта и тѣми средствами, которыя употреблены для достиженія этого. Когда слишкомъ громоздкія, толстыя, тяжелыя колонны поддерживаютъ легкій навѣсъ, или тонкая, стройная колоннада несетъ непосильный грузъ, то и здѣсь возникаетъ у васъ впечатлѣніе нехудожественности. Такимъ образомъ, и въ болѣе сложныхъ художественныхъ произведеніяхъ вы встрѣчаете тотъ законъ единства и соразмѣрности, который уже встрѣчался на болѣе элементарныхъ ступеняхъ.

Соотвѣтствіе между цѣлью и средствами заставляетъ насъ испытывать, при созерцаніи художественнаго произведенія, впечатлѣніе цѣлесообразности, причемъ, однако, эта цѣлесообразность носитъ совершенно своеобразный характеръ: какая бы то ни было побочная цѣль зачастую совершенно отсутствуетъ, художественное произведеніе само по себѣ уже является цѣлью.

Поэтому говорятъ нерѣдко, что эстетическому чувству присуща „цѣлесообразность безъ сознанія цѣли“. Этимъ эстетическое чувство отличается, напр., отъ волевыхъ дѣйствій, въ которыхъ человѣкъ всегда къ чему-нибудь стремится, чего-нибудь старается достигнуть. Правда, художественныя произведенія могутъ служить также и общежитейскимъ цѣлямъ, потому что въ нашей жизни все такъ переплетено, что отдѣльныя стороны нашей психики находятся въ тѣсной связи съ другими сторонами, но нельзя эстетическія чувства всецѣло сводить къ другимъ чувствамъ, совершенно отрицая ихъ самостоятельное значеніе.

Теорія вчувствованія.

Въ послѣднее время особенное вниманіе обращено было еще на одну сторону эстетическихъ переживаній, именно—на процессъ такъ называемаго „вчувствованія“ (Einfühlung—Липпсъ). Созерцая какое-нибудь произведеніе искусства, мы иногда мысленно какъ-бы сродняемся съ нимъ, объединяемся въ одно общее цѣлое. У Толстого въ „Аннѣ Карениной“ есть мѣсто, гдѣ разсказывается, какъ Анна читаетъ какой-то романъ и ей хочется дѣлать то, что дѣлаютъ герои этого романа: бороться, побѣждать вмѣстѣ съ ними, ѣхать вмѣстѣ съ героемъ романа въ его помѣстье и т. д. Всѣмъ вамъ, вѣроятно, случалось при чтеніи художественныхъ произведеній входить въ положеніе дѣйствующихъ лицъ, сливая на нѣкоторое время свои интересы, свою психическую жизнь съ ихъ интересами и ихъ психической жизнью: ихъ неудачи огорчали васъ, удачи радовали, счастливый конецъ вызывалъ чувство облегченія. То же самое бываетъ и при созерцаніи архитектурныхъ и другихъ произведеній; когда вы разсматриваете готическую колокольню, смѣло устремляющуюся въ высь (самое слово „смѣло“ уже показываетъ, что мы надѣляемъ мертвый объектъ своими собственными эмоціональными переживаніями), то вы испытываете чувство подъема, какъ будто вы сами хотѣли бы продѣлать нѣчто аналогичное. Точно также при созерцаніи ласкающихъ картинъ природы, мягкихъ, задумчивыхъ

пейзажей, вы какъ бы перевоплощаетесь въ разсматриваемую картину, проникаясь ея деталями, и, въ свою очередь, вкладывая въ нее свое настроеніе. Этотъ факторъ всегда игравшій важную роль въ художественныхъ произведеніяхъ, въ современномъ искусствѣ, повидимому, проявляется особенно ярко.

Я не буду входить здѣсь въ подробный психологическій анализъ процесса „вчуствованія“, такъ какъ составъ его и понынѣ представляется еще спорнымъ: повидимому, и здѣсь, какъ и въ чувствѣ симпатіи, мы имѣемъ дѣло со сложнымъ комплексомъ, включающимъ въ себя, главнымъ бразомъ, различнаго рода ассоціативные элементы. И здѣсь также, какъ это было сказано выше относительно чувства симпатіи, нѣкоторые психологи пытаются, исходя изъ процесса вчуствованія, строить своеобразную метафизику эстетическаго чувства (возможность непосредственнаго, мистическаго сліянія съ внѣшнимъ міромъ). Я думаю, что и здѣсь эти попытки имѣютъ такъ же мало основаній, какъ и въ соотвѣтствующихъ теоріяхъ альтруистическихъ чувствованій.

Разновидности эстетической эмоціи.

До сихъ поръ, говоря объ эстетическихъ переживаніяхъ, я имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, чувство прекраснаго, эмоцію, вызываемую красивыми, гармоническими объектами и внѣшними раздражителями. Однако, существуютъ и другія разновидности эстетической эмоціи, изъ которыхъ мы скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о чувствѣ смѣшного и чувствѣ высокаго. Смѣхъ представляетъ собой чисто физіологическій процессъ, возникающій обычно въ тѣхъ случаяхъ, когда мы испытываемъ особенно сильное удовольствіе, когда общая жизнерадостность повышена и чувство жизни бьетъ черезъ край; это повышенное настроеніе проявляется тогда не только въ усиленной подвижности, но также и въ своеобразныхъ толчкахъ діафрагмы, сопровождающихся сокращеніями звуковыхъ связокъ и производящихъ то, что мы называемъ смѣ-

хомъ. Иногда, правда, смѣхъ является и безъ всякой радости, напр., при щекотаніи, однако, главное біологическое его значеніе все-таки совпадаетъ съ тѣмъ, что было только что сказано. Въ связи съ этимъ чувство смѣшного въ эстетическихъ произведеніяхъ чаще всего возникаетъ тогда, когда внезапно обнаруживается наше чувство превосходства надъ чѣмъ-нибудь. Особенной силы эти два элемента: чувство превосходства и внезапность его возникновенія, достигаютъ тогда, когда мы имѣемъ дѣло съ какимъ-нибудь контрастомъ, внезапно обнаруживающимся. Когда мы, напр., въ фарсѣ видимъ, какъ большой, толстый человѣкъ наступаетъ на другого, размахиваетъ руками, хвастается силой и вдругъ, споткнувшись, неуклюже падаетъ, — въ публикѣ раздается хохотъ, потому что то, что казалось большимъ, напыщеннымъ, важнымъ, внезапно показало свое полное безсиліе. Оттого-то смѣхъ является такимъ сильнымъ средствомъ противъ сильныхъ міра сего: обнаруживая смѣшныя стороны того, что намъ кажется могущественнымъ, мы подкапываемся подъ его корни, показываемъ его безсиліе въ извѣстныхъ областяхъ. Здѣсь надо сдѣлать оговорку, что подобное сознаніе превосходства ведетъ къ возникновенію чувства смѣшного лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда сюда не примѣшивается состраданіе. Когда упавшій человѣкъ сломалъ себѣ ногу, то смѣхъ исчезаетъ и замѣняется жалостью. Далѣе, внезапность наступленія этого аффекта, его неожиданность играетъ здѣсь очень важную роль и часто является главной причиной, вызывающей смѣхъ. Вотъ тѣ существенные элементы, которые входятъ въ чувство комическаго.

Что касается чувства великаго или героическаго, то условія, при которыхъ оно возникаетъ, понятны сами собой. Слѣдуетъ только упомянуть о томъ, что чувство это, какъ и всѣ вообще эстетическія чувства, возникло прежде всего въ связи съ извѣстными нуждами и потребностями человѣка. Вначалѣ героическое и возвышенное въ искусствѣ было доступно лишь постольку, поскольку оно вызывало представленіе о могущественныхъ дѣйствіяхъ со стороны человѣка: борьба, сраженія, преодолѣніе препятствій и т. д. Что же касается при-

роды, то въ природѣ нравилось вначалѣ, главнымъ образомъ, красивое и полезное: хорошо воздѣланныя поля, рощи, луга. И въ настоящее время на очень многихъ людей производитъ чисто эстетическое впечатлѣніе хорошо воздѣланный огородъ, чисто убраныя комнаты, аккуратно надѣтый костюмъ и т. п. Здѣсь эстетическое чувство носитъ явно утилитарный характеръ. Затѣмъ стали нравиться обширныя пространства, степи, моря и, наконецъ, лишь сравнительно поздно, начали нравиться пустыни, дикія ущелья, высокія, крутыя горы, бушующее море, — вообще то, что раньше возбуждало лишь страхъ и въ древности не считалось эстетическимъ. Произошло это, вѣроятно, отчасти вслѣдствіе большаго знакомства съ природой, отчасти же благодаря усиленію власти человѣка надъ природой и сознанію того, что съ этими бурными, враждебными явленіями природы можно бороться и побѣждать ихъ.

Итакъ, мы видимъ, что область эстетически прекраснаго все больше и больше расширяется, но расширяясь, все-таки не сводится къ какимъ-нибудь побочнымъ факторамъ: матеріальной выгодѣ, моральнымъ цѣлямъ и т. д.: эстетическое чувство продолжаетъ сохранять свой своеобразный характеръ. Не нужно только съуживать его значенія, не нужно, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые крайніе послѣдователи эстетизма, сводить прекрасное исключительно къ изяществу формъ, къ красотѣ ощущеній и ихъ комбинацій. Все-таки, какъ вы видѣли, это лишь одна, болѣе элементарная сторона искусства, это объективный, непосредственный факторъ; между тѣмъ существуетъ и другой — ассоціативный факторъ, и только гармоническое сліяніе того и другого можетъ сдѣлать произведеніе искусства дѣйствительно художественнымъ.

Интеллектуальныя чувства.

Интеллектуальными чувствами называются такія эмоціи, которыя вызываются самимъ процессомъ умственной работы, независимо отъ содержанія и результатовъ этого процесса. Наша интеллектуальная дѣятельность, какъ вы уже знаете,

чрезвычайно разнообразна, но въ общемъ ее можно разбить на двѣ большія группы: во-первыхъ—воспріятіе и усвоеніе внѣшнихъ впечатлѣній, во-вторыхъ—ихъ комбинированіе, болѣе или менѣе сложная переработка, направленная или на полученіе извѣстныхъ логическихъ выводовъ, или же въ сторону свободнаго творчества. Съ этими основными типами умственной работы и связаны важнѣйшія интеллектуальныя чувства.

Эмоцію, связанную съ процессомъ воспріятія, мы, въ ея болѣе поверхностной формѣ, называемъ любопытствомъ, а въ болѣе глубокой, осмысленной формѣ—любознательностью. Кромѣ того, внезапное появленіе передъ нами незнакомаго объекта или чего-нибудь неожиданнаго вызываетъ въ насъ чувство (точнѣе—аффектъ) удивленія, неожиданности. Внѣшнія проявленія этого аффекта являются какъ разъ характерными для того умственнаго процесса, съ которымъ онъ связанъ, т. е., для процесса воспріятія: широко раскрытые глаза, какъ будто для того, чтобы лучше разсмотрѣть данный объектъ, неподвижность, способствующая сосредоточенію вниманія, и т. д.

Комбинирующая дѣятельность также сопровождается извѣстными чувствами, главнымъ образомъ—чувствами напряженія и облегченія, причемъ чувства эти также могутъ доставлять человѣку значительное наслажденіе. Какъ и всякая работа, умственная работа, если только она не превышаетъ силъ работающаго, не доводитъ его до переутомленія, уже сама по себѣ можетъ быть пріятной. Сюда присоединяется интересъ къ работѣ, досада и неудовольствіе, когда она не ладится, чувство радости и облегченія при удачномъ рѣшеніи задачи и т. д. Особенно пріятно бываетъ это послѣднее. Когда намъ удалось рѣшить какую-нибудь трудную научную проблему, напр., дать одно общее объясненіе цѣлому ряду разнообразныхъ явленій, то чувство удовольствія, испытываемое при этомъ, возникаетъ не только благодаря устраненію препятствія, но и благодаря тому, что изученіе даннаго отдѣла дѣйствительности сразу дѣлается гораздо болѣе полнымъ.

Мы замѣчаемъ, что то, что намъ приходилось изучать въ отдѣльности, теперь можетъ быть обозрѣваемо съ одной общей точки зрѣнія и притомъ съ значительно большимъ успѣхомъ. Вѣдь главная заслуга научныхъ теорій именно въ томъ и состоитъ, что онѣ приводятъ въ систему разнообразный, многочисленный матеріалъ и этимъ облегчаютъ намъ обозрѣніе дѣйствительности. Это отражается и на соотвѣтствующихъ интеллектуальныхъ чувствахъ.

Обычно интеллектуальныя чувства бываютъ связаны съ изученіемъ объектовъ, представляющихъ для насъ болѣе или менѣе важное значеніе. Но иногда они какъ бы обособляются отъ той конечной цѣли, которую ставитъ себѣ научное изслѣдованіе, и превращаются въ своего рода игру или умственную гимнастику. Здѣсь получается нѣчто анологичное тому, что въ области эстетическихъ переживаній называютъ искусствомъ для искусства. Человѣку въ этихъ случаяхъ бываетъ, въ сущности, безразлично, изучаетъ ли онъ геніальное произведеніе великаго мыслителя, разбирающаго важную жизненную проблему, или же рѣшаетъ какую-нибудь интересную шахматную задачу; его занимаетъ самъ по себѣ умственный процессъ разрѣшенія, независимо отъ конечныхъ цѣлей этого процесса. Въ такомъ видѣ интеллектуальная эмоція является, въ психологическомъ отношеніи, наиболѣе чистой обособленной, но зато ея обще-біологическая цѣнность крайне незначительна, и никогда она не можетъ достигнуть такой интенсивности, чтобы захватить собой всего человѣка. Въ концѣ концовъ интеллектуальное чувство, какъ и всякое другое, только тогда можетъ достигнуть значительной силы и вліянія, когда оно связано со всѣмъ существомъ человѣка, когда оно является лишь однимъ изъ звеньевъ той сложной функціональной организаціи, которую мы называемъ человѣческой личностью.

XXI.

Религіозныя чувства.

Религіозная вѣра, ея психологическія элементы.

Теперь я перейду къ изложенію чувствованій, ставящихся обыкновенно въ тѣсную связь съ нравственнымъ чувствомъ, именно — чувствованій религіозныхъ. Подъ религіей далеко не всегда подразумѣваютъ одно и то же. Иногда расшираютъ это понятіе, включая въ него всѣ вообще вѣрованія, каковы бы ни были ихъ предметъ и способы проявленія; иногда, наоборотъ, суживаютъ его, ограничивая понятіи религіи только догматами и обрядами какого-нибудь изъ распространенныхъ, господствующихъ религіозныхъ ученій. Во всякомъ случаѣ, религіозное чувство занимаетъ настолько своеобразное и важное мѣсто въ психической жизни человѣка, что приходится разсмотрѣть его особо. Чувство это можно охарактеризовать въ общемъ, какъ эмоцію, связанную съ вѣрой въ существованіе извѣстной высшей цѣнности, а также въ существованіе отношеній между этой цѣнностью и человѣкомъ. Во что бы ни вѣрилъ человѣкъ, что бы ни считалъ своимъ Богомъ, во всякомъ случаѣ онъ разсматриваетъ божество, какъ нѣчто цѣнное, нѣчто наиболѣе важное, и, кромѣ того, стремится такъ или иначе выяснить себѣ отношеніе, существующее между этимъ высшимъ жизненнымъ началомъ и своимъ собственнымъ существованіемъ. Такимъ образомъ, во всякой религіи есть прежде всего представленіе о Божествѣ или объектѣ вѣрованія и, во вторыхъ чувство объективной дѣйствительности этого предмета вѣры. Для религіознаго человѣка Божество дѣйствительно существуетъ, а не есть продуктъ его фантазіи, или ло-

гически построенная гипотеза. Въ связи съ этой второй особенностью стоитъ третья, именно та, что вѣра сильнѣйшимъ образомъ дѣйствуетъ на волю человѣка, опредѣляя въ значительной степени направленіе его дѣятельности.

Итакъ, вы видите, прежде всего, что необходимой составной частью религіознаго чувства является вѣра. Что же такое представляетъ изъ себя вѣра и какова ея психологическая природа? Разбираясь внимательно въ своихъ душевныхъ переживаніяхъ, мы можемъ убѣдиться, что чувство вѣры или увѣренность въ существованіи извѣстныхъ объектовъ свойственны не однимъ только религіознымъ переживаніямъ. Напротивъ того, такая увѣренность составляетъ чрезвычайно частое явленіе въ нашей душевной жизни. Мы вѣримъ въ то, что завтрашній день наступитъ, что пламя всегда будетъ причинять ожогъ, что всякій человѣкъ непремѣнно долженъ умереть и т. д. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ дать намъ опытъ—жизненный, научный и всякій другой? Только то, что все происходившее до сихъ поръ подчинено было извѣстнымъ законамъ, повторялось въ извѣстной послѣдовательности; но никакой опытъ, никакое научное знаніе не можетъ доказать намъ, что все, что закономѣрно повторялось въ прошломъ, будетъ повторяться и въ будущемъ. Въ это мы просто вѣримъ. Правда, увѣренность эта настолько вложена въ насъ всей нашей предшествующей жизнью, мы такъ привыкли къ этой закономѣрной смѣнѣ и послѣдовательности явленій, что не можемъ представить себѣ, какъ это было бы иначе, но сущность психическаго процесса отъ этого не мѣняется. Такимъ же точно образомъ мы вѣримъ и въ существованіе душевной жизни другихъ людей. Какъ мнѣ уже приходилось говорить раньше, я не переживаю вмѣстѣ съ другими людьми ихъ воспріятій, чувствованій, вообще всей ихъ душевной жизни; я не могу никакими средствами доказать существованіе этой душевной жизни. Все, что я могу доказать, это то, что другіе люди обладаютъ такими же внѣшними физическими обнаруженіями, какъ и я. Я вижу, что другой человѣкъ двигается, говоритъ, краснѣетъ, блѣд-

нѣетъ и т. д., но я никакимъ образомъ не испытываю того, какъ онъ чувствуетъ, мыслитъ, воспринимаетъ и пр. О содержаніи его душевнаго міра я могу судить по аналогіи съ своими собственными переживаніями, въ существованіе же этого душевнаго міра я могу только вѣрить. Итакъ, вѣра или увѣренность свойственна не только религіознымъ чувствамъ, но и цѣлому ряду другихъ душевныхъ переживаній. Однако, въ религіозномъ чувствѣ вѣра достигаетъ наивысшей интенсивности, благодаря тому, что объектъ вѣрованія является здѣсь слишкомъ важнымъ для человѣка и слишкомъ всеобъемлющимъ по своему содержанію.

Попробуемъ теперь разобраться подробнѣе въ психологическомъ составѣ того сложнаго душевнаго переживанія, которое мы называемъ чувствомъ вѣры или увѣренности. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что вѣрующій или увѣренный въ чемъ-нибудь человѣкъ ясно и отчетливо представляетъ себѣ объектъ своей вѣры. Наступленіе завтрашняго дня до того живо рисуется въ моемъ воображеніи, что я совершенно не могу себѣ представить, чтобы онъ не наступилъ; религіозно-вѣрующій человѣкъ совершенно ясно представляетъ себѣ существованіе Божественнаго промысла, вліяющаго на его жизнь и направляющаго его поступки. Чѣмъ живѣе, отчетливѣе образъ, тѣмъ больше онъ, такъ сказать, навязывается нашей психикѣ тѣмъ больше онъ, вселяетъ довѣрія къ своей объективной реальности. Душевно больные, страдающіе галлюцинаціями, увѣрены въ реальности того, что имъ представляется, и эту увѣренность мотивируютъ обычно слѣдующимъ заявленіемъ: „да вѣдь я вижу это совершенно такъ же ясно, какъ я вижу васъ“. Апостолъ Ѳома говорилъ Спасителю: „не повѣрю, пока не вложу персты въ твои язвы“, т. е., пока онъ не получитъ яснаго осязательнаго впечатлѣнія, которое подтвердитъ имѣющійся у него зрительный образъ. Этой чисто психологической зависимостью объясняется въ значительной степени тотъ успѣхъ, который имѣли, имѣютъ и будутъ имѣть матеріалистическія доктрины, несмотря на многочисленныя гносеологическія и другія возраженія, которые можно привести про-

тивъ нихъ. Матеріализмъ именно потому такъ сильно и овладѣваетъ умами людей, что даетъ намъ чрезвычайно ясную и наглядную картину мірозданія. Въ то время какъ идеализмъ и спиритуализмъ заключаютъ въ себѣ много абстрактнаго, недостаточно нагляднаго, матеріальные атомы и ихъ сочетанія, мозгъ и его дѣятельность—все это такъ живо и конкретно, что невольно навязывается нашему воображенію. Замѣчено, что нервно-и душевно-больные, страдающіе ослабленною воспріимчивостью, зачастую сомнѣваются въ существованіи внѣшняго міра, сомнѣваются даже въ томъ, существуютъ ли они сами.

Итакъ, ясность и отчетливость представленія о какомъ-либо предметѣ или явленіи въ значительной степени способствуютъ укрѣпленію вѣры въ его объективную реальность. Этому содѣйствуетъ еще и то, что вѣра всегда образна или стремится быть образной: какъ и всякое чувство, она легче и чаще связывается съ конкретными образами, нежели съ абстрактными понятіями. Изученіе характеровъ и индивидуальностей показываетъ намъ, что люди, аффективно возбудимые, сильно и живо чувствующіе, обычно мыслятъ конкретными, наглядными образами; наоборотъ, абстрактные мыслители чаще отличаются спокойствіемъ и разсудочностью дѣйствій. То же самое сказывается и въ психологіи религіознаго чувства: люди, глубоко вѣрующіе, обычно стремятся представлять себѣ Божество въ конкретныхъ, наглядныхъ образахъ. Такъ, напр., св. Тереза въ своихъ молитвенныхъ экстазахъ созерцала Божество въ видѣ огромнаго алмаза, наполнявшаго собой весь міръ. Эта потребность въ наглядномъ ведетъ къ возникновенію религіозной символики, порождаетъ религіозную живопись, скульптуру и т. д.

Перечисленными особенностями, однако, еще не исчерпывается своеобразный характеръ чувства вѣры или увѣренности. Чрезвычайно важное значеніе имѣютъ здѣсь также субъективныя особенности даннаго человѣка, общій складъ его личности, совокупность прежняго опыта—вообще все то, съ чѣмъ человѣкъ подходитъ къ объекту вѣры, вся его предшествующая под-

готовка, такъ или иначе опредѣляющая наличность и характеръ его религіозныхъ и другихъ чувствъ. Совершенно справедливо указываетъ Джемсъ на ту огромную роль, которую играютъ въ религіозномъ чувствѣ всякаго рода безсознательные факторы. Религіозный человѣкъ зачастую самъ не знаетъ, почему онъ вѣритъ, отчего вѣра его такъ сильна, и отчего онъ вѣритъ именно такъ, а не иначе: онъ чувствуетъ, что вся душа его, весь его психическій складъ влечетъ его къ Божеству. Этотъ психическій складъ есть, какъ мы знаемъ, нѣчто очень сложное. Главную основу его составляетъ психо-физіологическая организація человѣка, преобладаніе у него тѣхъ или иныхъ основныхъ психическихъ функцій. Такъ, напр., абстрактное мышленіе можетъ обусловить собой наличность болѣе или менѣе стройной, сознательной системы религіозныхъ понятій; преобладеніе чувства дѣлаетъ вѣру страстной и одушевленной; значительное развитіе склонности къ энергичному волевому усилію или ея отсутствіе придаютъ религіознымъ влеченіямъ практически-дѣятельный или, наоборотъ, созерцательный характеръ—и т. д. Другую, также очень важную составную часть религіозной вѣры образуетъ то, что мы называемъ констелляціей и о чемъ уже говорилось раньше: воспитаніе, образованіе, господствующія воззрѣнія, вліяніе окружающихъ людей—все это опредѣляетъ собой какъ наличность или отсутствіе религіозныхъ вѣрованій, такъ и ихъ направленіе.

Чѣмъ ярче выражена индивидуальность человѣка, чѣмъ опредѣленнѣе его психическіе особенности, тѣмъ болѣе личный характеръ носитъ его отношеніе къ религіи, тѣмъ болѣе индивидуальны его религіозныя воззрѣнія. Я ограничусь здѣсь только нѣсколькими примѣрами. Джемсъ, въ своей интересной книгѣ: „Многообразіе религіознаго опыта“ устанавливаетъ два главныхъ типа вѣры. Первый—это типъ непосредственный, вѣра въ Божество, какъ выраженіе избытка жизненной энергіи, какъ результатъ душевнаго здоровья. Человѣкъ чувствуетъ въ себѣ душевный подъемъ, направленный на достиженіе высшихъ цѣлей; этотъ душевный подъемъ заставляетъ его вѣрить въ существо-

ваніе какъ этихъ цѣлей, такъ и опредѣляющихъ ихъ цѣнностей и, въ концѣ концовъ, въ высшую, конечную цѣнность—въ Бога. Но наряду съ этимъ существуетъ и другой типъ религіозно-вѣрующихъ людей, которыхъ жизнь значительно помяла, которые въ жизни встрѣчали много горя и разочарованій. Такіе люди уже не могутъ вѣрить совершенно непосредственно, они прошли черезъ тяжелую борьбу скептицизма и сомнѣній, и если, въ концѣ концовъ, несмотря на эту борьбу сомнѣній и на испытанія судьбы, все-таки одержитъ верхъ религіозная вѣра, то вѣра эта носитъ уже совершенно другой характеръ, чѣмъ въ предыдущемъ случаѣ: здѣсь нѣтъ той наивной, непосредственной жизнерадостности, здѣсь много грустнаго, одинокаго, но въ то же время такія вѣрованія являются гораздо болѣе устойчивыми, потому что они выдержали цѣлый рядъ испытаній.

Можно указать также и на другіе типы религіозно-вѣрующихъ людей. Такъ, наряду съ дѣятельно вѣрующими людьми, старающимися проводить въ жизнь свои религіозные идеалы, существуютъ также созерцатели, живущіе воображеніемъ, сторонящіеся отъ жизни и ограничивающіеся или изученіемъ и выясненіемъ объекта религіознаго чувства, или его болѣе или менѣе яркимъ представленіемъ и созерцаніемъ. Наряду съ описаннымъ выше типомъ людей, вѣрующихъ отъ избытка жизненной энергіи, существуютъ также люди, которые устали отъ жизни, разувѣрились въ своихъ силахъ и которые въ религіи ищутъ прибѣжища отъ житейскихъ невзгодъ и своихъ собственныхъ сомнѣній и разочарованій. Однимъ словомъ, здѣсь можно обрисовать цѣлый рядъ типовъ въ зависимости отъ индивидуальности, жизненныхъ условій и т. д.

Большее или меньшее развитіе личнаго фактора опредѣляетъ собой, въ значительной степени, также и наличность или отсутствіе критическаго отношенія къ предметамъ вѣры. Дѣти и дикари отличаются довѣрчивостью; по мѣрѣ же накопленія опыта и знаній, по мѣрѣ роста сознательной индивидуальности увеличивается и критическое отношеніе къ окружающему, въ

томъ числѣ и къ различнаго рода вѣрованіямъ. Это критическое отношеніе дѣйствуетъ двоякимъ образомъ. Съ одной стороны, оно представляется для вѣры факторомъ антагонистическимъ, оно подрываетъ, иногда даже убиваетъ вѣру, но съ другой стороны — оно ее очищаетъ и укрѣпляетъ. Какъ мы увидимъ дальше, критика и ея наиболѣе яркое и послѣдовательное выраженіе—научное знаніе не только не мѣшали, но, наоборотъ, въ общемъ ходѣ развитія человѣчества скорѣе способствовали развитію религій; они заставляли отбрасывать всякаго рода суевѣрія, низшія, элементарныя вѣрованія, представляющія собой результатъ легковѣрія, внушаемости, недостаточной освѣдомленности, и, испытывая такимъ образомъ религіозныя вѣрованія въ горнилѣ критики, побуждали ихъ дѣлаться все болѣе и болѣе просвѣтленными и одухотворенными.

Религіозныя представленія.

Выше было сказано, что въ процессъ вѣрованія, наряду съ эмоціональными элементами, входятъ также и интеллектуальные элементы, именно — тѣ или иныя представленія объ объектѣ вѣрованій. Къ разсмотрѣнію этихъ представленій мы теперь и перейдемъ.

Объектомъ религіознаго чувства является, прежде всего, Божество. Но если мы подойдемъ къ вопросамъ вѣры и религіи съ точки зрѣнія психологическаго анализа, то увидимъ, что религіозная вѣра въ значительной степени приближается къ тому, что зачастую не называютъ этимъ именемъ. Во всякомъ безъ исключенія міросозерцаніи есть элементы вѣры. Даже убѣжденные матеріалисты и атеисты не могутъ логически доказать нѣкоторыя основныя предпосылки своего міровоззрѣнія, въ очевидности которыхъ они уже заранѣе увѣрены; а между тѣмъ, при ближайшемъ анализѣ, эта увѣренность оказывается чрезвычайно близкой къ религіозной вѣрѣ. Правда, существенной чертой, отличающей разнаго рода атеистическія міровоззрѣнія отъ религій, является вѣра въ личнаго Бога и въ постоянное взаимодѣйствіе между человѣкомъ и божествомъ.

Однако, съ одной стороны, существуютъ переходныя ступени между тѣмъ и другимъ; такъ, напр., пантеистическое обожествленіе природы можетъ по временамъ вызывать у его приверженцевъ чувство настоящаго религіознаго подъема и одушевленія. Съ другой стороны, всѣ искреннія, убѣжденныя міросозерцанія, уясняющія себѣ такъ или иначе основы всего существующаго, заключаютъ въ себѣ психологически такъ много общихъ признаковъ, что при разсмотрѣніи объектовъ религіознаго чувства — къ которому мы сейчасъ перейдемъ — намъ придется по временамъ касаться также и тѣхъ міровоззрѣній и вѣрованій, которыя обычно считаются не религіозными.

Я не буду вдаваться здѣсь въ подробное изложеніе исторіи религіи, тѣсно связанной съ исторіей культуры, потому что это будетъ сдѣлано вамъ гораздо подробнѣе въ соотвѣтствующемъ курсѣ. Напомню лишь, что въ теченіе тысячелѣтій, параллельно съ общимъ развитіемъ человѣчества, и представленіе о божествѣ также продѣлало очень значительную эволюцію. Первобытный человѣкъ обожествляетъ все грозное, чего онъ боится, все сильное, могучее, что можетъ нанести ему большой вредъ или, наоборотъ, оказать значительныя услуги: хищные звѣри, грозныя явленія природы, души умершихъ вождей племени—все это почитается, какъ божество. Элементъ таинственности, неожиданность и загадочность явленій усиливаютъ склонность къ ихъ обожествленію, а такъ какъ первобытный человѣкъ еще очень мало знаетъ, очень плохо оріентируется въ окружающей средѣ, то тѣмъ большее количество предметовъ и явленій вызываютъ у него религіозное почитаніе.

Самыя представленія о свойствахъ божества вначалѣ чрезвычайно примитивны и отличаются обычно грубымъ антропоморфизмомъ: божество представляется въ видѣ матеріальнаго существа, одареннаго тѣми же достоинствами и недостатками, какъ люди и звѣри, только болѣе сильнаго и умѣющаго дѣлать многое, что недоступно человѣку,—напр., дѣлаться невидимымъ, перелетать большія пространства и т. д. Даже въ та-

кихъ развитыхъ языческихъ религіяхъ, какъ древнегреческая, представленіе о божествѣ все еще остается, въ сущности, на этой низшей ступени. Въ болѣе же примитивныхъ религіозныхъ вѣрованіяхъ обожествляются безъ разбора не только явленія природы и живыя существа, но также и вещи, такъ или иначе связанныя съ высшими, сверхъ-естественными проявленіями (фетишизмъ).

Интересны первобытныя представленія о душѣ, являющіяся здѣсь (какъ, впрочемъ, и во всякой религіи) однимъ изъ важныхъ составныхъ элементовъ религіозной вѣры. Душа представляется первобытному человѣку въ видѣ матеріальной сущности, только очень тонкой, очень легкой и по своей формѣ вполнѣ напоминающей тѣло. Душа можетъ видѣть, слышать, даже ѣсть: души умершихъ питаются кровью живыхъ людей или тѣми приношеніями, которыя оставляютъ имъ живые люди. Душа можетъ передвигаться, и притомъ съ значительно большей легкостью, чѣмъ тѣло; такъ, напр., во время сна она покидаетъ тѣло и можетъ посѣщать отдаленныя мѣстности, являться другимъ людямъ и т. д. Эти первобытныя представленія о душѣ оказали значительное вліяніе на развитіе психологическихъ теорій,—вліяніе, которое даже и до настоящаго времени еще не вполнѣ прекратилось.

По мѣрѣ развитія науки и знанія растетъ и самая религія: научная критика отбрасываетъ все то, что противорѣчитъ опыту человѣчества. Софисты и философы въ Греціи подорвали вѣру въ языческихъ боговъ. На почвѣ научной критики и развитія философской мысли возникло ученіе о болѣе духовномъ началѣ боговъ и была подготовлена, такимъ образомъ, почва къ развитію спиритуалистической религіи. По мѣрѣ того, какъ философская мысль вырабатывала ученіе о безконечности времени и пространства, по мѣрѣ того, какъ научныя теоріи пріобрѣтали характеръ все большей и большей общности и абстрактности,—по мѣрѣ этого и представленіе о Божествѣ, какъ о высшей цѣнности, измѣнялось, дѣлалось все болѣе и болѣе совершеннымъ и пріобрѣтало характеръ, свойственный совре-

меннымъ спиритуалистическимъ религіямъ: Богъ есть духъ, безконечный во времени и пространствѣ, совмѣщающій въ себѣ всѣ идеальныя черты, безконечно добрый и справедливый, всемогущій, всевѣдующій и т. д.

Вы видите, такимъ образомъ, что развитіе науки не только не мѣшало, но, наоборотъ, способствовало развитію религіи; мнѣ кажется, что такимъ же останется ихъ отношеніе и въ будущемъ.

Во всякой религіи существуетъ опредѣленное, сравнительно небольшое число формулъ или догматовъ, въ сжатомъ видѣ вмѣщающихъ въ себѣ всю сущность даннаго религіознаго вѣрованія. Но такъ какъ всякая вѣра есть прежде всего чувство, а чувство, въ силу психологическихъ законовъ, охотнѣе всего совмѣщается съ образами, то и въ религіи различнаго рода образныя представленія объ ея объектахъ имѣютъ всегда огромное значеніе. Въ древней языческой миѳологіи художники и поэты посвящали свои силы сочиненію произведеній, наполовину художественныхъ, наполовину религіозныхъ, въ которыхъ жизнь боговъ и ихъ свойства изображались въ художественныхъ образахъ. Вспомните богатѣйшую миѳологію Греціи и Рима. Современныя намъ спиритуалистическія религіи по своему психологическому содержанію болѣе абстрактны, но и онѣ также нуждаются въ нѣкоторыхъ образныхъ элементахъ: и въ нихъ мы встрѣчаемъ иконы, скульптуру, различныя религіозныя легенды, сказанія, преданія, наконецъ, религіозные символы, которые также занимаютъ во всякой религіи очень важное мѣсто. Здѣсь религія тѣсно соприкасается съ искусствомъ, до того тѣсно, что провести рѣзкую границу между тѣмъ и другимъ зачастую представляется невозможнымъ.

Наконецъ, еще одна послѣдняя, также очень важная, сторона религіозныхъ проявленій, это обряды. Какъ я уже говорилъ вамъ, религіозное чувство всегда сильно вліяетъ на волю человѣка, на его дѣйствія и поступки; въ связи съ этой внѣшней волевой стороной религіозныхъ вѣрованій и возникла та сторона рели-

гіи, которая называется культомъ или обрядностью. На первыхъ ступеняхъ религіозныхъ вѣрованій значеніе культа чисто утилитарное. Если не угодить умершему начальнику племени, онъ нашлетъ на племя моровую язву; чтобы угодить ему, надо его хорошенько накормить, принести обильную жертву. И вотъ первобытные люди берутъ у себя часть пищи, напр., часть урожая или уловъ добычи на охотѣ, иногда испытывая сами при этомъ значительныя лишенія, и приносятъ эту пищу въ жертву божеству. Затѣмъ это превращается въ обычай, и такимъ образомъ возникаютъ посты и жертвоприношенія. По мѣрѣ совершенствованія и углубленія религіозныхъ представленій, измѣняется и самый характеръ служенія божеству. Самые обряды, правда, зачастую остаются, но истолковываются уже совершенно иначе. Такъ, напр., христіанская церковь смотритъ на постъ, какъ на хорошую подготовку къ молитвѣ, какъ на упражненіе духовной стороны человѣка и символическое выраженіе готовности служить Богу, который тоже есть Духъ.

Интересенъ консерватизмъ въ соблюденіи обрядовъ; нѣкоторые религіозные обряды мы можемъ прослѣдить въ почти неизмѣненномъ видѣ до глубокой древности. Этотъ консерватизмъ историки культуры пытаются объяснить тѣмъ, что въ первобытныхъ религіяхъ культъ имѣлъ гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ теперь. Какъ бы ни относился первобытный человѣкъ къ своему божеству, но требованія божества, заключавшіяся въ принесеніи жертвоприношеній и т. д., онъ долженъ былъ выполнять строго и неукоснительно, такъ какъ въ противномъ случаѣ ему грозили жестокія бѣды. Въ современныхъ спиритуалистическихъ религіяхъ на первый планъ выдвигаются, наоборотъ, чисто психологическіе элементы—вѣра и преданность Божеству, а внѣшнія проявленія религіознаго чувства, наоборотъ, отодвигаются на второй планъ. Въ этомъ нельзя не видѣть также извѣстной эволюціи религіознаго чувства.

XXII.

Волевые процессы.

Общая характеристика волевыхъ процессовъ.

Припомните ту основную біологическую схему нашей душевной жизни, которую я привелъ вамъ въ самомъ началѣ: воспріятіе внѣшнихъ впечатлѣній, субъективная переработка ихъ и, какъ результатъ этой переработки, то или иное воздѣйствіе на внѣшній міръ. Волевые процессы соотвѣтствуютъ какъ разъ третьему, послѣднему члену этой схемы. При этомъ, однако, они находятся, какъ мы увидимъ дальше, въ тѣснѣйшей связи съ первыми двумя членами, такъ что обычно бываетъ совершенно невозможно обособить тотъ или иной волевой процессъ отъ сопровождающихъ его чувствованій и представленій. Это и понятно: вѣдь наши воздѣйствія на внѣшній міръ вытекаютъ, въ качествѣ конечнаго результата, изъ всего склада нашей личности, изъ тѣхъ впечатлѣній, которыя мы восприняли и переработали, изъ чувствованій, которыя мы пережили. Связь между упомянутыми основными функціями является, такимъ образомъ, не искусственной, а чисто органической.

Наиболѣе простымъ и очевиднымъ выраженіемъ волевыхъ актовъ являются движенія. И хотя, какъ мы увидимъ дальше, движеніями далеко не исчерпывается все разнообразіе волевыхъ процессовъ, однако представляется удобнымъ начать разсмотрѣніе ихъ именно съ этой простѣйшей ступени. Итакъ, намъ необходимо проанализировать различнаго рода движенія и посмотрѣть, какимъ образомъ они могутъ входить въ составъ волевого процесса.

Одной изъ наиболѣе простыхъ формъ двигательныхъ проявленій можно считать такъ называемыя самопроизвольныя движенія, являющіяся, повидимому, ничѣмъ инымъ, какъ результатомъ разряда энергіи, накопившейся въ центральной нервной системѣ. Только что родившійся на свѣтъ ребенокъ кричитъ, безпорядочно двигаетъ ручками и ножками; эти движенія отчасти рефлекторны, т. е., вызваны внѣшними раздраженіями, отчасти же самопроизвольны: накопившаяся энергія требуетъ разряда и этотъ разрядъ выражается движеніями. Засидѣвшійся на урокѣ ученикъ вскакиваетъ во время перемѣны съ мѣста, начинаетъ бѣгать, кричать, прыгать; молодыя животныя также часто бѣгаютъ, прыгаютъ безъ всякаго повода. Наконецъ, взрослый человѣкъ, вставшій съ постели, потягивается, совершаетъ рядъ движеній, не имѣющихъ никакой другой цѣли, какъ только размяться послѣ долгой неподвижности.

Такимъ образомъ, здѣсь мы имѣемъ двигательные акты, которымъ не предшествуютъ тѣ или иныя внѣшнія раздраженія. Это послѣднее условіе имѣется въ такъ называемыхъ рефлекторныхъ движеніяхъ. Когда меня внезапно уколютъ въ руку, то прежде чѣмъ я подумаю, какое движеніе слѣдуетъ сдѣлать, я отдерну руку; увидѣвши внезапно яркій свѣтъ, я прежде всего и совершенно невольно закрываю глаза. Это простой рефлексъ: раздраженіе, непосредственно передаваясь двигательнымъ корешкамъ спинного мозга, вызываетъ соотвѣтствующія мышечныя сокращенія. Рефлекторныя движенія могутъ нами сознаваться или не сознаваться, но, во всякомъ случаѣ, они всегда непроизвольны: я могу, правда, вліять на рефлексъ задерживающимъ образомъ, замедлять до извѣстной степени, направлять его, но все же въ общемъ онъ совершается помимо моей воли, какъ нѣчто для меня постороннее.

Слѣдующую ступень составляютъ подражательныя движенія. Какъ это ясно уже изъ самаго названія, въ составъ ихъ входитъ, прежде всего, воспріятіе движеній, совершенныхъ другимъ живымъ существомъ, а затѣмъ двигательные импульсы, направленные на выпол-

неніе такихъ же точно движеній. Слѣдовательно, подражательныя движенія всегда сознательны или, по крайней мѣрѣ, полусознательны. Они могутъ быть произвольными или непроизвольными; въ общемъ, однако, самъ человѣкъ, его личное хотѣніе играетъ здѣсь все же очень незначительную роль. Дѣйствія дѣтей вообще характеризуются очень значительнымъ развитіемъ подражательности—и, соотвѣтственно этому, воля ихъ слаба, внушаемость значительна. То же самое и у взрослыхъ людей: чѣмъ больше развита у нихъ подражательность, тѣмъ менѣе проявляется самостоятельная иниціатива, способность къ энергичнымъ волевымъ импульсамъ.

Наконецъ, высшую ступень составляютъ сознательныя произвольныя движенія. Они отличаются отъ остальныхъ движеній тѣмъ, что включаютъ въ себѣ новый элементъ, являющійся какъ разъ наиболѣе характернымъ для волевыхъ процессовъ, именно — элементъ волевого напряженія. Можно сказать даже, что всѣ перечисленные до сихъ поръ болѣе элементарные роды движеній не составляютъ еще волевыхъ актовъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова и только въ сознательныхъ произвольныхъ движеніяхъ мы вступаемъ въ область вполнѣ выраженнаго волевого процесса.

Говоря о сознательномъ волевомъ усиліи, нельзя не упомянуть также о тѣхъ субъективныхъ переживаніяхъ, которыя обычно предшествуютъ возникновенію волевого усилія, составляя, такъ сказать, начальное звено въ развитіи того или иного волевого процесса. Я имѣю въ виду такъ наз. стремленіе, желаніе, хотѣніе и т. п. Въ прежнее время, руководствуясь данными самоанализа, пытались установить болѣе или менѣе отчетливыя границы, напр., между желаніемъ и хотѣніемъ или между хотѣніемъ и „воленіемъ“. Желаніями называли такого рода побужденія, когда человѣкъ не думалъ о томъ, осуществимо ли его желаніе. Такъ напр., бѣднякъ можетъ желать немедленно сдѣлаться милліонеромъ; человѣкъ можетъ желать быть безсмертнымъ, хотя очень хорошо сознаетъ неосуществимость такого желанія. Въ противоположность этому желанія, имѣющія

шансы на осуществленіе, называли хотѣніями. Наконецъ, терминъ „воленіе“ употребляли для обозначенія того окончательнаго волевого усилія, которое дѣлаетъ человѣкъ, чтобы свои желанія и хотѣнія перевести въ дѣйствіе, направленное къ осуществленію намѣченной цѣли. Въ настоящее время, какъ мы увидимъ дальше, едва ли является надобность (да и возможность) производить подобныя тонкія подраздѣленія. Въ общемъ можно всѣ эти три разновидности волевыхъ побужденій объединить подъ общимъ названіемъ стремленія, причемъ эти стремленія могутъ быть болѣе или менѣе отчетливо осознанными, болѣе или менѣе близкими къ осуществленію и т. д.

Если, съ одной стороны, волевые процессы, въ своихъ болѣе элементарныхъ формахъ, тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ движеніями, то, съ другой стороны, они не менѣе тѣсно связаны съ чувствованіями и представленіями. Во всякомъ чувствѣ, какъ указываетъ Вундтъ, уже имѣется элементъ стремленія, импульсивности; чѣмъ сильнѣе чувство, тѣмъ сильнѣе стремленіе къ его осуществленію. Когда у меня есть недовольство моимъ настоящимъ положеніемъ, и когда это недовольство усиливается, то естественно, само собой возникаетъ стремленіе предпринять тѣ или иные поступки, чтобъ освободиться отъ этого положенія. Поэтому зачастую очень трудно бываетъ провести границу между чувствованіями и стремленіями, какъ бы мы ни называли эти послѣднія: желаніями, хотѣніями, воленіями и т. п.

Тѣсная связь, существующая между чувствованіями и волевыми процессами, сказывается еще и въ другомъ направленіи. Нерѣдко бываетъ такъ, что двигательный актъ является, въ сущности, лишь усиленіемъ тѣхъ внѣшнихъ проявленій, которыя свойственны данному аффекту. Такъ, напр., выше уже говорилось, что аффектъ гнѣва сопровождается обычно возбужденіемъ двигательной сферы: при гнѣвѣ человѣкъ повышаетъ голосъ, начинаетъ усиленно двигаться, сжимаетъ кулаки и т. д.; при соотвѣтствующихъ условіяхъ, усиленіе этихъ проявленій, въ концѣ концовъ, можетъ перейти

въ громкую брань и драку. Страхъ также на своихъ первоначальныхъ ступеняхъ усиливаетъ до нѣкоторой степени двигателяную иннервацію: отсюда является стремленіе къ бѣгству. При болѣе сильныхъ степеняхъ страха наступаетъ, наоборотъ, параличъ двигательной иннервацiи, и мы видимъ, что сильно испугавшійся человѣкъ старается сжаться, съежиться, сдѣлаться незамѣтнымъ. Эти его дѣйствія являются опять таки ничѣмъ инымъ, какъ дальнѣйшимъ развитіемъ и усиленіемъ тѣхъ двигательныхъ проявленій, которыя свойственны страху.

Разсматривая чувствованія, ведущія къ возникновенію волевого акта, можно замѣтить, что здѣсь бываютъ различнаго рода сочетанія. Иногда чувство, связанное съ какимъ-нибудь представленіемъ или группой представленій, ведетъ непосредственно къ возникновенію соотвѣтствующаго дѣйствія. Такіе волевые акты, или дѣйствія, называютъ простыми. Примѣръ: мнѣ захотѣлось пить, я беру стаканъ съ водой, наливаю и пью. То чувство (связанное съ представленіемъ), которое ближайшимъ образомъ ведетъ къ возникновенію даннаго дѣйствія, называется мотивомъ этого дѣйствія; въ приведенномъ примѣрѣ мотивомъ является чувство жажды, связанное съ представленіемъ о возможности немедленно удовлетворить ее. Однако, бываютъ случаи, когда такихъ мотивовъ поступка возникаетъ одновременно нѣсколько. Положимъ, напр., что, чувствуя сильную жажду, я не имѣю въ данный моментъ подъ рукой кипяченой воды и мнѣ пришлось бы пить невскую воду, взятую прямо изъ крана. Тогда наряду съ первымъ побужденіемъ или мотивомъ у меня немедленно возникаетъ второе, противоположное, связанное съ представленіями о холерѣ, брюшномъ тифѣ и т. д. Возникаетъ процессъ такъ называемой борьбы мотивовъ. Этотъ процессъ характеризуется своеобразными, иногда очень непріятными чувствами сомнѣнія, колебанія, нерѣшительности. Иногда эти колебанія такъ и кончаются ничѣмъ, т. е. не ведутъ ни къ какому опредѣленному результату. Въ большинствѣ же случаевъ, однако, одинъ изъ мотивовъ получаетъ преобладаніе надъ

другими и ведетъ къ тому или иному дѣйствію — или къ сознательному, произвольному воздержанію отъ дѣйствія, что также, какъ мы сейчасъ увидимъ, слѣдуетъ считать волевымъ актомъ.

Тѣ волевые процессы, въ которыхъ принятію опредѣленнаго рѣшенія предшествуетъ борьба мотивовъ, называются сложными волевыми актами; а самыя колебанія, если они происходятъ болѣе или менѣе сознательно, обозначаются часто какъ процессъ выбора. Въ сложныхъ волевыхъ актахъ съ особенной ясностью и отчетливостью выступаетъ тотъ элементъ, который является особенно характернымъ для волевого процесса, именно — элементъ волевого напряженія или волевого усилія. Въ концѣ концовъ, именно къ этому волевому усилію и сводятся всѣ тѣ случаи, когда, напр., у человѣка чувство долга беретъ верхъ надъ эгоистическими стремленіями, или когда альтруистическія чувства, послѣ нѣкоторой борьбы, заставляютъ человѣка пожертвовать своими личными выгодами и т. д.

Надо отмѣтить, что въ этихъ случаяхъ чувство личности выступаетъ всегда съ особенной яркостью. Какъ я говорилъ уже, волевой актъ обычно отражаетъ на себѣ въ большей или меньшей степени наше „я“, важнѣйшія свойства нашей психихи. Въ особенности въ сложныхъ волевыхъ актахъ, когда возникаетъ одновременно нѣсколько стремленій и получаютъ перевѣсъ тѣ изъ нихъ, которыя особенно характерны для даннаго человѣка, — личность этого человѣка обрисовывается иногда чрезвычайно ярко. Изъ этого, однако, отнюдь не слѣдуетъ, будто наше „я“, какъ это иногда утверждаютъ послѣдователи волюнтаристической психологіи, сводится, въ концѣ концовъ, именно къ волевому усилію, составляющему ядро волевого процесса. Такое пониманіе личности, на мой взглядъ, слѣдуетъ считать слишкомъ узкимъ, такъ какъ, хотя и несомнѣнно, что на волевомъ актѣ отражаются существенныя черты нашей психики, но свести всю сложную картину нашего „я“ къ одному только волевому усилію представляется совершенно невозможнымъ.

Наряду съ дѣленіемъ волевыхъ процессовъ на простые и сложные, ихъ можно раздѣлить также на внѣшніе и внутренніе. Внѣшними волевыми актами мы называемъ тѣ, которыя проявляются во внѣ, въ видѣ движеній. Примѣровъ я приводить не буду, такъ какъ изъ всего вышесказаннаго ясно, о чемъ идетъ здѣсь рѣчь. Внутренними волевыми актами мы называемъ тѣ случаи, когда человѣкъ подавляетъ въ себѣ, путемъ волевого усилія, тѣ или иные двигательные импульсы или же возникающія у него чувства, представленія и т. д. Солдатъ, который подъ градомъ пуль не обращается въ бѣгство, а неподвижно стоитъ на мѣстѣ, долженъ напрягать всю свою волю, чтобы подавить невольно возникающіе у него двигательные импульсы и заглушить естественное при данныхъ условіяхъ чувство страха. Такимъ образомъ, если во внѣшнихъ волевыхъ дѣйствіяхъ волевое усиліе направлено на возбужденіе и усиленіе двигательной иннервации, то во внутреннихъ волевыхъ актахъ оно направлено большею частью наоборотъ, на задержку различныхъ процессовъ, будутъ ли это процессы представленія, движенія и т. п.

Теоріи волевого акта.

Я уже указывалъ на то, что существуетъ цѣлый рядъ постепенныхъ переходовъ отъ простыхъ двигательныхъ волевыхъ проявленій къ болѣе сложнымъ внутреннимъ волевымъ актамъ. Именно этимъ путемъ и идетъ эволюція, двигательно-волевыхъ процессовъ: отъ механическихъ къ сознательнымъ, отъ непроизвольныхъ къ произвольнымъ, отъ простыхъ къ сложнымъ. Однако въ процессѣ эволюціи мы встрѣчаемъ также и другого рода процессъ, именно—обратно развитіе. Очень часто приходится наблюдать случаи механизаціи уже развившихся сложныхъ волевыхъ актовъ. Когда ребенокъ учится ходить, то каждое новое движеніе дается ему съ большимъ трудомъ и путемъ сознательнаго, много разъ повторяемаго, усилія: только послѣ многократныхъ, настойчивыхъ попытокъ онъ научается, наконецъ, стоять на ножкахъ, ходить и т. д. Мало-по-малу, по мѣрѣ

дальнѣйшаго привыканія, движенія эти начинаютъ уже производиться автоматически, какъ бы сами собой.

Тотъ же самый переходъ отъ сознательныхъ движеній къ автоматическимъ по мѣрѣ ихъ повторенія наблюдается и у взрослыхъ людей, которые обучаются какимъ-нибудь сложнымъ и новымъ для нихъ родамъ движеній. Піанисту, который только еще учится играть, приходится иногда десятки разъ повторять какой-нибудь трудный пассажъ, пока онъ, наконецъ, его усвоитъ; зато потомъ исполненіе этого пассажа производится чисто автоматически, полубезсознательно, или даже совершенно безсознательно. Обычно въ этихъ случаяхъ сознательными остаются нѣкоторые выдающіеся пункты въ данной цѣпи движеній. Напр., піанистъ помнитъ, что послѣ нѣсколькихъ строчекъ надо взять такой-то аккордъ, и этотъ аккордъ служитъ для него опознавательной точкой; возвращающійся домой человѣкъ помнитъ, что дойдя до такого-то переулка, надо повернуть налѣво: этотъ поворотъ онъ дѣлаетъ сознательно, все же остальное происходитъ автоматически.

Подобная механизація уже бывшихъ ранѣе сознательными волевыхъ актовъ имѣетъ очень важное біологическое значеніе. Ее можно поставить въ параллель съ ограниченностью поля сознанія или съ процессомъ временнаго забыванія, о значеніи которыхъ уже говорилось выше. Если-бы я во всякій моментъ подробно сознавалъ всѣ движенія, которыя я совершаю или долженъ совершить, то это настолько бы обременило и затруднило мою психическую дѣятельность, что сдѣлалось бы, пожалуй, невозможнымъ жить и дѣйствовать. Превращеніе же большинства нашихъ привычныхъ дѣйствій въ автоматическія даетъ намъ возможность въ любой моментъ располагать одновременно большимъ количествомъ хорошо координированныхъ двигательныхъ актовъ.

Возможность подобнаго превращенія сознательныхъ произвольныхъ движеній въ автоматическія дала поводъ нѣкоторымъ психологамъ утверждать, что и все вообще развитіе психической жизни шло именно этимъ путемъ. Съ точки зрѣнія волюнтаристической психологіи, счи-

тающей волю основнымъ принципомъ психической жизни, нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что всѣ дѣйствія и движенія живыхъ существъ вначалѣ были произвольны, а затѣмъ, по мѣрѣ повторенія и привыканія, сдѣлались механическими. Съ этой точки зрѣнія и рефлексъ когда-то на первыхъ ступеняхъ своего возникновенія былъ также произвольнымъ, сознательнымъ двигательнымъ актомъ, а затѣмъ механизировался.

Въ противоположность этому, другая школа утверждаетъ, что, напротивъ, волевое усиліе представляетъ собой нѣчто вторичное, производное, и что сознательные волевые акты возникли уже въ самомъ концѣ эволюціи, какъ ея вѣнецъ и завершеніе. Согласно этой теоріи развитіе волевыхъ дѣйствій шло такимъ образомъ: вначалѣ, на первыхъ ступеняхъ животной жизни существовали лишь самопроизвольныя движенія и простые, безсознательные рефлексы, представлявшіе собой реакцію организованной матеріи на внѣшнія раздраженія. Благодаря многократному повторенію однихъ и тѣхъ же двигательныхъ реакцій возникли явленія памяти или смутно сознаваемыя представленія о тѣхъ движеніяхъ, которыя раньше совершались. Эти двигательныя представленія и явились, согласно упомянутой выше теоріи, зачатками сознательныхъ волевыхъ актовъ. Когда человѣкъ хочетъ чего-нибудь достигнуть, то въ его сознаніи возникаетъ, съ одной стороны, представленіе о цѣли даннаго дѣйствія, а съ другой стороны—представленіе о тѣхъ движеніяхъ, которыя нужно совершить для достиженія этой цѣли. Двигательныя же представленія, дѣлаясь яркими, интенсивными, въ концѣ концовъ ведутъ, къ возникновенію соотвѣтствующихъ двигательныхъ импульсовъ.

Въ подтвержденіе такого объясненія указываютъ нерѣдко на существованіе такъ называемыхъ идеомоторныхъ актовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ двигательное представленіе—даже не соединенное съ какимъ-либо стремленіемъ—если только оно достигнетъ очень значительной яркости, само по себѣ достаточно, чтобы вызвать соотвѣтствующее движеніе. Положимъ, напр., человѣкъ разсказываетъ вамъ о какомъ-либо гимнасти-

ческомъ упражненіи; онъ такъ наглядно и ярко описываетъ его, что у васъ, въ концѣ концевъ, является побужденіе и самому совершить такія же точно движенія. Сюда слѣдуетъ отнести также и тѣ факты, когда, напр., наклоняясь надъ пропастью или стоя на балконѣ пятаго этажа, вы до того ярко представляете себѣ возможность паденія внизъ, что невольно пятитесь назадъ, какъ бы изъ опасенія, чтобы этого не случилось*). Вотъ эти-то идеомоторные акты и приводятся, какъ доказательство того, что представленіе о движеніи, достигнувъ извѣстной яркости, уже само по себѣ можетъ вызвать соотвѣтствующіе двигательные импульсы. Если же, наоборотъ, къ данному представленію присоединится какое-нибудь другое, противоположное (напр., представленіе объ опасности), то оно будетъ вліять на двигательные импульсы задерживающимъ или тормозящимъ образомъ; возникаетъ борьба мотивовъ и, въ концѣ концовъ, двигательный актъ не состоится. Слѣдовательно эта вторая теорія сводитъ волевые процессы всецѣло къ взаимодѣйствію или взаимному торможенію различныхъ двигательныхъ представленій и связанныхъ съ ними двигательныхъ импульсовъ.

Къ этимъ двумъ основнымъ теоріямъ волевого акта, мнѣ еще придется вернуться, когда я буду говорить о психической энергіи и психической активности.

Волевое усиліе; его отношеніе къ психической активности.

Раньше я уже говорилъ о томъ, что важнѣйшей частью всякаго сознательнаго волевого акта, составляющей, можно сказать, центральное ядро всего процесса, является волевое усиліе, своеобразное чувство напряженія, непосредственно нами переживаемое. Наличность

*) Одна изъ слушательницъ сообщила мнѣ самонаблюденіе, могущее служить хорошимъ примѣромъ идеомоторнаго акта. Однажды, незадолго передъ Рождествомъ, она шла въ институтъ, думая о томъ, какъ будетъ на праздникахъ участвовать въ устройствѣ елки для бѣдныхъ дѣтей. Она такъ живо представила себѣ, какъ будетъ бѣгать съ дѣтьми вокругъ елки, что вдругъ... побѣжала!

этого сознательнаго волевого усилія и составляетъ одну изъ наиболѣе характерныхъ чертъ волевого процесса, отличающую его отъ рефлекторныхъ и автоматическихъ дѣйствій. Что же такое представляетъ собой это волевое усиліе? На этотъ счетъ въ психологіи также существуютъ двоякаго рода взгляды, тѣсно связанные съ только что изложенными двумя теоріями относительно происхожденія волевыхъ актовъ.

Согласно одному взгляду волевое усиліе есть не что иное, какъ совокупность двигательныхъ (главнымъ образомъ мышечныхъ) ощущеній. Всѣ наши дѣйствія возникли путемъ эволюціи изъ движеній: сначала рефлекторныя движенія, затѣмъ сознательныя и, наконецъ, послѣ выработки соотвѣтствующихъ двигательныхъ представленій—преднамѣренно-произвольныя. При совершеніи какихъ бы то ни было мышечныхъ движеній приходится испытывать чувство напряженія, представляющее собой не что иное, какъ совокупность мышечныхъ ощущеній. Это именно мускульное напряженіе и воспринимается нами, какъ чувство усилія.

Но бываютъ такіе волевые акты, при которыхъ нѣтъ мышечнаго сокращенія, а есть или задержка этого сокращенія, или же другія болѣе сложныя психо-физіологическія обнаруженія. Для объясненія этихъ явленій была выдвинута теорія такъ называемаго иннервационнаго чувства. Предполагали, что всякаго рода нервный импульсъ, хотя бы онъ и не повелъ за собой мышечнаго сокращенія, но остался бы чисто центральнымъ мозговымъ процессомъ, все-таки сопровождается извѣстнымъ субъективнымъ переживаніемъ, напоминающимъ волевое усиліе. Въ качествѣ доказательства приводились случаи, когда двигательное усиліе испытывается нами, несмотря на то, что сами мышцы, на сокращеніе которыхъ это двигательное усиліе направлено, отсутствуютъ совершенно. Это бываетъ послѣ ампутацій: когда человѣкъ пытается двигать, напр., пальцами отрѣзанной ноги, то несмотря на отсутствіе мышцъ, которыя у него должны были бы сокращаться, онъ все-таки испытываетъ извѣстное волевое напряженіе. Однако

болѣе тщательныя изслѣдованія Джемса показали, что въ этихъ случаяхъ обыкновенно человѣкъ сокращаетъ попутно также и нѣкоторыя другія сохранившіяся у него мышцы, все равно какъ, напр., при очень сильномъ напряженіи руки мы невольно напрягаемъ также и нѣкоторыя другія мышцы тѣла. И вотъ мышечныя ощущенія, возникшія благодаря сокращенію побочныхъ мускуловъ, и принимались ошибочно за иннерваціонное чувство.

Противъ теоріи иннерваціоннаго чувства выставляли также и другое, болѣе принципіальное возраженіе, состоявшее въ томъ, что ощущать, чувствовать можно только центростремительные импульсы, то, что приходитъ въ мозгъ по чувствительнымъ нервамъ, между тѣмъ, какъ ощущенія отъ двигательныхъ импульсовъ представляютъ уже сами по себѣ противорѣчіе. Въ виду этого, весьма существеннаго возраженія заслуживаетъ вниманія предположеніе Вундта, который считалъ возможнымъ объяснить явленія иннерваціоннаго чувства слѣдующимъ образомъ. Когда въ двигательной клѣткѣ возникаетъ процессъ возбужденія, то самъ по себѣ этотъ процессъ еще не сопровождается никакими ощущеніями; но затѣмъ, распространяясь въ мозгу, возбужденіе достигаетъ расположенныхъ вблизи чувствительныхъ клѣтокъ и вызываетъ въ нихъ уже процессъ чувственнаго возбужденія, который субъективно испытывается нами, какъ иннерваціонное чувство. Въ такомъ объясненіи нѣтъ ничего принципіально невозможнаго, но насколько оно дѣйствительно соотвѣтствуетъ положенію вещей, это, конечно, еще большой вопросъ. Во всякомъ случаѣ, если даже признать теорію иннерваціоннаго чувства, то все же нельзя отрицать и того, что мышечныя ощущенія играютъ очень важную вспомогательную роль, усиливая собой чувство напряженія, въ особенности при произвольныхъ двигательныхъ актахъ.

Если вы припомните то, что говорилось относительно другого процесса, очень близко стоящаго къ волевымъ актамъ, именно—процесса произвольнаго вниманія, то и тамъ мышечныя ощущенія играли немаловажную

роль. Вы помните, что нѣкоторые пытаются даже свести къ нимъ цѣликомъ все то чувство напряженія, которое мы испытываемъ при произвольномъ сосредоточеніи вниманія. Общность явленій влечетъ за собой также и общность теорій.

До сихъ поръ рѣчь шла, главнымъ образомъ, о тѣхъ волевыхъ усиліяхъ, которыя направлены на совершеніе извѣстныхъ двигательныхъ актовъ или на ихъ задержку. Для такихъ родовъ усилія только что изложенная теорія въ значительной степени подходитъ и представляется болѣе или менѣе правдоподобной. Однако, наряду съ этимъ существуетъ цѣлый рядъ волевыхъ актовъ, направленныхъ на теченіе представленій, чувствованій и т. п. Здѣсь уже зачастую не бываетъ почти никакихъ движеній или двигательныхъ задержекъ, и, тѣмъ не менѣе, волевое напряженіе можетъ достигать большихъ размѣровъ. Вотъ такого рода процессы и заставляютъ обратить вниманіе на другую теорію, до нѣкоторой степени противоположную только что изложенной. Согласно этой второй теоріи, *волевое усиліе* не сводится къ какимъ бы то ни было двигательнымъ актамъ, а, наоборотъ, *является самостоятельнымъ, совершенно своеобразнымъ психо-физіологическимъ процессомъ*. Въ то время, какъ первое объясненіе ссылается, главнымъ образомъ, на данныя физіологіи и біологіи, второе объясненіе основывается преимущественно на данныхъ самонаблюденія,—нисколько, впрочемъ, не исключая возможности того, что въ основѣ непосредственно воспринимаемаго нами чувства волевого усилія лежитъ какой-нибудь опредѣленный мозговой процессъ или совокупность такихъ процессовъ.

Обращаясь къ даннымъ самонаблюденія, приходится прежде всего отмѣтить, что волевое усиліе является чрезвычайно характернымъ элементомъ всякаго вообще сознательнаго волевого акта. Кромѣ того, оно представляетъ собой нѣчто всегда однородное: на что бы ни было направлено это усиліе, оно всегда нами переживается болѣе или менѣе одинаково. Наконецъ, для нашего сознанія оно является чѣмъ-то элементарнымъ,

неразложимымъ на дальнѣйшіе, болѣе простые элементы.

Въ то же время самонаблюденіе свидѣтельствуетъ намъ, что волевое усиліе всегда предшествуетъ какимъ-либо перемѣнамъ, совершающимся въ нашемъ сознаніи: измѣненіе въ теченіи представленій, усиленіе или ослабленіе какого-нибудь чувства, выдвиганіе какого-либо ощущенія или воспріятія въ фиксаціонную точку сознанія и т. п. Основываясь на этомъ, многіе психологи признаютъ, что волевое усиліе является однимъ изъ важнѣйшихъ у с л о в і й происходящихъ въ сознаніи перемѣнъ; нѣкоторые же считаютъ возможнымъ идти дальше, утверждая, что волевое усиліе является п р и ч и н о й этихъ перемѣнъ. Подтвержденіемъ этого мнѣнія служитъ, между прочимъ, то обстоятельство, что волевой актъ всегда есть нѣчто творческое. Измѣняя, сообразно нашимъ стремленіямъ, внѣшнюю среду или нашу собственную душевную жизнь, онъ всегда носитъ въ нихъ нѣчто новое, являясь, такимъ образомъ, дѣятельнымъ факторомъ въ созданіи различнаго рода цѣнностей, духовныхъ и матеріальныхъ.

Итакъ, согласно этой второй точкѣ зрѣнія, волевое усиліе является своеобразнымъ психо-физіологическимъ процессомъ, который нельзя свести къ другимъ, болѣе элементарнымъ процессамъ, и который лежитъ въ основѣ всякаго сознательнаго, активнаго вмѣшательства въ окружающую насъ жизнь. Въ то время, какъ первая изъ двухъ изложенныхъ теорій разсматриваетъ волевое усиліе, какъ нѣчто производное, несамостоятельное, сводя его всецѣло къ мышечнымъ движеніямъ и ихъ задержкѣ, вторая, наоборотъ, стремится чрезмѣрно расширить понятіе волевого процесса и распространить его на всѣ наши психическія переживанія, превращаясь, такимъ образомъ, въ в о л ю н т а р и з м ъ, о которомъ уже упоминалось выше. Согласно волюнтаристическому ученію, всѣ безъ исключенія наши психическіе процессы построены по типу волевого. Указываютъ на то, что даже въ чисто умственныхъ процессахъ волевое усиліе обычно имѣется на лицо, выражаясь въ сосредоточеніи вниманія на тѣхъ или иныхъ впечатлѣніяхъ. Чувствованія, какъ уже сказано, тѣс-

нѣйшимъ образомъ связаны съ волей, заключая въ себѣ всегда извѣстный элементъ активности. Исходя ихъ этого, пытаются положить волевое усиліе въ основу всей нашей душевной жизни, пытаются психическую активность отождествить съ волевымъ усиліемъ.

Мнѣ представляется, что какъ та, такъ и другая теорія не могутъ быть приняты во всей ихъ полнотѣ. Съ одной стороны мы видѣли, что было бы слишкомъ односторонне сводить всѣ волевые процессы только къ движеніямъ или ихъ задержкѣ, такъ какъ существуетъ цѣлый рядъ волевыхъ, и притомъ очень напряженныхъ актовъ, въ которыхъ психомоторные элементы крайне незначительны. Съ другой стороны было бы неправильно, на мой взглядъ, волевое усиліе переоцѣнивать, распространяя его на всѣ наши психическія переживанія. По моему, слѣдуетъ рѣзко отличать волевой процессъ, съ его центральнымъ факторомъ, волевымъ усиліемъ, отъ болѣе общаго понятія психической активности. Волевое усиліе представляетъ собой одну изъ основныхъ психическихъ функцій, занимающую въ нашей душевной жизни свое опредѣленное мѣсто наряду съ чувствованіями и интеллектуальными процессами. Это есть реакція нашей психики на явленія, совершающіяся какъ внѣ насъ, такъ и въ нашемъ сознаніи. Совсѣмъ другое дѣло — психическая активность, входящая, какъ основной факторъ, во всѣ безъ исключенія душевные процессы.

Для поясненія своей мысли я приведу примѣръ. Человѣкъ можетъ одинаково устать какъ отъ напряженной умственной работы, требующей значительнаго волевого вниманія, такъ и отъ интенсивнаго чувственнаго наслажденія, носящаго гораздо болѣе пассивный характеръ. И тамъ и здѣсь онъ тратитъ свои душевныя силы, свою психическую активность или энергію; а между тѣмъ въ первомъ случаѣ преобладающимъ, по своему значенію, элементомъ процесса было волевое вниманіе, а во второмъ — чувственныя воспріятія, связанныя съ пріятнымъ чувственнымъ тономъ. Всякое

душевное переживаніе, въ чемъ бы оно ни заключалось: въ воспріятіяхъ или сужденіяхъ, въ волевомъ напряженіи или въ чувствованіяхъ, — есть уже процессъ или дѣятельность.

Возьмите другой примѣръ — художниковъ, поэтовъ, живущихъ непосредственной жизнью чувства, у которыхъ творчество совершается зачастую полусознательно, почти безъ всякаго волевого усилія съ ихъ стороны. Таковы были, какъ извѣстно, Моцартъ, Пушкинъ и многіе другіе. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что расходованіе психической энергіи, въ смыслѣ общей затраты психическихъ силъ, бывало у нихъ, какъ и у всѣхъ вообще геніальныхъ людей, огромно, — и тѣмъ не менѣе волевое усиліе, въ узкомъ смыслѣ этого слова, занимало въ ихъ творческомъ процессѣ, можетъ быть, очень скромное мѣсто. Наоборотъ, мы знаемъ очень многихъ людей съ сильно развитой волей, крайне настойчивыхъ, но слабо одаренныхъ и неспособныхъ къ творчеству. Неужели же слѣдуетъ сказать, что психическая активность этихъ людей гораздо больше, чѣмъ у Моцарта и Пушкина, только потому, что волевое усиліе у нихъ болѣе сильно развито?

Всѣ эти соображенія, какъ мнѣ кажется, говорятъ въ пользу того, что нельзя въ духѣ волюнтаризма съуживать понятіе психической активности, ограничивая его волевымъ процессомъ и разсматривая волевое усиліе, какъ наиболѣе характерное проявленіе активности.

Что касается вопроса о сущности психической активности или энергіи, то вопросъ этотъ тѣсно связанъ съ уже разсмотрѣнной выше проблемой объ отношеніи между физическимъ и психическимъ. Здѣсь мы снова встрѣчаемся съ основнымъ споромъ между матеріализмомъ и спиритуализмомъ, такъ какъ каждое изъ этихъ двухъ направленій истолковываетъ понятіе психической активности въ своемъ духѣ. Значительный интересъ привлекаютъ въ послѣднее время энергетическія теоріи, признающія, наряду съ энергіей электрической, тепловой и др., существованіе также особой психической энергіи. При этомъ одни обособляютъ нервную

и психическую энергію, какъ двѣ различныхъ разновидности, другіе, наоборотъ, считаютъ психическіе процессы лишь однимъ изъ проявленій нервной энергіи. Предполагаютъ, далѣе, что психическая энергія можетъ превращаться въ другіе виды энергіи, и обратно — подобно тому, какъ тепловая энергія можетъ превращаться въ электрическую и т. п.; благодаря этому общее количество ея у каждаго отдѣльнаго индивидуума постоянно колеблется, то истощаясь (благодаря напряженной умственной работѣ, переходу въ двигательные нервные импульсы и т. д.), то, наоборотъ, значительно возрастая (отдыхъ, интенсивныя внѣшнія раздраженія).

Уже изъ этого краткаго изложенія можно видѣть, что энергетическая психологія въ общемъ все-таки приближается скорѣе къ матеріалистическому, механистическому міропониманію, хотя, конечно, и представляетъ собой значительный шагъ впередъ по сравненію съ обычнымъ матеріалистическимъ взглядомъ на душевныя явленія. Поэтому къ ней примѣнимы всѣ тѣ возраженія, которыя выставляютъ обычно критики матеріализма (см. выше). Не повторяя снова этихъ возраженій, я лишь ограничусь замѣчаніемъ, что и здѣсь точка зрѣнія эмпирическаго параллелизма можетъ оказаться для насъ полезной: мы будемъ говорить объ активности или энергіи, какъ о двустороннемъ, психофизіологическомъ факторѣ, сказывающемся, съ одной стороны, вполнѣ опредѣленными физіологическими обнаруженіями (усиленіе мозгового кровообращенія, повышеніе окислительныхъ процессовъ и процессовъ распада въ нервной ткани), а съ другой — не менѣе опредѣленными психическими проявленіями (повышеніе склонности къ возникновенію различнаго рода психическихъ процессовъ, увеличеніе ихъ количества и интенсивности).

XXXIII.

Проблема свободы воли.

Доводы въ пользу индетерминизма и детерминизма.

Теперь я перейду къ вопросу, имѣющему не только теоретическое, но и не менѣе важное практическое значеніе и относящемуся къ числу тѣхъ проблемъ, которыя стоятъ на границѣ между опытной психологіей и философіей. Это вопросъ о свободѣ воли. Свободна ли наша воля или она всецѣло опредѣляется тѣми условіями, внѣшними и внутренними, среди которыхъ мы живемъ и дѣйствуемъ? На этотъ вопросъ какъ наше непосредственное сознаніе, такъ и научныя данныя допускаютъ двоякаго рода отвѣтъ: съ одной стороны, мы чувствуемъ себя свободными въ своихъ поступкахъ, дѣйствіяхъ и рѣшеніяхъ; съ другой стороны, — также несомнѣнно, что вліяніе окружающей среды въ значительной степени обусловливаетъ всю нашу дѣятельность. Отсюда возникли два противоположныхъ ученія—одно отрицающее свободу воли (детерминизмъ), другое признающее ее (индетерминизмъ). Разсмотримъ подробнѣе доводы того и другого.

Въ пользу свободы воли или индетерминизма говоритъ прежде всего наше непосредственное сознаніе. Человѣкъ всегда чувствуетъ себя свободнымъ принять то или иное рѣшеніе, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда его внѣшняя свобода затруднена, напр., когда онъ связанъ или физически не имѣетъ возможности сопротивляться болѣе сильному противнику, когда въ силу болѣзни или крайней усталости онъ не можетъ двигаться съ такой энергіей, съ какой было бы желательно, и т. д. Въ этихъ случаяхъ, несмотря на физическое

стѣсненіе, у человѣка все же остается свобода сужденія. Даже тогда, когда человѣкъ подъ угрозой, напр., лишенія жизни вынужденъ совершить какой-нибудь дурной поступокъ, у него все же остается внутренняя свобода считать этотъ поступокъ дурнымъ, и никто этой свободы отнять у него не можетъ. Толстой сравниваетъ состояніе человѣка въ этомъ случаѣ съ состояніемъ лошади, запряженной въ телѣгу вмѣстѣ съ другими лошадьми: она не можетъ по произволу остановить возъ, потому что, если бы она захотѣла сдѣлать это, то другія лошади помѣшали бы ей, увлекая ее съ собою впередъ,—и тѣмъ не менѣе въ ея власти остается мѣшать движенію повозки или, наоборотъ, способствовать ему. Точно также и мы можемъ, напр., содѣйствовать внѣшнему порядку вещей или, наоборотъ, препятствовать ему, согласуясь съ тѣмъ голосомъ совѣсти, который заложенъ въ каждомъ человѣкѣ и который является выраженіемъ его внутренняго, свободнаго рѣшенія. Толстой въ данномъ случаѣ повторяетъ ученіе Канта, который находитъ, что нравственное рѣшеніе въ человѣкѣ всегда свободно. Какъ бы не былъ человѣкъ несвободенъ въ своихъ эмпирическихъ, т. е. познаваемыхъ путемъ опыта, дѣйствіяхъ и поступкахъ, направленныхъ на измѣненіе окружающей среды, его внутренняя свобода отъ этого не страдаетъ: воля, по Канту, относится (въ противоположность чувственному опыту) къ сверхчувственной или, „умопостигаемой“ природѣ человѣка, и поэтому свобода внутренняго рѣшенія и внутренней оцѣнки дѣйствій ничѣмъ внѣшнимъ стѣснена быть не можетъ.

Кромѣ непосредственно воспринимаемаго сознанія внутренней свободы, въ пользу индетерминизма приводятся также и другіе доводы. Указываютъ на то, что, если бы ученіе о свободѣ рушилось, если бы доказано было съ несомнѣнностью, что человѣкъ есть не что иное, какъ манекенъ, дѣйствія котораго предопредѣлены уже заранѣе совокупностью внѣшнихъ условій, то нравственныя требованія и стремленія сразу потеряли бы главную свою основу. При такихъ условіяхъ нѣтъ никакого смысла стремиться быть нрав-

ственнымъ, такъ какъ это совершенно безполезно: все равно, все сдѣлается помимо нашего желанія; вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственныя усилія также перестали бы быть заслугой: вѣдь они явились результатомъ сцѣпленія обстоятельствъ, а вовсе не свободнаго рѣшенія.

Вотъ главные доводы въ пользу индетерминизма. Однако, съ противоположной стороны также приводится цѣлый рядъ доводовъ, указывающихъ на то, что свобода воли есть не болѣе, какъ иллюзія. Прежде всего здѣсь выдвигается общее соображеніе, что всюду въ мірѣ господствуетъ законъ причинности. Что касается явленій физической природы, то здѣсь уже никто не сомнѣвается въ томъ, что всякое явленіе цѣликомъ обусловлено извѣстной совокупностью предшествовавшихъ и сопутствующихъ ему явленій. Разъ психологія въ настоящее время вступила на путь научнаго изслѣдованія, то очевидно, что этотъ же принципъ долженъ быть нами перенесенъ и въ область душевныхъ явленій. И дѣйствительно, чѣмъ больше мы изучаемъ душевный міръ, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что и здѣсь господствуетъ законъ причинности и что дѣйствія, кажущіяся намъ свободными, на самомъ дѣлѣ вытекаютъ изъ совокупности предшествовавшихъ условій.

Здѣсь въ особенности важную роль играютъ два момента. Съ одной стороны—вліяніе на нашу душевную жизнь мозговой дѣятельности и вообще физіологическихъ процессовъ. Все болѣе и болѣе устанавливается зависимость психическаго отъ физическаго, зависимость такъ называемой свободной воли отъ здоровья или недомоганія, отъ различныхъ чисто органическихъ инстинктовъ и побужденій. Статистика показываетъ, что даже такія явленія, представляющіяся намъ результатомъ совершенно свободнаго влеченія и выбора, какъ, напр., любовь, заключеніе браковъ, самоубійства,—подчинены на самомъ дѣлѣ строгой закономѣрности. Оказывается, что эти явленія въ общей суммѣ изъ года въ годъ повторяются болѣе или менѣе однообразно, что подъ вліяніемъ извѣстныхъ, опредѣленныхъ соціальныхъ факторовъ число ихъ увеличивается или уменьшается—однимъ словомъ, здѣсь нѣтъ

такого произвола со стороны отдѣльныхъ личностей, какъ это принято думать. Съ другой стороны, болѣе глубокое изученіе безсознательной дѣятельности также объясняетъ намъ много явленій, до сихъ поръ приписывавшихся свободной волѣ человѣка. Въ этомъ отношеніи особенно поучительны нѣкоторые опыты съ внушеніемъ въ гипнозѣ. Такъ, напр., загипнотизированному субъекту внушалось, что послѣ пробужденія онъ долженъ будетъ совершить опредѣленное дѣйствіе (напр., открыть форточку), но при этомъ не будетъ помнить, что это дѣйствіе ему внушено. Послѣ пробужденія, когда наступилъ назначенный срокъ, паціентъ начинаетъ безпокоиться, дѣлается разсѣяннымъ, наконецъ, подходитъ къ окну и открываетъ форточку. На вопросъ, зачѣмъ онъ сдѣлалъ это, онъ отвѣчаетъ, что воздухъ въ комнатѣ показался ему слишкомъ спертымъ. Въ другой разъ больной было внушено, что она вернется домой не прямой дорогой, которой она всегда ходила, а окружнымъ путемъ. Выполнивши это внушеніе, она затѣмъ мотивируетъ свой поступокъ тѣмъ, что ей надоѣло все время ходить одной и той же дорогой.

Вы видите, что здѣсь не только выполняется внушенное дѣйствіе, но дѣлается еще нѣчто большее. Человѣкъ пытается, самъ того не сознавая, объяснить себѣ тѣ непонятныя побужденія, которыя у него возникли, относясь къ нимъ, какъ къ своимъ собственнымъ, свободно зародившимся влеченіямъ. Этотъ опытъ рельефно подчеркиваетъ то, что внимательному наблюденію хорошо извѣстно и изъ повседневной жизни: дѣйствія, насильственно вызванныя внѣшними обстоятельствами или чрезмѣрно развитыми органическими импульсами (алкоголизмъ, половое влеченіе и т. д.), затѣмъ заднимъ числомъ мотивируются и объясняются (иногда вполнѣ искренно) какъ разумныя и сознательно-произвольныя.

Вмѣстѣ съ тѣмъ примѣры эти показываютъ вамъ, что вопросъ о свободѣ воли не есть вопросъ чисто теоретическій, но что съ нимъ приходится встрѣчаться и въ повседневной практикѣ. Такъ, напр., онъ тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ играющей столь важную

роль въ судебной практикѣ проблемой вмѣняемости или отвѣтственности человѣка за свои проступки. Согласно теоріи детерминизма, поступки человѣка бываютъ результатами, съ одной стороны, вліянія на него внѣшнихъ условій, а съ другой—результатами его психо-физіологической организаціи, полученной имъ путемъ наслѣдственности. Наслѣдственность и вліяніе среды (включая сюда воспитаніе)—вотъ тѣ два могучихъ фактора, которые, согласно этому ученію, цѣликомъ создаютъ человѣка. А разъ это такъ, то, слѣдовательно, человѣкъ не отвѣтственъ за свои проступки. Какъ можетъ алкоголикъ, совершившій преступленіе въ пьяномъ видѣ, быть отвѣтственъ за свой поступокъ, когда у него мать и отецъ также алкоголики, или дегенераты, или душевно-больные и когда пагубная страсть къ алкоголю является лишь результатомъ унаслѣдованной имъ патологической организаціи! То же самое можно сказать и о всякаго рода невропатахъ, дегенератахъ и т. д., страдающихъ психической неуравновѣшенностью и дефектами моральной сферы и въ силу этого входящими часто въ столкновеніе съ требованіями соціальной жизни. Такимъ образомъ, какъ законодателю и моралисту, такъ и эксперту-психіатру въ судѣ приходится имѣть дѣло съ вопросомъ о нравственной вмѣняемости человѣка и о его моральной отвѣтственности за совершенные имъ проступки.

Философская и эмпирико-практическая точки зрѣнія въ рѣшеніи вопроса.

Мнѣ кажется, что при рѣшеніи вопроса о свободѣ воли мы всегда должны имѣть въ виду двоякое значеніе этой проблемы. Съ одной стороны она является однимъ изъ основныхъ философскихъ вопросовъ, рѣшеніе котораго въ ту или другую сторону должно неизбѣжно отразиться на всемъ нашемъ міросозерцаніи, а слѣдовательно и на всемъ развитіи культуры и человѣчества. Съ другой стороны—это вопросъ болѣе узкій, стоящій въ границахъ эмпирической психологіи и обнимающій рядъ конкретныхъ, вполнѣ опредѣлен-

ныхъ случаевъ. Въ первомъ смыслѣ вопросъ этотъ, повторяю, въ настоящее время не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ въ ту или другую сторону. Каждое изъ двухъ вышеизложенныхъ рѣшеній, будучи связано съ извѣстнымъ, опредѣленнымъ міросозерцаніемъ, имѣетъ за себя рядъ опредѣленныхъ доводовъ и—что еще важнѣе—внесло свою долю въ общую сокровищницу человѣческой культуры. Съ одной стороны, ученіе о томъ, что воля свободна, даетъ человѣку увѣренность въ своихъ силахъ, заставляетъ его быть болѣе самостоятельнымъ, больше надѣяться на самого себя въ борьбѣ съ обществомъ и съ тѣми шаблонами, которые ему предписываются извнѣ. Признавая свободу воли, мы тѣмъ самымъ признаемъ права и обязанности человѣческой индивидуальности, ея право на самоутвержденіе и ея обязанность быть нравственной. Можно сказать даже, что требованіе моральнаго закона является однимъ изъ главныхъ мотивовъ, заставляющихъ ученіе о свободѣ воли отъ времени до времени выдвигаться все съ новой и новой силой. И въ настоящее время мы видимъ, что ученіе это, казалось бы совершенно опровергнутое матеріалистическими теоріями девятнадцатаго вѣка, опять начинаетъ высказываться съ новой энергіей, пріобрѣтаетъ новыхъ горячихъ сторонниковъ.

Но, съ другой стороны, и детерминизмъ имѣетъ несомнѣнно свои историческія и культурныя заслуги, точно такъ же, какъ и несомнѣнныя фактическія данныя, говорящія въ его пользу. Возьмемъ хотя бы вопросъ о преступности и наказаніяхъ. Ученіе о свободѣ воли, будучи послѣдовательно въ своихъ выводахъ, приходило къ утвержденію, что не только преступника необходимо карать за проявленіе его „злой воли“, но что справедливость требуетъ также, чтобы интенсивность кары равнялась интенсивности преступленія. И вотъ человѣчество изощрялось въ придумываніи наказаній, предназначенныхъ для обузданія и укрощенія злой воли. Огромная заслуга детерминистическихъ тенденцій второй половины 19-го столѣтія заключается въ томъ, что вопросъ о преступности началъ разсматри-

ваться въ совершенно другой плоскости. Стали указывать, что сплошь и рядомъ то, что мы называемъ злой волей человѣка и приписываемъ его свободному рѣшенію, на самомъ дѣлѣ оказывается вовсе не таковымъ. Тотъ, кого мы называемъ преступникомъ, оказывается зачастую лишь жертвой тяжелой наслѣдственности, дурного воспитанія, плохихъ условій жизни. Преступность создается не столько злой волей отдѣльныхъ людей, сколько различными отрицательными сторонами нашей культуры, общественными неустройствами, классовой борьбой и т. п. Отсюда уже чисто практическій выводъ, что тюрьмы должны быть не мѣстомъ кары и отмщенія, а мѣстомъ перевоспитанія. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда это невозможно, когда человѣкъ уже настолько испорченъ, что дальнѣйшая жизнь его въ качествѣ полноправнаго члена общества оказывается невозможной, тюрьма должна служить опять-таки не цѣлью сама по себѣ, а лишь средствомъ огражденія общества отъ такихъ антисоціальныхъ элементовъ. Принципъ наказанія ради наказанія въ настоящее время можетъ считаться если не изгнаннымъ совершенно, то, во всякомъ случаѣ, очень и очень дискредитированнымъ.

Итакъ, если мы хотимъ вопросъ о свободѣ воли поставить во всей его полнотѣ, со всѣми философскими, моральными и соціальными предпосылками, съ которыми онъ связанъ, то окончательное рѣшеніе его, такое рѣшеніе, которое удовлетворило бы всѣхъ, мы въ настоящее время дать не въ состояніи. Я думаю, что если этотъ вопросъ когда-либо будетъ окончательно рѣшенъ, то не въ смыслѣ простого предпочтенія одной какой-нибудь изъ вышеназванныхъ теорій, а скорѣе въ смыслѣ ихъ синтеза; само собой разумѣется что синтезъ этотъ долженъ будетъ явиться не простымъ, механическимъ компромиссомъ обѣихъ противоположныхъ точекъ зрѣнія, а болѣе глубокимъ, органическимъ ихъ сліяніемъ.

Однако, на этотъ же самый вопросъ можно посмотрѣть и съ другой, эмпирической точки зрѣнія, болѣе узкой, но за то и болѣе конкретной. Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, что сознательный волевой актъ пред-

ставляетъ собой сложный процессъ, составленный изъ различнаго рода элементовъ и что эти элементы могутъ или присутствовать цѣликомъ налицо въ этомъ процессѣ, или же нѣкоторые изъ нихъ могутъ отсутствовать. Вы помните, напр., что въ простыхъ волевыхъ актахъ отсутствуетъ процессъ выбора: поступокъ является результатомъ одного какого-нибудь импульса, причемъ противоположные мотивы и связанное съ ними чувство колебанія совершенно отсутствуютъ. Наоборотъ, въ болѣе сложныхъ сознательныхъ волевыхъ актахъ и сознаніе цѣли, и борьба мотивовъ, и актъ обдумыванія, и волевое усиліе—все это имѣется на лицо. И вотъ, разсматривая различнаго рода волевые акты, мы находимъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ обстоятельства давали возможность сознательному волевому процессу совершиться цѣликомъ, въ другихъ же случаяхъ этой возможности не было.

При этомъ нарушеніе можетъ касаться различныхъ частей волевого процесса. Прежде всего могутъ быть стѣснены внѣшнія мышечныя движенія (связываніе, удерживаніе), благодаря чему принятое рѣшеніе не можетъ быть выполнено. Это—самый грубый, самый элементарный способъ стѣсненія свободы. Значительно чаще приходится считаться съ случаями, когда одинъ какой-нибудь мотивъ ненормально усиливается (благодаря искусственнымъ внѣшнимъ воздѣйствіямъ или патологической организаціи субъекта), и этимъ путемъ получаетъ преобладаніе надъ другими: подлогъ, совершенный подъ угрозой лишенія жизни, убійство на почвѣ болѣзненно-сильной ревности и т. д. Въ то же время противоположные, сдерживающіе мотивы могутъ быть ненормально ослаблены, какъ это бываетъ, напр., у людей съ прирожденными дефектами моральной сферы. Наконецъ, не менѣе часты случаи, когда нарушаются высшіе элементы волевого процесса, именно — принятіе рѣшенія и способность къ волевому усилію. Подъ вліяніемъ опьяненія, аффекта, психастеническаго разстройства, наконецъ — душевной болѣзни человѣкъ не можетъ придти къ какому-нибудь опредѣленному рѣшенію или же, придя къ нему, не можетъ достаточно

напречь волевое усиліе для выполненія принятаго рѣшенія. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, если разстройство достигало значительной степени, субъектъ обычно считается невмѣняемымъ или неотвѣтственнымъ за свои поступки.

Вы видите, что здѣсь рѣчь идетъ не о той абсолютной свободѣ воли, на которой настаиваетъ индетерминизмъ, а на свободѣ относительной, вполнѣ согласующейся съ детерминистической точкой зрѣнія. Тѣмъ не менѣе, для практическихъ цѣлей и для оріентированія въ психологіи обыденной жизни такое пониманіе свободы воли представляется вполнѣ достаточнымъ.

XXIV.

Умственная работа.

Методы изслѣдованія.

Въ нашей жизни волевые акты проявляются или спорадически, въ видѣ отдѣльныхъ, обособленныхъ импульсовъ, или же, что бываетъ гораздо чаще, въ видѣ цѣлаго ряда связанныхъ между собой и направленныхъ къ одной общей цѣли волевыхъ усилій. Однимъ изъ типичныхъ проявленій такого систематическаго напряженія воли въ извѣстномъ направленіи является работа. Именно въ силу того, что работа или трудъ представляетъ собой не какой-либо отдѣльный, обособленный волевой актъ, а цѣлую цѣпь связанныхъ между собою волевыхъ актовъ, — трудъ и является характернымъ симптомомъ извѣстной высоты психическаго и культурнаго развитія. Маленькія дѣти и первобытные народы не способны къ систематическому труду, такъ какъ дѣйствія ихъ импульсивны, и способность къ настойчивому, длительному напряженію волевого усилія, направленнаго на сознательныя цѣли, у нихъ еще не выработана.

Само собою разумѣется, что я не могу здѣсь вдаваться въ разсмотрѣніе различныхъ формъ труда и его внѣшнихъ проявленій, такъ какъ это уже всецѣло относится къ области соціальныхъ наукъ. Съ другой стороны, физическій трудъ или мышечная работа также выходитъ изъ предѣловъ нашего изложенія, такъ какъ психическіе элементы играютъ въ немъ сравнительно второстепенную роль. Такимъ образомъ, мы займемся преимущественно анализомъ умственной работы и элементовъ, ее составляющихъ. Изученіе умственнаго тру-

да подвинулось въ особенности въ послѣднее время, въ связи отчасти съ повышеніемъ интереса къ педагогической психологіи, отчасти же съ введеніемъ въ психологію экспериментальныхъ методовъ. Поэтому я сначала укажу на тѣ методы, которые употребляются для изслѣдованія умственной работы и умственнаго утомленія, а затѣмъ въ краткихъ чертахъ приведу нѣкоторые важнѣйшіе результаты, полученные въ настоящее время при помощи этихъ методовъ.

Экспериментальная методика въ данномъ случаѣ, какъ и вездѣ, имѣетъ цѣлью поставить изучаемое явленіе въ болѣе постоянныя и опредѣленныя рамки для того, чтобы, съ одной стороны, имѣть возможность по произволу вызывать его въ болѣе или менѣе однообразной формѣ, а съ другой — быть въ состояніи точно учитывать и сравнивать результаты отдѣльныхъ опытовъ.

Однимъ изъ удачныхъ пріемовъ для этой цѣли являются элементарныя ариѳметическія дѣйствія (сложенія и вычитанія) надъ однозначными и двузначными числами. Здѣсь мы имѣемъ, во-первыхъ, однородность матеріала, позволяющую очень точно подсчитывать результаты опыта, и, во-вторыхъ, общедоступность работы, по крайней мѣрѣ для всѣхъ образованныхъ взрослыхъ людей и школьниковъ средняго и старшаго возраста. Неудобство метода заключается въ томъ, что онъ недоступенъ для неграмотныхъ людей; кромѣ того, люди со спеціальнымъ навыкомъ къ подобной работѣ (бухгалтеры, счетоводы и т. п.) легче будутъ выполнять ее, чѣмъ всѣ остальные. Здѣсь мы встрѣчаемся съ однимъ изъ обычныхъ неудобствъ экспериментальныхъ методовъ, заключающимся въ томъ, что не всегда можно бываетъ точно опредѣлить, слѣдуетъ ли отнести тотъ или иной результатъ опыта къ психическимъ особенностямъ даннаго человѣка, или же къ спеціальнымъ навыкамъ его въ данномъ родѣ занятій.

Наряду съ методомъ ариѳметическихъ дѣйствій для изслѣдованія умственной работы примѣняются и другіе методы, напр., вычеркиваніе опредѣленныхъ буквъ или значковъ (методъ, требующій значительнаго напряженія вниманія), заполненіе пробѣловъ въ печатномъ текстѣ (методъ Эббингхауза) и др. Однимъ изъ первыхъ методовъ, предложенныхъ для изслѣдованія ум-

ственной работы и умственнаго утомленія у школьниковъ, былъ методъ диктовокъ, впервые примѣненный проф. Сикорскимъ (иниціаторомъ въ этой области). Онъ заключается въ томъ, что въ разное время школьнаго дня ученикамъ даютъ диктовки, по возможности одинаковой трудности, и по числу ошибокъ судятъ о степени утомленія. Въ настоящее время методъ этотъ почти оставленъ, уступивши мѣсто другимъ, болѣе точнымъ.

Всѣ вообще метоты изслѣдованія умственнаго утомленія можно раздѣлить на двѣ большія группы. Первая группа это та, въ которой умственная работоспособность изслѣдуется при помощи той же самой работы, которой вызывается утомленіе. Такъ, напр., заставляютъ человѣка въ теченіи очень долгаго времени—получаса,—продѣлывать непрерывно ариѳметическія дѣйствія и смотрятъ, какъ измѣнится подъ вліяніемъ этого его работоспособность. Опытъ показываетъ, что по мѣрѣ увеличенія усталости измѣняется какъ количество, такъ и качество работы: съ одной стороны, совершается меньшее число дѣйствій въ опредѣленный промежутокъ времени, съ другой—процентъ ошибокъ увеличивается. Тотъ же результатъ сказывается и при примѣненіи другихъ методовъ: вычеркиванія значковъ, заполненія пробѣловъ, диктовки и т. д.

Другой пріемъ заключается въ томъ, что утомленіе, вызванное какой-нибудь работой, умственной или физической, мы изслѣдуемъ особыми способами, не тождественными съ той работой, которая вызвала данное утомленіе. Здѣсь можно пользоваться всѣми тѣми способами, которые я уже назвалъ: ариѳметическія вычисленія, заполненіе пробѣловъ, вычеркиваніе значковъ. Въ данномъ случаѣ они примѣняются въ видѣ кратковременныхъ пробъ, дающихъ намъ свѣдѣніе о работоспособности человѣка въ моментъ изслѣдованія. Такъ, напр., вы можете изслѣдовать ученика послѣ каждаго изъ пяти школьныхъ уроковъ, причемъ каждый отдѣльный опытъ будетъ длиться не полчаса, не часъ, а всего 5—10 минутъ. Сравнивая затѣмъ результаты, полученные послѣ каждаго урока, вы судите, какъ измѣнялась его умственная работоспособность.

На ряду съ этимъ вы можете, однако, примѣнять и другія пробы, не состоящія въ умственной работѣ. Замѣчено, что умственное утомленіе отражается также и на другихъ процессахъ, между прочимъ—на силѣ мышечныхъ движеній и на тонкости осязательныхъ ощущеній. Этимъ пользуются, чтобы измѣрить степень усталости.

Для изслѣдованія мышечныхъ движеній примѣняются различные приборы, изъ которыхъ важнѣйшіе—динамометръ и эргографъ. Первый представляетъ собой стальное кольцо овальной формы, которое можно взять въ руку и сдавить; въ серединѣ овала укрѣпленъ кругъ съ дѣленіями, по которому движутся двѣ стрѣлки. Чѣмъ сильнѣе сдавливается упругое стальное кольцо, тѣмъ дальше передвигаются стрѣлки. Цѣль эргографа, устроеннаго впервые итальянскимъ физіологомъ Моссо, заключалась въ томъ, чтобы имѣть возможность изслѣдовать работу изолированной группы мышцъ (именно—мышцъ, сгибающихъ средній палецъ руки) и точно регистрировать какъ величину, такъ и самый способъ каждаго единичнаго сокращенія. Съ этой цѣлью рука иммобилизируется на особой подставкѣ, средній же палецъ, оставшійся свободнымъ, вкладывается въ спеціально приспособленную гильзу. Къ этой гильзѣ прикрѣпляется веревка, которая перекинута черезъ блокъ, и на другомъ концѣ которой укрѣплена гиря. Испытуемый подымаетъ эту гирю ad maximum одинъ разъ за другимъ, пока не наступитъ полная усталость. Каждое отдѣльное поднятіе регистрируется на закопченномъ цилиндрѣ. Впослѣдствіи эргографамъ стали придавать различную форму, причемъ или сохраняли первоначальный принципъ этого прибора, или же комбинировали его съ динамометромъ.

Другой методъ изслѣдованія умственнаго утомленія заключается въ измѣреніи кожной чувствительности при помощи эстезіометра Вебера. Приборъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ. На стержнѣ, на которомъ нанесены дѣленія, укрѣплены два острія, одно неподвижно, другое же можетъ отодвигаться отъ перваго на большее или меньшее разстояніе. Экспериментаторъ прикасается къ кожной поверхности испытуемаго, и этотъ послѣдній долженъ опредѣлить, прикоснулись ли къ нему однимъ или двумя концами. Чѣмъ грубѣе чувствительность, тѣмъ больше нужно

раздвинуть концы аппарата для полученія порога различенія, т. е., ощущенія двухъ прикосновеній.

Опыты показали, что утомленіе замѣтно вліяетъ на порогъ ощущеній: чѣмъ больше утомленіе, тѣмъ хуже происходитъ распознаваніе, тѣмъ болѣе должны быть раздвинуты ножки циркуля для полученія вѣрныхъ отвѣтовъ (методъ Грисбаха). Здѣсь трудно сказать, насчетъ чего слѣдуетъ отнести, собственно говоря, результатъ опыта: насчетъ ли пониженія чувствительности, т. е. того, что ощущенія сами по себѣ дѣлаются менѣе отчетливыми, или же насчетъ ослабленія вниманія. Дѣло въ томъ, что подобные опыты требуютъ отъ испытуемаго значительнаго сосредоточенія вниманія, подъ вліяніемъ же утомленія человѣкъ хуже сосредоточивается, а слѣдовательно, и хуже различаетъ. Возможно, что этотъ второй моментъ является въ данномъ случаѣ преобладающимъ.

Психо-физіологическій анализъ умственной работы.

Экспериментальныя изслѣдованія относительно умственной работы и умственнаго утомленія велись въ двухъ различныхъ направленіяхъ: съ одной стороны изучались тѣ физіологическія измѣненія, которыми сопровождается процессъ умственной работы, съ другой— производился психологическій анализъ тѣхъ болѣе элементарныхъ функцій, изъ которыхъ слагается этотъ процессъ.

Что касается первой стороны вопроса, то химическія изслѣдованія показали, что обмѣнъ веществъ въ организмѣ подъ вліяніемъ умственной работы увеличивается, причемъ замѣчается усиленное выдѣленіе продуктовъ распада нервнаго вещества. Далѣе, оказалось, что умственная работа замѣтно отражается также на кровообращеніи и дыханіи. Кровяное давленіе во время работы нѣсколько повышается. Плетисмографическія изслѣдованія показали, что объемъ конечности сначала немного увеличивается (повышеніе плетисмографической кривой), но затѣмъ кривая рѣзко падаетъ, и аплитуда пульсо-

выхъ волнъ уменьшается. Другими словами, сначала замѣчается кратковременное расширеніе сосудовъ конечностей, а затѣмъ довольно значительное ихъ сжатіе. Этотъ результатъ, до извѣстной степени, аналогиченъ тому, что наблюдается при произвольномъ вниманіи; какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ пониженіе притока крови къ конечностямъ вполнѣ соотвѣтствуетъ усиленному приливу ея къ работающему мозгу. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи интересные результаты дали наблюденія надъ людьми, у которыхъ дефектъ черепной покрышки позволялъ наблюдать и записывать пульсацію головного мозга. Наблюденія показали, что пульсація мозга подъ вліяніемъ умственной работы усиливается, т. е. притокъ крови къ мозгу увеличивается; это и понятно, такъ какъ для болѣе напряженной работы мозгъ нуждается въ большомъ притокѣ кислорода, а кислородъ доставляется кровью.

Наконецъ, дыханіе подъ вліяніемъ напряженнной умственной работы учащается, причемъ амплитуда его нѣсколько уменьшается; иногда наблюдается даже кратковременная задержка дыханія. Здѣсь, повидимому, сказывается двоякаго рода вліяніе. Съ одной стороны, при напряженной умственной работѣ требуется усиленная окислительная дѣятельность, а съ другой стороны, сосредоточеніе произвольнаго вниманія (входящее непремѣннымъ составнымъ элемнтомъ во всякую напряженную умственную работу) сопровождается, какъ мы уже видѣли выше, задержкой всѣхъ, не относящихся къ данной работѣ движеній. Эти два противоположныхъ фактора, комбинируясь между собою, и обусловливаютъ окончательную форму дыхательной кривой.

Вотъ вкратцѣ тѣ важнѣйшіе физіологическіе процессы, которыми сопровождается всякаго рода умственная работа.

Что касается экспериментальнаго анализа тѣхъ основныхъ психологическихъ (или психо-физіологическихъ) факторовъ, изъ которыхъ складывается процессъ умственной работы, то въ этомъ отношеніи особенно много было сдѣлано нѣмецкимъ психіатромъ Крепелиномъ и его учениками. Всѣ тѣ данныя, которыя я буду вамъ

сейчасъ излагать, получены главнымъ образомъ благодаря изслѣдованіямъ этой школы. Я попрошу васъ прежде всего обратить вниманіе на слѣдующія кривыя.

Демонстрируются двѣ кривыя, изображающія результатъ опытовъ, произведенныхъ по методу вычисленія. Опыты были поставлены надъ дѣтьми школьнаго возраста послѣ различныхъ уроковъ. На таблицахъ видно, что кривая ошибокъ постепенно возрастаетъ, а кривая работы—падаетъ, т. е., благодаря постепенно наступающему утомленію, увеличивается число ошибокъ и уменьшается работоспособность.

Однако, не во всѣхъ случаяхъ кривая работы имѣетъ одинъ и тотъ же видъ. Демонстрируются двѣ кривыя, изображающія ходъ 20-минутной работы у двухъ взрослыхъ испытуемыхъ. Въ одномъ случаѣ кривая работы къ концу опыта замѣтно понижается, въ другомъ, наоборотъ, она все время подымается къ верху.

Такіе различные результаты зависятъ, какъ показали изслѣдованія, отъ того, что во всякой умственной работѣ играютъ чрезвычайно важную роль два фактора, дѣйствующіе противоположнымъ другъ другу образомъ: упражненіе и утомленіе. Упражненіе дѣйствуетъ на работу ускоряющимъ образомъ, утомленіе—замедляющимъ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ кривая постепенно понижается, мы имѣемъ преобладаніе утомленія надъ упражненіемъ, въ противномъ случаѣ—наоборотъ.

Дѣйствіе этихъ двухъ факторовъ различно еще и въ другомъ отношеніи: въ то время какъ вліяніе утомленія преходяще, вліяніе упражненія, наоборотъ, гораздо болѣе прочно.

Демонстрируется кривая, полученная д-ромъ А. В. Владимірскимъ на практическихъ занятіяхъ со студентами психо-неврологическаго института. Изо дня въ день испытуемымъ давалась работа, длившаяся въ теченіе 10 минутъ и состоявшая въ сложеніи и вычитаніи двузначныхъ чиселъ. Кривыя каждаго отдѣльнаго дня очень походятъ другъ на друга, нѣсколько понижаясь къ концу опыта (вліяніе утомленія). Но за то общій

уровень кривой каждаго дня оказывается болѣе высокимъ, чѣмъ уровень кривой предыдущаго дня (вліяніе упражненія).

При полномъ отдыхѣ (напр., къ началу слѣдующаго дня) вліяніе утомленія должно совершенно исчезать; если оно не исчезаетъ къ началу слѣдующей работы, то это плохое условіе, которое ведетъ къ переутомленію и къ возникновенію тѣхъ или иныхъ болѣзненныхъ послѣдствій. Работа человѣка должна быть распредѣлена такимъ образомъ, чтобъ каждый слѣдующій день начинался при такихъ же условіяхъ работоспособности, какъ и предыдущій день, т. е., чтобы ночной отдыхъ совершенно возстановлялъ наши силы. Если этого нѣтъ (а при условіяхъ нашей жизни, особенно во время рабочаго сезона, этого обычно не бываетъ), тогда въ концѣ концовъ остатки усталости постепенно накопляются, и въ результатѣ является переутомленіе, столь хорошо знакомое всѣмъ намъ, жителямъ большихъ городовъ. Иначе обстоитъ дѣло съ упражненіемъ. Правда, и здѣсь навыки, пріобрѣтенные къ концу работы, уменьшаются на другой день вслѣдствіе забыванія: вѣдь привычка къ работѣ является своего рода запоминаніемъ, усвоеніемъ тѣхъ мелкихъ деталей и приспособленій, которыя мы вырабатываемъ въ процессѣ самой работы; и здѣсь слѣдовательно, какъ и вездѣ, также возможно забываніе усвоенныхъ впечатлѣній. Тѣмъ не менѣе, у нормальныхъ людей извѣстная часть навыка всегда остается и вліяетъ на послѣдующую работу въ смыслѣ ея ускоренія и улучшенія.

Говоря объ утомленіи, слѣдуетъ различать дѣйствительное утомленіе, т. е., болѣе или менѣе сильное истощеніе умственныхъ силъ отъ чисто субъективнаго чувства усталости, которое часто не идетъ параллельно съ первымъ. Такое субъективное чувство усталости бываетъ подъ вліяніемъ разныхъ причинъ; такъ, напр., послѣ обѣда, во время жары, послѣ большихъ непріятностей и т. п. мы чувствуемъ нерѣдко вялость, подавленность, какъ бы общую усталость. Однако при этомъ часто бываетъ, что, если мы примемся за инте-

ресную работу, то чувство усталости какъ рукой сниметъ, и мы начинаемъ работать интенсивно. Между тѣмъ при дѣйствительной усталости такой интересъ только въ небольшой степени можетъ улучшить работу, поднять же работоспособность до прежняго уровня онъ уже не въ состояніи.

Кромѣ этихъ двухъ факторовъ (утомленія и упражненія) слѣдуетъ упомянуть еще и о другихъ, менѣе существенныхъ. Сюда относится, прежде всего, вліяніе первоначальнаго возбужденія. Когда человѣкъ приступаетъ къ работѣ, которая его интересуетъ, то онъ вначалѣ испытываетъ нѣкоторый подъемъ, отражающійся и на самой работѣ (большая скорость ея, иногда въ ущербъ качеству). Этотъ первоначальный импульсъ длится обыкновенно недолго: человѣкъ постепенно успокаивается и начинаетъ работать болѣе спокойно.

Можно отмѣтить еще одинъ изъ компонентовъ процесса работы, именно такъ называемое втягиваніе въ работу. Когда человѣкъ принимается за какое-нибудь дѣло, то ему нужно нѣкоторое время, чтобъ отрѣшиться отъ предшествовавшихъ впечатлѣній, направить свои мысли и интересы въ извѣстную сторону, однимъ словомъ—войти какъ слѣдуетъ въ процессъ работы. Получается нѣчто подобное тому, когда паровозъ, трогаясь съ мѣста, тяжело и какъ бы съ усиліемъ поворачиваетъ свои колеса, прежде чѣмъ разойтись и пойти полнымъ ходомъ.

Перечисленные факторы, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, менѣе существенными, даютъ намъ, въ общей совокупности, ту кривую, которую мы называемъ кривой умственной работы, и которая можетъ имѣть различную форму, въ зависимости отъ преобладанія того или иного фактора.

Понятіе психическаго темпа.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ объ изслѣдованіи психическаго темпа, представляющаго также одну изъ существенныхъ сторонъ двигательно-

волевого процесса. Извѣстно, что различные люди движутся (и работаютъ) обычно съ разной скоростью: одни медленнѣе, другіе быстрѣе. Эти идивидуальныя особенности движеній были подвергнуты экспериментальному изслѣдованію.

Штернъ предлагаетъ для этой цѣли простой опытъ, состоящій въ томъ, что испытуемый садится за столъ и долженъ стучать по столу карандашемъ въ извѣстномъ ритмѣ (напр., въ три четверти), выбирая такую скорость, какая ему покажется наиболѣе удобной. Скорость эту Штернъ считаетъ выраженіемъ не только двигательнаго темпа, но вообще темпа всей психической жизни даннаго субъекта, движущейся съ большей или меньшей быстротою. Опыты эти показали, что психическій темпъ различенъ не только у разныхъ людей, но также у одного и того же человѣка въ разное время дня и подъ вліяніемъ различныхъ условій. Кромѣ того, выяснилось, что у лицъ разнаго пола и возраста психическій темпъ также различенъ: у женщинъ онъ быстрѣе, чѣмъ у мужчинъ, у подростковъ быстрѣе, чѣмъ у пожилыхъ людей и т. д.

Для точнаго изслѣдованія скорости болѣе сложныхъ движеній можно примѣнять приборъ д-ра Владимірскаго, конструированный въ нашей лабораторіи. Испытуемаго просятъ брать какъ можно скорѣе шарики изъ одного ящика и перекладывать ихъ въ другой, причемъ моментъ вкладыванія каждаго шарика регистрируется на вращающемся цилиндрѣ.

При помощи описанныхъ методовъ можно изслѣдовать не только привычный или наиболѣе удобный для даннаго лица темпъ, но также и максимальный, наиболѣе быстрый, какого только испытуемый можетъ достигнуть. Интересно соотношеніе, которое можно наблюдать между привычными и максимальными темпами у разныхъ людей. Опыты, произведенные у насъ въ лабораторіи въ этомъ направленіи, показали, что у разныхъ лицъ это соотношеніе бываетъ различно. У однихъ какъ привычный, такъ и максимальный темпъ отличаются значительной быстротой, у другихъ — медленностью. Но особенный интересъ представляютъ испытуемые, у которыхъ привычный темпъ очень медленный, между тѣмъ какъ максимальный достигаетъ

очень значительной быстроты, даже большей, чѣмъ у лицъ съ привычно-быстрымъ темпомъ. Изученіе характеристикъ этихъ испытуемыхъ, а также подробный опросъ ихъ относительно психическихъ переживаній во время опыта дѣлаютъ вѣроятнымъ предположеніе, что высокій максимальный темпъ былъ достигнутъ ими путемъ значительнаго напряженія волевого усилія, къ которому другіе испытуемые были не такъ способны.

Наблюденіе это, если оно подтвердится, интересно въ томъ отношеніи, что указываетъ на относительную независимость волевого усилія отъ движеній и двигательныхъ импульсовъ: оно можетъ къ нимъ присоединяться, ускоряя или извѣстнымъ образомъ регулируя ихъ, но можетъ также и отсутствовать тамъ, гдѣ движенія сравнительно быстро и хорошо координированы. Очень возможно, что въ исторіи эволюціи человѣка воля произошла изъ движеній, но въ настоящее время волевые импульсы уже настолько обособились, что представляютъ изъ себя особую, до извѣстной степени самостоятельную функцію.

XXV.

Процессы, характеризующіеся пониженіемъ волевого контроля.

Процессъ внушенія, его разновидности.

Внушеніемъ мы называемъ такой процессъ, когда та или иная идея или побужденіе, воспринятыя человѣкомъ извнѣ, принимаются и выполняются имъ безъ критики и обсужденія, хотя бы они и не вытекали изъ его желаній и всего склада его личности и даже противорѣчили этому складу. Уже изъ этого опредѣленія вы видите, что процессъ внушенія всегда предполагаетъ введеніе въ сознательную или подсознательную сферу извнѣ какого бы то ни было содержанія, при чемъ характерной для этого процесса чертой является именно несоотвѣтствіе этого содержанія общему складу личности, всему тому запасу идей, чувствъ и впечатлѣній, который у даннаго субъекта уже имѣется.

Это обстоятельство слѣдуетъ имѣть въ виду, потому что одно время слишкомъ злоупотребляли понятіемъ внушенія, распространяя его на такіе процессы, которые по своему существу уже совершенно не подходятъ подъ это понятіе. Такъ, напр., пытались свести къ внушенію даже обыкновенное чтеніе или разговоръ: воспринимаемыя мной печатныя буквы и слова внушаютъ мнѣ, будто бы, извѣстныя мысли и поступки, вопросъ собесѣдника внушаетъ мнѣ тотъ или иной отвѣтъ и т. д. Само собою разумѣется, что въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло вовсе не съ внушеніемъ, а съ обычными процессами ассоціаціи, сужденія, съ сознательными произвольными дѣйствіями и т. д. Если руководствоваться приведеннымъ выше опредѣленіемъ, то подобное смѣшеніе станетъ невозможнымъ. Для про-

цесса внушенія характерно именно то, что извѣстная идея воспринимается субъектомъ безъ критики, безъ обсужденія ея, что его личность, во время воспріятія этой идеи или этого дѣйствія, не проявляется, воля его ослаблена и, такимъ образомъ, воспринимаемое имъ содержаніе является чѣмъ-то чуждымъ, насильственнымъ.

Существуютъ и другія особенности, характеризующія собой процессъ внушенія. Сюда приходится отнести извѣстное суженіе сознанія, сосредоточеніе его на той идеѣ или на томъ впечатлѣніи, которое человѣку внушается. Это сосредоточеніе достигаетъ наибольшей степени въ томъ состояніи, которое наиболѣе благопріятствуетъ процессу внушенія, именно — въ состояніи гипнотическаго сна. На это указываетъ и то обстоятельство, что во время процесса усыпленія гипнотизеръ обычно приглашаетъ паціента не думать ни о чемъ постороннемъ, а всѣ свои мысли сосредоточить на снѣ. Этимъ путемъ достигается концентрація вниманія, суженіе сознанія, необходимое для того, чтобы лучше осуществить внушеніе. Благодаря суженію сознанія, ослабляется критика, ослабляется самостоятельное, личное отношеніе къ идеямъ и побужденіямъ, получаемымъ извнѣ. Извѣстно, что, когда человѣкъ находится въ полномъ обладаніи своими умственными силами, онъ къ сдѣланному внушенію относится обычно критически. Это внушеніе вызываетъ у него воспоминанія и сужденія изъ прежняго опыта, его личныя желанія пробуждаются и могутъ помѣшать ему подчиниться внушенію. При суженіи же сознанія это критическое отношеніе къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ значительно ослабѣваетъ.

Далѣе, степень внушаемости зависитъ отъ яркости того впечатлѣнія, которое пытаются внушить, а также отъ его эмоціональной окраски. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ объясняется сильное внушающее дѣйствіе тѣхъ людей, которые вызываютъ въ насъ робость или къ которымъ мы чувствуемъ уваженіе и довѣріе; извѣстно также, что всякаго рода внушенія дѣйствуютъ сильнѣе, если они высказаны въ яркой, образ-

ной и удобовоспринимаемой формѣ. Въ этомъ отношеніи процессъ внушенія очень близко соприкасается съ вѣрой или увѣренностью. Эти два процесса имѣютъ между собой много общаго: подобно внушенію, и процессъ вѣры, какъ я вамъ уже говорилъ, въ значительной степени, обусловливается яркостью впечатлѣній, ихъ наглядностью, а также извѣстными эмоціями, связанными съ объектомъ вѣры.

Почти всѣ только что перечисленныя условія, повышающія внушаемость, мы находимъ въ дѣтскомъ возрастѣ. У ребенка запасъ прежняго опыта слишкомъ бѣденъ, чтобы онъ могъ критически относится къ тому, что ему внушается; личность его слишкомъ мало сложилась и поэтому воля его слишкомъ слаба, увѣренность въ себѣ слишкомъ невелика для того, чтобы онъ могъ противостоять внушающему дѣйствію старшихъ. Положимъ, напр., что ребенокъ упалъ, ушибся и уже готовъ расплакаться; если въ это время спокойно и увѣренно сказать ему: „ничего, ничего, вѣдь совсѣмъ не больно!“ онъ очень часто успокаивается и забываетъ о боли, хотя бы паденіе и было довольно сильно. Взрослаго такимъ простымъ утвержденіемъ уже не успокоите.

Различаютъ прямое и косвенное внушеніе. Примѣромъ прямого внушенія можетъ служить только что приведенный случай съ упавшимъ ребенкомъ; ему прямо и категорически утверждаютъ то, во что онъ долженъ повѣрить. Прямое внушеніе имѣетъ успѣхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда условія для процесса внушенія благопріятны. У маленькихъ дѣтей, въ состояніи гипноза, въ нѣкоторыхъ патологическихъ случаяхъ, когда внушаемость значительно повышена, прямое внушеніе удается обычно безъ особеннаго труда. Въ другихъ случаяхъ, когда условія для процесса внушенія не такъ благопріятны, большіе шансы на успѣхъ можетъ имѣть, наоборотъ, косвенное внушеніе. Оно состоитъ въ томъ, что мы вводимъ въ сознаніе внушаемаго извѣстную идею или побужденіе не прямо, а въ замаскированномъ видѣ. Примѣромъ косвеннаго внушенія можетъ служить слѣдующій экспериментъ.

На столѣ ставятъ рядъ баночекъ одинаковой величины и цвѣта; въ каждой баночкѣ на днѣ налито небольшое количество мутноватой жидкости одинаковаго цвѣта. Въ первую баночку, кромѣ того, заранѣе впущено нѣсколько капель духовъ, напр., фіалки, такъ, чтобы запахъ былъ едва слышенъ. Затѣмъ испытуемому говорятъ, что во всѣхъ баночкахъ содержатся различные запахи, и просятъ опредѣлить, какіе именно. Если испытуемый поддается внушенію, то онъ почувствуетъ въ большинствѣ баночекъ тѣ или иные запахи.

Здѣсь, слѣдовательно, употреблена извѣстная хитрость: главная внушаемая идея (о существованіи запаховъ во всѣхъ стклянкахъ) даже вовсе не упоминается: она какъ бы подразумѣвается сама собой; все же вниманіе испытуемаго направляется на второстепенный, побочный вопросъ — какіе именно запахи онъ услышитъ. Благодаря такому отвлеченію вниманія, критика какъ бы усыпляется и внушеніе удается легче. Каждый изъ насъ, порывшись въ своей памяти, можетъ припомнить рядъ случаевъ, когда люди, въ своей жизненной практикѣ, примѣняютъ косвенное внушеніе,—и зачастую съ желаемымъ успѣхомъ.

Наряду съ внушеніемъ различаютъ также самовнушеніе, т. е. такой процессъ, въ которомъ человѣкъ самъ себѣ внушаетъ какую-нибудь мысль или впечатлѣніе, совершенно не соотвѣтствующее его дѣйствительнымъ воспріятіямъ, и затѣмъ начинаетъ вѣрить въ него, какъ въ нѣчто реальное, дѣйствительно существующее. Примѣромъ могутъ служить различнаго рода ипохондрическія идеи, которыя у людей, черезчуръ заботящихся о своемъ здоровьи, встрѣчаются очень часто. Люди мнительные, услышавши подробное описаніе какой-нибудь серьезной болѣзни, тотчасъ же начинаютъ находить у себя симптомы этой болѣзни. Въ данномъ случаѣ процессъ самовнушенія обусловливается въ значительной степени аффектомъ страха, который фиксируетъ мысли человѣка исключительно на данной болѣзни и ея послѣдствіяхъ, мѣшая отнестись къ дѣлу критически и хладнокровно.

Иногда приходится встрѣчаться съ такими—на пер-

вый взглядъ парадоксальными — случаями, когда, съ одной стороны, внушаемость значительно повышена, а съ другой — наблюдается чрезвычайное упрямство, не поддающееся никакимъ разумнымъ убѣжденіямъ. Въ особенности, часто такія противорѣчивыя проявленія бываютъ при истерическихъ состояніяхъ. Извѣстно, что при истеріи внушаемость особенно повышена, такъ что явленія внушенія и гипноза изучены были прежде всего именно на истеричныхъ больныхъ. Съ другой стороны, однако, каждый врачъ знакомъ съ упрямствомъ и своенравностью истеричныхъ, съ ихъ склонностью къ капризамъ и т. п. Это кажущееся противорѣчіе на самомъ дѣлѣ объясняется очень просто. Дѣло въ томъ, что упрямство, то-есть неосмысленное, слѣпое сопротивленіе какому бы то ни было внѣшнему воздѣйствію, отнюдь нельзя отождествлять съ разумной самостоятельностью человѣка, ясно сознающаго свои потребности и отвергающаго то, что этимъ потребностямъ не соотвѣтствуетъ. Упрямство истеричныхъ есть проявленіе разстройства ихъ психической координаціи: самыя противоположныя желанія и побужденія смѣняютъ у нихъ другъ друга — и каждое отличается слѣпой настойчивостью. Поэтому убѣдить ихъ разумными доводами нельзя, но, если умѣло подойти къ нимъ, выждать нужное время, затронуть другія, противоположныя побужденія, также имъ свойственныя, то можно бываетъ зачастую внушить имъ что угодно. Упрямство, такимъ образомъ, въ этомъ случаѣ не только не противорѣчитъ внушаемости, но, наоборотъ, способствуетъ ей.

Наряду съ индивидуальной внушаемостью различаютъ также внушаемость массовую или коллективную, объектами которой являются цѣлыя группы людей, толпа, общество. Уже давно замѣчено, что толпа, т. е. не организованное собраніе индивидуумовъ, значительно болѣе подвержена внушенію, чѣмъ отдѣльныя личности. Люди, иногда обладающіе сильной волей и яснымъ разсудкомъ, попавши въ толпу и испытавши панику или другой массовый аффектъ, разсказываютъ потомъ, до какой степени они неожиданно

для самихъ себя растерялись, поддавшись общему волненію. И это понятно: процессъ внушенія до нѣкоторой степени можно назвать психической заразой. Здѣсь, подобно заразѣ, воспринятые извнѣ впечатлѣнія и побужденія передаются человѣку раньше, чѣмъ онъ успѣетъ защититься отъ нихъ, т. е., отнестись къ нимъ критически. Въ толпѣ или въ большомъ плохо организованномъ собраніи вліяніе этой психической заразы еще увеличивается благодаря тому, что отдѣльная личность чувствуетъ себя подавленной присутствіемъ массы народа; кромѣ того, въ толпѣ то и дѣло рождаются самые неожиданные импульсы, быстро передающіеся всѣмъ присутствующимъ.

Именно этимъ объясняются такъ называемыя психическія эпидеміи, достигавшія особенно большихъ размѣровъ въ средніе вѣка: масса людей, наэлектризованная какимъ-нибудь необычнымъ событіемъ (напр., страннымъ, необъяснимымъ явленіемъ, горячей проповѣдью и т. д.), вѣрила въ самыя необыкновенныя вещи и принимала самыя неожиданныя рѣшенія. Сюда же относятся судорожныя эпидеміи, принимавшія въ то время характеръ настоящихъ общественныхъ бѣдствій. Такія судорожныя эпидеміи (правда, въ несравненно болѣе легкой формѣ) наблюдаются и теперь иной разъ въ закрытыхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ; въ болѣе рѣзкомъ видѣ онѣ проявляются въ кликушествѣ, эпидемическія вспышки котораго еще недавно наблюдались у насъ д-ромъ Краинскимъ и другими. Наконецъ, коллективная внушаемость является часто причиной массовыхъ иллюзій или галлюцинацій, примѣры которыхъ не разъ были описаны въ исторіи: когда толпа людей напряженно ждетъ чего-нибудь (напр. чуда), достаточно одному изъ нихъ бросить соотвѣтствующій намекъ, и всѣ тотчасъ могутъ увидѣть или услышать то, чего вовсе нѣтъ на самомъ дѣлѣ.

Вы видите, что процессъ внушенія, если даже понимать его въ болѣе узкомъ смыслѣ слова (какъ я объ этомъ говорилъ выше), все таки является очень распространеннымъ въ нашей жизни, и неудивительно, что онъ всегда привлекалъ къ себѣ интересъ и вни-

маніе изслѣдователей. Особенно, много занялись вопросами внушенія въ послѣднія десятилѣтія въ связи съ теоріей Бернгейма, сводившаго всѣ удивительныя явленія, наблюдающіяся во время гипноза, къ внушенію, прямому или косвенному. Я не буду вдаваться въ изложеніе безконечно разнообразныхъ наблюденій и экспериментовъ, производившихся надъ больными и лицами, находившимися въ состояніи гипноза. Приведу лишь нѣкоторые методы, предложенные французскими психологами (главнымъ образомъ Бинэ) для изслѣдованія явленій внушенія въ бодрственномъ состояніи у здоровыхъ лицъ, взрослыхъ и школьниковъ. Методы эти пригодны преимущественно для болѣе элементарныхъ проявленій внушенія, именно тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о внушеніи ощущеній и простѣйшихъ воспріятій. Что же касается внушенія въ области высшихъ психическихъ процессовъ, гдѣ затрагивается личность и ея интимнѣйшія побужденія, тамъ экспериментъ оказывается пока мало примѣнимымъ.

Одинъ примѣръ такого экспериментальнаго изслѣдованія внушаемости уже былъ приведенъ выше (внушеніе запаховъ); приведу еще другой примѣръ.

Испытуемому показываются одна за другой нѣсколько линій (напр., 15), которыя сначала увеличиваются въ своей длинѣ, а потомъ (начиная съ 5-й или 6-й) остаются безъ перемѣны. Испытуемый долженъ на данной ему бумагѣ съ клѣточками отмѣчать длину каждой показанной ему линіи. Оказывается, что легко внушаемые субъекты, въ особенности дѣти, продолжаютъ отмѣчать увеличеніе линій даже и послѣ того, какъ оно прекратилось: систематическое увеличеніе первыхъ линій невольно ввело въ сознаніе испытуемаго мысль о томъ, что эти линіи и впредь будутъ увеличиваться, и эта мысль настолько укрѣпилась въ немъ, что продолжаетъ дѣйствовать и на дальнѣйшія воспріятія. Здѣсь, слѣдовательно, мы имѣемъ дѣло съ косвеннымъ самовнушеніемъ: испытуемому не говорятъ прямо, что линіи должны все время увеличиваться, но, путемъ извѣстнаго пріема, заставляютъ его самого сдѣлать этотъ полубезсознательный выводъ.

Еще одинъ примѣръ опыта со внушеніемъ, тоже косвеннымъ. Нечаевъ производилъ въ школахъ слѣдующій опытъ. Онъ обращался къ классу съ предложеніемъ: „напишите на листѣ бумаги какую-нибудь цифру, напр. 8. Оказывается, что большинство испытуемыхъ дѣйствительно писали цифру 8, косвенно внушенную имъ предложеніемъ экспериментатора.

Надо сказать, что въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ объ экспериментально вызываемомъ внушеніи въ области простѣйшихъ воспріятій, очень трудно бываетъ иной разъ отдѣлить внушеніе отъ простой, физіологически обусловленной иллюзіи. Такъ, напр., нѣкоторые экспериментаторы считаютъ внушеніемъ опытъ съ двумя кубышками, о которомъ уже говорилось раньше: большая величина кубышки, при одинаковомъ матеріалѣ, внушаетъ, будто бы, идею о неравенствѣ ихъ вѣса, и иллюзія тѣмъ больше, чѣмъ сильнѣе эта внушенная идея. Если мы будемъ руководствоваться даннымъ вначалѣ опредѣленіемъ внушенія, то должны будемъ, конечно, признать, что здѣсь рѣчь идетъ о незакономѣрномъ расширеніи этого понятія: заключеніе отъ большей величины къ большему вѣсу есть вполнѣ естественный актъ, вполнѣ соотвѣтствующій какъ нашему жизненному опыту, такъ и особенностямъ нашей психо-физіологической организаціи: слѣдовательно, здѣсь рѣчь можетъ идти только объ иллюзіи, а вовсе не о внушеніи.

Инстинкты.

Инстинктами принято обычно называть такія влеченія и способности человѣка и животныхъ, которыя, будучи, прирожденными и независимыми отъ воли, въ то же время отличаются извѣстной біологической цѣлесообразностью и приспособленностью къ внѣшнимъ условіямъ. Разсматривая вопросъ объ инстинктахъ непосредственно вслѣдъ за изложеніемъ психо-физіологіи волевого процесса, мы дѣлаемъ это не случайно: между обоими названными родами психическихъ проявленій существуетъ извѣстная близость. Правда, проявле-

нія инстинктовъ представляютъ изъ себя обычно сложный процессъ, въ составъ котораго входятъ и воспріятія, и чувства, и волевые элементы, но несомнѣнно, что преобладающую роль въ этомъ процессѣ играютъ всегда влеченіе и дѣйствіе. Всякій инстинктъ непремѣнно вызываетъ, въ концѣ концовъ, тѣ или иные поступки или, по крайней мѣрѣ, стремится ихъ вызвать.

Тѣмъ не менѣе, инстинктивныя дѣйствія имѣютъ свои характерныя особенности, отличающія ихъ отъ всякихъ другихъ дѣйствій. Остановимся подробнѣе на этихъ особенностяхъ, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, отношеніе инстинктовъ съ одной стороны къ рефлексамъ, а съ другой—къ произвольнымъ сознательнымъ актамъ. Отъ рефлексовъ инстинкты отличаются прежде всего своей сложностью. Вы помните, что рефлекторныя движенія обычно бываютъ довольно элементарны: уколъ—отдергиванье руки, яркій свѣтъ—закрываніе глазъ. Между тѣмъ инстинкты отличаются иногда довольно значительной сложностью. Когда кошка, увидѣвши бѣгущую мышь, ловитъ ее, затѣмъ начинаетъ играть, то отпуская, то снова настигая ее, и, въ концѣ концовъ, душитъ и съѣдаетъ ее, то здѣсь вы имѣете цѣлую сложную цѣпь воспріятій и двигательныхъ реакцій, изъ которыхъ каждое предыдущее звено вызываетъ послѣдующіе и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ звенья тѣсно связаны между собой, образуя одно общее цѣлое. Еще большей сложностью отличаются нѣкоторые другіе инстинкты, напр., половой, проявляющійся зачастую цѣлымъ рядомъ крайне сложныхъ реакцій.

Другое отличіе инстинктовъ отъ рефлексовъ заключается въ томъ, что въ инстинктахъ гораздо сильнѣе выраженъ эмоціональный элементъ. Когда человѣку падаетъ въ глаза внезапный яркій свѣтъ, онъ быстро закрываетъ глаза, даже не отдавая себѣ отчета, пріятно ли это ему или нѣтъ; то же самое бываетъ и при отдергиваніи руки отъ укола. Чувство неудовольствія въ этихъ случаяхъ, если и появляется, то уже потомъ, послѣ того, какъ реакція наступила. Между тѣмъ, въ инстинктахъ обыкновенно аффективный или эмоціональный факторъ выступаетъ очень ярко, играя суще-

ственную роль въ возникновеніи самой двигательной реакціи. Когда котенокъ видитъ приближающуюся собаку, то его поза, движенія, характерное фырканье— все это обнаруживаетъ аффектъ гнѣва, смѣшанный со страхомъ. Точно также и на людяхъ мы видимъ, что всякое инстинктивное влеченіе, будетъ ли это голодъ, жажда, половое влеченіе, стремленіе къ самосохраненію и т. п., если только оно достаточно интенсивно, сопровождается непремѣнно аффективной окраской, иногда достигающей чрезвычайной силы и напряженности.

Не менѣе существенными чертами отличаются инстинкты отъ сознательныхъ, произвольныхъ, актовъ. Иногда это отличіе видятъ въ томъ, что инстинкты являются менѣе сознательными, чѣмъ произвольные акты, и, съ другой стороны, болѣе сознательными, чѣмъ рефлексы. Это не совсѣмъ вѣрно. Сознательность не можетъ служить здѣсь характернымъ признакомъ, такъ какъ сознаваться могутъ самые различные двигательные акты, включая сюда и рефлексы: я могу совершенно отчетливо сознавать какъ уколъ, такъ и отдергиваніе руки. Характерно для рефлексовъ не то, сознаются они или не сознаются, а то, что они не подчинены волѣ. Путемъ сознательнаго волевого усилія я могу только до извѣстной степени воздѣйствовать на рефлексы, напр., въ смыслѣ ихъ задержки,—но возникновеніе ихъ происходитъ независимо отъ моего желанія. То же самое слѣдуетъ сказать и объ инстинктахъ. Они возникаютъ помимо моей воли и подчинаются ей лишь до извѣстной степени. Когда человѣкъ не ѣлъ нѣсколько дней и мучится голодомъ, то при видѣ пищи обыкновенно всякія задерживающіе импульсы, всякія побочныя соображенія временно отходятъ на второй планъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ утоленъ голодъ.

Кромѣ того, есть еще и другой характерный признакъ, отличающій инстинкты отъ волевыхъ актовъ. Вы помните, что въ сознательныхъ волевыхъ процессахъ, наряду съ волевымъ усиліемъ, всегда имѣлось на лицо также сознаніе цѣли даннаго поступка: безъ ясной, опредѣленной цѣли не можетъ быть сознательнаго волевого акта. Оттого-то такъ важно при воспитаніи воли

заботиться о томъ, чтобы одновременно съ этимъ вырабатывалось также и ясное, отчетливое сознаніе тѣхъ цѣлей или идеаловъ, на достиженіе и осуществленіе которыхъ должно быть направлено волевое усиліе; безъ этого воспитаніе воли не можетъ считаться законченнымъ.

Между тѣмъ инстинкты характеризуются какъ разъ тѣмъ, что конечная цѣль дѣйствія остается здѣсь внѣ поля яснаго сознанія: обыкновенно сознаются только ближайшія цѣли, находящіяся въ непосредственной связи съ тѣми побужденіями, которыя входятъ въ составъ даннаго инстинкта. Такъ, напр., несомнѣнно, что утоленіе голода и насыщеніе жажды не можетъ (по крайней мѣрѣ, у большинства людей) служить цѣлью само по себѣ, а является лишь средствомъ для поддержанія жизни и увеличенія работоспособности. А между тѣмъ, когда голодный человѣкъ видитъ пищу, онъ вовсе не думаетъ о томъ, для чего ему надо ѣсть: онъ просто чувствуетъ мучительный позывъ къ пищѣ и удовлетворяетъ его. Оттого то люди, руководящіеся только своими инстинктами, бываютъ часто крайне не предусмотрительны, дѣйствуя иногда прямо во вредъ себѣ. Достаточно вспомнить хотя бы тѣ вредныя послѣдствія, къ которымъ приводитъ иногда обжорство.

Нѣчто аналогичное мы находимъ и въ половомъ инстинктѣ. Всѣмъ хорошо извѣстно, что въ этихъ случаяхъ человѣкъ опять-таки очень рѣдко имѣетъ въ виду продолженіе рода, т. е. ту цѣль, которой этотъ инстинктъ служитъ. Напротивъ, на первый планъ выступаютъ здѣсь тѣ чувства, которыя соединены съ непосредственнымъ возбудителемъ этого инстинкта и которыя мы называемъ общимъ именемъ—влюбленность. Эти именно чувства и руководятъ поступками человѣка въ моментъ наивысшаго напряженія даннаго инстинкта. Не даромъ говорилось по этому поводу, что міровыя силы, руководящіе жизнью человѣка, совершаютъ, такъ сказать, подмѣнъ въ нашемъ сознаніи. Намъ кажется, будто мы свободно дѣйствуемъ для достиженія нашихъ собственныхъ, ближайшихъ цѣлей, диктуемыхъ намъ непосредственно инстинктами,—а на самомъ дѣлѣ эти

самые инстинкты служатъ другимъ, болѣе отдаленнымъ и болѣе общимъ цѣлямъ, зачастую не нашимъ собственнымъ, а цѣлямъ цѣлаго рода, человѣчества, общеміровымъ задачамъ и т. д. И мудрецы обыкновенно прибавляютъ, что, если человѣкъ сознаетъ эти конечныя цѣли и будетъ съ ними сообразоваться, то это доставитъ ему болѣе прочное счастье, нежели жизнь, управляемая инстинктами и страстями.

Изъ этого, однако, вовсе не слѣдуетъ, что мы должны, во имя высшихъ цѣлей, стараться заглушить, подавить въ себѣ инстинктивныя влеченія. Напротивъ, изъ всего того, что я говорилъ, слѣдуетъ, что инстинкты являются могучими факторами къ достиженію высшихъ болѣе отдаленныхъ цѣлей. Если бы не было инстинктовъ, мы были бы лишены той безсознательной основы, тѣхъ скрытыхъ импульсовъ, которые толкаютъ насъ на служеніе общеміровымъ задачамъ и не позволяютъ намъ оставаться холодными и безучастными. Поэтому не слѣдуетъ непремѣнно бороться съ инстинктами и стремиться во что бы то ни стало заглушить ихъ; надо лишь стараться, чтобы не было противорѣчій между ближайшими задачами и болѣе общими, отдаленными. Человѣкъ тѣмъ именно и отличается отъ животныхъ, что онъ способенъ сознать свои инстинкты и этимъ самымъ возвысить и облагородить ихъ; онъ способенъ понять, что его матеріальныя влеченія и чувственныя побужденія, оставаясь инстинктами, въ то же время заключаетъ въ себѣ и нѣкоторые элементы, направленные на достиженіе высшихъ, общечеловѣческихъ и міровыхъ цѣлей. Въ возвышеніи инстинктовъ и состоитъ одна изъ основныхъ задачъ всякой культуры.

Итакъ, инстинкты имѣютъ свое опредѣленное, и при томъ очень важное біологическое значеніе. Поступая согласно своимъ инстинктивнымъ влеченіямъ, человѣкъ или животное дѣйствуютъ цѣлесообразно, хотя бы они и сами не сознавали ясно тѣхъ конечныхъ задачъ, выполненію которыхъ служитъ данный инстинктъ. Съ этой точки зрѣнія инстинктъ можно опредѣлить, какъ цѣлесообразное дѣйствіе, лишенное

представленія о цѣли. Путемъ долгой эволюціи, передаваясь черезъ цѣлый рядъ поколѣній, инстинкты, наконецъ, получили опредѣленную, законченную форму, и въ настоящее время съ постоянной, почти механической правильностью служатъ тѣмъ задачамъ, которыя ставитъ человѣку и животному окружающая ихъ жизнью.

Эта механичность и постоянство инстинктивныхъ реакцій на внѣшнія воздѣйствія ведетъ къ тому, что инстинкты отличаются обычно крайней шаблонностью и однообразіемъ. Рыба бросается на всякую приманку, на всякаго червяка, хотя бы этотъ червякъ былъ насаженъ на удочку; насѣкомое и мотылекъ летитъ на всякій свѣтъ, хотя бы это былъ свѣтъ свѣчи, на которой ему подобныя только обожгли себѣ крылышки. Путемъ безконечнаго числа повтореній выработался извѣстный шаблонъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ цѣлесообразный, и этотъ шаблонъ уже не мѣняется ради немногочисленныхъ исключеній.

Въ этомъ состоитъ еще одно, и притомъ весьма существенное отличіе инстинктовъ отъ сознательныхъ произвольныхъ дѣйствій. Человѣкъ, у котораго эти послѣднія развиты, въ общемъ, гораздо болѣе чѣмъ у животныхъ, несравненно больше способенъ сообразоваться съ разнообразными и измѣнчивыми условіями окружающей дѣйствительности. Когда онъ, заблудившись ночью въ лѣсу, увидитъ огонекъ, то онъ не пойдетъ къ нему, подобно мотыльку, слѣпо и безповоротно; напротивъ, если окажется, что это болотный огонекъ, блуждающій надъ трясиной, или костеръ, вокругъ котораго расположилась шайка грабителей, то онъ предпочитаетъ лучше остаться въ темнотѣ, чѣмъ рисковать своей жизнью.

Инстинкты можно дѣлить, въ зависимости отъ природы ихъ возбудителей, на чувственные, предметные и и идейные. Чувственные инстинкты это тѣ, которые вызываются ощущеніями. Напр., когда человѣку холодно, онъ инстинктивно ищетъ, какъ бы согрѣться: закутывается, съеживается, старается укрыться въ теплое мѣсто и т. д. Предметными называютъ инстинкты, возбуждаемые болѣе сложными впечатлѣніями, воспрія-

тіемъ какого-нибудь предмета или явленія: кошка, преслѣдующая мышь, цыпленокъ, спасающійся отъ коршуна. Наконецъ, идейный инстинктъ это тотъ, при которомъ нѣтъ на лицо предмета или явленія, возбуждающаго инстинктъ, а есть только представленіе о немъ. Напр., человѣкъ знаетъ, что скоро приблизится ночь, и представленія о ночномъ страхѣ и холодѣ, о ночной опасности заставляетъ его уже заранѣе искать себѣ убѣжища; точно также нѣкоторыя животныя уже лѣтомъ и осенью, несмотря на то, что еще тепло, начинаютъ заготовлять себѣ на зиму берлогу и запасъ провизіи.

Надо сказать, однако, что сколько-нибудь точное разграниченіе между этими тремя родами инстинктовъ едва ли можно провести, такъ какъ тутъ возможенъ цѣлый рядъ переходовъ. Такъ въ послѣднемъ изъ приведенныхъ примѣровъ, въ сущности, очень трудно рѣшить, вызываются ли дѣйствія заготовленія провизіи и т. п. представленіемъ о наступающихъ холодахъ или просто всей совокупностью ощущеній и воспріятій даннаго момента.

Очень много споровъ возбуждалъ и продолжаетъ возбуждать и въ настоящее время вопросъ о прирожденности и измѣняемости инстинктовъ. Несомнѣнно, что огромное большинство инстинктовъ представляются врожденными, хотя очень многіе изъ нихъ проявляются далеко не тотчасъ послѣ рожденія. Такъ, напр., цѣлый рядъ двигательныхъ инстинктовъ: хватанье, лазанье, хожденіе и т. д.—обнаруживаются у человѣка лишь спустя извѣстное время послѣ рожденія, когда у него выработается нужная для проявленія этихъ инстинктовъ координація движеній. Точно также инстинкты любви и ненависти, самозащиты и самосохраненія сказываются во всей ихъ полнотѣ лишь позднѣе, когда успѣетъ сложиться, хотя бы въ зачаточныхъ чертахъ, представленіе о собственной личности, о своемъ „я“. Наконецъ, половой инстинктъ отчетливо обнаруживается въ нормальныхъ случаяхъ лишь въ возрастѣ около 12—14 лѣтъ отъ роду.

И вотъ тутъ-то является вопросъ: слѣдуетъ ли считать какъ эти, поздно проявляющіеся, такъ и всѣ вообще

инстинкты прирожденными во всей ихъ полнотѣ и деталяхъ, или же унаслѣдуются только общія предрасположенія, детальныя же проявленія складываются въ зависимости отъ опыта. Въ тѣсной связи съ этимъ стоитъ другой вопросъ: остаются ли инстинкты на всю жизнь въ томъ состояніи, въ какомъ они получены человѣкомъ или животными при рожденіи, или же жизненный опытъ можетъ вліять на нихъ и видоизмѣнять ихъ. Въ этомъ вопросѣ мнѣнія различныхъ психологовъ и біологовъ кореннымъ образомъ расходятся.

Одни признаютъ, что инстинкты остаются на всю жизнь въ томъ видѣ, въ какомъ они были получены при рожденіи. Сознательныя произвольныя воздѣйствія могутъ до извѣстной степени задерживать инстинкты, усложнять ихъ проявленія новыми, добавочными элементами, наконецъ извѣстнымъ образомъ регулировать и направлять ихъ, но измѣнить инстинктъ они не въ состояніи. Указываютъ на то, что случаи, въ которыхъ будто бы наблюдалось измѣненіе инстинктовъ, на самомъ дѣлѣ являлись лишь ихъ задержкой, маскировкой при наступленіи же подходящихъ условій, инстинктъ, несмотря ни на что, прорывается со всей своей первобытной мощью. Указываетъ на то, что часто люди, у которыхъ воспитаніе и культура, казалось бы, должны были значительно видоизмѣнить и облагородить ихъ инстинкты, въ извѣстныхъ случаяхъ превращаются въ настоящихъ животныхъ, всецѣло управляемыхъ инстинктомъ самосохраненія или половымъ инстинктомъ. Въ случаяхъ паники, массовой опасности, какъ это бываетъ при пожарахъ и другихъ общественныхъ катастрофахъ, люди часто озвѣрѣваютъ настолько, что теряютъ всякія человѣческія чувства, и инстинктъ самосохраненія всецѣло овладѣваетъ ихъ сознаніемъ. Правда, и въ этихъ случаяхъ бываютъ отдѣльныя лица, которыя, несмотря на грозящую имъ неминуемую гибель, продолжаютъ исполнять свой долгъ, но это уже героизмъ, встрѣчающійся далеко не такъ часто. Въ общемъ же инстинктъ всегда остается инстинктомъ, со всѣми его первобытными проявленіями.

Въ противоположность этому утвержденію, сторон-

ники другого взгляда приводятъ многочисленные случаи, когда инстинкты такъ или иначе измѣняются подъ вліяніемъ опыта и разсужденія. Чѣмъ выше живое существо стоитъ на эволюціонной лѣстницѣ, тѣмъ меньше въ немъ непосредственныхъ, первобытно-чистыхъ инстинктовъ, тѣмъ больше измѣняются эти послѣдніе въ зависимости отъ опыта. Интересно, что новорожденное животное является тѣмъ болѣе безпомощнымъ, чѣмъ выше оно стоитъ по своей организаціи. Новорожденные цыплята уже спустя нѣсколько часовъ послѣ появленія на свѣтъ бѣгаютъ, клюютъ зерна, вообще ведутъ себя почти совершенно такъ, какъ взрослыя птицы. Щенята и котята рождаются уже слѣпыми; они не держатся на своихъ лапкахъ, не могутъ ходить и вообще представляются довольно таки безпомощными существами. Но наибольшей безпомощностью отличается новорожденный человѣческій младенецъ: только спустя нѣсколько мѣсяцевъ онъ научается держать голову и сидѣть, только къ концу перваго года онъ начинаетъ ходить. Это обстоятельство, конечно, стоитъ въ связи съ той сложностью нервной организаціи, которой отличаются человѣкъ и высшія животныя; для того, чтобы вся эта сложная система развилась, окрѣпла и начала функціонировать, требуется гораздо болѣе продолжительное время, чѣмъ у животныхъ съ болѣе примитивной организаціей.

Эта большая сложность нервной организаціи и, въ связи съ этимъ, большая сложность душевной жизни у высшихъ животныхъ и человѣка ведетъ къ тому, что инстинктъ теряетъ здѣсь ту простоту и то шаблонное постоянство, какимъ отличается его дѣйствіе у низшихъ животныхъ. Человѣкъ гораздо больше помнитъ, предвидитъ и соображаетъ, чѣмъ животное; вотъ почему его инстинкты уже не могутъ быть столь неизмѣнными, какъ у животныхъ, а постоянно, и притомъ сознательно приспособляются и видоизмѣняются въ зависимости отъ жизненныхъ условій. Однако, вліяніе среды замѣтно отражается, повидимому, также и на инстинктахъ животныхъ. Вотъ одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ этого. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Америки существуютъ

обширныя пастбища, на которыхъ пасутся стада полудикихъ коровъ. Если взять теленка отъ такой коровы сразу послѣ рожденія, то его сравнительно легко удается приручить; но если теленокъ нѣсколько часовъ послѣ рожденія успѣлъ провести на свободѣ, то сдѣлать его домашнимъ животнымъ уже почти невозможно. Это наблюденіе ясно показываетъ, какое огромное значеніе имѣетъ обстановка первыхъ дней, даже первыхъ часовъ жизни на весь ходъ дальнѣйшаго развитія. Именно поэтому такъ трудно бываетъ зачастую рѣшить вопросъ, имѣемъ ли мы дѣло съ прирожденнымъ или пріобрѣтеннымъ проявленіемъ. И въ настоящее время, несмотря на то, что ученіе объ измѣняемости инстинктовъ имѣетъ, повидимому, за себя больше доводовъ, все-таки слѣдуетъ признать, что окончательное рѣшеніе вопроса принадлежитъ еще будущему.

Сонъ и сновидѣніе.

Состояніе сна и сопровождающія его сновидѣнія представляютъ такъ много своеобразныхъ особенностей по сравненію съ нашей душевной жизнью въ бодрственномъ состояніи, что необходимо остановиться на нихъ нѣсколько подробнѣе. Уже съ физіологической стороны мы имѣемъ здѣсь цѣлый рядъ характерныхъ отличій: полная или почти полная неподвижность во время сна, общее пониженіе жизненныхъ процессовъ, сказывающееся въ замедленіи дыханія и кровообращенія, уменьшеніи притока крови къ мозгу (какъ это установлено позднѣйшими изслѣдованіями), наконецъ уменьшеніи общаго обмѣна веществъ, — все это указываетъ на то, что во снѣ процессы окисленія и распада въ организмѣ значительно понижаются, и начинаютъ, наоборотъ, преобладать процессы возстановленія. Благодаря этому и происходитъ то обстоятельство, что продолжительный и глубокій сонъ освѣжаетъ человѣка, возстановляетъ его силы и повышаетъ его жизнедѣятельность.

Въ связи съ этими физіологическими особенностями сна стоятъ и его психическія особенности. Эти послѣд-

нія со временъ глубочайшей древности привлекали къ себѣ вниманіе человѣчества, и для объясненія ихъ строились самыя разнообразныя теоріи. И въ настоящее время психологи то и дѣло продолжаютъ возвращаться къ этой непонятной и загадочной области. Достаточно указать хотя бы на недавнія работы Фрейда и его послѣдователей, привлекшія къ себѣ всеобщее вниманіе и широко пользующіяся для объясненія сновидѣній теоріей безсознательнаго.

Одно время, въ связи съ теоріей Ломброзо, пытались объяснять сновидѣнія атавизмомъ, видя въ нихъ своеобразное воскрешеніе психики первобытнаго человѣка. И дѣйствительно, есть извѣстныя черты, сближающія между собой оба названныя состоянія. Въ сновидѣніяхъ человѣкъ, подобно дикарю или ребенку, мыслитъ преимущественно конкретными образами; самыя отвлеченныя идеи представляются ему въ этомъ состояніи обыкновенно въ видѣ образовъ. Въ то же время сны, большею частью, отличаются нелогичностью и безсвязностью. Во снѣ наше мышленіе принимаетъ зачастую крайне поверхностный характеръ. Опытъ нашъ какъ бы суживается, мы становимся легковѣрными, критическая способность ослабѣваетъ, и мы безъ всякаго удивленія созерцаемъ такія вещи, которымъ ни за что бы не повѣрили въ бодрственномъ состояніи; всякія чудеса во снѣ осуществляются совершенно свободно, принимаясь нами какъ нѣчто само собою разумѣющееся. Наконецъ, различнаго рода инстинкты и чувственныя влеченія во снѣ пробуждаются нерѣдко съ гораздо большей силой, чѣмъ въ бодрственномъ состояніи. Во снѣ человѣкъ дѣлается иногда крайне кровожаднымъ: случается, что совершенно мирный, чуждающійся всякаго насилія человѣкъ, проснувшись, съ удивленіемъ вспоминаетъ, какъ онъ во снѣ за одно только оскорбительное слово выстрѣлилъ въ своего противника изъ револьвера, отрубилъ ему голову мечемъ и безъ всякаго сожалѣнія наступилъ ногою на бездыханный трупъ. Чувственныя влеченія (напр., половыя) также пробуждаются нерѣдко во снѣ съ очень значительной силой.

Всѣ эти обстоятельства какъ бы дѣйствительно указываютъ на то, что во снѣ въ человѣкѣ пробуждается дикарь, съ его несдержанными инстинктами, съ его первобытнымъ мышленіемъ, бѣдностью опыта и отсутствіемъ критическаго отношенія къ окружающей дѣйствительности. Тѣмъ не менѣе теорія эта все-таки имѣетъ противъ себя слишкомъ существенныя возраженія для того, чтобы быть принятой. Нарушеніе мыслительной дѣятельности во снѣ носитъ зачастую слишкомъ рѣзкій, иногда каррикатурный характеръ. Нерѣдко во снѣ мы довѣряемъ такимъ нелѣпостямъ, которымъ никакой дикарь, никакой ребенокъ не могъ бы повѣрить, и тутъ же, рядомъ съ этимъ, возникаютъ представленія изъ нашей современной жизни, являющіяся результатомъ нашего культурнаго опыта. Мы видимъ себя летающими на аэропланахъ и ѣдущими по желѣзной дорогѣ, ученые думаютъ о своихъ научныхъ опытахъ, работахъ и открытіяхъ, — и въ то же время безъ всякаго удивленія допускаются такіе поступки, которые явно не соотвѣтствуютъ всему нашему жизненному опыту: напр. летаніе по воздуху безъ помощи какихъ-либо приспособленій, моментальное превращеніе одного человѣка въ другого и т. д. Это соображеніе, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, заставляетъ насъ склониться въ пользу другой теоріи, гораздо болѣе правдоподобной.

Уже то обстоятельство, что физіологически состояніе сна связано съ общимъ пониженіемъ жизненныхъ отправленій, заставляетъ насъ думать, что это пониженіе должно коснуться также и процессовъ, совершающихся въ корѣ головного мозга. И дѣйствительно, цѣлый рядъ данныхъ свидѣтельствуетъ о пониженіи этихъ корковыхъ процессовъ во время сна. Наблюденія показываютъ, что рефлексы у спящаго человѣка нѣсколько повышены, а между тѣмъ повышеніе рефлексовъ обычно сопровождаетъ собой ослабленіе задерживающей дѣятельности высшихъ корковыхъ центровъ. Далѣе, произвольная иннервація во снѣ уменьшается. Вѣроятно, многимъ изъ васъ приходилось испытывать во снѣ мучительное чувство, когда вы видите, что за

вами гонятся, васъ настигаютъ; вы изо всѣхъ силъ стараетесь бѣжать и съ ужасомъ замѣчаете, что не можете двинуть ни однимъ членомъ; хотите кричать, а вмѣсто этого у васъ вырывается подавленный стонъ или слабый крикъ. Даже во время пробужденія бываютъ моменты, когда человѣкъ уже проснулся, сознаетъ окружающее, иногда даже успѣлъ открыть глаза и видитъ то, что находится передъ нимъ,—и въ то же время, однако, не можетъ двинуть ни однимъ членомъ: произвольная двигательная иннервація у него еще не вполнѣ возстановилась.

Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что корковые мозговые процессы во снѣ представляются ослабленными. А мы знаемъ, что именно кора головного мозга является той частью нашего организма, дѣятельность которой наиболѣе тѣсно связана съ высшими, наиболѣе сознательными психическими проявленіями: отсюда пониженіе сознательной дѣятельности во время сна. И дѣйствительно, сонъ, если онъ достаточно глубокъ, сопровождается обыкновенно полнымъ прекращеніемъ сознанія; въ противномъ случаѣ возникаютъ сновидѣнія, которыя своей отрывочностью и безсвязностью свидѣтельствуютъ о нарушеніи одного изъ характернѣйшихъ признаковъ сознанія, именно — единства. Теряется связь какъ между отдѣльными сновидѣніями, такъ и между снами и бодрственнымъ состояніемъ; этимъ обусловливается то обстоятельство, что сновидѣнія такъ часто и легко забываются нами. Далѣе, тѣ колоссальныя логическія ошибки и скачки, которыя мы сплошь и рядомъ совершаемъ въ сновидѣніяхъ, также указываютъ на ослабленіе высшихъ, регулирующихъ и направляющихъ психическихъ функцій. Гуляя во снѣ въ лѣсу, я вдругъ замѣчаю, что это уже гуляю не я, а какой-то другой человѣкъ, сознаніе котораго какимъ-то страннымъ образомъ связано съ моимъ сознаніемъ. Затѣмъ внезапно оказывается, что это уже не лѣсъ, а гостинная въ квартирѣ моихъ знакомыхъ. И эти странныя безпричинныя перемѣны нисколько не удивляютъ меня. Ассоціативная дѣятельность въ данномъ случаѣ всецѣло овладѣваетъ нашей психикой, и

то, что обыкновенно ее регулируетъ, именно высшія мыслительныя функціи (направляющія понятія, сужденія, умозаключенія) представляются нарушенными. Этимъ же объясняется и то отсутствіе критическаго отношенія къ сновидѣніямъ, о которомъ я говорилъ выше. Точно также повышеніе аффектовъ, инстинктивныхъ влеченій и чувственныхъ побужденій во снѣ также можетъ быть объяснено съ этой точки зрѣнія ослабленіемъ дѣятельности высшихъ регулирующихъ функцій. Тамъ, гдѣ воля сознательная и планомѣрная ослаблена, тамъ инстинкты выступаютъ на первый планъ. Наконецъ, въ связи съ ослабленіемъ высшихъ функцій стоитъ также наблюдающееся во снѣ преобладаніе наглядныхъ, конкретныхъ образовъ надъ абстрактнымъ мышленіемъ (такъ какъ это послѣднее требуетъ значительно большаго напряженія), а также то суженіе круга представленій и ослабленіе апперцепціи, о которомъ я говорилъ выше.

Такимъ образомъ, всѣ характерныя черты сновидѣній—ихъ безсвязность и отрывочность, ихъ нелѣпость и фантастичность, наконецъ, трудность возстановленія ихъ въ памяти достаточно объясняются наступающимъ во время сна общимъ нарушеніемъ сознательной дѣятельности и, въ частности, ослабленіемъ направляющихъ и регулирующихъ факторовъ сознанія. Что же касается поводовъ, дающихъ толчокъ къ возникновенію сновидѣнія, то таковыми очень часто являются различныя внѣшнія раздраженія, смутно воспринимаемыя сннымъ сознаніемъ и получающія оцѣнку, совершенно несоотвѣтствующую ихъ интенсивности и значенію; такъ, ощущеніе легкаго холода отъ спустившагося со спины одѣяла вызываетъ во снѣ представленіе о зимней стужѣ и о купаньѣ въ проруби, стукъ отъ захлопнувшагося окна кажется грохотомъ землетрясенія, вызывая немедленно и соотвѣтствующіе зрительные образы, и т. д. Поставленные въ этомъ направленіи эксперименты ясно показали, какую важную роль въ возникновеніи нашихъ сновъ играютъ эти случайныя чувственныя раздраженія.

Надо сказать, однако, что только что изложенная теорія сновидѣній, очень распространенная и имѣющая

за себя много данныхъ, встрѣтила въ послѣднее время рѣшительную оппозицію со стороны вѣнскаго психіатра проф. Фрейда и его школы. Фрейдъ примѣнилъ къ изслѣдованію сновидѣній методъ, который онъ назвалъ психоанализомъ и который еще раньше оказалъ ему значительныя услуги при изученіи различныхъ навязчивыхъ состояній и нѣкоторыхъ другихъ болѣзненныхъ симптомовъ. Методъ этотъ состоитъ въ томъ, что изслѣдуемый субъектъ приглашается сосредоточить все свое вниманіе на бывшемъ у него сновидѣніи, но не размышлять о немъ, а лишь замѣчать и тотчасъ сообщать изслѣдователю всѣ возникающія при этомъ мысли, хотя бы онѣ и казались маловажными и не идущими къ дѣлу; затѣмъ всѣ высказанныя мысли и замѣчанія сопоставляются съ содержаніемъ сна и служатъ для его истолкованія.

При помощи такой методики Фрейдъ произвелъ цѣлый рядъ наблюденій и самонаблюденій, приведшихъ его въ концѣ концовъ, къ совершенно новой, подробно разработанной и въ высшей степени своеобразной теоріи сновидѣній. Въ противоположность изложенному выше мнѣнію, Фрейдъ утверждаетъ, что всякое сновидѣніе отнюдь не является случайной, безцѣльной игрой сонной фантазіи, а напротивъ, есть результатъ сложной душевной работы, совершающейся, правда, за предѣлами нашего сознанія, но отъ этого нисколько не теряющей въ своей планомѣрности и цѣлесообразности. Всякое сновидѣніе представляетъ собой исполненіе во снѣ какихъ-либо скрытыхъ, интимныхъ желаній, въ которыхъ человѣкъ на-яву и самъ себѣ не рѣшается признаться. Въ дѣтскомъ возрастѣ какъ желаніе, такъ и ихъ исполненіе во снѣ гораздо проще, и поэтому истолкованіе дѣтскихъ сновъ гораздо легче. У взрослыхъ же на порогѣ сознанія стоитъ своего рода цензура—различнаго рода моральныя и другія соображенія, не пропускающія въ сознаніе скрытыхъ желаній; во снѣ эта цензура нѣсколько ослабѣваетъ, и запретныя мысли проникаютъ въ сознаніе,—но только въ измѣненномъ до неузнаваемости видѣ. Такимъ образомъ всякому „явному содержанію“ сновидѣнія, обычно краткому и за-

гадочному, соотвѣтствуетъ гораздо болѣе обширное „скрытое содержаніе“, которое можетъ быть раскрыто только путемъ психоанализа. Для замаскированія истиннаго смысла сновидѣнія наша безсознательная дѣятельность пользуется цѣлымъ рядомъ пріемовъ, иногда довольно неожиданныхъ: сгущеніемъ или концентраціей, т. е., совмѣщеніемъ нѣсколькихъ мыслей въ одинъ общій образъ; перемѣщеніемъ или замѣной однихъ представленій другими,—сходными, но совершенно не относящимися къ дѣлу; драмотизаціей, т. е., превращеніемъ различныхъ соотношеній и отвлеченныхъ мыслей въ яркіе, конкретные образы и т. д.

Теорія Фрейда, тѣсно связанная съ его общими воззрѣніями на природу безсознательнаго, нашла себѣ какъ горячихъ приверженцевъ, такъ и ожесточенныхъ противниковъ: указывали, между прочимъ, на произвольность многихъ построеній Фрейда, на поспѣшность выводовъ, на несовершенство самого метода, допускающаго въ широкихъ размѣрахъ внушеніе и самовнушеніе, и т. д. Во всякомъ случаѣ, какъ разработка, такъ и обсужденіе вопросовъ, связанныхъ съ этой теоріей, еще далеко не могутъ считаться законченными, такъ что окончательная оцѣнка ея принадлежитъ будущему.

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.